

БАБЕНКО Л. И.

ПЕСОЧИНСКИЙ
КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК
СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

Харьковский частный музей городской усадьбы

БАБЕНКО Л. И.

**ПЕСОЧИНСКИЙ
КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК
СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ**

Издательский Дом «Райдер»

Харьков — 2005

ББК 63.4

Б12

ISBN 966-8246-21-7

Л. И. Бабенко.

Б12 Песочинский курганный могильник скифского времени:

Монография. — Харьков: ИД Райдер, 2005. — 284 с.

Рецензенты: кандидат исторических наук С. С. Бессонова
кандидат исторических наук Ю. В. Буйнов
кандидат исторических наук И. В. Шрамко

Научный редактор: доктор исторических наук С. А. Скорый

<i>Редактор</i>	А. Ф. Парамонов
<i>Корректор</i>	А. В. Писаренко
<i>Компьютерная верстка</i>	К. С. Касвинов
<i>Дизайн обложки</i>	С. А. Цеков
<i>Фотографы</i>	К. Е. Ракитянский Н. В. Огурцова

Автор благодарит за помощь в издании:

Учредителя партии «Русский Блок» Сергея Николаевича Коновалова
Генерал-есаула Вольного козачества Украины Виталия Сергеевича Лошкарева

Монография посвящена публикации материалов курганного могильника V-IV вв. до н. э., расположенного у поселка Песочин близ Харькова — одного из немногих сравнительно полно раскопанных памятников скифской эпохи северскодонецкого локального варианта.

Работа содержит детальный анализ погребального обряда и вещевого комплекса могильника. Рассматриваются вопросы хронологии памятника, социальной принадлежности погребенных, а также определяется место Песочинского могильника в кругу древностей скифской эпохи бассейна Северского Донца.

Для археологов, историков, музейных работников, краеведов, преподавателей и студентов исторических факультетов вузов, а также всех, кто интересуется далеким прошлым нашей Родины.

© Бабенко Л. И., 2005 г.

ISBN 966-8246-21-7

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава I. Топография и планировка могильника, описание курганов	11
Глава II. Погребальные сооружения и обряд	36
Глава III. Инвентарь захоронений	69
Глава IV. Хронология	159
Глава V. Социальная характеристика могильника	172
Глава VI. Место Песочинского некрополя в кругу памятников скифской эпохи бассейна Северского Донца	184
Заключение	205
Литература	209
Список сокращений	233

Приложения:

A. Иллюстрации	234
B. Социальная дифференциация погребенных в Песочинском могильнике	277
B. Результаты пробирного анализа предметов из драгоценных металлов	279
Г. Результаты спектрального анализа бронзовых изделий	282

ВВЕДЕНИЕ

Северскодонецкий локальный вариант долгое время оставался одним из наименее изученных территориально-культурных образований Лесостепной Скифии. После выхода в начале 60-х гг. прошлого века нескольких специальных исследований [Шрамко, 1962а; Либеров, 1962], интерес археологов к памятникам этого региона заметно ослаб. Тем не менее, во всех академических трудах, посвященных скифской археологии, присутствует характеристика памятников северскодонецкого региона как самостоятельного культурного образования [Археологія Української РСР, 1971, с. 116-119; Археологія Української ССР, 1986, с. 123-127; Археологія СССР. Степи..., 1989, с. 76, 77]. В качестве одной из составляющих историко-культурной общности лесостепных племен Днепро-Донского междуречья рассматривала северскодонецкие памятники А. А. Моруженко [Моруженко, 1989], поэтому «гипотетичность» [Гаврилюк, 2000, с. II] этого локального варианта представляется несколько преувеличенной характеристикой.

Между тем, с 90-х гг., на фоне «все более заметного ... интереса исследователей к проблематике ... Лесостепной Скифии» [Медведев, 2004, с. 6], северскодонецкие памятники вновь привлекают более пристальное внимание скифологов, выразившееся, с одной стороны — в активизации полевой деятельности, связанной, прежде всего, с раскопками курганных могильников, с другой стороны — в развертывании работ по обработке и введению в научный оборот материалов, полученных в предыдущие годы. Результатом подобной работы явился выход 2 монографических исследований [Люботинское городище, 1998; Бандуровский, Буйнов, 2000], а также значительного количества статей по разнообразным проблемам истории и культуры северскодонецких племен скифского времени, что позволило не только откорректировать отдельные культурные характеристики данного региона, но и пересмотреть его место в кругу древностей скифской эпохи в целом.

Особое место в источниковой базе древностей северскодонецкого региона по праву должно принадлежать материалам Песочинского курганного

могильника — одного из немногих сравнительно полно раскопанных погребальных памятников.

Курганный могильник скифского времени у поселка Песочин Харьковского района Харьковской области был расположен на правом берегу пересыхающей реки Лучки (правый приток реки Уды), у южной окраины поселка. Несмотря на непосредственную близость к Харькову, он не был отмечен ни на археологической карте региона, составленной в начале XX века Д. И. Багалеем [Багалей, 1905, с. 1-92], ни в более поздних изданиях [Археологічні пам'ятки Української РСР, 1966]. В записке И. Леваковского Ю. И. Морозову, датированной 1879 г. и опубликованной четверть века спустя в материалах XIII археологического съезда, содержится упоминание о «значительной высоты курганах, находящихся в лесу, на возвышенной правой окраине реки Уды, выше кладбища села Песочин, в 11 верстах от Харькова» [Морозов, 1905, с. 581, 582]. Вероятно, эти же курганы были отмечены при описании достопримечательностей Харьковской губернии профессором В. И. Талиевым, указавшим, что возле Песочина «...в лесу находится огромный курган «Гостра могила» и ряд меньших; многие из них покрыты старыми толстыми деревьями» [Природа и населения..., 1918, с. 309]. Однако установить, имеют ли эти курганы какое-либо отношение к публикуемому могильнику, не представляется возможным.

На карте памятников скифского времени северскодонецкого региона, составленной Б. А. Шрамко, было отмечено селище (№ 32) у пос. Песочин, с оговоркой в примечании о том, что возле указанных на карте поселений находились еще нераскопанные курганные могильники [Шрамко, 1962б, с. 136, рис. 1].

Впервые информация о курганах возле пос. Песочин в печатном издании была опубликована в «Справочнике по археологии Украины. Харьковская область», где, со ссылкой на Схемы планов землепользователей, были отмечены 15 курганов «на южной окраине поселка» [Шрамко, Михеев, Грубник-Буйнова, 1977, с. 129].

За несколько лет до выхода справочника, весной 1973 года, могильник был осмотрен заведующим отделом археологии Харьковского исторического музея В. Г. Бородулиным. В ходе осмотра было выявлено, что многие курганы могильника постепенно разрушаются в результате разнообразной

хозяйственной деятельности, вследствие чего было принято решение о проведении охранных раскопок памятника.

В 1978 г. к раскопкам могильника приступила экспедиция Харьковского исторического музея под руководством В. Г. Бородулина. Исследования продолжались в течение трех лет, в результате чего было раскопано 35 курганов — в 1978 г. — 9, в 1979 г. — 21 и в 1980 г. — 5. По мере исследования курганы получили номера с 1 по 36 (самый большой в могильнике курган — Хомякова могила, получивший предварительно № 13, не был раскопан из-за технических трудностей — в насыпи кургана был сооружен водонапорный бак).

Однако после полевого сезона 1980 г. раскопки могильника были приостановлены Полевым комитетом Института археологии АН УССР. Поводом для подобных действий послужили нарушения методики раскопок при исследовании курганов, факт которых был зафиксирован Актом о проверке раскопок [Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 5]. Среди прочих претензий, выдвинутых начальнику экспедиции В. Г. Бородулину, большое значение отводилось зафиксированным случаям исследования курганов с использованием приемов, не соответствующих требованиям современной методики раскопок, а именно — посредством закладки в центре кургана большого шурфаклодца, с последующим выходом на могильное пятно, в результате чего насыпь кургана оставалась неполностью исследованной.

Действительно, подобные факты соответствовали действительности, однако каждый конкретный случай имел различную мотивацию. Так, если исследование вручную насыпи кургана № 32 (высота 0,8 м) было вызвано длительным отсутствием землеройной техники, и, соответственно, может объясняться нетерпением членов экспедиции, что едва ли следует считать оправданным, то ситуация, сложившаяся при раскопках кургана № 33, иная. Этот курган находился на территории частной усадьбы. На его вершине были сооружены флигель с погребом и теплицы, поэтому о применении при раскопках землеройной техники не могло быть речи. При этом необходимо учесть, что результаты работы экспедиции двух предыдущих сезонов очень широко освещались в материалах центральной, республиканской и местной прессы, в которой основное внимание акцентировалось на разнообразии и количестве найденных вещей из драгоценных металлов. Невольно возникший ажиотаж требовал как можно скорейшего завершения

работ на могильнике, ибо курган, не подвергшийся оперативным раскопкам, мог стать объектом интереса со стороны местных «старателей», навсегда исчезнув, как это нередко случается, с научного информационного поля. В этом случае решение произвести раскопки кургана следует признать своевременным и оправданным.

Больше нареканий можно высказать по поводу качества оформления полевой документации и научного отчета. Практически все полевые чертежи курганов и погребений сделаны поверхностно. На многих планах не отмечены те или иные детали устройства насыпей и погребальных сооружений, местоположение некоторых предметов погребального инвентаря. Вместо чертежей профилей бровок присутствует план абстрактного поперечного разреза кургана в меридиональном, а часто, одновременно, и в широтном направлении (получить план этих перпендикулярных разрезов при условии сноса насыпи сквозными параллельными траншеями просто невозможно), проходящими через условный репер.

В отдельных случаях (прежде всего, это касается общего плана могильника) не совпадают расстояния на плане с данными, содержащимися в тексте дневника и отчета. Имеются случаи расхождения по количеству и расположению столбовых ямок на фотографиях и в описательной части отчета с одной стороны, и на чертежах — с другой, однако подобные примеры носят все же единичный, а не массовый характер.

Естественно, возникает справедливый вопрос о целесообразности публикации материалов Песочинского могильника. Несмотря на отмеченные недостатки, которые послужили причиной безвозвратной потери значительной доли научной информации, вопрос о доверии к материалам Песочинского могильника, достоверности его как археологического источника, наконец, его праве на введение в полноценный научный оборот, все же должен быть решен положительно. В защиту подобного решения можно привести следующие соображения.

Научная информация, которую содержат материалы Песочинского могильника, в сравнении с очень многими дореволюционными раскопками, составившими в значительной степени основу источниковой базы современного скифоведения, отличается гораздо большей полнотой. Во время раскопок указанного памятника были произведены необходимые замеры параметров насыпей и погребальных сооружений, отмечены особенности

их устройства, зафиксированы ориентировки могил и погребенных, их местоположение, состав и многое другое. Причем все эти сведения задокументированы в текстовом описании, на чертежах и в фотоматериалах, которые, в подавляющем большинстве случаев, не противоречат друг другу. Наконец, сохранились комплексы погребального инвентаря, которые даже в отсутствие более подробных данных о погребальном обряде, могут представлять самостоятельный объект изучения.

Решающее значение в вопросе о целесообразности публикации материалов Песочинского могильника принадлежит тому факту, что сейчас с полным основанием можно утверждать, что без их использования наши представления о культуре населения северскодонецкого региона в скифское время, его политической истории, социальной структуре, этнокультурных связях будут не только неполными, а и в значительной степени искаженными.

Длительное время материалы этого памятника в научном обороте практически отсутствовали. В. Г. Бородулин помимо двух кратких информационных сообщений о результатах раскопок [Бородулин, 1979а; 1980а] и многочисленных публикаций в средствах массовой информации, посвятил могильнику небольшой раздел (около 15 страниц) в туристическом путеводителе по Харьковщине [Бородулин, Лурье, Сапна, 1988]. В научной литературе ссылки на песочинский материал носили эпизодический характер. Так, Т. В. Мирошина указала на находку в кургане № 8/1 скифской тиары, отметив в ее составе полоски с подвесками, метопиду, пластины с менадами, сфинксами с двойным туловищем и со всадниками (не были упомянуты только пластины со «змееногой» богиней) [Мирошина, 1981, с. 68]. А. В. Щегленко в характеристике погребального обряда лесостепных племен днепро-донского междуречья в VII-III вв. до н. э. отметил находку в насыпе одного из песочинских курганов каменного жертвенника, свидетельствующего о проведении ритуальных действий во время совершения погребальных тризн, а также открытие вблизи Песочинского могильника нескольких зольников, которые, по мнению автора, были связаны с погребальным культом или поминанием покойников [Щегленко, 1983, с. 116, 117]. Как следствие, в обобщающих академических трудах о Скифии [Археология Украинской ССР, 1986, т. 2; Археология СССР. Степи ..., 1989] какая-либо информация о нем, даже на уровне учета при картографировании памятников региона, отсутствует.

Ссылки на материалы Песочинского могильника в более поздних работах носили такой же эпизодический характер [Бессонова, 1993, с. 5; Болтрик, Фіалко, 1999, с. 29; Фіалко, 2000, с. 134; 2003, с. 124, 130; Фіалко, Болтрик, 2000, с. 292].

Значительное место материалам могильника отведено в монографии А. В. Бандуровского и Ю. В. Буйнова, посвященной курганам скифского времени Харьковской области [Бандуровский, Буйнов, 2000]. Отметив особую ценность данного памятника, авторы неоднократно использовали его материалы для характеристики погребальных сооружений, обряда и инвентаря курганов северскодонецкой группы. Однако главное внимание они сосредоточили все же на материалах собственных раскопок (Люботин, Старый Мерчик, Малая Рогозянка и другие), осуществив полную их публикацию. Песочинские материалы представлены гораздо скромнее — полностью отсутствуют планы курганов и погребений могильника, из инвентаря полнее всего опубликована посуда, частично — пластинчатая аппликация и предметы конского снаряжения, остальные категории представлены единичными экземплярами.

С середины 90-х годов, получив от В. Г. Бородулина любезное разрешение на публикацию материалов Песочинского могильника, я приступил к их обработке. Мной были опубликованы работы, посвященные анализу погребальных сооружений и обряда [Бабенко, 1997а; 1997б; 1999а; 2000а; 2000б; 2003а], отдельных категорий погребального инвентаря [Бабенко, 1998а; 1999б; 1999в; 2002а; 2004а; 2004б; 2004в], хронологии [Бабенко, 2004д], политической, социальной и этнокультурной интерпретации [Бабенко, 2001; 2003б; 2004г]. Тем не менее, они все же не дают целостного представления о памятнике. Подобная задача под силу только полноценной публикации материалов Песочинского могильника, которая позволила бы всесторонне охарактеризовать этот неординарный памятник. Помимо полной публикации погребальных комплексов, была предпринята попытка дать развернутую характеристику памятника, что и предопределило структуру самой работы.

При подготовке материалов к публикации, помимо научных отчетов [Бородулин, 1978; 1979б; 1980б], привлекалась полевая и архивная документация (дневники, чертежи, полевые описи и коллекционные списки, фотографии и негативы фотоленок). При подготовке иллюстраций погребального

инвентаря были использованы непосредственно находки, хранящиеся в фондах Харьковского исторического музея, в которых материалы Песочинского могильника представлены тремя коллекциями — Арх. 122/1-726, Арх. 126/1-310, Арх. 129/1-265. Изделия из драгоценных металлов учтены по особой форме (ЛБЗ, ЛВЗ, ЛБС) и находятся в спецхранилище музея.

* * *

Считаю своим долгом выразить признательность всем, чье дружеское участие способствовало появлению этой монографии, и персонально — моему учителю с университетской скамьи Ю. В. Буйнову за многолетнюю поддержку во время работы, коллегам из отдела археологии исторического музея В. С. Аксенову и И. А. Снежку за создание творческой атмосферы в коллективе, оперативные советы и помощь в создании некоторых иллюстраций, а также харьковским археологам — С. И. Берестневу, Л. П. Грубник-Буйновой, В. К. Михееву, Б. А. Шрамко, И. Б. Шрамко, С. А. Задникову, Д. С. Гречко, скифологам Института археологии НАНУ — С. А. Скорому, любезно взявшего на себя нелегкий труд научного редактирования рукописи, С. С. Бессоновой, Ю. В. Болтрику, С. В. Полину, Е. Е. Фиалко, Е. В. Черненко, сотруднику Института археологии РАН С. Б. Вальчаку, чьи доброжелательные замечания, пожелания и советы способствовали несомненному улучшению этой работы.

Отдельные слова благодарности В. Г. Бородулину и всем членам его экспедиции, усилиями которых в течении 3 полевых сезонов исследовался этот памятник, а также сотрудникам исторического музея — главному хранителю А. В. Легейде, К. И. Бакуменко, А. П. Голенищевой, Н. В. Огурцовой, К. Е. Ракитянскому, Ю. Е. Титинюку, О. Н. Сошникову, заместителю директора по науке О. Д. Ивах и директору В. А. Цигулеву, оказывавших помощь на разных этапах работы.

Искренняя признательность директору Музея городской усадьбы А. Ф. Парамонову, благодаря вниманию и усилиям которого стала возможной публикация этой монографии.

Особая благодарность за терпение и любовь моим родителям — Ивану Андреевичу и Валентине Кузьминичне и моей семье — жене Юле и сыну Косте, чью поддержку, понимание и теплоту я ощущал на протяжении всего этого времени.

Глава I.

ТОПОГРАФИЯ И ПЛАНИРОВКА МОГИЛЬНИКА, ОПИСАНИЕ КУРГАНОВ

Топография и планировка могильника

Могильник располагался на правом берегу пересыхающей реки Лучки (правый приток реки Уды), у южной окраины поселка Песочин, примыкающего к Харькову с юго-западной стороны (самый большой курган могильника — Хомякова Могила, расположен в 0,5 км к югу от железнодорожной станции «Песочин»). В непосредственной близости от Песочинского некрополя находятся следующие могильники скифского времени: в восточном направлении, в 12-18 км — комплекс Люботинских могильников, в 18-25 км — старомерчанские; в северо-восточном направлении, в 4 км — Коротичанский, в 15-20 км — Протопоповский могильник и Пересечанский комплекс, в 25 км — Малорогозянский могильник; в юго-западном, в 15-25 км — могильники Быстрое, Огульцы, Черемушная, Одырка, Паньковка; в 12 км к северу — Дергачевский могильник; в 6 км к юго-востоку — могильник у Липовой Рощи; около 20 км к югу — Островежский могильник (рис. 1).

С характеристикой особенностей планировки курганов Песочинского могильника возникают некоторые трудности следующего плана. Ни до начала работ на памятнике, ни во время раскопок не была проведена инструментальная съемка расположения курганов. Сохранившийся в полевой документации наиболее подробный план могильника составлен на основе глазомерной съемки и отличается рядом погрешностей (рис. 2, 1).

Прежде всего, на этом плане отсутствует масштаб. Попытка его определения путем сопоставления расстояний между некоторыми курганами на плане и метрическими данными, которые содержатся в тексте дневников и отчетов, оказалась безуспешной: в зависимости от выбранной пары курганов размер масштаба меняется в сторону увеличения или уменьшения в несколько раз. В ряде случаев взаимное расположение курганов на плане не соответствует данным, приведенным в отчете.

Вследствие столь небрежного составления плана могильника, были допущены и другие погрешности. По словестному описанию могильник

состоял из двух компактных, территориально обособленных курганных групп, однако расстояние между крайними курганами этих групп ни в дневнике, ни в отчете не указано. На плане же могильника эти группы практически слились в одну, в которой бессистемно расположенные курганы оказались вытянутыми в широтном направлении.

Была предпринята попытка уточнения плана могильника с использованием данных отчетов о взаимном размещении курганов. Отсутствие сведений о взаимном расположении обеих групп позволило уточнить только планировку курганов внутри каждой из них. Нанесение на этот план тех или иных курганов также сопряжено с некоторыми трудностями. Так, при съемке плана могильника не использовался какой-либо единый репер. Местоположение каждого кургана определялось его размещением по отношению к другому кургану, как правило, ближайшему, реже — более крупному в своей группе (так, к кургану № 18 было привязано шесть других курганов). Судя по ряду признаков, в отчетах дано расстояние между краями курганов, а не их центрами, что увеличивает степень вариативности при их локализации. При определении направления указывался не азимут, а сектор восьмилепестковой розы ветров, размер которого равен 45° , что также допускает довольно высокую степень вариативности при определении местоположения того или иного кургана. В подобных условиях любой предложенный вариант плана могильника будет иметь определенную степень погрешности. Тем не менее, представляется, что на восстановленном плане расположение курганов должно более точно соответствовать действительности (рис. 2, 2).

Каждая из групп представлена компактным скоплением довольно бессистемно расположенных курганов, слегка вытянутым в широтном направлении. Курганная группа II (№№ 1-12, 14-21, 28, 35) располагалась к юго-востоку по отношению к группе I (№№ 13, 22-27, 29-34, 36). В эту группу входил еще один курган больших размеров, который был полностью разрушен при сооружении котлована для отстойников, расположенных к северо-востоку от группы I. Еще один курган (№ 32) был расположен вне пределов обеих групп и находился примерно в 1,3 км к северо-западу от группы I, по правую сторону автотрассы Киев — Ростов-на-Дону, при въезде в пос. Песочин. К моменту раскопок территория между этим курганом и группой I полностью находилась под жилыми застройками, железнодорожной полосой

и автодорогой, во время строительства которых могла быть разрушена какая-то часть насыпей. Таким образом, курган № 32 мог входить в состав третьей, разрушенной строительными работами группы, или, даже, быть одним из курганов северо-западной части группы I.

На плане могильника, составленном В. Г. Бородулиным, были пронумерованы лишь раскопанные курганы. Исключение составляет только самый большой курган группы I и всего могильника — Хомякова Могила (№ 13). Кроме этого, на плане были отмечены несколько нераскопанных курганов незначительных размеров, не получивших персонального номера.

Так, два кургана высотой 0,15-0,3 м были расположены к юго-востоку от кургана № 26. Еще два кургана высотой 0,2 м располагались между курганами №№ 27 и 30. Самая большая группа, насчитывающая десять курганов высотой 0,2-0,6 м, располагалась в северной части могильника. Однако, принимая во внимание высокую степень погрешностей, допущенную при составлении этого плана, с известной долей вероятности можно говорить лишь о наличии в разных частях могильника соответствующего количества нераскопанных курганов, без достаточно точной их локализации.

В непосредственной близости от могильника располагались два селища скифского времени. Селище I находилось на правом берегу р. Лучки, к юго-западу от курганной группы II и санатория «Роцца», в 500 м от последнего. Селище II располагалось в непосредственной близости от курганной группы I, примыкая к ней с северо-восточной стороны. На каждом из селищ было отмечено несколько (8 и 7 соответственно) зольников.

Полномасштабных и систематических исследований на территории селищ не предпринималось, но в течение всех трех полевых сезонов проводился сбор подъемного материала и шурфовка отдельных участков селища I.

Сборы, проведенные на селище I, отличаются и количеством, и разнообразием. Помимо многочисленных находок глиняной посуды, подавляющая часть которой представлена фрагментами кухонных горшков, орнаментированных по краю венчика сквозными проколами и пальцевыми защипами (так называемого позднескифского облика), было собрано много других предметов. Из глиняных изделий можно выделить разнообразной формы (конические, биконические, шарообразные, цилиндрические) пряслица, которых за три полевых сезона было собрано более полусотни, маленькие «культовые» сосудики, модели «лепешек», конус с глухим отверстием. Коллекция

каменных предметов состоит из обломков плит-зернотерок, терочников, пращевидных камней. Железные изделия представлены несколькими ножами. Ассортимент бронзовых изделий более разнообразен — это обломки браслета (?) из гладкой круглой проволоки и гривны (?) из прямоугольной в сечении крученой проволоки, гладкая цилиндрическая пронизь, грибовидная серьга, перстень с выделенным прямоугольным щитком и рельефным s-видным узором на внешней стороне дужек по обе стороны щитка, три наконечника стрелы — трехлопастные с остролистной головкой, длинной втулкой с острым шипом. Было также обнаружено несколько стеклянных бусин, разнообразный остеологический материал. Однако некоторые из перечисленных металлических и стеклянных изделий могут относиться не к скифскому, а позднеримскому времени, так как в восточной части селища на площади 110 x 40 м было собрано несколько фрагментов типичной черняховской керамики и римская серебряная монета.

В 1979 году в центральной части селища был заложен небольшой раскоп (5 x 2 м). Была определена мощность культурного слоя (до 0,4 м), из находок отмечены только фрагменты глиняной посуды.

Ассортимент находок на селище II более скромнен — в основном, это фрагменты кухонных горшков, а также обломки зернотерок, остеологический материал.

Описание курганов

Характеристика погребальных комплексов Песочинского могильника дана в порядке нумерации курганов. При подготовке описаний использовалась информация не только из текстов отчетов о раскопках, но и из полевых дневников, чертежей, фотографий и негативов. В курганах, раскопанных В. Г. Бородулиным в 1978 году, замеры производились от вершины кургана, в 1979-80 гг. — от уровня погребенной почвы. Для наибольшего соответствия первоисточнику в описаниях комплексов сохранена авторская система отсчета замеров.

Курган № 1. Высота 1,8 м, диаметр 16 (север-юг) и 15 (запад-восток) м (рис. 3, 1). Насыпь состояла из рыхлого, комковатого чернозема. В 4,5 м к востоку от вершины кургана на глубине 0,65 м обнаружено зольное пятно круглой формы.

Могильную яму окружал кольцевой глиняный выкид. Контуры ямы разрушены грабительским ходом. Могила неправильной прямоугольной формы (3,1 x 1,75 м) ориентирована по линии север-юг. Дно на глубине 2,45 м от вершины кургана (рис. 3, 2). В заполнении ямы встречались древесные угольки, фрагменты стенок амфоры и плохо сохранившиеся кости скелета ребенка. На дне, у южной стенки, обнаружено зольное пятно толщиной 15-20 см с остатками древесных угольков. В северо-западном углу могилы были разбросаны обломки стенок амфоры, под одним из которых находился бронзовый наконечник стрелы (рис. 4, 1).

Курган № 2. Высота 2,0 м, диаметр 21 (север-юг) и 20 (запад-восток) м (рис. 3, 3). Насыпь состояла из плотного слежавшегося чернозема.

Глиняный выкид окружал со всех сторон могильную яму прямоугольной формы с закругленными углами (4,0 x 2,9 м), ориентированной по линии север-юг и глубиной 4,1 м от вершины кургана. На дне могильной ямы зафиксированы остатки деревянной гробницы в виде 9 столбовых ямок круглой формы диаметром 0,45 м и глубиной 0,7 м (рис. 3, 4).

Погребение ограблено. В центре кургана, на глубине 1,4 м от вершины зафиксированы остатки 2-х или 3-х человеческих скелетов. Часть костей была сложена несколькими кучками. В анатомическом порядке находились кости ног одного из погребенных. Погребальный инвентарь отсутствовал.

На глубине 2,85-2,95 м от вершины кургана, у южной стенки в заполнении могилы обнаружены железные удила и 2 псаляя, у северной стенки — отдельные кости человеческого скелета. На глубине 3,2-3,45 м найдены челюсти и фрагменты двух черепов (одного женского) и фрагменты железного браслета, ниже до дна были разбросаны позвонки, ребра, кости таза. На глубине 3,55-3,85 м в южной части могилы обнаружены железный и бронзовый псаляя, в северной части — бронзовый наконечник стрелы. На глубине 4,0-4,1 м по всей площади могилы (за исключением северной части), с концентрацией у западной стенки, были разбросаны разнообразные предметы — золотые нашивные бляшки с изображением оленя, зайца и грифона, трубки-пронизки, кубковидные подвески, бляшки-пуговицы, бронзовые и стеклянные бусины, бронзовое колечко и железные шильца. Некоторые предметы (бляшки, пронизы, бусинки, подвески) были обнаружены также в центральной, юго-западной и западной столбовой ямке на глубине до 0,2 м (рис. 4, 2-18).

Курган № 3. Высота 1,0 м, диаметр 16 м (рис. 5, 1). Глиняный выкид залегал к востоку и западу от могильной ямы прямоугольной формы (2,2 x 1,7 м), ориентированной длинной осью по линии север-юг. Дно могилы — на глубине 1,95 м от вершины кургана. На дне, в центре и по углам, — 5 круглых ямок диаметром до 0,25 м и глубиной 0,5 м от вертикальных деревянных столбов. Вдоль северной стенки в восточном углу находилась ниша размерами 25 x 18 см, углубленная на 15 см ниже дна могилы. На дне, вплотную к восточной стенке, головой на север лежал в вытянутом положении на спине костяк подростка. Кости рук вытянуты вдоль туловища, ноги прямые, стопы вывернуты наружу. Череп глазницами развернут к западу (рис. 5, 2). Погребальный инвентарь отсутствовал.

Курган № 4. Высота 1,7 м, диаметр 16 м. В восточной части насыпи обнаружено 3 фрагмента лепной керамики. Кольцевой глиняный выкид залегал вокруг могильной ямы прямоугольной формы (2,8-1,4 м), ориентированной по линии север-юг (рис. 5, 3). Дно могилы — на глубине 2,6 м от вершины кургана. Дно ровное, вдоль западной стенки, в северо-восточном углу — ниша размерами 40 x 30 x 15 см.

Погребение ограблено. От скелета сохранились несколько зубов с остатками челюсти и кости ног, судя по расположению которых покойник лежал головой к северу. Погребальный инвентарь отсутствовал (рис. 5, 4).

Курган № 5. К моменту раскопок восточная часть кургана снесена полностью, вершина срезана на 1,5-2 м. Сохранившаяся высота кургана — 3,8 м, диаметр — 24 м (север-юг).

Глиняный выкид залегал к востоку и западу от могилы двумя полосами длиной более 5 м (рис. 6, 1). Могильная яма прямоугольной формы (3,7 x 3,3 м) ориентирована по линии северо-северо-запад — юго-юго-восток. Вдоль ее западной стороны в 55-60 см от края на уровне древнего горизонта лежали два истлевших бревна. Дно могилы — на глубине 5,7 м от срезанной вершины. Вдоль стенок по периметру ямы на глубину до 15 см вырыта канавка шириной 10-12 см (рис. 6, 2).

Погребение ограблено. В заполнении могилы обнаружены две нижние челюсти, фрагменты черепной коробки, кости нижних конечностей и таза, а также, на глубине 2,4 м, железный вток копья. На дне, у средней части западной стенки найдены остатки истлевшего колчана (горита?) со 172 бронзовыми наконечниками стрел. В центре ямы лежала часть скелета (ребра)

животного, в 0,3 м на север от которого находился меч-акинак. Вдоль юго-восточной стенки были разбросаны в большом количестве (около 1200) железные пластинки от панциря. В южном углу могилы, на уровне 5,0-5,7 м от вершины кургана обнаружены бронзовые ворварки и пронизи, обломки железного ножа и витой пряжки. Вплотную к южной стенке лежали два железных втока копий (рис. 7, 1-11).

Курган № 6. К моменту раскопок западная часть курганной насыпи была разрушенной до уровня погребенной почвы. В срезе разрушенной части кургана зафиксированы остатки истлевшего дерева. В этом месте был устроен подкоп, в результате чего, по сообщениям местных школьников, были обнаружены железные шлем и меч, судьбу которых проследить не удалось. У сохранившейся восточной стенки могильной ямы обнаружены отдельные кости скелета и фрагменты амфоры.

Высота сохранившейся части насыпи — 4 м, диаметр — 25 м (север-юг). Глиняный выкид окружал могильную яму полукольцом с западной, южной и восточной сторон (рис. 8, 1). На глубине 3,65-3,7 м зафиксированы остатки деревянного перекрытия в виде двух колод, уложенных по длине ямы. Остатки провалившегося перекрытия обнаружены и в заполнении ямы.

Могильная яма прямоугольной формы с закругленными углами (3,2 x 2,25 м) ориентирована длинной осью по линии север-юг. Дно находилось на глубине 5,45 м от вершины кургана. На нем зафиксированы остатки деревянной гробницы в виде 9 столбовых ям — центральной, диаметром 0,45 м и глубиной 0,65 м, а также угловых и боковых — диаметром до 0,35 м и глубиной 0,6-0,75 м. Кроме этого, по периметру ямы вдоль стенок была вырыта канавка глубиной 0,1-0,12 м и шириной 0,15-0,2 м (рис. 8, 2).

Погребение не ограблено. Скелет лежал вдоль западной стенки, головой на юг, в вытянутом на спине положении. Руки слегка разведены в стороны, ноги вытянутые, прямые.

Возле черепа погребенного лежала шейная золотая гривна, в районе правого уха — серебряная серьга, на фалангах средних пальцев обеих рук — по серебряному перстню с круглым щитком. Под тазом покойника находились остатки щита (?) прямоугольной формы (88 x 40 см) с железным пластинчатым покрытием. Здесь же, ниже уровня последнего позвонка — остатки кожаного пояса с бронзовым пластинчатым покрытием. Между кистью правой руки и центральной столбовой ямой лежали в два ряда, полосой

шириной 12 см, 38 бронзовых наконечников стрел, направленных остриями к западной стенке. С левой стороны костяка, у бедра — остатки второго колчана в виде фрагментов кожи черного цвета и 75 (94?) бронзовых наконечников стрел. В юго-восточном углу могилы, остриями на юг, находились железный наконечник копья и 2 наконечника дротика. Два втока от дротиков зафиксированы *in situ* на расстоянии 1,46 м от наконечников. Вток копья смещен в сторону грызунами. В заполнении могилы был обнаружен еще один вток и кончик острия наконечника копья. В средней части ямы, в 0,6 м от северной стенки находились трубчатые кости мелкого рогатого животного. В северо-восточном углу могилы лежал раздавленный кувшин и железный нож с костяной рукояткой (рис. 9, 1-16; 10, 1-7; 11, 1, 2).

Курган № 7. Высота 5,5 м, диаметр 42 м (рис. 12, 1). В центре кургана — грабительская яма (8 × 6 × 4,5 м), вырытая до глубины 3 м. У основания насыпи отмечен заплывший ров. Насыпь имела сложное устройство. До глубины 1,4-1,6 м она состояла из однородного пятнистого чернозема. Ниже шел слой обожженной до красного цвета, иногда ошлакованной глины, который местами достигал толщины 1,8 м. Верхний край этого слоя был уложен волнообразно. В слое встречались большие куски обожженной глины с отпечатками деревянных прутьев и клиновидных мотыг с шириной лезвия 5,5 см. Ниже, с уровня 2,5 м от вершины кургана снова шел слой чернозема. В нижней части слоя обожженной глины, на стыке со слоем чернозема, встречено большое количество кальцинированных костей крупных животных.

Почти по всей площади кургана, на погребенной почве зафиксированы остатки огромного костра в виде зольного пятна толщиной до 0,25-0,3 м с включением больших кусков обгоревшей древесины. Здесь же встречались обломки амфор и обожженные кости животных. Глиняный выкид окружал могильную яму с северной, западной и южной сторон и залегал поверх зольного пятна. Сверху выкида находилось большое количество обгоревшего дерева. Дно могильной ямы прямоугольной формы (3,8 × 3,5 м), ориентированной по линии север-юг, находилось на глубине 7,4 м от вершины насыпи. На дне могилы зафиксировано 11 столбовых ямок диаметром 0,25-0,35 м, вырытых на глубину 0,4-0,7 м. Дно могильной ямы прокалено до красного цвета. С восточной стороны к могильной яме примыкал грабительский ход шириной 0,7 м и длиной до 15 м (рис. 12, 2).

В северо-восточном углу ямы находилось скопление пережженных человеческих костей. На дне могилы, возле центральной столбовой ямы обнаружены 4 бронзовых наконечника стрелы, золотые трубки-пронизи и бляшка треугольной формы (рис. 13, 3, 6, 7).

В 0,3 м от восточной стенки могилы находилась яма прямоугольной формы (0,95 x 0,4 м), углубленная на 0,75 м от уровня погребенной почвы (рис. 12, 3). На дне ямы обнаружены кости передних ног лошади, 2 бронзовые ворварки, налобник и нащечник, железное подпружное кольцо (рис. 13, 1, 2, 4, 5).

Курган № 8. Высота насыпи 6,2 м, диаметр 30 м (рис. 14, 1). Поверхность насыпи задернована, в центре — грабительская яма глубиной 1,8 м. У основания кургана отмечены остатки двух заплывших кольцевых рвов. Насыпь, однородная по структуре, состояла из пятнистого чернозема. На глубине 0,9-1,5 м от вершины обнаружены 5 обломков каменной плиты из песчаника белого цвета (рис. 13, 8), нижняя челюсть и зубы лошади. Чуть ниже, на глубине до 1,7 м — обломки стенок амфоры и кости животных. Курган содержал два погребения.

Погребение 1. Остатки деревянного провалившегося перекрытия зафиксированы на глубине 3,4 м от вершины кургана. Погребальное сооружение представляло собой деревянный сруб (внутренние размеры 3,3 x 3,2 м, внешние — 3,9 x 3,7 м), ориентированный по линии север-юг. Хорошо утрамбованное, местами посыпанное пеплом дно находилось на глубине 4,4 м от вершины насыпи. Деревянная гробница имела следующее устройство. По углам находились 4 столба диаметром 0,18-0,2 м, имеющих высоту 0,9-1,1 м от уровня дна ямы и опущенных на глубину 0,7-0,75 м от дна. В центре могилы находился аналогичный столб, впущенный на глубину 0,8 м. Остатки еще одного столба меньшего диаметра зафиксированы между центральным и северо-западным столбами. Кроме этого, столбик диаметром до 0,1 м находился между центральным и юго-восточным столбом. Стенки гробницы были сделаны из горизонтально выложенных одна на одной деревянных колод, упирающихся концами в угловые столбы. Сверху гробницу перекрывали уложенные в один ряд по длине камеры деревянные колоды диаметром до 0,25 м, лежащие концами на краю горизонтальных бревен-стенок (рис. 14, 2).

Погребение коллективное. От костяков остался лишь тлен светло-желтого цвета и зубы, поэтому ориентировка погребенных фиксировалась

по скоплениям зубов и местоположению инвентаря. Одна из погребенных лежала в вытянутом положении, головой на юг, в средней части гробницы, к западу от центрального столба. В районе черепа обнаружены молочные зубы, а также остатки головного убора, занимавшие участок $0,3 \times 0,55$ м и представленные золотыми метопидой, стленгидой, пластинами с изображением змееной богини, менад и сфинксов, а также полосок-ободков с подвесками. Здесь же находились сережки в виде золотого кольца с зооморфными подвесками из голубого стекла. В районе груди погребенной располагались выложенные дугой 15 круглых золотых бляшек с изображением мужского лица в профиль. В районе кистей рук обнаружены золотые перстни с круглым щитком — 3 на правой руке и 4 — на левой. Между черепом и западной стенкой находилась низка стеклянных бусин. В районе кисти левой руки, перпендикулярно погребенной — железные щипцы, обращенные чашечками к западной стенке. На уровне колен, в $0,1-0,15$ м от западной стенки — лепной кувшинчик и чернолаковый канфаровидный килик. Справа от погребенной, на уровне груди — бронзовое зеркало (рис. 15; 16; 17, 1-4, 6, 8, 9, 12, 13; 18, 2-5).

Вторая погребенная была расположена параллельно первой, головой на юг, к востоку от центрального столба. В районе черепа обнаружены коренные зубы и золотые сережки с подвеской в виде двуликой женской головки. В районе грудной клетки — золотые бляшки с изображением оленя и бляшки-пуговицы. У кисти левой руки — золотой перстень с круглым щитком (рис. 17, 5, 7, 10, 11).

Останки третьего погребенного (пол не определен) находились вдоль северной стенки, головой к востоку. В районе черепа обнаружены молочные зубы. Погребальный инвентарь отсутствовал.

В северо-восточном углу гробницы лежала амфора (рис. 18, 1).

Погребение 2. Глиняный выкид окружал могильную яму полукольцом с западной, северной и восточной сторон. Яма имела прямоугольную форму ($2,5 \times 1,8$ м) и была ориентирована длинной осью по линии север-юг. Дно находилось на глубине 6,8 м от вершины кургана.

Погребальное сооружение представляло собой деревянную гробницу с центральным вертикальным столбом (диаметр 0,16 и глубина 0,55 м), четырьмя угловыми и одним боковым (у восточной стенки) столбами овальной формы (диаметром 0,22-0,25 м и глубиной 0,25-0,3 м). По периметру

могилы, за исключением северной стенки, была вырыта канавка шириной 0,07-0,15 м и глубиной 0,25-0,28 м (рис. 14, 3). В ямках и канавках находился древесный тлен. На стенках могилы сохранились отпечатки деревянных плах, лежавших горизонтально, вплотную к стенке. В заполнении ямы встречались древесные угольки.

Погребение парное, ограбленное. Костяк подростка был положен на спине, вдоль северной стенки, головой на восток. Череп развернут глазницами к югу. Правая рука прижата к туловищу, левая отведена далеко в сторону. Ноги в ромбовидном положении.

От второго погребенного лишь кости стоп, берцовые и частично бедренные кости. Судя по останкам, покойник лежал вдоль западной стенки, головой к югу, с прямыми вытянутыми ногами.

Возле центральной столбовой ямы, с юго-восточной стороны обнаружены 20 бронзовых наконечников стрел, выложенных двумя рядами полосой шириной около 8 см (рис. 13, 9). В 0,4 м от южной стенки находилась ямка глубиной 19 см и шириной 4,5 см, сделанная, скорее всего, клиновидной мотыгой.

Курган № 9. Высота 2,7 м, диаметр 35 м (рис. 19, 1). В центре насыпи — грабительская яма глубиной 1,4 м. Западная часть насыпи частично разрушена. Кольцевой глиняный выкид окружал могилу со всех сторон. На выкиде с западной стороны лежало обгоревшее бревно и слой дубовой коры толщиной 0,2-0,25 м. В центре под насыпью находились остатки огромного кострища, занимавшего площадь диаметром 20-23 м, в виде сгоревших и обуглившихся бревен. В центре толщина остатков кострища достигала 0,3-0,5 м. Огонь прокалил до темно-красного цвета глиняный выкид. Кроме этого почва под кострищем была прожжена до состояния ошлакованности на глубину до 0,35 м.

Могильная яма прямоугольной с закругленными углами формы (4,2 x 3,3 м) ориентирована по линии север-юг. Заполнение ямы до глубины 1,1 м от уровня погребенной почвы почти полностью состояло из золы, древесных углей, обгоревшей древесины. С глубины 1,5 м и до самого дна в заполнении преобладал чернозем с незначительным содержанием золы и древесных угольков. Дно могилы находилось на глубине 4,8 м от вершины кургана. На дне могилы — 9 ямок глубиной 0,8-0,9 м от деревянных столбов. Угловые ямки овальной формы, длиной 0,55-0,6 м, остальные — круглые, диаметром 0,25-0,35 м. По периметру стенок могилы вырыта канавка шириной

0,15 м и глубиной 0,3-0,45 м. На дне центральной столбовой ямы обнаружен слой обгоревшего дерева толщиной 6-8 см. В остальных ямках находился древесный тлен (рис. 19, 2).

Погребение ограблено. Грабительский ход примыкал к яме с южной стороны могилы. В этом месте, в 0,7 м от дна могилы, найден человеческий череп, ниже — отдельные кости скелета и железные панцирные пластины. Судя по сохранившимся *in situ* костям скелета, погребенный лежал вдоль восточной стенки, в вытянутом положении на спине, головой на юг. Правая рука располагалась вдоль туловища, левая отсутствовала. Ноги согнуты в коленях и разведены в стороны (ромб). Между ног, остриями к югу, находились железные наконечник копья и два наконечника дротика. У колена левой ноги, остриями к центральной ямке, полосой шириной в 17 см лежали 136 бронзовых наконечника стрел. Между центральной и северо-западной ямкой на участке площадью 1,2x0,5 м были разбросаны 123 бронзовых наконечника стрел второго колчанного набора. Кроме этого, 2 наконечника стрел были найдены под тазом погребенного.

У западной стенки зафиксированы остатки панциря в виде железных и бронзовых пластин и обломки ножа с костяной ручкой. Возле центральной ямки найдено 5 стеклянных бусин. На дне могилы обнаружены также 3 железных втока и 2 бронзовых колечка.

В южной стенке могилы, в 0,75 м от дна, находилась ниша длиной 1,1 м, шириной 0,95 м и высотой 0,85 м. В нише, храпом к северу, лежал сильно обожженный череп коня. Во рту были обнаружены железные удила с бронзовыми псалиями, на носу — бронзовый наносник, под черепом — бронзовая ворварка (рис. 11, 3-7; 20).

Курган № 10. Высота 0,8 м, диаметр 16 м (рис. 21, 1). Могильную яму окружал кольцевой глиняный выкид. Яма имела прямоугольную форму (2,8x2,0 м) и была ориентирована по линии запад-восток. Глубина — 1,2 м от уровня погребенной почвы.

Погребение ограблено. В заполнении обнаружены нижняя челюсть, позвонки и кости конечностей. Вдоль восточной стенки *in situ* зафиксированы кости ног скелета ребенка. Остальные кости скелета (ребра, позвонки, обломки черепа) находились в 1 м от восточной стенки. Кости скелета второго, взрослого, погребенного были разбросаны вдоль западной и южной стенок. Здесь же встречались кости ног и ребер животного (рис. 21, 2).

В северо-восточном углу могилы, у ног детского скелета находился кувшин, слева от колена левой ноги — маленький двуручный сосудик, под доньшком которого лежало железное шильце. В северо-западном углу, под ребрами животного, обнаружен железный нож с костяной ручкой. Вдоль южной стенки найдено 6 золотых бусин. У изголовья скелета ребенка — небольшой камень округлой формы (рис. 22, 1-5, 12).

На дне могилы, в 0,75 м от восточной стенки, зафиксирована овальная (4,5 x 6,5 см) ямка глубиной 0,22 м, которая сужалась книзу. Аналогичная ямка была обнаружена в 0,45 м от западной стенки.

Курган № 11. Высота 0,3 м, диаметр 9 м (рис. 21, 3). Глиняный выкид залегал вокруг могилы с западной, северной и южной стороны. Могила прямоугольной формы (2,3 x 1,55 м) ориентирована длинной осью по линии север-юг. Дно — на глубине 1,1 м от уровня погребенной почвы.

Погребение ограблено. В заполнении попадались кости человеческого скелета. На дне ямы, у северной стенки — зольное пятно диаметром до 0,4 м и толщиной до 0,02 м с остатками обожженных деревянных прутьев (рис. 21, 4). Сохранившийся погребальный инвентарь представлен фрагментами костяной ручки ножа, стеклянной бусиной и бронзовым наконечником стрелы (рис. 22, 6-8).

Курган № 12. Высота 0,3 м, диаметр 10 м (рис. 21, 5). Глиняный выкид залегал вокруг могилы со всех сторон. Могила прямоугольной формы (2,6 x 1,55 м) ориентирована по линии север-юг. Дно на глубине 1,5 м от уровня погребенной почвы.

Погребение ограбленное, парное. В заполнении могилы обнаружены позвонки, кости рук скелета. У северной стенки *in situ* зафиксированы берцовые кости одного из погребенных. Судя по их положению, покойник лежал на спине, с вытянутыми ногами, головой на юг, (рис. 21, 6). В северо-восточном углу найдены железная ворварка и бронзовый наконечник стрелы. У западной стенки разбросаны ребра животного (овцы), под которыми находились фрагменты ножа с костяной ручкой (рис. 22, 9-11).

Курган № 13 — «Хомякова Могила». Вершина насыпи срезана на 2,5-3 м. Современная высота 9 м, диаметр 60 м. Не исследован.

Курган № 14. Высота 0,25 м, диаметр 9 м (рис. 23, 1). Глиняный выкид окружал со всех сторон могильную яму прямоугольной формы (2,2 x 1,1 м)

ориентирована длинной осью по линии северо-северо-восток — юго-юго-запад. Дно зафиксировано на глубине 1,55 м от уровня погребенной почвы.

Погребение ограблено. В юго-восточном углу могилы зафиксированы *in situ* берцовая кость ноги и кости стопы (рис. 23, 2). У южной стенки обнаружена раздавленная гончарная чаша, в северо-восточном углу — железные два втока и две ворварки. У западной стенки лежал бронзовый наконечник стрелы, в 0,25 м от северной стенки — кости животного и обломки железного ножа (рис. 24, 1-7).

Курган № 15. Высота 0,2 м, диаметр 8 м (рис. 23, 3). Глиняный выкид залегал с западной и северной сторон могильной ямы прямоугольной формы (2,4 × 1,25 м), ориентированной по линии север-юг и глубиной 1,05 м от уровня погребенной почвы (рис. 23, 4).

Погребение ограблено. В заполнении могилы встречались обломки черепа, позвонки, кости конечностей. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Курган № 16. Высота 0,6 м, диаметр 14 м (рис. 23, 5). В 12 м к востоку от края кургана на поверхности обнаружен железный наконечник дротика (рис. 24, 10). Глиняный выкид залегал вокруг могилы со всех сторон. Могильная яма прямоугольной формы (2,8 × 1,3 м) ориентирована по линии запад-восток. Дно находилось на глубине 2,15 м от уровня погребенной почвы. На дне, по периметру ямы, вырыта канавка шириной 0,07-0,09 м и глубиной 0,1 м (рис. 23, 6).

Погребение ограблено. В заполнении ямы обнаружены кости мужского скелета, 2 железных втока. В северо-западном углу могилы, параллельно северной стенке, остриями к западу лежали 2 железных наконечника копья. Вдоль северной стенки — 50 бронзовых наконечников стрел, железный нож и 4 ворварки. Рядом с восточной стенкой найден раздавленный горшок (рис. 24, 8-16).

Курган № 17. Высота 0,2 м, диаметр 9 м (рис. 23, 7). Глиняный выкид со всех сторон окружал могильную яму прямоугольной формы (2,15 × 1,25 м), ориентированную по линии север-юг. Дно ямы — на глубине 1,25 м от уровня погребенной почвы. Дно могилы и все стенки имели следы сильной закопченности. На дне, по всей площади, встречались кусочки древесных угольков (рис. 23, 8).

В заполнении могилы обнаружены 6 фрагментов лепного горшка, а в 0,2 м от дна, у западной стенки — нижняя челюсть мужского скелета.

На дне могилы находились обломки втока копья и железная ворварка, в северо-восточном углу — отпечаток железного наконечника копья (рис. 24, 17, 18).

Курган № 18. Высота 6,7 м, диаметр — 46 (север-юг) и 48 (запад-восток) м. В центре насыпи — грабительская яма диаметром до 10 м и глубиной 2,8 м. С глубины 1,1 м насыпь имела пятнистую структуру, в бровке четко просматривались светло-коричневые полосы толщиной 2-3 см. На уровне 4,6-4,8 м от вершины кургана к востоку и юго-востоку от центра лежали вразброс на площади 12 x 7 м истлевшие бревна диаметром до 0,25 м. Скопление дубовых бревен зафиксировано и на погребенной почве, где обнаружено 17 бревен, шесть из которых — обгоревшие (рис. 25, 1).

Курган содержал два погребения. Глиняный выкид обеих могил располагался на погребенной почве, что затрудняет определения последовательности их сооружения и свидетельствует, скорее всего, об их одновременности.

Погребение 1. Находилось в 9 м к юго-западу от центра насыпи. Глиняный выкид располагался вокруг ямы с восточной, северной и западной сторон. Сверху на выкиде встречались остатки дерева и древесной коры.

Могильная яма прямоугольной формы ориентирована по линии север-юг. Дно — на глубине 1,5 м от уровня погребенной почвы. На дне могилы в центре, по углам и вдоль стенок зафиксированы круглые столбовые ямки. Центральная — диаметром 0,3 м и глубиной 0,7 м, остальные — диаметром 0,15-0,17 м и глубиной до 0,5 м. Общее количество ямок по дневнику и отчету — 11, но на плане погребения отмечено лишь 9 ямок (рис. 25, 2).

Погребение парное, ограбленное. Грабительский ход примыкал к южной стенке могилы. С глубины 6,1 м от вершины кургана попадались кости скелета. Костяк женщины находился вдоль северной стенки, в вытянутом положении на спине, головой на восток. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте. Ноги прямые, скрещенные у щиколоток, правая нога сверху левой. Между бедренными костями находилось бронзовое зеркало с железной ручкой. Напротив зеркала, вертикально, вплотную к стенке — железный «черпак». Ниже скрещенных ног стоял чернолаковый канфар. Слева от черепа располагался бронзовый котел, в котором находились деревянные диск диаметром 6 см

и палочка длиной 7 см. Внутри котла сохранились отпечатки ткани. В 0,45 м к югу от котла, у центральной столбовой ямы, лежали кости животного (овцы) и железный нож с костяной рукояткой (рис. 26, 1-3, 7, 8; 27, 2, 3).

Кости скелета второго погребенного (фрагменты черепа, позвонки, кости конечностей) были разбросаны у южной стенки, рядом с грабительским ходом и в 0,1-0,15 м выше дна могилы. Под костями обнаружены 13 золотых бляшек-пуговиц и около десятка стеклянных бусин. В юго-восточном углу камеры располагалась амфора, к западу от которой, острием на юг находился железный наконечник дротика. Еще один наконечник дротика был воткнут в дно рядом с амфорой. Около бронзового котла обнаружен вток дротика (рис. 26, 4-6, 9, 10; 27, 1).

Погребение № 2. Находилось в центре насыпи. Глиняный выкид располагался вдоль северной и западной стенок могилы. Могильная яма прямоугольной формы (4,2 x 2,2 м) ориентирована по линии север-юг. Дно находилось на глубине 1,5 м от уровня погребенной почвы. На дне зафиксированы остатки деревянной гробницы в виде 10 столбовых ямок — 2 центральных и 8 угловых и боковых диаметром 0,15-0,17 м. Центральная ямка глубиной 0,9 м, остальные — до 0,4 м. По периметру могилы, вдоль стенок вырыта канавка шириной 0,08-0,1 м и глубиной до 0,35 м (рис. 25, 3).

Погребение ограблено. Возле южной стенки, в 0,1 м от дна находилась лучевая кость и четыре позвонка. У восточной стенки обнаружены фрагменты черепа, нижняя челюсть, позвонки, кости ног, а также 5 стеклянных бусин. У обломков черепа найдены 2 золотые и 3 стеклянные амфоровидные подвески, 3 железные ворварки (рис. 26, 11-15).

Курган № 19. Высота 1,0 м, диаметр 20 м (рис. 28, 1). Глиняный выкид залегал с северной и западной сторон ямы. Могильная яма прямоугольной формы (2,5 x 1,8 м) ориентирована по линии север-юг. Дно — на глубине 1,2 м от уровня погребенной почвы.

Погребение парное, ограбленное. В заполнении могилы встречались древесные угольки, в юго-западном углу, в 0,35 м от дна найден человеческий череп. Костяк взрослого человека был расположен вдоль западной стенки, в вытянутом положении на спине, головой на юг. Ноги согнуты в коленях в положении ромба (рис. 28, 2). У шейных позвонков обнаружены 2 золотые пластинки.

Кости второго, детского скелета были перемешаны и сдвинуты вплотную к северной стенке. Рядом с разбросанными костями животного обнаружен железный нож с костяной рукояткой (рис. 29, 1, 2).

Курган № 20. Высота 0,5 м, диаметр 10 м (рис. 28, 3). Глиняный выкид залегал вокруг прямоугольной могильной ямы (2,7 x 1,5 м), ориентированной по линии запад-восток. Дно могилы находилось на глубине 1,2 м от уровня погребенной почвы.

Погребение ограблено. В заполнении в 0,3-0,6 м от дна найдены череп, нижняя челюсть и отдельные кости рук мужского скелета. Судя по костям скелета, сохранившимся *in situ*, погребенный лежал вдоль северной стенки, в вытянутом положении на спине, головой на запад. Ноги прямые (рис. 28, 4). Справа от костяка, на уровне грудной клетки обнаружен железный меч-акинак. Ниже, у колена правой ноги, находились расположенные в три ряда 35 бронзовых наконечников стрел (рис. 29, 3-5). В средней части могилы — скопление костей жертвенного животного.

Курган № 21. Высота 0,4 м, диаметр 10 м (рис. 28, 5). Глиняный выкид располагался с западной, южной и восточной стороны могилы, ориентированной по линии север-юг с незначительным отклонением к западу. Дно прямоугольной формы ямы (2,5 x 2,0 м) находилось на глубине 1,7 м от уровня погребенной почвы. На дне могилы 7 столбовых ямок — центральная, диаметром 0,22 м и глубиной 0,4 м, а также 4 угловые и 2 боковые (западная и восточная) диаметром 0,15-0,2 м и глубиной до 0,4 м.

Погребение парное, ограблено. Остатки скелета взрослой женщины располагались вдоль западной стенки. Погребенная находилась в вытянутом положении на спине, головой на юг. Ноги прямые. У ног женщины, вдоль северной стенки зафиксированы остатки (без черепа и нижней части) скелета подростка в вытянутом положении на спине, головой на запад. Левая рука вытянута вдоль туловища. Кисть правой руки в анатомическом порядке находилась у восточной стенки (рис. 28, 6).

В 0,06 м выше дна обнаружена раковина *Sauri* (рис. 29, 6).

Курган № 22. Высота 0,3 м, диаметр 9,5 м (рис. 30, 1). Могильную яму со всех сторон окружал глиняный кольцевой выкид. Могила прямоугольной формы (2,25 x 2,1 м), ориентирована по линии север-юг. Дно зафиксировано на глубине 1,6 м от уровня погребенной почвы.

Погребение парное, ограблено (рис. 30, 2). Грабительский ход примыкал к яме с западной стороны. В заполнении на глубине 0,55-1,1 м от вершины кургана обнаружены остатки не менее трех конских черепов.

Немного потревоженный грабителями скелет одного погребенного был расположен вдоль западной стенки, в вытянутом положении на спине, головой на юг. В районе черепа найдены 2 золотые и 1 стеклянная бусина, обрамленная золотыми пластинками. Под черепом обнаружены золотые бляшки с изображением оленя. Около черепа и в районе грудной клетки — 24 раковины *Saugi*, еще 46 таких раковин — в юго-западном углу могилы. Здесь же, вплотную к стенке, ручкой к югу лежало бронзовое зеркало. В районе запястий собрано более 70 бисерин. В области таза обнаружено около 50 стеклянных бусин (рис. 31, 5-7, 9).

Кости скелета второго погребенного, принадлежащие подростку, были разбросаны вдоль восточной стенки и находились на глубине 1,35-1,6 м от уровня погребенной почвы. Среди костей обнаружены 1 целая и обломки 6 золотых бляшек с изображением оленя, а также 1 золотая бляшка с изображением женской головки (рис. 31, 4, 5).

В юго-восточном углу могилы стояли гончарный кувшин и лепной сосуд, между которыми располагался краснофигурный лекиф. В 0,45 м к северу от сосудов находились кости жертвенного животного (овцы?), сверху которых — железный нож с костяной рукояткой. По всей площади могилы было рассыпано более 20 железных трубочек-пронизок (рис. 31, 1-3, 7н, 8).

Курган № 23. Высота 0,4 м, диаметр 9 м (рис. 30, 2). Глиняный выкид залегал с южной и западной стороны от могильной ямы, имеющей прямоугольную форму (2,8 x 2,25 м) и ориентированной по линии север-юг. Дно на глубине 1,7 м от уровня погребенной почвы.

Погребение парное, ограбленное. Скелет одного погребенного лежал вдоль северной стенки, в вытянутом положении на спине, головой на восток. Руки слегка разведены в стороны, ноги прямые. От второго костяка *in situ* сохранились лишь кости ног и таза. Покойник был расположен у западной стенки на спине, головой на юг. Ноги согнуты в коленях, в положении набок, влево (рис. 30, 4). Остальные кости скелета были разбросаны с костями жертвенного животного по всему дну.

У восточной стенки лежали железная ручка от бронзового зеркала и железный нож с костяной ручкой. В юго-западном углу могилы обнаружены

26 бисеринок, 6 стеклянных бусин, под обломками черепа — бронзовая сережка. В юго-восточном углу, в 0,15 м от дна найден фрагмент венчика глиняного сосуда, в центре могилы — железное шило (рис. 32, 1-5).

Курган № 24. Высота 0,35 м, диаметр 8 м (рис. 30, 5). Глиняный выкид располагался с западной и северной сторон от могильной ямы прямоугольной формы (2,5 × 1,45 м), ориентированной по линии север-юг. Дно могилы, глубиной 1,35 м от уровня погребенной почвы, местами обожжено. В восточной части — скопления золы и древесных углей. Стенки могилы сильно закопчены.

Скелет женщины находился в центре могилы, в вытянутом положении на спине, головой на юг. Плечи вздернуты вверх, руки согнуты в локтях, причем плечевые кости разведены в стороны, а локтевые и лучевые лежат параллельно туловищу. Ноги прямые (рис. 30, 6). По обе стороны черепа обнаружены 2 серебряные сережки, у костей стопы правой ноги — железный нож (рис. 32, 6-8).

В 2 метрах к востоку от края могилы обнаружена прямоугольная яма (0,95 × 0,5 м) глубиной 0,8 м от уровня погребенной почвы. Какие-либо находки в яме отсутствовали.

Курган № 25. Высота 2,0 м, диаметр 26 м (рис. 33, 1). В насыпи, на глубине 0,4-0,5 м от вершины обнаружены кости животных и более 20 фрагментов лепных горшков. В 8 м к востоку от центра, на глубине 1,2 м от вершины, зафиксировано зольное пятно круглой формы диаметром 0,9 м и толщиной до 0,45 м, в котором присутствовали кальцинированные кости мелкого животного (овцы?). Глиняный выкид залегал вокруг ямы прямоугольной формы (3,3 × 2,9 м), ориентированной длинной осью по линии север-юг. Глубина могилы 1,8 м от уровня погребенной почвы. На дне, в центре могилы обнаружена столбовая яма диаметром 0,22 м и глубиной 0,4 м. Между центральной столбовой ямкой и северо-западным углом могилы находилась еще одна ямка глубиной 0,3 м. Вдоль западной стенки, у северной стороны в дне могилы вырыта продолговатая ямка (0,65 × 0,15 м) глубиной 0,45 м (рис. 33, 2).

Погребение коллективное, ограбленное. Грабительский ход примыкал к могиле с восточной стороны. Один из погребенных был расположен вдоль восточной стенки, в вытянутом положении на спине, головой на юг. Череп и кости левой руки отсутствовали. Правая рука вытянута вдоль туловища,

ноги прямые. В юго-восточном углу, в районе головы, на мелких кусках краски розового цвета, находился каменный терочник. Здесь же обнаружены 2 железных наконечника копья — один, с широким пером, был воткнут в дно могилы почти на всю длину пера, второй находился во взвешенном состоянии, острием вверх, под углом 60° к плоскости дна. Верхняя часть втулки этого наконечника была обтянута бронзовой муфтой. Между терочником и наконечниками копий найдены 2 золотые бляшки. У ног погребенного зафиксированы кости жертвенного животного (быка), сверху которых лежал железный нож с костяной рукояткой. В северо-восточном углу могилы, ручкой к югу, находилось бронзовое зеркало, рядом с которым на истлевших остатках ткани находились мелкие куски краски розового цвета (рис. 34, 1, 2, 4, 11).

От второго погребенного остались лишь кости таза и ног. Покойник находился в 0,6 м от западной стенки, головой на юг. Ноги согнуты в коленях, в положении набок, в левую сторону. Между коленями и западной стенкой зафиксированы остатки колчанного набора, содержавшего 141 бронзовый наконечник стрелы. В 0,35 м от западной стенки, в районе туловища обнаружены обломки железного браслета, обрамленного золотой оболочкой, 3 стеклянные бусины, 3 золотые бляшки и 6 золотых пуговиц (рис. 34, 3, 6-9).

Третий погребенный — подросток, лежал вдоль северной стенки, в вытянутом положении на спине, головой на восток. Руки расположены вдоль туловища, ноги прямые. Возле черепа и в районе шеи найдены раковина *Sauroi*, ожерелье из рыбьих позвонков, железная и костяная пронизи, стеклянная бусина (рис. 34, 9).

Курган № 26. Высота 0,9 м, диаметр 12 м (рис. 33, 3). Кольцевой глиняный выкид залегал вокруг могильной ямы прямоугольной формы (2,8 × 1,9 м), ориентированной по линии север-юг. Дно могилы зафиксировано на глубине 1,2 м от уровня погребенной почвы. Вдоль восточной стенки находилась ступенька высотой 0,3 м и шириной 0,55 м с южной и 0,9 м с северной стороны (рис. 33, 4). Дно и стенки могилы сильно закопчены.

Погребение ограблено. У северной стенки обнаружена лучевая кость. Инвентарь отсутствовал.

Курган № 27. Высота 0,3 м, диаметр 8 м (рис. 35, 1). Глиняный выкид располагался вдоль северной и западной стенок могильной ямы прямоуголь-

ной формы (2,2 x 13 м), ориентированной по линии север-юг. Дно могилы — на глубине 1,1 м от уровня погребенной почвы.

Погребение ограблено. В 0,8 м от северной стенки лежали череп и другие кости скелета (рис. 35, 2). В юго-западном углу обнаружены фрагменты лепного кувшина. В северо-восточном углу лежал железный нож с костяной ручкой (рис. 37, 1, 2).

Курган № 28. Высота 0,5 м, диаметр 12 м (рис. 35, 3). Глиняный выкид окружал входную яму овальной формы (1,5 x 1,2 м), ориентированной по линии северо-восток-восток — юго-запад-запад. Глубина могилы 2,0 м от уровня погребенной почвы. На дне, с западной стороны к яме примыкал подбой длиной 2,7 м и шириной 1,1 м, ориентированный по линии запад-восток. Высота свода — 0,8 м (рис. 35, 4).

Погребение ограблено. В заполнении ямы обнаружены кости человеческого скелета — ребра, позвонки, кости конечностей. На дне входного колодца, у восточной стенки вперемешку с человеческими костями находились кости быка — ребра, кости таза и ног. У входа в камеру, в 10-12 см от дна обнаружены 2 бронзовых наконечника стрелы (рис. 37, 3). В камере от скелета погребенного *in situ* сохранились берцовые кости и стопы ног, судя по расположению которых покойник лежал головой на запад.

Курган № 29. Высота 3,0 м, диаметр 30 м (рис. 35, 5). Глиняный выкид залегал вокруг могилы с западной, северной и восточной сторон. Могильная яма квадратной формы (2,95 x 2,95 м) ориентирована по сторонам света. Дно на глубине 1,8 м от уровня погребенной почвы. В могиле зафиксированы остатки деревянной гробницы в виде 9 круглых столбовых ямок диаметром 0,2-0,23 м и глубиной 0,75 м. Вдоль стенок по периметру ямы вырыта канавка шириной 0,05 м и глубиной 0,07-0,1 м (рис. 35, 6). На стенках сохранились отпечатки деревянных досок, стоявших вертикально.

Погребение дважды ограблено. Один грабительский ход шел вертикально, в центре насыпи, второй примыкал к могиле с южной стороны и представлял коридор длиной 12 м и шириной 0,9 м, идущий с юго-западной стороны от края кургана. На дне второго грабительского хода на расстоянии 1,5-5,6 м от могилы найдены 4 золотые бляшки (с грифоном, пальметкой и две треугольные), 8 золотых пронизей, более 30 фрагментов красноглиняной амфоры (рис. 37, 5-8).

В заполнении ямы, в 0,6 м от дна обнаружена разбитая каменная плита (рис. 37, 9). В 0,2-0,25 м от дна, у южной стенки попадались обломки черепа. На дне, в северо-восточном углу лежали четыре фрагмента стенок амфоры. В заполнении угловой столбовой ямы, в 0,35 м ниже дна могилы обнаружены золотой медальон (рис. 37, 4) и треугольная бляшка.

Курган № 30. Высота 0,5 м, диаметр 13,5 м (рис. 36, 1). С глубины 0,2 м насыпь полностью состояла из пережженной до красного цвета земли, занимая участок площадью 11х9,5 м и толщиной 0,3-0,35 м. Погребенная почва от огня прокалилась на глубину 0,25-0,3 м. В 2,8 м к востоку от центра кургана на уровне погребенной почвы обнаружены обожженные куски черепа и фрагменты трубчатых костей. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Курган № 31. Высота 0,25 м, диаметр 9 м (рис. 36, 2). В насыпи встречено более 20 фрагментов стенок лепных горшков. Глиняный выкид залегал с южной и западной стороны от могилы, которая имела прямоугольную форму и была ориентирована по линии север-юг. Над могилой зафиксированы остатки деревянного перекрытия в виде древесного тлена. В заполнении ямы встречались фрагменты стенок лепных горшков, амфор, древесные угольки.

Погребение ограблено. На дне могилы *in situ* находились кости ног погребенного, который лежал посреди могилы, головой на юг (рис. 36, 3). Размер костей ног и наличие молочных зубов свидетельствуют о детском возрасте покойника. В 0,5-0,6 м от южной стенки найдены 7 стеклянных бусин, рядом с костями ног лежали золотая бляшка и бронзовый наконечник стрелы. В юго-западном углу, в 0,45 м от стенки обнаружены 2 железные шильца, воткнутые до черешка в дно могилы (рис. 37, 10-13).

Курган № 32. Высота 0,8 м (первоначальная не менее 2 м), диаметр 35,5 (север-юг) и 32 (запад-восток) м (рис. 36, 4). Глиняный выкид залегал вокруг могилы со всех сторон. Могильная яма прямоугольной формы (3,1 х 2,55 м) ориентирована длинной осью по линии север-юг. Глубина могилы — 2,37 м от уровня погребенной почвы. На дне зафиксированы 9 столбовых ямок — центральная яма диаметром 0,27 м и глубиной 0,75 м, а также угловые и боковые диаметром 0,22-0,25 м и глубиной до 0,45 м. Вдоль стенок по периметру могилы вырыта канавка шириной 0,09-0,12 м и глубиной 0,1 м (рис. 36, 5). На стенках сохранились отпечатки вертикальных деревянных досок.

Погребение ограблено. В заполнении могилы обнаружены древесные угольки, череп, отдельные кости человеческого скелета, 49 трубок-пронизей. В северо-восточном углу могилы *in situ* сохранились стопы ног, по расположению которых покойник лежал головой на юг. На дне, у центральной столбовой ямы обнаружена золотая бляшка с изображением лица и кисти руки. В 0,1 м от восточной стенки, остриями к северу, полоской шириной 17 см, лежали 211 бронзовых наконечника стрел. У южной стенки могилы обнаружены 4 золотые бляшки и более 40 бисерин (рис. 38).

Курган № 33. Высота 3,9 м, диаметр 34 (север-юг) и 37 (запад-восток) м (рис. 39, 1). Находился на частном подворье В. Ф. Шевченко (ул. Пирогова, 25). Северо-западная часть насыпи срезана почти до подошвы. На частично спланированной насыпи были построены флигель, сарай, погреб, теплицы. В центре насыпи находился грабительский колодец глубиной 2,4 м, заполненный современным мусором.

Погребение ограблено. На глубине 4,15 м от вершины, в грабительском колодце обнаружен бронзовый наконечник стрелы. На глубине 4,2 м, на уровне погребенной почвы зафиксированы остатки истлевшей древесины — возможно, остатки деревянного перекрытия гробницы. Могильная яма имела прямоугольную форму (3,3 × 3,1 м) и была ориентирована по линии север-юг. Дно находилось на глубине 2,0 м от уровня погребенной почвы. На дне зафиксированы 9 столбовых ямок — центральная яма, диаметром 0,45 м и угловые и боковые, диаметром 0,32-0,37 м, вырытых на глубину 0,7 м (рис. 39, 2). На стенках могильной ямы сохранились отпечатки деревянной обшивки.

Следы погребенных в могиле отсутствовали. В заполнении ямы обнаружены более 25 фрагментов бронзовых поножей и 3 бронзовых наконечника стрелы. Вдоль западной стенки найдены 7 золотых бляшек — одна крестовидная и 6 в виде розеток. Еще 1 крестовидная бляшка обнаружена у южной стенки. В 0,5 м от восточной стенки лежал железный крюк, в северо-восточном углу — 2 железных втулка дротиков (рис. 40, 1-9).

Курган № 34. Высота 0,15 м, диаметр 7 м (рис. 39, 3). Могильная яма прямоугольной формы (2,5 × 1,5 м) ориентирована по линии север-юг и имела глубину 0,7 м от уровня погребенной почвы (рис. 39, 4).

Погребение ограблено. В заполнении ямы и грабительского колодца обнаружены кости человеческого скелета, животного, 3 бронзовых наконечника

стрел, фрагмент втока копья и фрагмент железного кольца. На дне могилы от скелета погребенного *in situ* сохранились кости ног, позвонки и отдельные ребра. У южной стенки могилы лежал череп. Судя по останкам, погребенный находился в вытянутом положении, на спине, головой на юг. Ноги едва согнуты в коленях. Вдоль западной стенки вразброс лежали 17 бронзовых наконечников стрел. Еще 2 наконечника обнаружены у коленных суставов покойника. В северо-восточном углу могилы найдены железный вток копья и фрагмент железного кольца (рис. 40, 10-16).

Курган № 35. Высота 0,1 м, диаметр 7 м (рис. 39, 5). Насыпь полностью состояла из обожженной до красного цвета почвы. Могильная яма имела форму неправильного четырехугольника (2,0 x 1,65 x 1,25 м) и была ориентирована по линии север-юг с незначительным отклонением к западу. Дно могилы находилось на глубине 0,55 м от уровня погребенной почвы. На дне могилы у восточной стенки имелось углубление овальной формы (1,1 x 0,8 м), вырытое ниже дна на 0,45 м и являющееся, скорее всего, продолжением грабительского входа (рис. 39, 6). На дне углубления находился череп одного из погребенных. Остальные кости скелетов двух погребенных были разбросаны по всей площади ямы на глубине 0,35-0,8 м. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Курган № 36. Высота 7,0 м, диаметр 46 (север-юг) и 48 (запад-восток) м (рис. 41). В отчете за 1980 год, отправленном в Полевой комитет, сведения об исследовании кургана № 36 отсутствуют. Вся информация взята из дневника раскопок, который хранится в архиве Харьковского исторического музея.

Насыпь кургана состояла из чернозема и имела пятнистую структуру в виде светло-коричневых полосок. Глиняный выкид отсутствовал. С глубины 6,15 м стали попадаться остатки истлевших деревянных бревен. Погребение было совершено в деревянной гробнице-срубе, сооруженной на древнем горизонте. Гробница имела подквадратную в плане форму (5,9 x 5,8 м) и была ориентирована длинной осью по линии север-юг. Основу конструкции гробницы составляли 10 опорных вертикальных столбов диаметром около 0,4 м — по 4 угловых и боковых и два центральных, расположенных в 1,5 м от северной и южной стенок. Стенки гробницы состояли из досок шириной 0,17-0,2 м, нижние концы которых крепились в канаве шириной до 0,4 м и глубиной до 1,0 м, вырытой по периметру склепа.

На подкурганной поверхности, на площади диаметром 27-30 м отмечено скопление бревен толщиной 0,3-0,35 м. В районе гробницы толщина истлевшей древесины достигала 0,55-0,6 м. Некоторые бревна имели следы обжига. В 12 м на северо-запад от склепа зафиксировано зольное пятно диаметром 12 м и толщиной 0,2 м.

Погребение ограблено. Обнаружены лишь отдельные кости человеческого скелета, ребра жертвенного животного (быка) и обломки железного предмета неизвестного назначения (фрагмент удил?) (рис. 40, 17).

Из-за поломки бульдозера раскопки кургана были приостановлены и в дальнейшем не возобновлены.

Глава II.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ И ОБРЯД

Погребальные сооружения

Устройство насыпей. Насыпи большинства курганов имели круглую в плане форму. Только в редких случаях насыпь была слегка вытянута в меридиональном (курганы №№ 1, 2, 32), или широтном (курганы №№ 18, 33) направлениях. В некоторых курганах большой высоты отмечена крутизна северного склона и пологость южного.

Большая часть (20) из раскопанных курганов могильника имела насыпь высотой до одного метра. Даже принимая во внимание тот факт, что при интенсивной распашке высота насыпей уменьшается, едва ли их первичные параметры были сколь-нибудь значительными. Подобное преобладание в могильнике курганов небольшой высоты характерно для большинства погребальных памятников скифского времени, в том числе и северскодонецкого региона [Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 30]. С другой стороны, около четверти всех курганов могильника (не менее 10) имели высоту более 2,5 м, причем 7 из них (№№ 5, 6, 7, 8, 13, 18, 36) были высотой более 4 м. Курганы подобных размеров известны в ряде могильников скифского времени северскодонецкого региона — у с. Великая Гомольша, Тетюшино, Зеленый Колодец, Писаревка, г. Люботин [Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 30]. Однако столь значительный процент насыпей большой высоты от общего количества курганов выделяет Песочинский могильник среди прочих погребальных памятников региона. Подобный факт тем более примечателен, что большинство северскодонецких могильников (Старый Мерчик, Малая Рогозянка, Циркуны), содержащих погребения местной аристократической верхушки и сопровождавшихся роскошным погребальным инвентарем, были представлены курганами относительно небольшой (до 2,5 м) высоты.

При преобладании в могильнике небольших курганов с одной стороны, и достаточно больших — с другой, обращает внимание малое количество (6) курганов промежуточной группы — высотой 1,5-2,5 м. Это может являться

свидетельством значительной социальной дифференциации в пределах одной общины, оставившей погребения Песочинского могильника.

В двух случаях В. Г. Бородулиным на поверхности вокруг курганов были прослежены заплывшие кольцевые ровики — 1 вокруг кургана № 7 и 2 — вокруг кургана № 8. Последний случай, по мнению автора раскопок, является свидетельством сооружения насыпи в два строительных приема, но едва ли можно признать подобный аргумент убедительным. На планы курганов ровики не нанесены, не были также зафиксированы их размеры и форма, характер заполнения, наличие перемычек и прочие детали.

Насыпи курганов сооружены в один строительный прием. Вышеупомянутые выводы о двух этапах сооружения насыпи кургана № 8 не подтверждены наблюдением стратиграфических разрезов бровок и не могут быть приняты в качестве безоговорочного факта. Большинство насыпей состояло из однородного чернозема, иногда с примесью суглинка. В некоторых случаях (курганы №№ 8, 18, 36, частично № 7) насыпи имели пятнистую структуру в виде полосок светло-коричневого цвета толщиной 2-3 см, свидетельствующих об использовании при сооружении насыпи плиток дерна. Использование дерновых плиток или вальков при сооружении насыпи кургана в Лесостепи фиксируется исключительно редко, тогда как в степных памятниках подобная традиция известна гораздо шире [Скорий, 1990, с. 22, 23; 2003, с. 47].

Насыпи курганов №№ 30 и 35 в значительной степени состояли из пережженной до красного цвета почвы. Наиболее сложную структуру имела насыпь кургана № 7. До высоты 3 м она состояла из чистого чернозема. Затем следовала прослойка из прожженной до темно-красного цвета глины и чернозема, в некоторых местах даже ошлакованных. В этом слое встречались большие куски обожженной глины с отпечатками деревянных прутьев, а также куски со следами отпечатков клиновидных орудий, ширина лезвия которых составляла 5,5 см. Верхний край обожженной прослойки был уложен волнообразно. Максимальная толщина этого слоя в центре насыпи доходила до 1,8 м. Примечательно полное отсутствие в слое обожженной глины золы и древесных углей. Верхняя часть насыпи состояла из однородного чернозема, имевшего пятнистую структуру. Близкую «слоистую» структуру насыпи имел курган № 1 Кальницкого могильника, состоявший из четырех пластов — чернозема (верхний слой), далее — комковатого

чернозема с разложившимся дерном, твердой глины с включением углей, очень плотного чернозема [Бессонова, 1994, с. 9, рис. 2, 5]. Похожее устройство насыпи имели и некоторые другие памятники Днепровского Правобережья — № 2 у с. Жовтневе, курган-святилище № 5 Стеблевского могильника [Скорый, 1997, с. 23, 83, 84].

Тризы. В насыпях не менее 5 курганов сохранились остатки тризн. В восточной части насыпи кургана № 4 зафиксировано 3 фрагмента лепной керамики. В кургане № 7 к северу от центра в нижней части обожженного слоя, на стыке с черноземом обнаружено большое количество кальцинированных костей крупных животных. Фрагменты амфор и обожженные кости животных зафиксированы под насыпью этого же кургана на уровне погребенной почвы среди остатков огромного кострища.

В насыпе кургана № 8 к юго-востоку от центра на глубине 0,9-1,5 м найдены 5 обломков шлифованного камня из белого слоистого песчаника, нижняя челюсть и зубы лошади. На глубине 1,5-1,7 м обнаружены кости животных и мелкие фрагменты амфоры.

Кости животных и более 20 фрагментов стенок неорнаментированных лепных горшков обнаружены в насыпи кургана № 25 на глубине 0,4-0,5 м от вершины. Здесь же, в 8 м к востоку от центра, на глубине 1,2 м зафиксировано зольное пятно круглой формы диаметром 0,9 м и толщиной до 0,45 м, в составе которого находились кальцинированные кости животных. Более 20 фрагментов лепных горшков были найдены в насыпи кургана № 31.

В пяти курганах на уровне погребенной почвы прослежены следы кострищ. В кургане № 7 остатки кострища зафиксированы почти по всей площади насыпи. Ближе к центру толщина зольного пятна с остатками обгоревшей древесины достигала 0,25-0,3 м. При этом могильный выкид залегал поверх зольного пятна. Кострище диаметром 20-23 м и толщиной в центре 0,3-0,5 м, содержавшее сгоревшие и обуглившиеся стволы деревьев, обнаружено на уровне погребенной почвы под насыпью кургана № 9. Здесь наиболее мощный огонь был к северу от могилы, где почва ошлаковалась на глубину до 0,35 м. В кургане № 30 кострище занимало участок 11 x 9,5 м, а погребенная почва была ошлакована на глубину 0,25-0,3 м. Скорее всего, подобный ритуал был произведен и в кургане № 35, однако малая высота насыпи (до 0,1 м) в сочетании с интенсивной глубокой распашкой не позволяют описать его метрические параметры. В кургане № 36 в 12 м на северо-

запад от склепа зафиксировано зольное пятно диаметром 12 м и толщиной 0,2 м.

Похожее зольное пятно диаметром 3,4 м и толщиной до 40 см, окруженное глиняными вальками, было зафиксировано на уровне погребенной почвы кургана № 2 могильника Скоробор [Шрамко, 1987, с. 145]*. Слой золы содержал обуглившиеся остатки веток, соломы, различных зерен, а также обломки сосудов, фрагменты костей животных. Б. А. Шрамко считает, что в этом кургане была похоронена жрица, совершавшая обряды, связанные с земледельческими культами плодородия [Шрамко, 1987, с. 145, 146].

В насыпях двух курганов обнаружены зольные пятна круглой формы. Зольное пятно с остатками обгоревшего хвороста зафиксировано на глубине 0,65 м к востоку от центра кургана № 1. Еще одно пятно было прослежено в кургане № 25. Небольшие куски обгоревшего дерева обнаружены в насыпе кургана № 4 на глубине 0,35-0,4 м от вершины.

В насыпе кургана № 18, к востоку и юго-востоку от центра, на глубине 4,6-4,8 м (около 2 м выше уровня погребенной почвы) на площади 12 x 7 м лежали истлевшие бревна диаметром до 0,25 м. Второе скопление бревен зафиксировано в центре насыпи на уровне погребенной почвы, где обнаружено 17 бревен, 6 из которых были обгоревшими. В. Г. Бородулин считает, что эта древесина предназначалась для строительства погребальных сооружений. Однако не исключено, что эти скопления бревен были подготовлены для устройства ритуального кострища (аналогичного курганам №№ 7, 9 и другим), которое было прервано и не возобновлено по неизвестным причинам.

Материковый выкид. Практически во всех случаях, когда погребение было впущено в материк, вокруг могилы на уровне погребенной почвы присутствовал глиняный выкид, как правило, примыкавший к могиле. Форма выкидов отличается разнообразием, что характерно как для северскодонецких памятников [Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 30], так и для всей Лесостепи [Моруженко, 1989, с. 27; Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 28, 42]. Преобладает кольцевая форма, характерная для половины всех погребений. В остальных случаях выкиды имели разрыв, обеспечивающий подход к могиле. Здесь чаще всего встречается Г-образная форма, причем в 5 случаях выкид залегал с западной и северной сторон, в 2 — с западной

* На эту аналогию мое внимание обратила С.С. Бессонова.

и южной. В 3 случаях зафиксирован подковообразный выкид с разрывом с южной стороны (курганы №№ 8/2, 18/1, 29), в 2 — с северной (курганы №№ 6, 21), в 2 — с восточной сторон (№№ 7, 11), еще в двух — залегал двумя параллельными полосами с восточной и западной сторон (№№ 3, 5). Едва ли оставление разрыва в выкиде было продиктовано соблюдением каких-либо ритуальных норм. Около половины погребений могильника подобного разрыва вообще не имеют. В то же время обращает внимание тот факт, что практически во всех курганах большой высоты выкид имел подковообразную форму. При этом во всех случаях отсутствовали разрывы выкидов с запада. Подобная картина наблюдается и в остальных северскодонецких курганах [Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 30], что, учитывая большое разнообразие форм выкидов, едва ли можно объяснить простым совпадением. Вероятно, что обязательное наличие глиняного выкида с западной стороны могилы было обусловлено требованиями погребального ритуала.

Погребальные сооружения. В большинстве курганов была обнаружена 1 могила, лишь некоторые курганы содержали по 2 захоронения. В курганах №№ 6 и 8 впускные погребения располагались в насыпи. Однозначно определить характер находки в центре насыпи кургана № 2 «2 или 3 скелетов» сложно. Не исключено, что это могли быть остатки разрушенного впускного или сопровождающего погребения, представляющего один из вариантов группы захоронений без погребального сооружения [Ольховский, 1991, с. 53, 54]. Однако следует иметь в виду, что основное погребение этого кургана было сильно ограблено. В заполнении могилы были обнаружены фрагменты двух черепов, костей таза и трубчатых костей, позвонки, ребра. К сожалению, не был проведен сравнительный анализ состава костей скелетов из насыпи и заполнении могилы на предмет их комплектности. Не исключено, что скопление костей в насыпи является остатками погребенных в основной могиле, которые еще до полного разложения мягких тканей были вытащены грабителями наверх, а затем сброшены в грабительский колодец.

Курган № 18 содержал 2 единовременных погребения, о чем свидетельствует залегание выкида из обеих могил на погребенной почве, а также, косвенным образом, одинаковая (1,5 м) глубина обоих погребений, добиться которой при одновременном захоронении было достаточно сложно. Подобные единовременные погребения под одной насыпью известны в Лесостепном

Правобережье [Покровська, 1957, с. 65] и, особенно, в Степи [Хазанов, 1975, с. 57; Редина, 1989, с. 27].

Проблему синхронности подкурганых сооружений в степных курганах скифской знати затронул в ряде работ Ю. В. Болтрик [Болтрик, 1997, с. 28-37; 2000, с. 129-137]. Курганы как единовременные ансамбли были рассмотрены исследователем в контексте социальных изменений в обществе, нашедших свое отражение и в погребальном обряде в виде организации основной могилы господина и синхронных с ней отдельных могил зависимых лиц.

Сложно определить, приемлема ли подобная схема для единовременных погребений кургана № 18. По устройству и параметрам погребальных сооружений могилы соразмерны. Ограбленность обеих могил не позволяет в качестве критерия использовать состав погребального инвентаря, а выводы, основанные лишь на взаимном расположении могил в кургане (одна — почти в центре, вторая — ближе к краю) едва ли будут выглядеть убедительными.

В кургане № 7, рядом с основной могилой, находилось, совершенное в отдельной яме, погребение части скелета лошади с некоторыми деталями уздечки. Несомненно, оба эти захоронения составляли единый погребальный комплекс. В двух метрах к востоку от края могилы кургана № 24 обнаружена прямоугольная яма, не содержащая находок, поэтому определить ее характер, а также вероятность принадлежности к комплексу не представляется возможным.

Помимо перечисленных захоронений в насыпях, зафиксированы 2 погребения (курганы №№ 30, 36) на уровне древнего горизонта. Остальные могилы были впущены в материк на глубину от 0,55 до 2,37 м.

Среди разнообразных конструкций погребальных сооружений можно выделить следующие типы.

Тип 1. Грунтовые прямоугольные ямы с ровным горизонтальным дном и, чаще всего, закругленными углами. Погребения в подобных ямах составляют около 50% (всего 17) от общего количества могил, причем 85% из них были обнаружены в курганах высотой до одного метра. Подобный тип погребального сооружения является преобладающим в северскодонецких курганах, составляя по подсчетам А. А. Моруженко (включая ямы с перекрытием) около 70% [Моруженко, 1989, с. 29] и более 70% по подсчетам Ю. В. Буйнова [Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 33]. Следует отметить,

что в соседних лесостепных регионах доля грунтовых ям в общем количестве погребений значительно ниже [Моруженко, 1989, с. 29].

Остатки деревянного перекрытия зафиксированы только в кургане № 31, но, вероятнее всего, число ям с перекрытием было большим.

Тип 2. Грунтовая прямоугольная яма, вдоль длинной (восточной) стенки которой находилась ступенька высотой 0,3 м и шириной 0,55 м с южной и 0,9 м с северной стороны. Ямы с подобной ступенькой достаточно редки. В степях Северного Причерноморья отмечены 4 ямы этого типа (Шевченково, Виноградовка, Новофилипповка, Николаевка I) [Ольховский, 1991, с. 21]. Близкое устройство имели савроматское погребение у с. Новоалександровка на левобережье Нижнего Дона [Кореняко, Лукьяшко, 1982, с. 154] и ранне-сарматская яма кургана № 5 Койсугского могильника [Максименко, 1983, с. 39]. Однако во всех перечисленных аналогиях ступенька значительно уже.

Тип 3. Склеп в грунтовой яме с канавкой по периметру дна, использовавшейся для крепления деревянной облицовки могилы (курганы №№ 5, 16). Ширина канавок 7-12 см, глубина — 10-15 см. В кургане № 5 с западной стороны ямы на уровне древнего горизонта зафиксированы остатки двух истлевших бревен. В северскодонецком регионе подобную конструкцию имели погребальное сооружение в кургане № 1 (гр. II, погребение 1) у с. Малая Рогозянка [Бандуровский, Буйнов, 2000, рис. 36, 1] и кургане № 8 у г. Люботин [Шрамко, 1983а, с. 59].

Склепы с канавкой по периметру единичны для памятников Подонья [Моруженко, 1989, с. 29]. В курганах Поворскля и Лесостепного Правобережья их несколько больше [Радзиевская, 1985, с. 257, рис. 2; Моруженко, 1989, с. 29; Бойко, Берестнев, 2001, рис. 47, 14, 17; Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 32-43], еще шире они представлены в посульских курганах [Ильинская, 1968, с. 81, 82]. Три подобных склепа, выделенные В. С. Ольховским во второй вариант I типа деревянных гробниц, обнаружены и в Степном Причерноморье [Ольховский, 1991, с. 40]. В тоже время В. С. Ольховский считает, что в некоторых случаях канавки использовались не для крепления деревянной облицовки, а как бы приподнимали центр ямы, образуя грунтовое ложе для погребенного и выделяет подобные сооружения в шестой вариант I типа могильных ям [Ольховский, 1991, с. 22]. Характерно, что в песочинских могилах этого типа отмечено отсутствие древесного тлена в канавках и отпечатков досок или бревен на стенках.

Тип 4. Склепы столбовой конструкции в грунтовой яме прямоугольной формы. Количество столбов, зафиксированных благодаря круглым ямкам на дне могил, колеблется от 1 до 11. Обязательным является наличие центрального столба, угловые и боковые присутствуют почти во всех случаях, но их количество нестабильно. Классический вариант представлен склепом с 9 столбами — одним центральным, и по 4 угловыми и боковыми (курганы №№ 2, 18/1, 33). Иные варианты следующие: 11 столбов (курган № 7) — 2 дополнительных устанавливались по длинной оси могилы по обе стороны от центрального; 7 столбов (курган № 21) — отсутствовали северный и южный боковые столбы; 5 столбов (курган № 3) — имелись только центральный и 4 угловых столба, причем северо-восточный столб был немного смещен вдоль северной стенки в западном направлении; 1 столб (курган № 25) — боковые и угловые столбы отсутствовали, но между центральным столбом и северо-западным углом зафиксированы вторая ямка круглой формы.

Диаметр ямок — 0,15-0,45 м, глубина — 0,3-0,7 м. В некоторых случаях центральные ямки имели больший диаметр и глубину по сравнению с боковыми и угловыми. Остатки перекрытия в виде истлевшей древесины отмечены в кургане № 33.

Тип 5. Склепы столбовой конструкции в грунтовой яме прямоугольной или квадратной формы и канавками, идущими по периметру могилы. Главной особенностью конструкции, отличающей склепы данного типа от предыдущего, является наличие подобной канавки. Количество столбов — от 6 до 10. Наиболее широко представлен вариант склепа с 1 центральным, 4 боковыми и 4 угловыми столбами (курганы №№ 6, 29, 32). В кургане № 6 канавка вдоль западной и восточной сторон располагалась не вплотную, а на расстоянии 0,08-0,1 м от стенки. Склеп кургана № 9 имел такое же количество столбов, но здесь отсутствовал западный боковой столб, зато вдоль противоположной, восточной, стороны находились 2 боковые столбовые ямы.

В погребении 2 кургана № 8 в склепе отсутствовали 3 боковых столба (кроме восточного), а также канавка вдоль северной стенки. Склеп погребения 2 кургана № 18 имел 10 столбов. Здесь, помимо угловых и боковых столбов, имелось 2 центральных, расположенных по длинной оси могилы.

Диаметр столбовых ямок — 0,15-0,45 м, глубина — 0,25-0,9 м. Ширина канавок — 5-20 см, глубина — 0,35-0,7 м. Общепринято, что присутствие канавки указывает на наличие деревянной облицовки стен. Однако

проследить на стенках отпечатки досок, а также их направление удается далеко не всегда. На стенках склепа погребения 2 кургана № 8 прослежены отпечатки горизонтальной облицовки. В кургане № 29 на стенках могилы сохранились отпечатки вертикальных деревянных брусьев, в остальных случаях наличие облицовки и ее характер не отмечены.

В склепе кургана № 6 зафиксированы остатки перекрытия в виде двух колод, уложенных по длине ямы.

Деревянные гробницы столбовой конструкции известны со времен скифской архаики, причем вопрос о направлении их проникновения — из Степи в Лесостепь или же наоборот, остается дискуссионным [Ольховский, 1978, с. 88; 1991, с. 43; Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 365; Мурзин, 1984, с. 64; Скорый, 1990, с. 24]. К концу V-IV вв. до н. э. подобные гробницы различных вариантов являются распространенным типом погребальных сооружений на лесостепных памятниках [Ильинская, 1968, с. 81, 82; Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 32-34, 37-39, 42, 43; Моруженко, 1989, с. 27, 28], на степных памятниках этого же времени они практически не встречаются [Ольховский, 1991, с. 41].

По устройству песочинские могилы ближе всего к погребальным сооружениям среднедонских могильников [Либеров, 1965, с. 11; Медведев, 1999, с. 93-97; Савченко, 2000, с. 271-273; Пузикова, 2001], а также ряда памятников северскодонского региона [Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 35-37]. Конструктивную особенность песочинских склепов составляет отсутствие каких-либо следов от деревянных настилов, а также входов-дромосов. Функциональное назначение последних некоторые исследователи видят в необходимости проникновения в могилу с целью последующего подзахоронения [Смирнов, 1978, с. 62; Медведев, 1999, с. 93]. Отсутствие подобных дромосов может косвенно свидетельствовать о единовременности парных и коллективных захоронений Песочинского могильника.

Тип 6. Деревянная гробница-сруб. Была сооружена в насыпи кургана № 8 на высоте 1,8 м от уровня погребенной почвы. Состояла из центрального и четырех угловых столбов диаметром 0,18-0,2 м, высотой 0,9-1,1 м и опущенных на глубину 0,7-0,75 м от дна могилы. Еще два столба находились посреди гробницы, между центральным и северо-восточными центральным и юго-восточным столбами. Возможно, эти два столба использовались для оформления внутренней планировки могилы. Во всяком случае,

между ними (одного касаясь головой, а другого — ногами) лежала одна из погребенных. Стенки гробницы состояли из горизонтально выложенных колод, лежащих одна на одной. Подобная массивная конструкция объясняется, вероятнее всего, местоположением могилы (в насыпи), которая, в отличие от вырытых в материке ям, не имела устойчивых естественных стенок. В этом случае прочность сооружения обеспечивалась его конструкцией, позволявшей сохранить форму после сооружения насыпи. Сверху гробницу перекрывали выложенные в ряд деревянные колоды.

Погребения в насыпях курганов Днепроовского Лесостепного Правобережья малочисленны [Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 37, 43], немного их и в Посулье [Ильинская, 1968, с. 84]. Вероятно, очень похожую конструкцию имело разрушенное погребение в деревянной гробнице в насыпе кургана № 6.

Интересно наблюдение В. А. Ильинской, объяснявшей случаи сооружения гробниц в насыпях курганов стремлением сохранить могилу от ограбления [Ильинская, 1968, с. 84]. Погребение 1 кургана № 8 Песочинского могильника пополнило выборку неограбленных погребений в насыпях, подтверждая возможную справедливость подобного предположения.

Тун 7. Деревянный склеп, сооруженный на уровне погребенной почвы. Представлена могилой из кургана № 36. По конструкции близок погребальным сооружениям пятого типа, особенно гробнице погребения 2 кургана № 18. Состоял из 10 опорных столбов — 2 центральных, 4 боковых и 4 угловых. Стенки гробницы составляли вертикальные доски (брусья), нижние концы которых крепились во рву шириной 0,4 м и глубиной до 1,0 м, вырытом по периметру склепа.

Погребения в деревянных склепах на древнем горизонте территориально были распространены довольно широко, составляя различную, чаще всего незначительную, долю от общего числа погребальных памятников региона. Наиболее широко подобные захоронения были распространены среди памятников Днепроовского Правобережья [Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 29, 32, 37, 42; Скорый, 1990, с. 14-21].

В Левобережной Лесостепи они представлены гораздо скромнее. В типологии, разработанной А. А. Моруженко, сооружения на дневной поверхности даже не выделены в отдельный тип [Моруженко, 1989, с. 27, 28, рис. 1]. А. В. Щегленко отнес подобные сооружения к третьему отделу

второй группы, представленному всего одним случаем — курганом № 1 у с. Волковцы [Щегленко, 1983, с. 114]. Возможно, в посульских курганах погребений в склепах на древнем горизонте было больше. Не исключено, что к ним следует отнести некоторые из «впускных» погребений (к примеру, такие сооружения могли также находиться в курганах у с. Будки, № 3 в ур. Стайкин Верх), но лаконизм сохранившихся описаний не позволяет сделать это с уверенностью [Ильинская, 1968, с. 28, 42]. Немного лучше такие могилы представлены на Среднем Дону [Либеров, 1965, с. 11; Медведев, 1999, с. 93; Савченко, 2000, с. 271].

Наземные деревянные гробницы разнообразных конструкций были обнаружены в степном Северном Причерноморье в курганах эпохи архаики, а в памятниках конца V-IV вв. до н. э. они уже неизвестны [Бокий, 1974, с. 262-271; Мурзин, 1982, с. 49-51; 1984, с. 12, 19; Ольховский, 1991, с. 40-43].

Среди прочих захоронений могильника курган № 36 отличается не только наземным расположением деревянной гробницы, но и размерами последней, площадь которой почти в 3 раза превышает аналогичные показатели самых больших могил этого памятника. Не исключено, что курган № 36 являлся своеобразным культовым сооружением, жертвенником либо святилищем, однако для окончательного определения характера этого комплекса нет достаточного количества информации.

В кургане № 30 останки погребенного были кремированы на уровне погребенной почвы. Определить особенности конструкции погребального сооружения, если такое существовало, не представляется возможным. Характерно, что значительная часть наземных деревянных гробниц во всех регионах была подвергнута частичному (в том числе и курган № 36 Песочинского могильника) либо полному сожжению.

Тип 8. Катакомба. Обнаружена в кургане № 28. Состояла из входного колодца овальной формы, к западной стороне которого примыкал подбой длиной 2,7 м шириной 1,1 м. В северскодонецком регионе к настоящему времени насчитывается не менее 5 катакомб скифского времени — курган № 4 у с. Веселое [Шрамко, 1992, с. 112-115], у с. Родной Край [Буйнов, 1990, с. 141], Новый Мерчик [Шрамко, Бойко, 1988, с. 98-108], и курган 1 у с. Черемушное [Либеров, 1961, с. 21], конструкция которых разнообразна. По типологии В. С. Ольховского, песочинская катакомба относится к первому

варианту второго типа, в котором длинные оси входной ямы и камеры находились на одной или почти одной прямой, а погребальная камера отходила от короткой стенки колодца [Ольховский, 1991, с. 27]. Катакомбы подобного типа представлены в степи широко (более 17%, причем вариант 1 составляет большинство случаев). Конструктивными особенностями песочинской катакомбы являются отсутствие ступенек в колодце и дромоса.

Обращает на себя внимание разнообразие форм погребальных сооружений (и, прежде всего, устройства деревянных гробниц) даже в пределах одного могильника, что присуще всем памятникам Лесостепи [Моруженко, 1989, с. 27-29; Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 29-34, 37, 38, 42-45]. Примечательно, что при строительстве обоих деревянных гробниц кургана № 18, сооружаемых одновременно, попытка унифицирования коснулась лишь глубины могил, в то время как устройство их деревянных конструкций, а также общие параметры могил имели индивидуальные особенности, заметно отличаясь друг от друга.

В то же время хорошо заметно практически полное соответствие общих форм погребальных сооружений того же Песочинского могильника (ямы, ямы со столбами, ямы с канавками, ямы со столбами и канавками) архитектурным формам землянок населения Лесостепной Скифии (простые без столбовых опор, с вертикальной облицовкой стен, со срубами внутри ям, сложной конструкции со столбовыми опорами и разнообразной облицовкой стен) [Шрамко, 2000, с. 30]. Восприятие могилы именно как «дома мертвых», конструкция которого должна соответствовать «дому живых», характерно для многих народов древности, в том числе и скифского времени [Ковалевская, 1984, с. 34; Кузьмина, 1986, с. 79; Скорый, 1990, с. 80].

Несомненно, что разнообразие форм погребальных сооружений следует объяснять такой же пестротой конструкций жилищ того времени. Возможно, требования погребального ритуала сводились к тому, что могилы должны были имитировать именно индивидуальные особенности устройства жилища покойника.

Анализ особенностей архитектуры погребальных сооружений Песочинского могильника не будет полным, если не затронуть вопрос о так называемых шатровидных надмогильных конструкциях. Курганы с подобными архитектурными сооружениями хорошо известны в памятниках Днепровского Правобережья [Ковпаненко, 1984, с. 107-113; Ковпаненко, Бессонова,

Скорый, 1989, с. 33, 34, 37, 42; Скорый, 1987, с. 39-42, 44-46, рис. 1, 2; 1990, с. 80, 81; 1997, с. 9-11, рис. 60; 2003, с. 51, 52; Скорый, Хохоровски, 2004а, с. 240], в среднедонском [Медведев, 1999, с. 93-95, рис. 46, 1, 2; 47, 1, 2] и северскодонецком [Шрамко, 1983а, с. 61, рис. 46; Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 36, рис. 3] регионах. Наиболее характерным признаком подобных конструкций является радиальная выкладка бревен вокруг могильной ямы, как правило, значительно превышающая площадь самой могилы. Ни в полевых дневниках и научных отчетах, ни на чертежах курганов Песочинского могильника «классические» признаки сооружений шатровидной конструкции не отмечены, но не исключено, что в ряде случаев на них просто не обратили внимание. В группу комплексов с «не зафиксированными, но вполне вероятными» шатровидными надмогильными конструкциями можно отнести несколько курганов.

В первую очередь следует назвать курган № 36, на подкурганной поверхности которого, на площади диаметром 27-30 м было отмечено скопление бревен толщиной 0,3-0,35 м. В районе гробницы толщина истлевшей древесины достигала 0,55-0,6 м. Некоторые бревна имели следы обжига. Круглая форма и размеры подобного скопления бревен свидетельствуют в пользу его атрибуции как остатков шатровидной конструкции. Возможно, не столь очевидные, но вполне вероятные остатки шатровидной конструкции в виде двух скоплений бревен были обнаружены в насыпе кургана № 18. Первое скопление находилось на глубине 4,6-4,8 м от вершины кургана, где к востоку и юго-востоку от центра лежали вразброс, на площади 12х7 м, истлевшие бревна диаметром до 0,25 м. Второе скопление дубовых бревен зафиксировано на уровне погребенной почвы, где было обнаружено 17 бревен, шесть из которых — обгоревшие.

К числу вероятных следов шатровидных конструкций, но сожженных буквально дотла, следует также отнести огромных размеров кострища, имевшие круглую форму. Так, почти по всей площади кургана № 7, на погребенной почве были зафиксированы остатки огромного костра в виде зольного пятна толщиной до 25-30 см с включением больших кусков обгоревшей древесины. Очень близкая картина была прослежена и в центре под насыпью кургана № 9, где находились остатки огромного кострища, занимавшего площадь диаметром 20-23 м, в виде сгоревших и обуглившихся бревен. В центре толщина остатков кострища достигала 0,3-0,5 м. Чтобы список

курганов с вероятной сгоревшей дотла шатровидной конструкцией был полным, следует отметить еще два случая — № 30, насыпь которого с глубины 0,2 м полностью состояла из пережженной до красного цвета земли, занимая участок площадью 11 × 9,5 м и толщиной 0,3-0,35 м и № 35, с насыпью, также полностью состоящей из обожженной до красного цвета почвы (№ 35).

Площадь погребальных ям колеблется от 2,4 до 13,9 м² (исключение составляет наземная деревянная гробница из кургана № 36 площадью около 35 м²), причем размеры могилы не зависели от количества погребенных. Встречаются парные погребения в могилах площадью 2,5-5 м² (курганы №№ 8/2, 12, 19, 21, 35) и одиночные площадью 7,2-13,9 м² (курганы №№ 6, 9, 29, 32). В тоже время, почти во всех курганах высотой более 2 м площадь ям превышала 7 м², а в курганах высотой менее 2 м подобные показатели колеблются в пределах от 2,5 до 7 м². Подобная взаимосвязь позволяет считать площадь могил одним из признаков социальной принадлежности умершего.

Глубина погребальных сооружений колеблется в пределах от 0,55 до 2,37 м от уровня погребенной почвы, причем показатели равномерно распределяются по всей шкале, не создавая выразительных групп. Подобное распределение показателей глубин погребальных ям свидетельствует об отсутствии ритуальных канонов этого параметра не только в абсолютном, но и в естественно-бытовом исчислении (по колени-по пояс-в полный рост). Все погребальные ямы площадью более 8 м² имеют глубину более 1,5 м, однако связь между этими двумя параметрами для могил, площадь которых менее 8 м² отсутствует — 8 таких ям также имеет глубину более 1,5 м. Особенно показателен в этом отношении курган № 16 — при площади 3,6 м² погребение было опущено на глубину 2,15 м.

Возможно, глубина погребальных ям зависела от иных причин, для понимания которых необходимо обратиться к такому параметру, как объем погребального сооружения, который свидетельствует о количестве извлеченной при сооружении ямы земли, и, соответственно, о трудозатратах при копании могилы. Распределение объемов могил на шкале дает несколько достаточно выразительных групп, из которых первую и наиболее многочисленную (11 погребений) составляют ямы объемом от 2,7 до 3,9 м³. Учитывая эффективность землекопных орудий труда того времени (железные,

костяные, роговые мотыги, деревянные лопаты), можно предположить, что подобный объем выкопанной земли был своеобразной однодневной «нормой» (n) одного землекопа. Следующие группы имеют, соответственно, такие параметры: 2n — 4,9-6,7 м³; 3n — 7,5-8,5 м³; 4n — 10,8-11,4 м³; 5n — 13,8-15,7 м³; 6n — 17,8-18,7 м³; 8n — 23,2-24,4 м³; 10n — 29,2 м³.

Естественно, выделенные группы достаточно условны. При подобных подсчетах необходимо учитывать влияние таких факторов, как сезонный характер работ (мерзлая почва зимой и более мягкая летом), физические кондиции и производственные навыки отдельного землекопа, прочее. С учетом этих характеристик возможны незначительные коррекции, не влияющие на общую картину.

Таким образом, для рытья самых трудозатратных могильных ям требовалось не более 10 человеко/дней*. Подобный объем работ мог быть выполнен в течении всего 1 дня небольшой группой работников. Столь низкий объем трудозатрат при сооружении могильной ямы выделяется на фоне и степных погребений знати этого времени, отличающихся как объемом работ, так и сложностью инженерного исполнения, и погребальных сооружений лесостепного населения соседних регионов, метрические параметры многих из которых на порядок выше. Контраст столь малых трудозатрат при сооружении могилы усиливают параметры насыпей многих курганов Песочинского могильника, отличающиеся довольно значительными размерами. Последние однозначно свидетельствует об отсутствии у местной знати каких-либо затруднений, связанных с материальными затратами и организацией довольно масштабных земляных работ при проведении похорон.

Возможно, время работ при сооружении могильной ямы ограничивалось какими-то ритуальными соображениями [Бабенко, 2000а, с. 32]. В этом случае, глубина могильной ямы зависела от того, какой объем земли за ограниченный отрезок времени успевали землекопы извлечь из могилы.

Подавляющее число погребальных сооружений имели меридиональную ориентировку, иногда с небольшим отклонением к западу (ССЗ-ЮЮВ, курган № 5) или к востоку (ССВ-ЮЮЗ, курган № 14). В широтном направлении были ориентированы могилы курганов №№ 10, 16, 20, а также катакомба

* Без учета времени, необходимого для сооружения собственно деревянной гробницы, которое могло быть довольно значительным.

кургана № 28. Подобное преобладание меридиональной ориентировки является характерной чертой как для погребальных памятников днепровского междуречья [Моруженко, 1989, с. 37], так и для северскодонецкого региона в частности [Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 41].

В четырех могилах были сооружены специальные ниши, расположенные в северо-западном (2 случая), северо-восточном (1) и юго-восточном (1) углах ямы. Из них, ниже дна могилы были устроены 2 тайника (курганы № 3, 25), по одному — на уровне дна (курган № 4) и выше дна (курган № 9) могилы. По отношению к покойнику они располагались у изголовья (курганы № 3, 9) или у ног (курган № 25). В трех случаях ниши оказались пустыми, в нише кургана № 9 находился череп взнузданной лошади.

В степных курганах аналогичные тайники часто содержат разнообразные комплексы вещей, которые могли предназначаться для различных культовых целей [Болтрик, Фіалко, 2002, с. 169-173]. Сооружения ниш не получило широкого распространения среди лесостепного населения. По последним подсчетам, на Днепровском Правобережье зафиксировано всего 4 таких случая [Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, приложение]. Однако в северскодонецком регионе они представлены достаточно широко и использовались, большей частью, для хранения различных предметов погребального инвентаря — посуды и конского снаряжения (курганы №№ 3 и 5 у с. Протопоповка) [Бородулин, 1977, с. 271, 272], предметов вооружения (курган № 1 у с. Коротич) [Бородулин, 1982, с. 68, 69]. В некоторых случаях отсутствие каких-либо вещей в нишах нельзя объяснить их ограбленностью. Так, в неограбленном погребении кургана № 3 подобная ниша оказалась пустой, что свидетельствует о ее предназначении не для хранения предметов.

Погребальный обряд

Способ захоронения. Преобладающим является обряд трупоположения. Редкое исключение представлено трупосожжением на уровне погребенной почвы, которое зафиксировано в кургане № 30, где среди остатков кострища, занимавшего участок 11,5х9 м, были обнаружены обожженные куски черепа и трубчатых костей.

Воздействию огня были подвергнуты и останки погребенного в кургане № 7, где в прокаленной до красного цвета могильной яме было обнаружено

скопление пережженных челевеческих костей. Но этот случай является не классической кремацией, а представляет обряд сожжения деревянной гробницы, вследствие которого сожжению подвергся и сам покойник.

Была сожжена и деревянная гробница кургана № 9. Однако здесь были предприняты специальные меры для предохранения покойника от воздействия огня. Для этого, после сооружения гробницы, размещения в могиле умершего и погребального инвентаря, яма была засыпана землей на высоту 0,6-0,7 м и только затем деревянная конструкция была подожжена. О подобной последовательности действий свидетельствуют характер заполнения могилы (от дна на высоту 0,6 м состояла большей частью из чернозема, выше заполнение почти полностью состояло из золы, древесных углей, обгоревшей древесины), отсутствие следов обжига на костях погребенного и на не отличающемся огнестойкостью погребальном инвентаре (костяная ручка ножа, фрагменты кожаной основы панциря), следы сильного обжига на черепе коня, находившегося в нише, на высоте 0,75 м от дна могилы, заполнение которой также содержало значительное количество обгоревшей древесины. Интересная деталь была прослежена при исследовании заполнения столбовых ямок. Угловые и столбовые ямки до дна были заполнены древесным тленом, а на дне центральной был обнаружен слой обгоревшей древесины толщиной 6-8 см, присутствие которого едва ли можно связать с сожжением верхней части деревянной гробницы. В этом случае остальные ямки имели бы аналогичное заполнение. Вероятно, еще до сооружения гробницы на дне центральной ямы либо был разведен небольшой костер, либо туда высыпали остатки костра со стороны.

Однако нельзя исключать, что характер заполнения могилы кургана № 9, содержавшей остатки обгоревшей древесины, не связан с разведением костра непосредственно в могиле. Учитывая размер костра, затруднительно объяснить отсутствие следов огня в нижнем слое заполнения могилы, состоящем из чернозема. Возможно, верхняя часть могильной ямы также засыпалась остатками костра со стороны, в котором до помещения в нишу была подвергнута частичному сожжению и голова лошади.

Кроме этого, следы обжига имели некоторые бревна на подкурганной поверхности кургана № 36, однако не ясно, относились эти бревна непосредственно к деревянной гробнице или входили в состав огромного, диаметром

27-30 м, скопления бревен, предназначенного, возможно, для совершения погребального кострища.

Еще в трех случаях (курганы №№ 17, 24, 26) достаточно мощный костер был разведен внутри простых грунтовых могил, что привело к сильной закопченности стен и дна ямы.

Обряд частичного или полного сожжения деревянной гробницы характерен для многих погребальных памятников, составляя незначительный, но довольно устойчивый процент от общего числа захоронений. Обычай сожжения деревянного погребального сооружения относят к общеиранским традициям погребального обряда [Бессонова, 1982, с. 25; Скорый, 1996, с. 33], связывая его с приобщением к огненной стихии покойного, а также возможным отправлением последним различных ритуальных функций [Бессонова, 1982, с. 25].

Наиболее широко и в самых разнообразных формах, в том числе и в виде сожжение деревянных гробниц, этот обряд представлен у населения Лесостепного Правобережья. В этом регионе сожжения хорошо известны на протяжении всего скифского периода, от эпохи архаики до позднескифской поры [Ковпаненко, 1984, с. 107-113; Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 34, 39, 46, 47, табл. 10]. В Посулье подобный обряд был распространен гораздо меньше, причем следы применения огня известны в основном в курганах V-IV вв. до н. э., хотя не исключено, что в ряде случаев они просто не фиксировались [Махно, 1953, с. 123-127; Ильинская, 1968, с. 85, 86]. На Среднем Дону сожжения составляют до 10% от общего числа захоронений [Медведев, 1999, с. 99]. Известны несколько случаев ритуального сожжения гробницы и в северскодонецких памятниках. Наиболее грандиозным по масштабам является сожжение деревянной гробницы и шатрового сооружения в кургане № 2 Старомерчанского могильника [Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 45]. В Степи обряд сожжения деревянной гробницы более характерен для раннескифского времени, и к IV в. до н. э. он уже практически исчезает [Ольховский, 1991, с. 41].

Предположения о применении подобного обряда лишь по отношению к лицам высокого социального ранга [Бессонова, 1982, с. 25] по материалам Песочинского могильника подтверждается лишь частично. Наряду с сожжениями, полными либо частичными, деревянной гробницы в курганах, принадлежащих местной социальной верхушке (№№ 7, 9, 18, 36), известны и исключения. С одной стороны, это погребения с довольно пред-

ставительным набором социально маркирующих признаков (высота кургана, тип погребального сооружения, золотая гривна, разнообразное и многочисленное наступательное и защитное вооружения) без каких-либо следов воздействия огня (№ 6). С другой стороны, нередки случаи использования огня и в курганах незначительных размеров, с грунтовыми ямами без деревянных гробниц, с маловыразительным погребальным инвентарем (№№ 17, 24, 26, 30).

В связи с ограблением и разрушением подавляющего числа погребений, сведения о количестве погребенных, их позе и ориентировке, половозрастной принадлежности являются далеко не полными.

Костные останки погребенных обнаружены во всех могилах, за исключением погребения в кургане № 33. Однако едва ли этот случай следует считать кенотафом, скорее всего, отсутствие костей следует объяснять обычным ограблением могилы.

В могильнике преобладают одиночные погребения — всего 23 случая. Однако для некоторых могил, где был обнаружен 1 костяк, нельзя исключать возможность присутствия и второго погребенного, кости которого (вернее, труп) были полностью вытащены грабителями на поверхность. Подобное предположение может относиться прежде всего к могилам со значительной площадью и следами опустошительного ограбления (курганы №№ 7, 18/1, 29, 32, 36). К их числу, возможно, относится и захоронение в кургане № 9, где частично сохранившийся скелет погребенного лежал с подогнутыми, разведенными в стороны ногами (положение «ромба»), между которыми были уложены железные наконечники копья и двух дротиков. У изголовья покойника, в стенке могилы была устроена ниша для захоронения взнузданной головы лошади. Таким образом, это погребение содержит некоторые черты социальнозависимого захоронения конюха или оруженосца. Подобные случаи известны в северскодонском регионе и представлены захоронением слуг как в пределах основного погребального сооружения — Старый Мерчик [Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 48, 146, рис. 6], так и вне его — Малая Рогозянка [Буйнов, 1990, с. 140]. Присутствие же в могиле слуги предполагает и наличие хозяина, костюм которого представлял для грабителей значительно больший интерес. Косвенным свидетельством возможного наличия в кургане № 9 второго погребенного являются остатки двух колчаных наборов и скопление значительного количества

панцирных пластинок у западной стенки — противоположной местоположению сохранившихся остатков покойника.

В 11 погребениях зафиксированы кости 2 покойников. В двух случаях прослежены коллективные (3 погребенных) захоронения.

Таким образом, в 35 раскопанных курганах были захоронены не менее 51 покойника, половозрастную принадлежность которых удастся определить далеко не всегда. В некоторых случаях подобная атрибутика произведена посредством анализа состава погребального инвентаря, который не всегда может адекватно отражать половую принадлежность покойника, учитывая возможность как женских погребений с оружием [Ганина, 1958, с. 175-183; Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 176-182; Фиалко, 1991, с. 4-18 и другие], так и присутствие украшений в мужских захоронениях.

Среди одиночных преобладают захоронения взрослых покойников, зафиксированы также 2 детских погребения (курганы №№ 1, 31) и 1 подростковое (курган № 3). Из общего числа одиночных могил взрослых покойников с достаточной долей вероятности можно выделить не менее 7 мужских погребений (курганы №№ 6, 9, 14, 16, 17, 20, 34) и всего 3 — женских (курганы №№ 18/2, 24, 29).

Парных погребений не менее 11, но, судя по составу инвентаря, 2 разнополых покойника могли быть погребены в курганах №№ 32 и 33, где в первом случае были найдены кости одного покойника, во втором они и вовсе отсутствовали. Среди парных погребений можно выделить 2 основных возрастных комбинации — захоронение двух взрослых и взрослого и ребенка (подростка). В первом случае преобладают захоронения мужчины и женщины. К ним следует отнести упомянутые выше захоронения в курганах №№ 32 и 33, а также в кургане № 2, где одним из погребенных, по антропологическому определению, была женщина. Второй костяк, судя по наличию в погребении предметов конского снаряжения, принадлежал мужчине.

Наличие в погребении кургана № 5 достаточно представительного комплекса наступательного и защитного вооружения (колчанный набор, меч, пластинчатый доспех) может свидетельствовать о мужской принадлежности, по крайней мере, одного из погребенных. В то же время, отсутствие среди погребального инвентаря каких-либо предметов украшения, часть из которых, как правило, остается в могилах даже в случае опустошительного ограбле-

ния, позволяет говорить о маловероятности присутствия здесь женского погребения. Не исключено, что второй покойник был слугой-оруженосцем.

Отсутствие антропологических данных и малочисленность погребального инвентаря не позволяет хотя бы приблизительно определиться с половой принадлежностью погребенных в курганах №№ 12 и 35.

Второй случай представлен 5 погребениями. Захоронения женщины и подростка были зафиксированы в курганах №№ 21 и 22. В остальных случаях половая принадлежность взрослого покойника не поддается столь однозначному определению, но, скорее всего, в курганах №№ 10 и 19 это была женщина, а в погребении 2 кургана № 8 — мужчина.

Известны также 2 коллективных погребения. В погребении 1 кургана № 8 находились 2 женщины (одна очень молодая) и подросток, а в кургане № 25 — мужчина, женщина и подросток.

Ориентировка погребенных определена в 29 случаях. Среди одиночных погребений 5 покойников были ориентированы головой к югу (курганы №№ 6, 9, 24, 31, 34), 3 — на запад (курганы №№ 16, 20, 28), и 3 — на север (курганы №№ 3, 4, и, с незначительным отклонением на восток, № 14). Следует также отметить, что почти все оставшиеся одиночные погребения, ориентировка которых не определена, произведены в погребальных сооружениях, ориентированных в меридиональном направлении.

Среди парных захоронений в трех случаях определена ориентировка обеих погребенных. В погребении 2 кургана № 8 взрослый погребенный лежал головой на юг, подросток — на восток. В кургане № 21 приюжной ориентировке взрослой женщины, подросток был уложен головой на запад.

В 5 захоронениях известна ориентировка одного из погребенных. В погребении 1 кургана № 18 женщина лежала головой на восток, в остальных случаях покойник имел южную ориентировку (курганы №№ 10, 12, 19, 22). При этом следует отметить, что в кургане № 10 ориентирован головой на юг был детский костяк (при широтной ориентировке самого погребального сооружения).

В коллективных погребениях известна ориентировка всех покойников. В обоих случаях 2 взрослых покойника (в погребении 1 кургана № 8 — 2 женщины, в кургане № 25 — мужчина и женщина) лежали головой на юг. Костяк подростка, расположенный у ног взрослых покойников, был ориентирован головой на восток.

Известны сведения о положении 25 костяков, из которых лишь 8 сохранились более-менее полно. Господствующим является вытянутое положение на спине. У большинства покойников ноги прямые, вытянутые (12 случаев из 20). У 2 костяков согнутые в коленях ноги лежали набок в левую сторону (курганы №№ 23, 25), еще у 6 ног находились в положении ромба. Среди последних обращают на себя внимание 3 случая. В кургане № 9 стопы согнутых в коленях ног находились на ширине плеч, и между ногами лежали 2 наконечника копья и наконечник дротика. В погребении 1 кургана № 18 ноги скелета в районе щиколоток были скрещены, правая лежала поверх левой. Аналогичное положение ног прослежено в 5 случаях среди погребенной могильников Широкое и Шевченко на юге Херсонщины [Бунятян, 1977, с. 134, 135], в погребении 3 кургана № 1 у с. Марьянское [Волкобой, Андросов, Лихачев и другие, 1980, с. 22, рис. 8, 5] и в некоторых других степных курганах [Ольховский, 1991, с. 101, 153]. В кургане № 19 правая нога погребенного была согнута сильнее левой.

В 13 случаях известно положение рук, обеих или одной. Нередко одна из рук, левая (курганы №№ 8/2, 23) или правая (курганы №№ 3, 20, 21) отведены в сторону. В курганах №№ 19 и 24 в стороны разведены обе руки покойников, причем в последнем случае плечи у костяка вздернуты вверх, плечевые кости разведены в стороны, а предплечья лежат параллельно туловищу. В погребении 1 кургана № 18 согнутая в локте левая рука погребенной кистью касается таза. Как и отмеченное выше скрещивание ног, подобное положение рук погребенных, связывается исследователями с влиянием савромато-сарматского погребального обряда, в котором подобные захоронения составляли значительную часть [Смирнов, 1964, с. 92, 93; Вязьмитина, 1972, с. 166; Бунятян, 1977, с. 135; Ольховский, 1991, с. 153]. Примечательно, что погребенная из кургана № 18/1 со скрещенными ногами и рукой на тазе имела восточную ориентировку, которая была характерна для социальнозависимых покойников песочинского могильника.

Череп погребенных иногда развернут в левую (курганы №№ 8/2, 24) или правую (курганы №№ 3, 23) стороны, но подобное положение связано, скорее всего, не с ритуальными действиями, а с обычным смещением в результате засыпки земель, падением перекрытия и т. п.

Известны случаи размещения покойника посредине могильной ямы. Как правило, это одиночные погребения (курганы №№ 12, 21, 31, 34),

но и в коллективном погребении 1 кургана № 8 взрослые покойники, ориентированные в южном направлении, были расположены ближе к центральному столбу, нежели к стенкам. Однако чаще всего покойников укладывали вдоль одной из стенок могилы — западной, восточной или северной. Не известно ни одного случая размещения покойника вдоль южной стенки.

Захоронения коней или предметов конского снаряжения встречены в 3 могилах. В кургане № 7 в 0,3 м от восточной стенки могилы, в яме прямоугольной формы (0,95 × 0,4 м) глубиной 0,75 м было обнаружено захоронение костей передних ног лошади и части конского снаряжения (налобник, нащечник, подпружная пряжка и ворварки).

В кургане № 9, в южной стенке могилы, в 0,75 м от дна обнаружена ниша, в которой, храпом к северу, лежал обожженный череп лошади. Во рту черепа находились железные удила с бронзовыми псалиями во внешних кольцах, на носу — бронзовый наносник, под черепом — ворварка. Кроме псалий, во внешние кольца удил были вложены костяные, со следами лощения, острия, длиной до 11 см.

В сильно ограбленном погребении кургана № 2 были обнаружены предметы конского снаряжения, которые служили деталями как минимум двух уздечек (удила, три железных и один бронзовый псалий и другие предметы).

Кроме этого, в заполнении кургана № 22 были обнаружены остатки не менее трех конских черепов. Однако в самой могиле, содержащей захоронение женщины и подростка, предметов конского снаряжения не обнаружено. В насыпи кургана № 8 отмечена находка нижней челюсти и зубов лошади. Подобные случаи обнаружения в погребениях конских черепов без каких-либо предметов конского снаряжения известны в кургане Перепятиха, ряде памятников Степного Причерноморья, а также далеко за пределами этого ареала [Смирнов, 1964, с. 100; Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 101; Мурзин, 1984, с. 18; Скорый, 1990, с. 28, 29]. С. А. Скорый не видит причин объяснять подобные находки в качестве остатков жертвенной пищи и, вслед за К. Ф. Смирновым [Смирнов, 1964, с. 100], трактует их как жертву богам, связывая их с потусторонним культом [Скорый, 1990, с. 28, 29].

Долгое время отсутствие в северскодонецких курганах захоронений коней и предметов конского снаряжения считалось особой чертой местного погребального обряда [Шрамко, 1962а, с. 230; Либеров, 1962, с. 38-40;

Щегленко, 1983, с. 118.]. Однако в последнее время выявлено не менее 12 подобных погребений; помимо песочинских, это захоронения в курганах у сел Протопоповка, Веселое, Старый Мерчик, Малая Рогозянка, Пересечное, ст. Совнаркомовская [Бородулин, 1977, с. 271, 272; Буйнов, 1990, с. 140; Шрамко, 1992, с. 112-117; Бандуровский, Буйнов, Дегтярь, 1998, с. 178, 179; Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 73, 74; Бабенко, 19976; 1999а, с. 24, 25; 20026, с. 7-9], причем самые ранние из них могут быть датированы лишь началом второй четверти V в до н. э.

Обращает внимание, что оба случая символического захоронения коней со снаряжением обнаружены в курганах, где был совершен обряд сожжения деревянной гробницы (курганы №№ 7 и 9). При этом в курганах №№ 2 и 5, где присутствовали только предметы конского снаряжения, без погребения коня или хотя бы его части, отсутствовали и какие-либо следы сожжения гробницы.

Возможную взаимосвязь этих двух черт погребального обряда подчеркивают остатки частично разрушенного погребально-поминального или культового комплекса у 764 км Белгородского шоссе, доисследованного экспедицией ХИМ в 1980 году [Бородулин, 19806, с. 8-10]. Комплекс был представлен курганом высотой более 4 м и диаметром до 42 м. Насыпь кургана, значительной частью состоящая из пережженной до красного и бурого цвета почвы, была полностью снесена дорожными работами при реконструкции трассы олимпийского огня. Под насыпью была обнаружена круглая площадка выжженной земли диаметром до 45 м. Земля прокалилась до состояния ошлакованности на 0,35-0,45 м — от уровня древнего горизонта до материка и ниже. На уровне материка были зафиксированы 3 ямы прямоугольной формы, расположенные в ряд, буквой Т. Средняя яма была ориентирована в меридиональном направлении, крайние — в широтном. Все ямы были заполнены чистым черноземом. Размеры центральной ямы — 2,15 x 1,2 / 1,05 x 0,45 м, западной — 1,6 x 1,0 / 0,85 x 0,9 м, восточной — 1,8 x 0,9 x 0,75 м (размеры взяты из полевого дневника). В средней яме, в 0,35 м от южной стенки, храпом в южную сторону лежал череп лошади. В двух других ямах какие-либо находки отсутствовали. Последнее обстоятельство не позволяет однозначно определиться с культурно-хронологической атрибуцией комплекса, хотя вероятность его принадлежности к памятникам скифского времени представляется весьма высокой.

Мясная напутственная пища обнаружена в 14 погребениях (38% от общего числа). Как правило, это кости мелких (курганы №№ 6, 10, 12, 18/1, 22) или крупных (курганы №№ 25, 28, 36) рогатых животных. Почти во всех случаях вместе с напутственной пищей был найден железный нож с горбатой спинкой и костяной рукояткой. Располагались кости животных либо ближе к центру могилы (курганы №№ 5, 18/1, 20), либо под одной из стенок, как правило, у ног покойника (курганы №№ 6, 22, 25). В погребении 1 кургана № 18 кости овцы лежали неподалеку от бронзового котла, но не в нем, хотя в подобных случаях кости животного нередко находятся в самом котле [Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 40]. В кургане № 28 кости быка лежали на дне входного колодца катакомбы, однако не исключено, что они были вытащены туда грабителями.

Состав инвентаря и его местоположение. Из 37 исследованных погребений в 6 (курганы №№ 3, 4, 15, 26, 30, 35) погребальный инвентарь отсутствовал. Однако только захоронение в кургане № 3 можно безоговорочно признать безинвентарным, остальные были ограблены, что, скорее всего, и объясняет отсутствие инвентаря.

Остальные погребения содержали разнообразный и, нередко, многочисленный инвентарь, местоположение которого, из-за все той же ограбленности могил, удалось установить далеко не во всех случаях.

Наиболее широко в погребениях представлены предметы вооружения — они присутствуют в 20 могилах. Самыми многочисленными являются наконечники стрел, которые обнаружены в 18 погребениях. Количество найденных наконечников колеблется от единичных экземпляров до нескольких сотен. По одному наконечнику стрелы было обнаружено в некоторых детских погребениях (курганы №№ 1 и 31), где они, возможно, играли апотропейные функции. Помимо этого, наличие оружия в детских захоронениях, по мнению С. И. Андрух, может свидетельствовать «о раннем привлечении детей к войне или об их сравнительно ранних сроках обучения обращению с оружием» [Андрух, 2004а, с. 18]. В 5 случаях количество наконечников в одном погребении превышало 100 экземпляров — курганы №№ 6, 25, 5, 32, 9 (113?, 141, 178, 211, 259 наконечников стрел соответственно). В большинстве случаев покойника сопровождал 1 колчан. Лишь в курганах №№ 6 и 9 обнаружено по 2 набора, при этом если в последнем случае количество наконечников в каждом из колчанов было примерно равным, то в кургане

№ 6 существенно различалось — в одном 38, во втором -75 (или даже 94). Подобное соотношение объясняется исследователями различным их функциональным назначением — одного в качестве расходного колчана, второго — своеобразного магазина [Мелюкова, 1964, с. 33; Петренко, 1967, с. 44; Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1994, с. 47].

Чаще всего колчан располагался слева от погребенного, на уровне средней части бедра или колена (курганы №№ 6, 9, 25, 32, вероятно, 5). В курганах №№ 9 (один из двух наборов), 16 и 34 наконечники находились не в колчанах, а были разбросаны на компактном участке также слева от покойника. Возможно, подобное положение является следствием ограбления могилы, но нельзя исключить и ритуальный фактор. Обычай разбрасывания наконечников вокруг покойника известен как среди степного населения [Ольховский, 1991, с. 108], так и в лесостепных памятниках [Бойко, Берестнев, 2001, с. 18, 22, рис. 18; 22]. В кургане № 48 Акташского могильника в Восточном Крыму разбросанные наконечники стрел были зафиксированы в неограбленном погребении, что позволило авторам публикации в качестве одной из возможных причин, объясняющих подобное расположение наконечников, предположить вероятность размещения стрел в могиле без колчана или горита [Бессонова, Скорый, 1986, с. 159, рис. 1, 1;]. В кургане № 20 наконечники стрел лежали у колена правой ноги костяка. В погребении 2 кургана № 8 наконечники стрел были расположены возле центрального столба. Возле центральной столбовой ямы были обнаружены и вторые колчаные наборы курганов №№ 6 и 9 (в последнем случае наконечники находились не в колчане, а были разбросаны на небольшом участке). Кроме этого, следует отметить местоположения двух наконечников стрел под тазовыми костями покойника в кургане № 9. Примечательно, что между широко разведенными в стороны ногами этого костяка лежали два наконечника копья и наконечник дротика, направленные остриями в паховую область. В кургане № 34 у коленных суставов покойника найдено по одному наконечнику стрелы.

Наконечники копий, дротиков и втоки от них были обнаружены в 11 могилах. В ряде случаев наличие копья или дротика было установлено находкой одних только втоков. В кургане № 16 в 12 м от края кургана на поверхности был обнаружен наконечник дротика, который, возможно, происходил из этого погребального комплекса. В кургане № 17 на дне могилы сохранился только отпечаток наконечника копья или дротика, унесенного грабителями.

Обычно в могиле находились 1-3 наконечника. Копья и дротики чаще всего располагались вдоль одной из стенок, параллельно погребенному, по правую (курган № 6) или левую (курган № 16) сторону от него, наконечниками у головы, реже у ног (курган № 14).

Исключительный интерес представляет упоминавшееся выше расположение двух наконечников копий и наконечника дротика в погребении кургана № 9, где они находились между разведенными в стороны ногами погребенного, почти касаясь остриями друг друга.

В 2 случаях (курганы №№ 18/1 и 25) наконечники копья и дротика были воткнуты вертикально в дно могилы. Подобный обычай хорошо известен в степных погребениях [Бессонова, 1984, с. 8, 20, 21; 1990, с. 18; Редина, 1989, с. 27, 28; Ольховский, 1991, с. 110; Скорый, 2003, с. 47] и объясняется С. С. Бессоновой проявлением у его носителей различных форм культа оружия.

В 3 курганах (№№ 5, 9, 20) обнаружены железные мечи. Местоположение оружия определено лишь в кургане № 20, где меч лежал параллельно костяку, по правую сторону, на уровне грудной клетки. Незначительное присутствие мечей в погребениях могильника (около 9% от общего числа) не кажется столь впечатляющим на фоне примерно таких же параметров (7-8%) в степных погребениях IV-начала III вв. до н. э. [Ольховский, 1991, с. 109].

Защитное вооружение присутствовало в 4 погребениях. В 2 был обнаружен пластинчатый панцирь. Из-за ограбленности могил местоположение панцирей однозначно определить невозможно. В кургане № 5 пластины от панциря были разбросаны вдоль юго-восточной стенки. В погребении кургана № 9 остатки панциря в виде железных и бронзовых пластин находились у восточной, противоположной местоположению покойника, стенки могилы.

В кургане № 6 под тазом скелета лежали остатки щита (?) с железным пластинчатым покрытием, а на уровне последнего позвонка — кожаный пояс с бронзовым пластинчатым покрытием, что сближает данное захоронение с достаточно представительной серией погребений воинов на расстеленных панцирях или частях защитного доспеха (Золотой курган, Новорозановка [Шапошникова, 1970, с. 208-212], курганы № 6 у с. Александровка [Ковалева, Волкобой, Костенко и другие, 1978, с. 11-14], у с. Вишневка [Андрух, 1988, с. 159-161, рис. 1], № 2/2 у с. Корнеевка [Ковалев, Полин, 1991,

с. 41-43], у с. Гладковщина [Григорьев, 1994, с. 63-79] и другие; С. А. Скорый отмечает 11 случаев, из которых на степную область Северного Причерноморья приходится 8 [Скорый, 2003, с. 49]). В заполнении могилы кургана № 33 обнаружены фрагменты цельнометаллических бронзовых поножей.

Взаимовстречаемость предметов вооружения (в случае присутствия 2 и более видов оружия) представлена следующими вариантами — наконечники стрел, 2 втока, меч и панцирь (курган № 5), наконечники стрел, копьё, 2 дротика, 3 втока, щит (?) и пояс (курган № 6), наконечники стрел, 2 копьё, дротик, 3 втока, панцирь (курган № 9), наконечники стрел и 3 втока (курган № 14), наконечники стрел, 2 копьё, 2 втока и, возможно, дротик (курган № 16), наконечники стрел, вток и меч (курган № 20), наконечники стрел, 2 копьё (курган № 25), наконечники стрел, дротик, 2 втока, поножи (курган № 33), наконечники стрел, вток (курган № 34).

Предметы конского снаряжения обнаружены в 3 могилах, описание которых приведено выше. Комплектность (из-за ограбленности в большинстве случаев, вероятно, неполная) уздечек следующая — удила, 3 железных и 1 бронзовый псалий (курган № 2), налобник, нащечник, 2 ворварки и железное подпружинное кольцо (курган № 7), удила, бронзовые псалии, 2 костяных стержня, сбруйная пряжка, ворварки (курган № 9).

Не исключено, что к деталям конского снаряжения относились бронзовые кольцо и 2 пронизи из кургана № 5 и фрагмент железного кольца из кургана № 34. Здесь же были обнаружены и ворварки — в первом случае 5 бронзовых и 1 железная, во втором — 1 железная. Кроме этого, железные и бронзовые ворварки в количестве от 1 до 4 были найдены еще в 7 захоронениях, однако они могли быть деталями не только конского, а и воинского и прочего снаряжения.

Глиняная посуда в погребениях представлена немногочисленными находками. Целые формы (или реставрируемые) встречены всего в 8 захоронениях. Еще в 4 могилах (курганы №№ 1, 6, впускное, 23, 29) найдены фрагменты посуды, а в 3 — фрагменты лепных горшков обнаружены на поверхности (курган № 4) или в насыпе кургана (курганы №№ 25, 31), которые могут быть как следами тризны, так и остатками разбитых при ограблении сосудов.

Из импортной керамики лучше всего представлены амфоры — 5 находок. При этом, только в 2 случаях в могилах находились целые сосуды, в остальных — фрагменты, не поддающиеся определению (курганы №№ 1,

6, выпускное, 29,). Кроме этого, фрагменты амфор в некоторых случаях (курганы №№ 7, 8, 31) выявлены в составе гризн. Помимо амфор, отмечены следующие виды импортной посуды — канфар, канфаровидный килик, лекиф, чаша, кувшин. Лепная посуда (горшки, кувшины одно- и двуручные и без ручек) присутствовала не менее чем в 5 погребениях.

В 4 погребениях были обнаружены 2 и более глиняных сосудов. Их комплектность следующая — амфора, канфаровидный килик и лепной кувшин (курган № 8/1), 2 двуручных кувшина — большой и маленький (курган № 10), амфора и канфар (курган № 18/1), лекиф и 2 кувшина — гончарный и лепной (курган № 22). Интересно, что в обоих случаях амфоры сопровождались сосудами для употребления вина — киликом или канфаром.

Как правило, посуда располагалась в одном из углов могилы, однако в обоих случаях амфоры (курганы №№ 8/1, 18/1) укладывались отдельно от остальных сосудов. Утверждение о размещении амфор исключительно в северо-восточном углу могилы едва ли стоит выдвигать столь категорично [Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 47]. В кургане № 18/1 амфора находилась в юго-восточном углу. По отношению к покойнику посуда чаще всего укладывалась у ног (курганы №№ 6, 10, 16, 18/1, 27) или на уровне колен (курганы №№ 8/1, 10). Лишь в кургане № 22 сосуды стояли в углу могилы, напротив головы одного из погребенного.

Анализ чернолаковой керамики из Рогачикского могильника продемонстрировал наличие связи этой категории посуды с мужскими погребениями [Фиалко, 2004, с. 88], но для погребальной обрядности Песочинского могильника характерна противоположная зависимость. В кургане № 8/1 канфаровидный килик обнаружен в коллективном погребении (2 женщины и подросток), в кургане № 18/1 канфар также стоял у ног женщины.

В кургане № 18/1 слева от головы погребенной находился *бронзовый котел*. Внутри котла сохранились отпечатки ткани и остатки двух деревянных предметов — шайбовидного диска и палочки, которые, возможно, были положены в котел в чехле из ткани.

Разнообразные виды *украшений* содержали 17 погребений. Золотая шейная гривна обнаружена всего в одной могиле (курган № 6), находилась ниже черепа погребенного.

Серьги найдены не менее чем в 4 погребениях. Как правило, пара золотых (в кургане № 8/1, было 2 пары сережек — по одной у каждой из погребенных)

или серебряных (курган № 24) сережек лежала в районе ушей, по обе стороны черепа. В кургане № 6 была 1 серебряная серьга, лежавшая справа от черепа и крепившаяся на «кожаный кружок диаметром до 5 см в виде лепестков ромашки». Бронзовые серьги были обнаружены в кургане № 23 и, возможно, № 18/2.

Достаточно редкой находкой являются металлические браслеты, которые были найдены всего в 2 погребениях (курганы №№ 2, 25).

Перстни были обнаружены также всего в 2 захоронениях. В кургане № 6 два серебряных перстня находились на фалангах средних пальцев обеих рук покойника. В погребении 1 кургана № 8 на левой руке одной из погребенных было надето 4 золотых перстня, на правой — 3. Еще 1 такой перстень был надет на палец левой руки второй погребенной, но не исключено, что он мог принадлежать и первой погребенной (подробнее об этом случае ниже). Обычай надевания перстней на все или почти все пальцы рук покойницы имеет, скорее всего, степное происхождение, где подобные погребения зафиксированы в богатейших курганах — Чертомлыке, Толстой Могиле, Дееве кургане, № 22 у с. Красный Перекоп [Петренко, 1978, с. 61], а также в Большом Рыжановском кургане.

Предметы золотой пластинчатой нашивной аппликации, являющиеся украшением одежды, найдены в 19 погребениях, однако почти во всех случаях определить их местоположение невозможно из-за ограбленности. Как правило, бляшки разбросаны по всей могиле. В кургане № 22 часть золотых бляшек с изображением оленя лежала под черепом погребенной. В неограбленном погребении 1 кургана № 8 бляшки лежали *in situ*. Здесь в районе груди одной из погребенных 15 круглых бляшек с изображением мужского лица в профиль были выложены полудугой, на расстоянии 2-3 см одна от другой. В области грудной клетки второй погребенной были обнаружены 9 квадратных бляшек с изображением оленя и 16 золотых пуговиц, однако данные об особенностях их местоположения отсутствуют. В этом же погребении были найдены остатки единственного в могильнике парадного головного убора, находившегося в районе головы погребенной и украшенного разнообразными золотыми пластинами и полосками с подвесками-бутонами.

Золотые подвески-бутоны были обнаружены еще в 3 курганах (№№ 2, 18/2, 22), однако большинство их являлись не деталями головного убора, а крепились к золотым бляшкам.

Золотые бляшки-пугови, кроме кургана № 8/1, были обнаружены еще в 3 захоронениях (№№ 2, 18/1, 22). В кургане № 29 был найден золотой медальон с изображением грифона.

Широко представлены разнообразные бусы — золотые, бронзовые, сердоликовые, стеклянные, бисер, из рыбьих позвонков, раковины *Sauri*, которые были найдены в 13 погребениях. Данные о расположении бус содержат 4 захоронения. В погребении 1 кургана № 8 низка бус лежала слева от черепа одной из погребенных. В кургане № 22 в районе грудной клетки костяка были обнаружены 24 раковины *Sauri*, еще 46 таких раковин лежали выше головы погребенной, в юго-западном углу могилы. Кроме этого, в районе запястий находились около 70 бисерин (возможно, ими были расшиты рукава платья или же это детали наборного браслета), а в районе таза — 50 стеклянных бусин. 26 бисерин и 6 стеклянных бусин находились в районе груди погребенной в захоронении кургана № 23, а в кургане № 25 ожерелье из рыбьих позвонков, раковины *Sauri* и стеклянной бусины лежали возле черепа, в районе шеи подростка.

В 6 погребениях обнаружены пронизи, нередко в большом количестве (49, 67 экземпляров). Чаще всего они золотые (курганы №№ 2, 7, 29, 32), но встречаются также железные (курганы №№ 22, 25) и костяные (курган № 25) пронизи.

В 5 погребениях обнаружены бронзовые или биметаллические *зеркала*, местоположение которых отличается разнообразием. Зеркала располагались справа от погребенной, на уровне груди (курган № 8/1), между бедренными костями ног (курган № 18/1), в юго-западном углу могилы, выше черепа погребенной (курган № 22), в северо-восточном углу, противоположном от местоположения костяков, со стороны ног одного из основных покойников и головы сопровождающего покойника (курган № 25). В некоторых случаях зеркала находились в холщевых (курган № 18/1) или комбинированных (?), из ткани и кожи, чехлах (курган № 8/1).

Из *орудий труда* чаще всего встречаются железные ножи с костяной рукояткой (16 погребений). В большинстве случаев они обнаружены вместе с напутственной мясной пищей и располагались под костями животного или над ними (курганы №№ 10, 12, 14, 18/1, 19, 22, 25). Только в кургане № 6 нож лежал в стороне от жертвенной пищи, рядом с кувшином, а в кургане № 24 — у костей стопы правой ноги погребенного. В инвентарь погребения

кургана № 9 входило 2 ножа (фрагменты второго ножа были обнаружены при осмотре остатков пластинчатого доспеха).

В 5 курганах были обнаружены железные шилья — одно или пара (курганы №№ 2, 23, 31). В кургане № 10 шило лежало под дном двуручного кувшинчика, стоявшего у колена левой ноги скелета ребенка, а в детском захоронении кургана № 31 шилья были воткнуты в дно могилы, до уровня черешка. Возможно, подобное положение по значению было близко рассмотренному выше обычаю втыкания оружия. Обращает внимание, что в одном случае шилья сопровождали захоронение ребенка, в двух других (курганы №№ 10, 22) одним из погребенных также был ребенок или подросток.

В погребении 1 кургана № 8 найдены железные щипцы, лежавшие перпендикулярно погребенной, в районе кисти левой руки, чашечками к стенке. В погребении 1 кургана № 18 обнаружен железный «черпак», стоявший вертикально, вплотную к стенке, у ног погребенной.

Из прочего инвентаря следует отметить находку каменного сфероида, лежавшего у изголовья ребенка в погребении кургана № 10. Такой же камень был обнаружен и в кургане № 25, где он находился в юго-восточном углу могилы, у головы одного из погребенных, вместе с кусочками краски розового цвета. Здесь же, в северо-восточном углу ямы, на истлевшей ткани лежали кусочки аналогичной краски.

В кургане № 33 был обнаружен железный крюк, часто используемый для подвешивания связок копий и дротиков в могиле [Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 81], а также массивный кремневый отщеп. В заполнении могилы кургана № 29, а также в насыпи кургана № 8 найдены каменные плиты, причем в обоих случаях они были разбиты на несколько фрагментов, из которых часть отсутствовала. В погребении 2 кургана № 18 обнаружены два глиняных шарика, возможно, модели зерен гороха.

Таким образом, можно выделить следующие характерные черты погребального обряда населения, оставившего захоронения Песочинского курганного могильника:

1. Значительная доля в могильнике курганов с насыпью большой (выше 4 м) высоты.

2. Преобладание в могильнике курганов с одной могилой, впущенной в материк. Впускные погребения являются исключением и обнаружены лишь в курганах больших размеров.

3. Оформление материкового выкида вокруг могилы.

4. Сооружение деревянных гробниц различных конструкций в курганах большой высоты и простых грунтовых ям в невысоких курганах.

5. Незначительные размеры могил (включая самые высокие курганы) — как по площади, так и глубине.

6. Подавляющее преобладание меридиональной ориентировки погребальных сооружений. Курганы с могилами с широтной ориентировкой (включая погребение в катакомбе) не отличаются ни значительными размерами, ни богатством погребального инвентаря.

7. Господствующий обряд погребения — вытянутое труположение на спине.

8. Преобладание одиночных погребений при значительной доле парных и более редких — коллективных.

9. Наличие одиночных детских и подростковых захороний.

10. Преобладающая ориентировка покойников — южная (в том числе в самых богатых могилах), при незначительной доле западной, северной и восточной (последняя отмечена только у социальнозависимых лиц).

11. Значительное распространение различных форм ритуального применения огня (сожжение деревянной гробницы, разведение кострищ на погребальной поверхности, зольные пятна в могилах и насыпях, использование пережженной глины при сооружении насыпи).

12. Присутствие в ряде курганов захоронений коня и предметов конского снаряжения.

13. Незначительная доля курганов, содержавших остатки погребальных тризн.

14. Большой процент погребений, содержавших разнообразные предметы вооружения и античного импорта (посуда и украшения).

Глава III.

ИНВЕНТАРЬ ЗАХОРОНЕНИЙ

Несмотря на ограбленность подавляющего числа погребений, в могильнике был обнаружен многочисленный и разнообразный инвентарь, представляющий следующие категории материальной культуры скифского типа.

Предметы вооружения

СТРЕЛЫ И ФУТЛЯРЫ ДЛЯ СТРЕЛ

В материалах Песочинского могильника не были зафиксированы остатки луков или хотя бы их фрагменты, хотя сам факт использования этого вида вооружения местным населением не вызывает никаких сомнений, прежде всего, из-за широкой представительности в погребениях собственно наконечников стрел. Подобная картина очень характерна для всех памятников скифского времени, в которых находки остатков луков исключительно редки [Бессонова, 1973, с. 243-252; Куприй, Данилко, 2004, с. 46-48; Скорый, Хохоровски, 2004б, с. 36], но единодушное мнение, объясняющее причину этого явления, отсутствует [Смирнов, 1961, с. 31; Черненко, 1981, с. 17].

Наконечники стрел в количестве от 1 до 259 были обнаружены в 18 погребениях. Все без исключения наконечники отлиты из бронзы. Для удобства дальнейшей работы с публикуемым материалом представляется целесообразным дать покомплексную характеристику разновидностей наконечников стрел, которую необходимо предварить несколькими замечаниями.

В некоторых случаях в различной документации (полевая опись, дневник, отчет, коллекционный список) сведения о количестве наконечников стрел не совпадают. При характеристике наборов каждый подобный случай несовпадения будет рассмотрен отдельно.

Кроме этого, в некоторых наборах часть наконечников ввиду плохой сохранности или депаспортизации не подлежит типологическому описанию. Поэтому при характеристике набора учитывались лишь те наконечники стрел, чья принадлежность к комплексу не вызывала сомнений.

Последнее замечание касается общих принципов описания разновидностей наконечников стрел. Общепринято подразделение бронзовых наконечников стрел скифского времени на две больших группы — трехгранные и трехлопастные. «Эталонным» представителем первой группы являются наконечники с гладкими гранями, второй — с так называемым Λ -видным ложком до вершины головки. Существует также масса «промежуточных» вариантов наконечников, имеющих на гранях разнообразные углубления, отличающиеся формой и размерами (от очень коротких до половины длины наконечника и более). Соответственно, форма поперечного сечения одного и того же наконечника будет обусловлена выбором его места. Ближе к втулке такой наконечник будет иметь «трехлопастное» сечение, ближе к вершине — «трехгранное». До сих пор не выработаны единые морфологические признаки, по которым можно было бы безоговорочно отнести наконечник стрелы к той или иной группе. В итоге нередко, даже в пределах одной классификации, в разные группы попадают очень похожие, а иногда и практически одинаковые, по форме наконечники.

Не ставя перед собой задачи решения этой проблемы, а исключительно с целью удобства описания в настоящей работе к группе трехлопастных будут отнесены наконечники с Λ -видным ложком до вершины головки, все остальные — к трехгранным. Подобный подход исключает возможность отнесения одного и того же наконечника к обоим группам. Дополнительным аргументом в пользу подобного принципа распределения является признание примата функциональной, т. е. ударной, части оружия, которой в наконечнике стрелы является верхняя часть головки.

Курган № 1. В погребении обнаружен 1 трехгранный наконечник стрелы с короткой выделенной втулкой и Π -образным ложком до середины длины. Обрезанные прямо лопасти не доходят до основания втулки. Длина 3,2 см (рис. 4, 1).

Курган № 2. В погребении обнаружен 1 массивный трехлопастный наконечник стрелы с короткой выделенной втулкой. Две лопасти срезаны под слегка тупым углом к втулке, третья опущена вниз, образуя короткий массивный шип. Длина 3,7 см (рис. 4, 7).

Курган № 5. В состав набора входило 172 наконечника стрелы. Паспортизации подлежат 150 наконечников следующих разновидностей:

1. Трехгранный наконечник стрелы с относительно длинной втулкой и П-образным ложком до середины длины. Срезанные под острым углом лопасти образуют шипы, из которых 1 доходит до среза втулки, 2 другие — более короткие. Длина 3,2 см. 2 экземпляра (рис. 7, 1а).

2. Наконечник стрелы такой же формы, но с более короткой втулкой и лопастями, доходящими до среза втулки. У части наконечников верхняя часть ложка оформлена в виде Λ-образной вершины. Длина 2,9-3,3 см. 43 экземпляра (рис. 7, 1б, в).

3. Наконечник стрелы такой же формы, но с более короткими лопастями. На ложке в древности был процарапан знак в виде длинной вертикальной линии и пересекающих ее трех косых параллельных линий. Длина 2,9 см. 1 экземпляр (рис. 7, 1г).

4. Трехгранный наконечник стрелы с короткой втулкой, П-образным ложком до середины длины и лопастями, образующими короткие шипы, доходящие до среза втулки. Внутри одного из ложков — рельефный тамгообразный знак в виде косой линии. Длина — 3,0-3,2 см. 5 экземпляров (рис. 7, 1д).

5. Наконечник стрелы такой же формы, но с более длинной втулкой и рельефным тамгообразным знаком в виде косога креста во всех трех ложках. Длина 2,9-3,2 см. 17 экземпляров (рис. 7, 1е, ж).

6. Трехгранный наконечник стрелы с длинной выделенной втулкой, П-образным ложком до середины длины и косо срезанными лопастями, образующими короткие острые шипы, не доходящие до среза втулки. На гранях некоторых наконечников в древности были процарапаны различные знаки (вертикальная и три косых параллельных линий, две короткие поперечные и пересекающая их длинная косая и другие). Длина 2,9-3,6 см. 50 экземпляров (рис. 7, 1з, и, к, л).

7. Трехлопастный наконечник стрелы с выделенной втулкой и срезанными под острым углом лопастями, одна из которых образует короткий острый шип, не доходящий до среза втулки. Длина 3,2 см. 2 экземпляра (рис. 7, 1м).

8. Трехлопастный наконечник стрелы с очень короткой выделенной втулкой и срезанными под острым углом лопастями. Длина 2,9 см. 2 экземпляра (рис. 7, 1н).

9. Трехлопастный наконечник стрелы с выделенной втулкой и срезанными под острым углом лопастями, образующими короткие притупленные

шипы. Внутри ложка, на $2/3$ длины — литой рельефный орнамент в виде поперечных дуг, образующих своеобразную «елочку». Длина 3,1-3,2 см. 4 экземпляра, но по данным отчета их было не менее 20 (рис. 7, 1о).

10. Трехлопастный наконечник стрелы со скрытой втулкой и ровным основанием. Внутри одного из ложек некоторых наконечников в древности процарапан орнамент в виде трех косых параллельных линий, горизонтальной и косой линии. Длина 2,9-3,2 см. 5 экземпляров (рис. 7, 1п, р).

11. Наконечник стрелы такой же формы, но одна из лопастей опущена чуть ниже среза втулки, образуя короткий острый шип. Внутри всех трех ложек — рельефный тамгообразный знак. В двух — в виде одной горизонтальной и одной косой линии по обе стороны втулки, в третьем — в виде двух косых линий, отходящих от втулки вверх. Длина — 3,2 см. 2 экземпляра (рис. 7, 1с).

12. Наконечник такой же формы, но одна из лопастей опущена ниже среза втулки, образуя длинный шип. Длина — 3,2-3,3 см. 12 экземпляров (рис. 7, 1т).

13. Наконечник такой же формы, но все три лопасти опущены ниже среза втулки, образуя длинные острые шипы. Длина — 3,2 см. 3 экземпляра (рис. 7, 1у).

14. Трехлопастный наконечник стрелы с башнеобразной головкой, скрытой втулкой и двумя опущенными ниже среза втулки лопастями. Длина — 3 см. 1 экземпляр (рис. 7, 1ф).

Курган № 6. В погребении обнаружены 2 колчанных набора. В дневнике указано количество стрел только одного набора — 38. В левой описи приводится общее количество наконечников стрел обоих наборов — 132 (стало быть, второй набор должен был содержать 94 наконечника). По отчету и коллекционному списку данные по количеству наконечников стрел одного набора совпадают (38), но численность наконечников второго набора (а также общее их количество) значительно меньше — 75 экземпляров. Хранящиеся в фондах музея наконечники представлены следующими разновидностями:

1. Трехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой и скошенными внутрь гранями у основания втулки. Концы граней опущены вниз, образуя короткие массивные шипы. У основания — короткий П-образный ложок. Длина 2,5-3 см. 61 экземпляр (рис. 9, 1а). По отчету первый набор

состоял исключительно из 38 наконечников стрел этой разновидности. Остальные наконечники входили в состав второго набора.

2. Наконечник стрелы такой же формы, но грани у основания втулки скошены внутрь еще сильнее. В нижней части грани — 2 едва заметных парных углубления. Основание ровное. Длина 3,0-3,1 см. 23 экземпляра (рис. 9, 1б).

3. Трехгранный наконечник стрелы с короткой выделенной втулкой и П-образным ложком на треть длины. Срезанные под острым углом лопасти образуют короткие шипы, достигающие до среза втулки. Внутри ложков — рельефные тамгообразные знаки различной формы. На одной грани — в виде короткой поперечной линии, отходящей в правую сторону от вертикального ствола втулки. На второй — в виде двух поперечных линий, отходящих по обе стороны от втулки на разных уровнях. На третьей — в виде таких же двух линий, но расположенных на одном уровне. Длина 3,2 см. 29 экземпляров (рис. 9, 1в).

Курган № 7. В погребении обнаружены 4 трехгранные наконечника стрелы с выделенной короткой втулкой и П-образным ложком до середины длины. Косо обрезанные лопасти образуют короткие, едва заметные шипы. Длина 3,2-3,3 см (рис. 13, 3).

Курган № 8, погребение 2. В дневнике указано, что в набор входило «до 25 наконечников» стрел, в полевой описи учтено 24 наконечника, в отчете и коллекционном списке — 20. Представлены следующими разновидностями:

1. Трехлопастный наконечник стрелы с короткой выделенной втулкой и косо срезанными концами лопастей, образующих короткие шипы. На одной из граней — рельефный тамгообразный знак в виде поперечных линий, расположенных по обе стороны втулки. Длина 3,2 см. 3 экземпляра (рис. 13, 9а).

2. Трехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой и скошенными внутрь гранями у основания втулки. Концы граней едва опущены вниз, образуя очень короткие, массивные шипы. В нижней части граней — небольшие парные углубления. Длина — 2,5-2,8 см. 10 экземпляров (рис. 13, 9б).

3. Трехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой и дуговидным вырезом у основания. Грани большей части наконечников совершенно гладкие, у некоторых в нижней части — едва заметные парные углубления. Длина 2,2-2,5 см. 7 экземпляров (рис. 13, 9в, г).

Курган № 9. В погребении обнаружено 2 набора. Один, лежавший *in situ*, состоял из 136 наконечников стрел, второй был рассыпан на ограниченном участке и насчитывал 123 наконечника. Два наконечника стрелы, обнаруженные под тазовыми костями погребенного, вероятно, не входили в состав колчаных наборов. Однако и в полевой описи, и в коллекционном списке учтено всего 259 наконечников. Таким образом, оба наконечника из-под таза либо остались неучтенными, либо были отнесены к наконечникам одного из наборов, скорее всего, второго.

К сожалению, в процессе хранения наконечники стрел обоих наборов были перемешаны. Разделить в настоящее время оба набора, основываясь на описании признаков разновидностей наконечников стрел в отчете, не удастся. Это вынуждает дать общую характеристику разновидностей наконечников стрел обоих наборов, из которых паспортизации подлежат 194 экземпляра:

1. Трехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой и П-образным ложком до трети длины. Основание ровное. Одна из лопастей опущена ниже среза втулки, образуя длинный острый шип. В ложках двух граней (за исключением противоположной ребру с шипом) — рельефный тамгообразный знак в виде зеркального изображения ломаных линий. Длина 3,5-3,7 см. 76 экземпляров (рис. 20, 1а).

2. Наконечник стрелы такой же формы, но с иным тамгообразным знаком — в виде косоугольного креста, расположенного внутри ложек двух граней. Длина — 3,4-3,6 см. 21 экземпляр (рис. 20, 1б).

3. Наконечник стрелы такой же формы, но с дуговидным вырезом у основания. Тамгообразный знак в виде косоугольного креста — на всех трех гранях. Длина — 3,4-3,6 см. 15 экземпляров (рис. 20, 1в).

4. Наконечник стрелы такой же формы, но с едва заметной выделенной втулкой. Тамгообразный знак в виде косоугольного креста — на всех трех гранях. Длина — 3,5-3,6 см. 23 экземпляра (рис. 20, 1г).

5. Трехлопастный наконечник стрелы со скрытой втулкой и ровным основанием. Одна из лопастей опущена ниже среза втулки, образуя длинный тонкий шип. Длина — 4,3-4,5 см. 29 экземпляров (рис. 20, 1д).

6. Трехлопастный наконечник стрелы с ровным основанием. Внутри ложек, в нижней части — своеобразный знак в виде вертикально вытянутого ромба. Длина — 2,5-2,7 см. 13 экземпляров (рис. 20, 1е).

7. Трехлопастный наконечник стрелы с длинной втулкой и свисающими вниз лопастями, образующими острые массивные шипы, два из которых более короткие, третий — длиннее, достигающий до основания втулки. Внутри ложков двух граней — рельефный тамгообразный знак в виде тонкой вертикальной линии, достигающей почти до вершины ложка. В третьем ложке подобная линия увенчана рельефным косым крестом. Длина — 3,4-3,5 см. 17 экземпляров (рис. 20, 1ж).

8. Наконечник стрелы такой формы, но более длинная лопасть, образующая шип, опущена ниже среза втулки. Во всех трех ложках — рельефные тамгообразные знаки в виде оригинальной пятилучевой фигуры. Длина — 3,5-3,6 см. 3 экземпляра (рис. 20, 1з).

Курган № 11. В погребении обнаружен 1 трехгранный наконечник стрелы с короткой выделенной втулкой и П-образным ложком до середины длины. Косо обрезанные лопасти образуют короткие острые шипы, не достигающие до среза втулки. Длина — 3,5 см (рис. 22, 6).

Курган № 12. В погребении обнаружен 1 трехгранный наконечник стрелы с короткой выделенной втулкой и П-образным ложком до трети длины. Косо обрезанные лопасти образуют короткие, едва заметные, острые шипы. Длина — 2,9 см (рис. 22, 10).

Курган № 14. В погребении обнаружены наконечники стрел двух разновидностей:

1. Трехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой и ровным основанием. В нижней части грани — три небольших углубления, одно — подтрапцевидной формы, обращенное широкой основой вверх. По обе стороны от него — короткие, едва заметные углубления. Длина — 2 см. 1 экземпляр (рис. 24, 2а).

2. Трехгранный наконечник стрелы очень плохой сохранности. Едва заметен П-образный ложок. Длина сохранившейся части — 1,6 см. 1 экземпляр (рис. 24, 2б).

Курган № 16. В дневнике упомянута находка 39 наконечников, в полевой описи и коллекционном списке учтено 40 наконечников, в отчете описан набор из 50 наконечников стрел. В фондах музея имеют паспорт 38 наконечников стрел следующих разновидностей:

1. Трехгранный наконечник стрелы с длинной выделенной втулкой, П-образным ложком до середины длины и косо срезанными лопастями,

образующими острые короткие шипы. Длина — 3,0-3,2 см. 13 экземпляров (рис. 24, 13а).

2. Трехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой. Основание ровное, иногда с едва заметным дуговидным вырезом. На одной из граней — П-образный ложок до трети длины, на двух других — 3 парных углубления, при помощи которых оформлена шестилучевая фигура в виде косоугольного креста и вертикальной линии. Длина — 2,5-2,6 см. 10 экземпляров (рис. 24, 13б).

3. Трехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой и коротким сводчатым ложком. Одна из граней опущена ниже ровного основания, образуя короткий острый шип. Длина — 2,5-2,6 см. 11 экземпляров (рис. 24, 13в).

4. Трехгранный наконечник стрелы с выделенной длинной втулкой. Свисающие концы граней образуют короткие острые шипы, не достигающие до среза втулки. Поверхность граней гладкая. 3 экземпляра (рис. 24, 13г).

5. Плохо сохранившийся трехлопастный наконечник стрелы, скорее всего, со скрытой втулкой. 1 экземпляр (рис. 24, 13д).

Курган № 20. В состав колчанного набора входило 38 наконечников стрел. Паспортизации подлежат 37 наконечников следующих разновидностей:

1. Трехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой и дуговидным вырезом у основания. Поверхность граней гладкая. Длина — 2,6 см. 4 экземпляра (рис. 29, 3а).

2. Трехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой и ровным основанием. Концы граней едва опущены ниже среза втулки, образуя мелкие острые шипы. Поверхность граней гладкая. Длина — 2,1-2,2 см. 3 экземпляра (рис. 29, 3б).

3. Трехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой и дуговидным вырезом у основания. В нижней части граней — 2 углубления. Длина — 2,6 см. 4 экземпляра (рис. 29, 3в).

4. Трехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой, дуговидным вырезом у основания и коротким П-образным ложком. Одна из граней опущена вниз, образуя короткий острый шип. Длина — 2,9-3,0 см. 17 экземпляров (рис. 29, 3г).

5. Трехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой, ровным основанием и двумя небольшими парными углублениями в нижней части граней. Длина — 2,5-2,6 см. 2 экземпляра (рис. 29, 3д).

6. Трехгранный наконечник стрелы с едва выделенной короткой втулкой, П-образным ложком до середины длины и косо срезанными концами лопастей, образующими короткие острые шипы. Внутри ложка — рельефный тамгообразный знак в виде косога креста. Длина — 2,4 см. 1 экземпляр (рис. 29, 3е).

7. Наконечник стрелы такой же формы, но с более коротким, до четверти длины, ложком и без тамгообразного знака. Длина — 3 см. 1 экземпляр (рис. 29, 3з).

8. Трехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой, ровным основанием, П-образным ложком до трети длины. Концы лопастей опущены вниз, образуя длинные острые шипы. Длина — 3,1 см. 1 экземпляр (рис. 29, 3ж).

9. Трехгранный наконечник стрелы с выделенной длинной втулкой. Свисающие концы граней образуют короткие острые шипы, не достигающие до среза втулки. Длина сохранившейся части 2,2 см. 1 экземпляр (рис. 29, 3и).

10. Трехлопастный наконечник стрелы со скрытой втулкой и дуговидным вырезом у основания. Длина — 3,5 см. 1 экземпляр (рис. 29, 3к).

11. Такой же наконечник стрелы, но с ровным основанием и свисающими концами лопастей, образующими короткие шипы. Длина — 3,1 см. 1 экземпляр (рис. 29, 3л).

12. Трехлопастный наконечник стрелы с выделенной втулкой и обрезанными под тупым к втулке углом лопастями. Длина — 3,3 см. 1 экземпляр (рис. 29, 3м).

Курган № 25. По дневнику и отчету набор состоял из 141 наконечника, в полевой описи учтено 144 наконечника. Паспортизации подлежат 133 наконечника следующих разновидностей:

1. Трехлопастный наконечник стрелы с короткой выделенной втулкой и свисающими концами лопастей, образующими длинные, опущенные ниже основания втулки, шипы. Длина — 3,0-3,2 см. 5 экземпляров (рис. 34, 3а).

2. Трехлопастный наконечник стрелы с очень короткой выделенной втулкой, чуть прогнутыми лопастями, концы которых широко расходятся в стороны, образуя длинные шипы, опущенные ниже основания втулки. Длина — 3,3 см. 2 экземпляра (рис. 34, 3б).

3. Трехлопастный наконечник стрелы с короткой выделенной втулкой и срезанными под острым углом к втулке лопастями, не достигающими до среза втулки. Длина — 3,1 см. 1 экземпляр (рис. 34, 3в).

4. Трехлопастный наконечник стрелы с длинной тонкой втулкой, заканчивающейся у основания головки и срезанными под острым углом к втулке лопастями. Длина — 2,9-3,0 см. 2 экземпляра (рис. 34, 3г).

5. Трехлопастный наконечник стрелы с выделенной массивной втулкой и маленькими лопастями, срезанными под тупым к втулке углом. Длина — 2,5 см. 1 экземпляр (рис. 34, 3д).

6. Трехгранный наконечник стрелы с едва выделенной короткой втулкой и П-образным ложком до середины длины. Одна из лопастей опущена ниже среза втулки, образуя острый длинный шип. У большей части наконечников шип отломан, но свежий, не окислившийся, характер излома свидетельствует, что подобная процедура произошла уже в настоящее время, при разборе спекшихся окислами наконечников. Внутри ложка на каждой грани — рельефный тамгообразный знак в виде косоугольного креста. Длина — 3,2-3,8 см. 108 экземпляров (рис. 34, 3е, ж, з).

7. Трехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой и П-образным ложком на четверть длины. Одна из граней опущена ниже среза втулки, образуя острый длинный шип. Длина — 3,4-3,5 см. 4 экземпляра (рис. 34, 3и).

8. Трехгранный наконечник стрелы с выделенной длинной втулкой. Свисающие концы граней образуют острые шипы различной длины, не достигающие до среза втулки. Длина — 3,1 см. 2 экземпляра (рис. 34, 3к).

9. Трехгранный наконечник стрелы с едва заметной короткой втулкой. Свисающий конец одной грани образует острый длинный шип. На всех гранях парными углублениями оформлена фигура в виде косоугольного креста и вертикальной линии. Длина — 3,7 см. 2 экземпляра (рис. 34, 3л).

10. Трехгранный наконечник стрелы с выделенной втулкой, П-образным ложком до середины длины одной отходящей в сторону лопастью, образующей острый длинный шип. Внутри ложка одной из граней расположен рельефный тамгообразный знак в виде перевернутой буквы Λ , вершина которой доходит до нижнего среза втулки, а верхняя часть ограничена косоугольной рельефной линией. Внутри ложка двух других граней знак имеет форму короткой перевернутой буквы Λ , расположенной в нижней части втулки. Длина — 3,1 см. 1 экземпляр (рис. 34, 3м).

11. Трехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой, П-образным ложком до трети длины и опущенными вниз концами граней, образующими

шпы. Внутри ложка — рельефный тамгообразный знак в виде косо-го креста. Длина — 3,3 см. 1 экземпляр (рис. 34, 3н).

12. Трехгранный наконечник стрелы с короткой выделенной втулкой и косо срезанными лопастями, образующими короткие острые шпы. На двух гранях высокий П-образный ложок, на третьей — длинные парные углубления. Длина — 3,0-3,1 см. 4 экземпляра (рис. 34, 3о).

Курган № 28. В погребении обнаружено 2 трехгранных наконечника стрелы со скрытой втулкой, ровным основанием и опущенным концом грани, образующим острый короткий шип. Длина — 2,2 см (рис. 37, 3).

Курган № 31. Обнаружен 1 трехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой, неровным вырезом у основания и коротким П-образным ложком. Длина — 2,8 см (рис. 37, 12).

Курган № 32. Набор состоял из 211 наконечников стрел, из которых паспортизации подлежит 184 наконечника следующих разновидностей:

1. Трехлопастный наконечник стрелы со скрытой втулкой. Одна из лопастей опущена ниже среза втулки, образуя длинный острый шип. Внутри одного из ложек — рельефный тамгообразный знак в виде косо-го креста. Длина — 3,6 см. 1 экземпляр (рис. 38, 1а).

2. Трехлопастный наконечник стрелы с короткой выделенной втулкой и косо срезанными концами лопастей, образующими короткие острые шпы, доходящие до среза втулки. Длина — 2,8 см. 1 экземпляр (рис. 38, 1б).

3. Трехлопастный наконечник стрелы с короткой втулкой и длинными концами лопастей, образующими острые шпы. Длина — 2,9-3,0 см. 5 экземпляров (рис. 38, 1в).

4. Наконечник стрелы такой же формы, но более короткий. Внутри ложек — рельефный тамгообразный знак в виде двух дуг, поднимающихся от концов лопастей к оси втулки. Длина — 2,3 см. 1 экземпляр (рис. 38, 1г).

5. Трехгранный наконечник стрелы с выделенной втулкой и свисающими концами граней, образующими острые шпы, доходящие до среза втулки. Грани гладкие. Длина — 2,7 см. 16 экземпляров (рис. 38, 1д).

6. Наконечник стрелы такой же формы, но с более короткой втулкой и короткими парными углублениями в нижней части граней. Длина — 2,7 см. 1 экземпляр (рис. 38, 1ж).

7. Наконечник стрелы такой же формы, но с более длинной втулкой и короткими, не достигающими до среза втулки, шипами. Длина — 3,0-3,1 см. 4 экземпляра (рис. 38, 1e).

8. Трехгранный наконечник стрелы с короткой выделенной втулкой, П-образным ложком до трети длины и косо срезанными лопастями, образующими короткие острые шипы. Длина — 3,5 см. 2 экземпляра (рис. 38, 1з).

9. Наконечник такой же формы, но с чуть более длинными шипами. На гранях вместо ложка — высокие парные углубления до половины длины. Длина — 3,2 см. 3 экземпляра (рис. 38, 1u).

10. Трехгранный наконечник стрелы с короткой, едва заметной, втулкой, П-образным ложком до середины длины и прямо обрезанными концами лопастей. Внутри ложка — рельефный тамгообразный знак в виде косога креста. Длина — 3,3 см. 1 экземпляр (рис. 38, 1к).

11. Трехгранный наконечник стрелы с короткой, едва заметной, втулкой, П-образным ложком до трети длины и косо срезанными лопастями, одна из которых образует длинный острый шип. Длина — 3,4-3,5 см. 40 экземпляров (рис. 38, 1л).

12. Трехгранный наконечник стрелы, отлитый в одной форме с предыдущим типом. В результате последующей заточки нижней части на четверть длины наконечник приобрел иной вид — со скрытой втулкой, коротким П-образным ложком и неровным вырезом у основания. Длина — 2,5-2,7 см. 14 экземпляров (рис. 38, 1м).

13. Трехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой. Одна из граней, опущенная ниже среза основания, образует острый длинный шип. На гранях — широкие парные углубления до трети высоты. Полоса, разделяющая углубления, имеет своеобразную каплевидную форму. Ее конец, опущенный ниже основания, придает последнему зубчатый край. На одной из граней — рельефный тамгообразный знак в виде двух косых насечек. Длина — 3,3 см. 1 экземпляр (рис. 38, 1н).

14. Трехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой, коротким П-образным ложком и ровным основанием. Одна из лопастей опущена вниз, образуя длинный острый шип. Внутри двух ложек — рельефный тамгообразный знак в виде двух косых линий, направленных вверх по обе стороны от втулки. Несомненно, что это сохранившаяся после заточки верхняя часть «косога креста». Длина — 3,1 см. 1 экземпляр (рис. 38, 1о).

15. Трехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой, П-образным ложком до трети длины, внутри которого — рельефный тамгообразный знак в виде косога креста. Одна из лопастей опущена вниз, образуя острый длинный шип. Длина — 3,4 см. 5 экземпляров (рис. 38, 1n).

16. Трехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой, П-образным ложком до середины длины и косо срезанными остриями лопастей, одна из которых образует короткий острый шип. Длина — 3,4-3,6 см. 5 экземпляров (рис. 38, 1p).

17. Трехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой и ровным основанием. Одна из лопастей образует длинный острый шип, загнутый в сторону втулки. На гранях — высокие парные углубления. Внутри углублений двух граней — рельефные знаки в виде двух линий — нижней косою и верхней горизонтальной, расположенной в зеркальном изображении по обе стороны ребра с шипом. Длина — 3,3 см. 1 экземпляр (рис. 38, 1c).

18. Трехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой и ровным основанием. Одна из граней образует длинный, ровно обрезанный шип. На всех гранях — 3 парные углубления, с помощью которых оформлен тамгообразный знак в виде косога креста с вертикальной осью. Длина — 3,4 см. 1 экземпляр (рис. 38, 1m).

19. Трехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой, и ровным, иногда зубчатым, основанием. На двух гранях — широкие парные углубления до трети высоты, на третьей — три парные углубления, с помощью которых оформлен тамгообразный знак в виде косога креста с вертикальной осью. Длина — 2,6-3,3 см. 40 экземпляров (рис. 38, 1y, ф).

20. Трехгранные наконечники стрел, отлитые в одной форме с наконечниками предыдущего типа, но в результате последующей заточки получившие разнообразный вид — с ровным основанием и короткими углублениями (рис. 38, 1x), с одним (рис. 38, 1z) или тремя свисающими шипами (рис. 38, 1ч). Длина — 2,5-3,0 см. 25 экземпляров.

21. Трехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой и зубчатым основанием. На гранях — широкие парные углубления на четверть высоты. Длина — 2,4-2,6 см. 3 экземпляра (рис. 38, 1ш).

22. Наконечник стрелы такой же формы, но с ровным основанием и опущенными вниз концами граней, образующими короткие острые шипы.

Парные углубления на гранях — на треть высоты. Длина — 2,7-2,8 см. 2 экземпляра (рис. 38, 1ц).

23. Трехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой и дуговидным вырезом у основания. Опущенные вниз концы граней образуют длинные острые шипы. На двух гранях — короткий П-образный ложок, на третьей — два парные углубления. Длина — 3,1-3,3 см. 2 экземпляра (рис. 38, 1э).

24. Трехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой и глубоким дуговидным вырезом у основания, в результате чего опущенные вниз грани образуют острые длинные шипы. Грани гладкие. Длина — 2,4-2,9 см. 2 экземпляра (рис. 38, 1ю).

25. Трехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой, ровным основанием и двумя парными углублениями на гранях на четверть высоты. Длина — 3,1 см. 1 экземпляр (рис. 38, 1я).

26. Трехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой и дуговидным вырезом у основания. На одной из граней — короткий П-образный ложок, на второй — два парные углубления такой же длины, на третьей — углубления такой же формы, но более высокие. Опущенные вниз концы граней образуют короткие шипы. Длина — 2,5-2,7 см. 6 экземпляров (рис. 38, 1я1).

Курган № 33. В погребении обнаружено 4 наконечника стрелы двух разновидностей:

1. Трехлопастный наконечник стрелы с выделенной втулкой и косо срезанными концами лопастей, образующими короткие острые шипы. Длина — 3,3-3,4 см. 2 экземпляра (рис. 40, 1а). Еще один трехлопастный наконечник имел очень плохую сохранность (рис. 40, 1в).

2. Трехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой и дуговидным вырезом у основания. Грани гладкие. Длина — 2,6 см. 1 экземпляр (рис. 40, 1б).

Курган № 34. В погребении обнаружено 23 наконечника стрелы, из которых 20 подлежат типологическому определению:

1. Трехлопастный наконечник стрелы со скрытой втулкой и ровным основанием. Длина — 3,1-3,2 см. 2 экземпляра (рис. 40, 10д).

2. Наконечник стрелы такой же формы, но концы лопастей опущены ниже основания и образуют короткие острые шипы. Длина — 3,3-3,4 см. 2 экземпляра (рис. 40, 10е).

3. Трехгранный наконечник стрелы с хорошо выделенной втулкой, ровно обрезанными концами граней и очень высоким П-образным ложком. Длина — 2,4-2,5 см. 4 экземпляра (рис. 40, 10г).

4. Трехгранный наконечник стрелы с короткой выделенной втулкой, высоким (на две трети длины) П-образным ложком и косо срезанными концами граней, образующими короткие острые шипы. Длина — 3,0-3,2 см. 6 экземпляров (рис. 40, 10а).

5. Наконечник стрелы такой же формы, но с рельефным тамгообразным знаком в виде косога креста внутри ложка. Длина — 3,0-3,1 см. 4 экземпляра (рис. 40, 10б).

6. Трехгранный наконечник стрелы с едва выделенной втулкой, П-образным ложком до середины высоты и опущенными вниз концами граней, образующими тонкие острые шипы. Длина — 3,6 см. 2 экземпляра (рис. 40, 10в).

В некоторых случаях сохранились фрагменты древков стрел. Все древки имели круглое сечение диаметром 0,3-0,4 см, хотя реальная их толщина, изменившаяся вследствие усыхания дерева, могла быть несколько большей [Черненко, 1981, с. 23]. Определить приблизительные размеры древков стрел не представляется возможным, так как длина сохранившихся наконечников не превышает нескольких сантиметров.

Плохая сохранность обнаруженных в могилах футляров для стрел исключает возможность безоговорочного их определения как горитов или колчанов. По этой же причине не представляется возможным описать их подробное устройство, хотя, по всей вероятности, они мало чем отличались от распространенных в то время типов [Черненко, 1981, с. 29-62; Степи..., 1989, с. 92, 93].

Лишь в некоторых случаях были зафиксированы остатки футляров в виде древесного тлена и кусков кожи черного цвета (курганы №№ 5, 6, 25). Примечательно отсутствие золотых пластин и бляшек, украшавших внешнюю поверхность футляров для стрел (достаточно хорошо представленных в степных погребениях знати). Отнесение к украшениям колчана дуговидно изогнутых рифленых пластин из кургана № 32 [Бородулин, 1980б, с. 5; Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 82] едва ли можно признать бесспорным. На плане погребения и в отчете сведения об их местоположении отсутствуют, а внешний вид бляшек позволяет предположить их более вероятное использование в качестве обычной пластинчатой аппликации.

Судя по лежавшим *in situ* наконечникам стрел, ширина футляров колебалась от 8-12 см (курганы №№ 8 и 6) до 15-17 см (курганы №№ 5, 9, 25, 32). Если более узкие футляры являлись, скорее всего, колчанами, то шириной от 15 см могли быть как колчанами, так и горитами. В свое время неоднократно предпринимались попытки увязать определение колчана или горита в зависимости от ширины футляра [Ильинская, 1968, с. 96; Ключко, 1976, с. 25; 1980, с. 50], но все они были подвергнуты аргументированной критике [Черненко, 1981, с. 50, 51, 126, 127].

Некоторые футляры имели внутренние перегородки, делившие пространство для стрел на 2 (курганы №№ 5, 6, 8) или 3 (курганы №№ 20 и 25) отделения, хотя в части футляров такие перегородки не прослеживаются (курганы №№ 6, 9, 32). Подобные перегородки зафиксированы в ряде случаев [Бидзиля, Болтрик, Мозолевский и другие, 1977, с. 70; Бородулин, 1977, с. 272; Привалова, Зарайская, Привалов, 1982, с. 157; Андрух, 1988, с. 165; Скорый, Хохоровски, 2004б, с. 36 и другие].

Копья, дротики и втоки. Наконечники копий были обнаружены в 4 погребениях и представлены 7 экземплярами, большая часть которых, по классификации А. И. Мелюковой относится к отделу наконечников с остролистным пером. Из них 3 наконечника принадлежат первому типу этого отдела — с узким ребром посередине пера. Два наконечника из кургана № 16 имели практически идентичные параметры — общая длина наконечников около 45 см, длина пера — 26,5 см, ширина пера — 3,6 см, диаметр втулки у основания — 2,7 см. Нижний край втулки одного из наконечников стянут кольцом (рис. 24, 8, 9). Наконечник копья из кургана № 25 имел несколько большие размеры. Его общая длина составляла 52,5 см, длина пера — 31,5 см, ширина пера — 3,5 см, диаметр втулки у основания — 2,9 см. Нижний край втулки стянут кольцом. Ребро четко просматривается лишь в нижней части пера, в верхней части наконечник имеет линзовидное сечение (рис. 34, 1). Наибольшее распространение наконечники подобного типа получили в памятниках лесостепного региона [Мелюкова, 1964, с. 40].

Еще 2 наконечника копья из кургана № 9 относятся к наиболее распространенному в это время типу наконечников с остролистным пером без ребра [Мелюкова, 1964, с. 40-42]. Наконечники практически идентичны и отличаются лишь шириной пера и соотношением длины пера и втулки — у одного наконечника копья перо чуть длиннее втулки, у другого — немного

короче. Общая длина наконечников — около 40 см, ширина пера — 3,5-3,8 см, диаметр втулки у основания — 3,6 см. В сечении перо имеет форму вытянутого ромба (рис. 20, 3, 4).

Наконечник копья из кургана № 6 по классификации А. И. Мелюковой относится к третьему типу первого отдела — лавролистным наконечникам без ребра на пере. Общая длина наконечника — 40,5 см, длина пера — 21 см, ширина пера — 5 см, диаметр втулки у основания — 3,5 см. Нижний край втулки стянут кольцом. В сечении перо имеет форму сильно вытянутой, плоской линзы (рис. 9, 7). В IV в. до н. э. наконечники копий подобного типа получили наибольшее распространение в памятниках Харьковской области и на Среднем Дону [Мелюкова, 1964, с. 39, табл. VIII].

Достаточно оригинальную форму имеет второй наконечник копья из кургана № 25. Наконечник отличается короткой тонкой втулкой и формой длинного остролистного пера — с сильным расширением у основания. Посредине пера, по всей длине, проходит узкое ребро. Общая длина наконечника — 38,5 см, длина пера — 28 см, ширина пера — 6,5 см, диаметр втулки — 2,5 см (рис. 34, 2). Наконечник копья очень похожей формы, но без ребра, обнаружен в кургане № 2 у с. Красный Подол на Херсонщине [Полин, 1984а, с. 112, рис. 13, 4]. Близкую форму пера имеют также наконечники копий из курганов № 487 у с. Макеевка [Галанина, 1977, с. 25, табл. 10, 10], № 14 Стеблевского могильника [Скорый, 1997, с. 30, рис. 53, 1], № 4 у с. Новоселка [Бессонова, 1994, с. 23, рис. 5, 1, 2], № 1/1 у с. Яснозорье [Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1994, с. 46, рис. 2, 2].

В трех погребениях могильника были обнаружены 5 наконечников дротиков — 1 в кургане № 9 и по 2 — в курганах №№ 6 и 18 (рис. 9, 8, 9; 20, 2; 26, 4, 5). Форма наконечников стандартная — втулка конической формы, переходящая в длинный тонкий стержень, увенчанный жаловидным пером. Нижний край втулки у некоторых наконечников стянут кольцом. Жаловидное перо в сечении линзовидной формы. Средняя длина наконечников дротиков — 39-40 см, хотя имеются и значительные отклонения от этого параметра по обе стороны. Длина наконечника дротика из кургана № 9 составляла 57 см, а из кургана № 18/1 — 26,5 см. Длина пера — 5-6,5 см, ширина пера — 2-2,5 см, диаметр втулки у основания — 1,8-2,5 см.

Более оригинальную форму имел наконечник дротика, обнаруженный на поверхности почвы, в 12 м к востоку от кургана № 16. Дротик имел

суженное кверху, длинное широкое перо, в сечении ромбобидное. Общая длина наконечника — 27 см, длина пера — 10 см, ширина пера — 3,2 см (рис. 24, 10). Близкий по внешнему виду наконечник дротика был обнаружен в кургане № 12 у пос. Старый Мерчик [Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 82, рис. 22, 2], а также № 38 Староживотинного могильника [Медведев, 2001, с. 5, рис. 4, 4].

Интересно, что размеры большинства наконечников копий и дротиков колеблются в пределах 40+2 см, достаточно редко выходя за пределы этих параметров. Это свидетельствует о существовании определенной стандартизации, используемой при изготовлении некоторых видов наступательного вооружения. Примечательно, что эти параметры практически совпадают с размерами мерной линейки, обнаруженной на Восточном Бельском городище (41,65 см), соответствующей древней мере длины «локоть» [Шрамко, 1983б, с. 56, табл. 10, 5].

Втоки копий и дротиков были обнаружены в 10 погребениях в количестве 23 экземпляров. При этом втоки присутствовали почти во всех комплексах (за исключением кургана № 25), где были обнаружены наконечники копий и дротиков, и еще в 6 погребениях, где этот вид вооружения отсутствовал (несомненно, по причине ограбленности могил), свидетельствуя, таким образом, о его более широком распространении.

Втоки, обнаруженные в погребениях Песочинского могильника, отличаются большим разнообразием форм и представлены практически всеми известными для этого времени типами. Наиболее широкое распространение получили втоки в виде цилиндрической трубочки — курганы № 5, 6, 16, 17, 20 (рис. 7, 3, 4; 9, 10-12; 24, 12, 17; 29, 4). Длина таких втоков колеблется в пределах 5,5-8,5 см, диаметр — 1,4-2,0 см. Примерно такие же параметры имели и цилиндроконические втоки, отличающиеся от предыдущих формой резко сужающейся нижней части — курганы № 14, 34 (рис. 24, 7; 40, 11).

У некоторых втоков конической формы один из концов, более широкий (курган № 9), или узкий (курган № 16), был стяннут железным кольцом или оковкой-поддоном (рис. 20, 5; 24, 11).

В кургане № 6 были обнаружены 4 втока так называемой рюмкообразной формы, которые, вероятно, являлись подражанием формы ножек некоторых типов древнегреческих амфор. Два втока (от копий) были более

массивными — длина 7,8-8,3 см, диаметр — 2-3 см, еще два (от дротиков), помельче — длина — 5,7-6,8 см, диаметр — 1,6-1,8 см (рис. 9, 13-16). Втоки подобной формы были чрезвычайно широко распространены в памятниках Среднего Дона [Мелюкова, 1964, с. 45; Либеров, 1965, табл. 18, 13-15, 17-21; Пузикова, 1969, рис. 5, 12, 15; Савченко, 2001, рис. 23, 22, 29-31; 27, 3; 31, 7-10; Ворошилов, 2004, с. 37, 38 и другие].

Втоки из кургана № 33 имели форму длинных цилиндрических трубочек, слегка расширенных на обоих концах. Длина втоков — 17,3-17,5 см, диаметр на концах — 1,5-1,6 см (рис. 40, 3). Такую же форму имел и более короткий (длина 6,4 см) вток из кургана № 18/1 (рис. 26, 6).

Несколько иная форма у втока из кургана № 14. Один конец длинной цилиндрической трубочки заканчивается коническим расширением, другой — оформлен в виде едва заметного утолщения, сильно суженного на конце. Длина втока — 15 см, диаметры оснований — 0,8 и 1,5 см (рис. 24, 6).

Отдельно следует коснуться вопроса о количестве втоков в кургане № 6. На дне *in situ* лежали наконечники 2 дротиков и копья и 3 втока рюмкообразной формы от них. Еще 1 вток такой же формы и кончик наконечника копья (?) (рис. 10, 8) были найдены в заполнении могилы, при этом их местоположение следует связывать не с ограбленностью могилы, а со спецификой погребальной обрядности. Кроме этого, в коллекции музея, среди предметов вещевого комплекса кургана № 6 присутствует 3 цилиндрических втока с остатками дерева внутри. По инвентарной книге и коллекционному списку эти втоки отнесены к находкам из кургана № 6, но ни в дневнике, ни в отчете, ни в полевой описи не отмечено не только их местоположение, но и сам факт находки.

В одном случае удалось проследить длину дротиков (курган № 6). Расстояние между лежавшими *in situ* наконечниками дротиков и втоками составляло 1,46 м. Учитывая длину наконечников дротиков и втоков, общая длина дротиков равнялась 1,91-1,92 см.

Следует также отметить находку в верхней части втулки наконечника копья из кургана № 25 муфты в виде тонкой бронзовой пластины (1,1 × 0,1 см), согнутой в овальное кольцо (диаметр 2/3,5 см) с незамкнутыми концами. На внешней поверхности пластины, ближе к краю с разомкнутыми концами, находились расположенные друг против друга 2 железные заклепки (рис. 34, 5).

Подобные муфты являются оковками футляра для наконечников и встречаются довольно редко — курганы № 453 у с. Макеевка [Мелюкова, 1964, с. 43, табл. 12, 1; Галанина, 1977, табл. 7, 6], № 19, погребение 1 Купьевахского могильника [Бойко, Берестнев, 2001, с. 41, рис. 42, 3, 4], № 2 у с. Малая Рогозянка [Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 81]. В отличие от песочинской, все перечисленные муфты были изготовлены из железа.

Мечи. В погребениях могильника было обнаружено 3 меча. Меч из кургана № 5 относится к отделу мечей с антенным навершием (рис. 7, 2). Рукоять меча прямая, в сечении прямоугольная (2,9 x 1,4 см). Навершие состоит из двух волют, параллельные концы которых упираются в торец рукоятки. Внешний вид навершия более близок не простым, а когтевидным антенным навершиям. Какие-либо насечки, рисунки на навершии и рукояти меча отсутствуют, но, возможно, они не просматриваются из-за сильной коррозии металла.

Бабочковидное перекрестие состоит из двух пластин, приваренных к рукояти. Особенности формы угла перекрестия со стороны, обращенной к рукояти, из-за коррозии не просматриваются. Едва прогнутые образующие плавно переходят в полукружия. На стороне, обращенной к клинку, отсутствует характерная для практически всех типов перекрестий угловая выемка посередине [Алексеев, 1991а, с. 273], но, возможно, что она также не просматривается из-за сильной коррозии металла. Ширина перекрестия 8 см.

Сохранность клинка меча очень плохая. Из-за коррозии клинок при изъятии из погребения распался на множество крупных и мелких частей и впоследствии восстановлен не был. По описанию в отчете, а также фотографии лежащего в погребении меча клинок имел треугольную форму. По приведенным в отчете параметрам длина клинка составляла 27 см, при общей длине меча 42,5 см. Таким образом, находку следовало отнести, скорее всего, к категории кинжалов, а не мечей. Однако внимательное рассмотрение фотографии меча заставляет усомниться в приведенных в отчете размерах. На фотографии меча, снимок которого был сделан перед его изъятием из могилы, отсутствует измерительная линейка, однако четко видно, что соотношение длины рукояти с навершием и перекрестием к длине клинка приблизительно составляет пропорцию 1:3. Длина самой рукояти с навершием и перекрестием равняется 14,2 см. Путем неслож-

ных подсчетов легко установить, что на самом деле длина клинка должна была составлять приблизительно 42,5 см. Столь значительная погрешность этих параметров объясняется, вероятно, тем, что при написании отчета зафиксированная после расчистки погребения длина клинка была ошибочно принята за общую длину меча, которая на самом деле составляла около 57 см.

По наблюдениям В. Г. Бородулина, меч находился в железных ножнах, которые «очень плохо сохранились и буквально спеклись с мечом» [Бородулин, 1978, с. 17]. Это наблюдение было дословно воспроизведено А. В. Бандуровским [Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 78]. Однако изучение остатков меча, хранящихся в музее, показало, что слоистая структура клинка, принятая В. Г. Бородулиным за спекшиеся ножны с клинком, связана с коррозией металла и к ножнам меча никакого отношения не имеет.

А. И. Мелюкова выделяет мечи с бабочковидным перекрестием и простым антенным навершием во второй тип второго отдела своей классификации [Мелюкова, 1964, с. 54, 55, табл. 20, 1, 2, 12]. Форма навершия и перекрестия песочинского меча близка серии мечей с навершием в виде стилизованного изображения пары птичьих глаз или когтей, соединенных перемычкой [Мерперт, 1948, с. 74-79; Шрамко И. Б., 1992, с. 221-223]. Возможно, песочинский меч является своеобразной переходной формой между мечами двух типов. Типологически меч близок находкам из Елизаветовского могильника, кургана № 4 близ Керчи, Крячковского кургана на р. Удай, а также № 5 у с. Великая Гомольша, № 2/2 у с. Корнеевка, № 2/1 у с. Новофедоровка [Сидоренко, 1964, с. 191, рис. 1; Копылов, 1980, с. 26, рис. 1, 5, 6; Шрамко, 1983а, с. 55, рис. 2, 1; Кислий, Скорый, 1990, с. 130, рис. 2, 1; Ковалев, Полин, 1991, с. 44, рис. 5; Куприй, 1991, с. 144, рис. 4, 7; Янгулов, 2002, с. 54-59].

Меч из кургана № 20 имел навершие в виде уплощенного овала. Рукоятка подовальной формы, более узкая по краям (2 см) и расширенная по середине (3 см). Перекрестие отсутствовало. Лезвие имело форму узкого, вытянутого к острию треугольника, в сечении линзовидное. Общая длина меча — 45 см (рис. 29, 5).

Мечи с овальным навершием составляют третий тип первого отдела, по классификации А. И. Мелюковой [Мелюкова, 1964, с. 51, 52, табл. XIII].

По форме навершия и рукояти песочинский акинак близок мечам из Чертомлыка [Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, кат. 184-187], курганов № 11 у с. Старый Мерчик [Бандуровский, Буйнов, 2000, рис. 20, 1], № 7/1 могильника Колбино I-Терновое I [Гуляев, Савченко, 1999, с. 159, 160; рис. 3, 8], №№ 9 и 10 у с. Дуровка [Пузикова, 1969, с. 93, рис. 6, 1-5; 1984, рис. 2, 2-4], № 489 у с. Макеевка [Галанина, 1977, табл. 10, 21]. Навершия, рукояти и перекрестия большинства перечисленных аналогий украшены накладками. У последнего меча они костяные, у большинства — из тонкого золотого листа, которым обтянуто рельефное изображение стилизованных фигурок животных. Песочинский меч отличается отсутствием каких-либо накладок, рельефных изображений, а также собственно железного перекрестия. Последнее сближает этот меч с акинаком из макеевского кургана, у которого также отсутствовало железное перекрестие, а вырезанное из костянных накладок, скорее всего, являлось имитацией и имело, в первую очередь, декоративные функции.

Известна серия мечей без металлического перекрестия синдо-меотского или меотского типа, получивших распространение во второй половине V-начале III вв. до н. э. [Смирнов, 1980, с. 38-45, рис. 2; 3; Максименко, 1983, с. 105, рис. 63, 3-10; Эрлих, 1991, с. 77-99, рис. 1-6]. Однако по форме навершия и рукояти песочинский акинак отличается от мечей этого типа.

Отсутствует перекрестие и на кинжале с овальным навершием и прямой рукояткой из Днепропетровского исторического музея [Голубчик, 1986, с. 81, рис. 2, 4]. Вполне вероятно, что отсутствие перекрестия на мечах может быть связано не с конструктивной особенностью, а просто с его утерей из-за низкого качества сварки, что хорошо прослеживается на мечах из Западного Бельского городища, Яблуновки, Плискачевки, погребении 7 Николаевского могильника и других памятников [Шрамко, Фомин, Солнцев, 1970, с. 50, рис. 7, 1, 3-6; Мелюкова, 1975, с. 176, рис. 56, 7; Шрамко И. Б., 1990, с. 138].

Помимо этого, обломок нижней части лезвия меча, атрибутированный В. Г. Бородулиным как фрагмент железного ножа, был обнаружен в кургане № 9. Длина сохранившейся части лезвия — 16,5 см, ширина в верхней части — 2,3 см, в нижней — 1,0 см (рис. 20, 7). В сечении клинок имел линзовидную форму. На поверхности клинка сохранились остатки древесного тлена от деревянных ножен меча. Восстановить внешний вид самого

меча невозможно, но, исходя из формы сохранившегося обломка, меч имел длинный тонкий клинок.

Еще один меч, возможно, был во впускном, разрушенном погребении кургана № 6. По описанию школьников он имел небольшие размеры и был сделан из металла светлого цвета (ножны?), однако проверить достоверность этой информации нет возможности.

ДОСПЕХ

Пластинчатые доспехи. Остатки пластинчатых доспехов были обнаружены в 3 погребениях. В 2 случаях доспехи были сильно потревожены грабителями, поэтому невозможно достоверно определить ни ассортимент защитного вооружения, которое сопровождало погребенного, ни особенности его конструкции.

В погребении кургана № 5 было собрано свыше 1200 железных пластинок двух вариантов. К первому варианту относятся небольшие пластины с прямоугольным верхним краем и округлым нижним (рис. 7, 5). В сечении верхняя часть пластины ровная, нижняя — выгнутая дугой. При нашивании горизонтальными рядами верхняя (ровная) часть бляшек нижнего ряда перекрывалась дуговидной (нижней) частью бляшек верхнего ряда, посредством чего обеспечивалось более компактное соединение горизонтальных рядов доспеха.

При наборе пластин этого варианта использовался левый принцип набора — левый край одной пластины не более чем на треть закрывался правым краем соседней пластины. Пластины верхнего ряда перекрывали нижние на половину их высоты. При этом пластины одного горизонтального ряда были смещены в сторону относительно другого, в результате чего стыки бляшек соседних рядов не совпадали.

Для крепления к основе в верхней части бляшек были пробиты 2 дырочки. Размеры бляшек — 2,2 × 1,1 см.

Второй вариант представлен более крупными и продолговатыми пластинами, ровными на протяжении всей длины. Принято считать, что подобными пластинами набирался подол панциря [Черненко, 1968, с. 32]. В верхней части пластин были пробиты 3 дырочки, еще 2 — вдоль левого края, в средней и нижней части. Размеры пластин — 3,6 × 1,6 см (рис. 7, 6).

При креплении этих пластин использовался иной, правый принцип набора. Подобное сочетание в одном доспехе обоих принципов набора было достаточно распространенным явлением [Черненко, 1968, с. 31, 32].

В состав доспеха из кургана № 9 входили железные и бронзовые пластины. Подобные биметаллические наборы имели многие доспехи, в сводке Е. В. Черненко учтено не менее 24 случаев [Черненко, 1968, с. 22, 34-36, 170-178]. Взаимное расположение железных и бронзовых пластин в доспехах было разнообразным. В некоторых случаях бронзовые пластины могли составлять самостоятельную часть доспеха, но известны панцири, в которых железные и бронзовые пластины располагались в шахматном порядке [Черненко, 1968, с. 35].

Осмотр остатков песочинского доспеха позволяет предположить, что в нем бронзовые пластины составляли, скорее всего, самостоятельную часть. Фрагменты доспеха с железным пластинчатым покрытием представлены довольно крупными кусками, часто коррозированными до однородного состояния, и всего лишь на нескольких фрагментах сохранились отпечатки бронзовых пластин.

Всего доспех из кургана № 9 состоял из не менее чем 200 бронзовых пластин и 800 железных, хотя из-за сильной коррозии металла подсчет железных пластин может быть лишь предположительным.

Бронзовые пластины имели прямоугольный верхний и округлый нижний край. По бокам и снизу пластины немного загнуты внутрь. В верхней части пластин пробито 3 дырочки, еще 1 дырочка пробита в средней части пластин, ближе к низу, у левого края. Длина пластин — 2,4-2,6 см, ширина — 1,4-1,9 см (рис. 11, 4).

Железные пластины доспеха из кургана № 9 отличаются большим разнообразием. Известны пластины с округлым и прямоугольным нижним краем, ровные и с загнутым вниз нижним краем. Ширина пластин — 1,8-2,3 см, длина — 2,2-3,3 см (рис. 11, 3б-д): В верхней части пластин пробиты 2 или 3 дырочки. Известны также более длинные (до 5 см) пластины с S-видным профилем (рис. 11, 3а). Принцип набора пластин смешанный — как левосторонний, так и правосторонний.

При внимательном осмотре остатков доспеха из кургана № 9, хранящихся в нескольких коробках, были обнаружены несколько не замеченных ранее предметов. Это железная ворварка конической формы (диаметр

1,5 см, высота 1,0 см), 3 обломка железного ножа с прямым лезвием и горбатой спинкой (длина сохранившейся части 10,5 см, ширина 2,4 см) и фрагмент костяного изделия, вероятно застежки (рис. 11, 5-7). Застежка была прямоугольной формы, вероятно, с округлыми концами. Сечение сегментовидное. В средней части застежка орнаментирована рельефными поперечными линиями. Изделие побывало в огне и сильно обуглилось. Длина сохранившейся части застежки — 2,3 см, ширина — 1,3 см.

В кургане № 6 был обнаружен щит (?) с железным пластинчатым покрытием, лежавший под тазом погребенного. Щит имел прямоугольную с едва закругленными углами форму и размеры 88 x 40 см. Остатки щита представлены довольно крупными фрагментами спекшихся пластин. Сохранность внешней поверхности доспеха очень хорошая — четко просматривается каждая отдельная пластина. Напротив, внутренняя сторона доспеха сильно коррозирована, контуры пластин не просматриваются из-за минерализованной основы органического происхождения, пропитанной окислами металла и спекшейся с пластинами. В отчете не указано, какой стороной, внешней или внутренней, доспех лежал на земле. Однако если предположить, что лучшую сохранность должна иметь сторона, непосредственно соприкосавшаяся с землей, то доспех лежал лицевой (внешней) частью вниз.

К настоящему времени сохранилось менее 45% панцирного покрытия доспеха (в основном со средней его части), причем не удается восстановить непрерывный ряд пластин ни сверху донизу, ни в поперечном направлении. Все это не дает возможности проследить некоторые особенности устройства доспеха.

Пластины нашивались снизу вверх горизонтальными рядами и слева направо. Верхний ряд пластин почти наполовину закрывал нижний, а в горизонтальном ряду каждая последующая пластина на треть закрывала предыдущую.

Основная часть доспеха (кроме верхнего и нижнего рядов) была набрана из пластин относительно небольших размеров с верхним краем прямоугольной формы. Нижний край большинства пластин также прямоугольный, но есть пластины и с округлым нижним краем. Профиль пластин ровный, нижний край слегка загнут внутрь. Длина пластин 2,5-2,8 см, ширина — 1,2-1,5 см.

Верхний ряд был набран из более длинных (до 4 см) пластин, имеющих S-видный профиль. Верхний край пластин этого ряда был обшит кожаной тесьмой-валиком. Такой валик проходил вдоль краев доспеха, но не по всему периметру, однако сведений о том, в каких частях доспеха валик отсутствовал, в отчете нет (рис. 11, 1а).

Нижний ряд также состоял из длинных пластин. Сохранились 2 достаточно крупных фрагмента нижней части доспеха. У одного фрагмента нижний ряд основного пластинчатого покрытия доспеха перекрывает ряд узких длинных пластин с S-видным профилем. Ширина пластин 1,6-1,8 см, длина — до 6 см. Нижний край пластин этого ряда отломлен и характер его окончания неизвестен (рис. 11, 1б).

Второй фрагмент представлен рядом узких пластин (длиной до 4 см), имеющих С-видный профиль. Нижний край пластин этого ряда был обшит кожаной тесьмой-валиком (рис. 11, 1в).

Отсутствие среди сохранившихся фрагментов непрерывного ряда пластин нижней части доспеха не позволяет безоговорочно восстановить его устройство. В отчете содержится информация, что нижний ряд состоял из «более узких и длинных пластин, изогнутых наподобие боевых поясов». В тоже время, разная длина пластин нижней части доспеха, а также разная форма их профилей, позволяют с большой долей вероятности предположить существование двух рядов. Нижний ряд, образованный более короткими пластинами с С-видным профилем, был обшит снизу кожаным валиком. Верхний ряд, из более длинных пластин с S-видным профилем, был перекрыт горизонтальным рядом основного пластинчатого покрытия из пластин с ровным профилем. Почти полностью идентичное устройство было у нижнего края доспеха из Толстой Могилы [Черненко, 1975, с. 167, рис. 11].

Не соответствует действительности наблюдение о том, что пластины были нашиты на «толстую холщевую ткань» [Бородулин, 1978, с. 25; Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 94]. Отпечатки этой ткани действительно «сохранились почти на всех крупных фрагментах» доспеха, однако они находятся на внешней стороне пластинчатого покрытия.

Остается открытым вопрос о том, к какому виду защитного снаряжения принадлежит обнаруженный доспех. Первоначально он был атрибутирован как щит. Подобному определению способствовали прямоугольная

форма доспеха, его размеры, которые очень близки параметрам многих щитов из других памятников — размеры щита из Красного Подола 90 x 44 см [Полин, 1984а, с. 110], Гладковщины 94 x 39 см [Минжулин, 1988, с. 121; Григорьев, 1994, с. 66-68, рис. 3, 1].

В то же время, доспех имеет черты, не характерные для щитов с панцирным покрытием этого времени. Прежде всего, это небольшие размеры пластин основного панцирного покрытия. Пластины подобных размеров, обеспечивающие большую «эластичность», подвижность доспеха, использовались, как правило, при изготовлении различных частей собственно панциря. Панцирное покрытие щитов, которое не нуждалось в подобной эластичности, набиралось пластинами больших размеров. Кроме этого, профилированная форма нижней части доспеха, состоящей из двух рядов С- и S-видноизогнутых пластин более характерна для панцирных рубах и, одновременно, труднообъяснима с точки зрения целесообразности, для щитов.

Боевой пояс. Обнаружен в кургане № 6. Сохранилась часть кожаного пояса длиной до 50 см с нашитым на него пластинчатым набором (рис. 10, 1). Основу набора составляли пластины прямоугольной формы. С одной стороны углы пластин слегка закруглены, с другой — один из углов косо срезан. Длина пластин — 4,3-4,6 см, ширина — 0,8-0,9 см (рис. 10, 5). На каждой пластине были пробиты 3 отверстия диаметром 0,12 см, посредством которых они были пришиты к кожаному поясу нитками толщиной до 0,1 см, при этом каждая бронзовая пластина закрывала половину предыдущей (рис. 10, 6).

Помимо этих пластин в состав набора входила 1 пластина с зубчатым краем, который по всей протяженности был украшен орнаментом в виде цепочки мелких выпуклых жемчужин (рис. 10, 7). Пластины подобной формы в качестве пластинчатого покрытия поясов встречаются достаточно редко. Е. В. Черненко были отмечены всего 3 случая — пояса из курганов у с. Грищенцы, с. Пастырское и Нимфея [Черненко, 1968, с. 61]. Еще 1 такой пояс из зубчатых пластин, украшенных по краю точечным орнаментом, был обнаружен в I Завадской Могиле [Мозолевский, 1980, с. 103, рис. 42, 23].

На конце пояса, при помощи 2 бронзовых заклепок, крепилась бронзовая концевая пластина полукруглой формы диаметром 4,5 см. Скорее всего, подобная пластина крепилась и ко второму концу пояса, так как среди

его остатков обнаружены обломки по крайней мере 2 пластин полукруглой формы (рис. 10, 3, 4).

В состав пластинного набора входила также срединная пластина квадратной формы с квадратным отверстием посередине. Размер пластины — 4,6 × 4,6 см, отверстия — 1,5 × 1,5 см. Вдоль верхнего и нижнего краев пластины, а также вокруг отверстия были пробиты дырочки для пришивания (рис. 10, 2). Крепилась пластина в 11 см от конца пояса. В месте, на которое приходилось квадратное отверстие пластины, в кожаном поясе было проделано отверстие, вокруг которого кожа была оттянута вперед и закатана наружу, образуя плотный кольцевой валик. В отверстие был продет тонкий кожаный ремешок, к которому крепилось снаряжение, вероятно, колчан или горит. Подобные пластины в портупейных поясах встречаются достаточно редко. В выборке Е. В. Черненко, насчитывающей 76 поясов, отмечены всего 3 таких случая — Новогригорьевка, Солоха, Мелитопольский курган [Черненко, 1968, с. 179; Манцевич, 1987, с. 85; Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 130, рис. 151]. 5 срединных пластин входили в состав портупейных поясов из Чертомлыка — по 2 пластины с квадратными отверстиями в двух поясах с железным набором и 1 пластина с круглым отверстием в поясе с железным набором [Алексеев, Мурзин, Ролле, с. 107, 171, 221, 222, кат. 75, 178, 179]. Остатки срединной пластины обнаружены в Толстой Могиле [Черненко, 1975, с. 166, рис. 9, 5]. Еще 1 пояс с такой пластиной обнаружен в погребении 2 кургана № 1 у с. Первомаевка [Евдокимов, Фридман, 1987, с. 96, рис. 9, 3].

Поножи. Обломки бронзовых поножей (не менее 25 фрагментов) были обнаружены в кургане № 33. В ходе реставрации удалось сложить два относительно крупных фрагмента, не позволяющих, однако, восстановить как общую форму поножей, так и их размеры. Все же не приходится сомневаться, что рассматриваемые поножи мало чем отличались от хорошо известного по находкам в других памятниках этого вида доспеха, форма которого на протяжении длительного времени не претерпела существенных изменений [Мелюкова, 1964, с. 75, 76; Галанина, 1965; Черненко, 1968, с. 112-122]. Песочинские поножи были сделаны из тонкого бронзового листа толщиной 1 мм. Вдоль края одного из фрагментов, на расстоянии 0,8-0,9 см друг от друга, были пробиты дырочки (сохранилось 4 отверстия) диаметром 1 мм. Несколько дальше от этого же края шел второй ряд

отверстий более крупного размера — диаметром 0,5 см. Такое же отверстие присутствует и на втором фрагменте поножей (рис. 40, 6). Следует заметить, что это уже четвертая находка поножей в северскодонецких памятниках за последнее время [Шрамко, 1983а, с. 58, рис. 3, 27; Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 93, рис. 8; 17; 20, 5].

Шлем. В сообщении о находках в разрушенном впускном погребении кургана № 6, наряду с мечом, упомянут «железный шлем» [Бородулин, 1978, с. 19]. Особенности внешнего вида находки неизвестны, какая-либо другая информация о ней отсутствует. Подавляющее большинство цельных металлических шлемов на протяжении всего скифского периода изготавливались из бронзы [Черненко, 1968, с. 74-98]. Известные исключения единичны — из золота изготовлен «шлем» из Передериевой Могилы [Моруженко, 1992, с. 70-74, рис. 3-6], из железа — шлем из кургана 1934 г. близ Керчи [Рабинович, 1941, с. 152-154, рис. 23; Черненко, 1968, с. 89]. Более широко представлены находки железных чешуйчатых шлемов, однако они не сохраняют свою форму и их атрибутика, как таковых, неспециалистами маловероятна. Да и сам характер источника информации (сообщение местных школьников) относится к разряду маловероятных, поэтому находку шлема в песочинском могильнике нельзя считать доказанным фактом.

КОНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ

Предметы конского снаряжения содержали, по меньшей мере, 3 погребения (курганы №№ 2, 7, 9). При этом констатация факта наличия конской узды в захоронении основана на присутствии среди инвентаря предметов монофункционального значения (удила, псалии, нащечники, наносники). Помимо этого, многие погребения содержали предметы (прежде всего ворварки, кольца, пронизи), которые были деталями не только конского снаряжения, а поэтому не могут безоговорочно свидетельствовать о его присутствии в захоронении. Тем не менее, представляется целесообразным рассмотреть эти находки в разделе, посвященном характеристике конского снаряжения.

Удила обнаружены в 2 погребениях. Внешним видом и устройством они ничем не отличаются от практически единого для всего населения Юга Восточной Европы типа удила, получившего распространение с начала V, и даже конца VI вв. до н. э. [Петренко, 1967, с. 36; Ильинская, 1968, с. 114].

Хорошую сохранность имеют удила из кургана № 2. Они состоят из двух стержней, соединенных при помощи кольцевидных петель и загнутых на концах в такие же круглые петли. Стержни в сечении прямоугольной, близкой к квадратной, формы (0,7 × 0,7 см). У одного звена, длиной 11,2 см, петли расположены перпендикулярно одна к другой. У второго, длиной 10,8 см, под углом 30°. Внешние петли крупнее внутренних, диаметр первых — 3,0-3,4 см, вторых — 2,5-2,8 см (рис. 4, 2).

Вторые удила, обнаруженные во рту конского черепа в кургане № 9, имели плохую сохранность и были почти полностью разрушены. Сохранилась лишь часть одного звена с петлей на конце, однако нет сомнений, что их внешний вид мало чем отличался от описанных выше удил (рис. 20, 12).

Псалии обнаружены также в двух погребениях, тех же, что и удила, составляя с последними комплект. Все псалии двудырчатые, с ромбо- или восьмерковидным утолщением у отверстий. 3 железных псалия S-видной формы обнаружены в кургане № 2. Два из них (рис. 4, 3), длиной 13,5 см, изготовлены из прямоугольного в сечении стержня (0,5 × 0,7 см), несколько уплощенного на концах (0,8 × 0,4 см). Третий псалий более крупный (рис. 4, 4). Его длина — 20,5 см и сделан он из массивного стержня с сечением квадратной формы (0,8 × 0,8 см), концы которого также слегка расширены (1,1 × 0,65 см).

Псалии подобного типа очень хорошо известны в лесостепных памятниках Правобережья [Петренко, 1967, с. 37] и Левобережья [Ильинская, 1968, с. 117, 118].

В этом же кургане был найден бронзовый псалий (рис. 4, 5), концы которого оформлены в виде двух головок грифонов (длина 13,8 см). Ранее форма этого псалия была определена как S-видная [Бабенко, 1999а, с. 24, 25; Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 37]. По классификации В. Г. Петренко, подобные псалии составляют третий вариант второго типа [Петренко, 1967, с. 37]. Однако следует несколько уточнить форму этого псалия, которая немного отличается от классической S-видной. Сам стержень псалия, длиной 9,2 см и круглой в сечении формы (диаметр 0,8 см), практически прямой. Концы стержня оформлены направленными в противоположные стороны грифонными головами, горизонтальная ось которых по отношению к стержням находится почти под прямым углом, что и создает эффект S-видности. Двудырчатое расширение находится не посередине стержня,

а смещено к одной из головок на 2 см. Изображение голов одностороннее. Подчеркнуты выпуклый шаровидный глаз, находящийся в круглой глазнице, широкий клюв и отвисший зоб.

Псалий уникален, но следует признать, что для многих подобных изделий этого времени уникальность скорее правило, чем исключение. Близкой аналогией этому изделию является псалий из кургана № 24 Нимфейского могильника [Силантьева, 1959, рис. 37, 3]. Иконография головок грифонов с круглым выпуклым глазом в кольцевом рельефном ободке близка аналогичным изображениям на бронзовых уздечных бляшках из курганов № 401 у с. Журовка [Петренко, 1967, табл. 31, 18, 21], № 99 у с. Басовка [Ильинская, 1968, табл. XXVIII, 10], № 24 из Нимфея [Силантьева, 1959, рис. 37, 8] и других памятников.

Еще 2 бронзовых псалия, вставленные во внешние петли удил, были обнаружены в кургане № 9. Они изготовлены из круглого в сечении (диаметр 0,7 см) стержня и имели S-видную форму. Верхний конец псалия оформлен в виде зооморфной головки, изготовленной в круглой скульптуре, нижний имеет полушаровидное окончание. В 1 см ниже головы — 3 выпуклых полушария, образующих поперечный ряд. Длина псалиев — 13,6-14,2 см (рис. 20, 10, 11).

Каждая из скульптурных головок имеет некоторые своеобразные черты, позволяющие совершенно по-разному интерпретировать представленные на псалиях животные. У одного из псалиев головка имеет притупленную округлую мордочку. По обе стороны головы, в задней части, хорошо заметны выпуклые овальные образования, занимающие почти половины длины всей головки (рис. 20, 10). У второго псалия головка имеет вытянутую миндалевидную форму, конец мордочки заострен. Выпуклые образования по обе стороны головки небольших размеров и едва заметны (рис. 20, 11). Таким образом, по внешнему виду окончание первого псалия более всего походит на головку барана с крутыми рогами, второго — на головку змеи со слегка выпуклыми глазами. Однако несомненно, что головки на обоих псалиях принадлежат одному виду животного, скорее всего змее.

Псалии со змеевидными головками в памятниках скифского времени неизвестны, хотя перечень персонажей, круглыми скульптурными головками которых заканчиваются псалии, довольно представлен. Это конь (курган № 1 у с. Аксютинцы), баран (курган у с. Хитцы) [Ильинская, 1968,

табл. XVIII, 2; LVI, 8], хищник (курган № 491 у с. Макеевка) [Петренко, 1967, табл. 26, 22] и другие животные. Более широко этот персонаж представлен на браслетах, форма концов которых в виде змеевидных головок очень близка оформлению песочинского псаляя. По подсчетам В. Г. Петренко, подобные браслеты, составляющие второй тип ее классификации, представлены 27 экземплярами [Петренко, 1978, с. 52, 53, табл. 39, 1-22].

Напротив, традиция оформления концов псаляя в виде круглых шариков распространена в это время более широко, причем чаще всего шаровидное окончание имеют оба конца псаляя — Солоха [Манцевич, 1987, с. 45], курган № 1 у с. Волковцы [Ильинская, 1968, с. 117, рис. 28, 34], Хомина Могила [Мозолевский, 1973, рис. 30], № 2 у с. Мастюгино [Манцевич, 1973, рис. 2, 3; Пузікова, 1980, рис. 1, 1], № 4 близ Умани [Покровська, Діденко, 1970, рис. 1, 2, 6; Бессонова, 1994, с. 23, рис. 6, 10, 11] и другие. Как исключение, можно назвать железные псаляя из кургана № 491 у с. Макеевка, один конец которых оформлен в виде головки хищника, второй — шарика [Галанина, 1977, табл. 13, 5].

Нащечники представлены всего одной находкой из кургана № 7 (рис. 13, 2). Столь скромная репрезентативность этой категории погребального инвентаря среди украшений узды выделяется даже на фоне немногочисленных погребений северскодонецкого региона, содержавших остатки уздечки, в которых нащечники, в большинстве случаев, — обычная деталь конского снаряжения (курганы №№ 3 и 5 у с. Протопоповка, № 2 у с. Малая Рогозянка, № 3 у с. Старый Мерчик, у пос. Пересечное и другие). Если в кургане № 2 отсутствие нащечника может быть связано с ограбленностью могилы, то в набор уздечки из кургана № 9 эта деталь не входила изначально.

Бронзовый нащечник представлен очень распространенным типом блях, получивших столь же значительное количество разнообразных определений изображенного на них существа (или его части). Различные исследователи видят в изображенном на бляхах персонаже «петушка», стилизованную лапу хищника или льва, гиппокампа. Н. А. Онайко связывает подобный образ с символическим изображением отдельных элементов неполного образа животного, скорее всего грифа [Онайко, 1982, с. 255, 256]. Особенно стилистики представленного на подобных нащечниках образа скифского звериного стиля посвящено специальное исследование А. Р. Канторович,

который, с одной стороны прослеживает связь схемы «петушков» с фракийскими изображениями типа Крайовы, с другой стороны, указывает на преемственность «петушков» с формами оленьих рогов в виде пучков-полупальметок на бляшках завадско-акмечетского и солохинского типов, а также на вершиях чмыревского типа. В этом случае декоративная схема «петушков» является примером десемантизации мотива оленьих рогов, с последующим созданием нового образа фантастического животного с соответствующей семантикой [Канторович, 1992, с. 30-39]. По мнению С. С. Бессоновой, сильное влияние на иконографию «петушков» оказали образы различных водных существ, прежде всего гиппокампа и морского конька, черты которых (волнистые контуры фигуры, «плавники» и прочее) хорошо просматриваются на данной схеме [Бессонова, 2004а, с. 27]. Такое различие объясняется сильной стилизацией изображения, что затрудняет его однозначную трактовку. Вероятно, прав М. И. Артамонов, который видел в уздечных наборах с налобниками в виде скульптурной головки животного или птицы и нащечников в виде задних ног (возможную роль мотива лапы хищника в создании этой схемы не отрицает и А. Р. Канторович [Канторович, 1992, с. 35]) сокращенный «европейский» вариант ритуальных конских масок, связывая их появление с традицией расчленения образа зверя, что способствовало более высокой степени стилизации того или иного изображения [Артамонов, 1971, с. 31].

Размеры нащечника — 6,5 x 3 см. На обратной стороне бляхи — крупная петелька трапецевидной формы.

Аналогичные украшения конской узды обнаружены в курганах № 2 в урочище Галушино [Ханенко, Ханенко, 1899, табл. XIX, 320а; Петренко, 1967, табл. 29, 7], № 8 Никопольского курганного поля [Граков, 1962, рис. 10, 1], № 1 у с. Волковцы (среди деталей двух уздечек — с бронзовым и золотым уборами) [Ханенко, Ханенко, 1899, табл. XV, 315; Ильинская, 1968, рис. 28, 34], № 4, у с. Новоселка [Бессонова, 1994, рис. 6, 25], Чертомлыке [Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, рис. 59], Краснокутском кургане [Мелюкова, 1981, рис. 17, 1, 2], Втором Мордвиновском кургане [Лесков, 1974, рис. 44], Бабиной Могиле [Канторович, 1992, рис. 1, 5]. Иконографически идентичный персонаж представлен на нащечниках из Гаймановой Могилы, отличающихся от перечисленных выше техникой изготовления (они более тонкие и покрыты гравированным орнаментом) [Ильинская,

1973, рис. 8, 8, 9], а также на золотых оббивках ритона из Толстой Могилы [Мозолевский, 1979, рис. 39]. Особенности иконографии существа, изображенного на последнем изделии, наиболее близки песочинскому нащечнику.

Иногда подобные бляхи использовались не только в качестве нащечников, но и являлись украшением затылочного ремня [Ильинская, 1968, с. 133]. А. И. Мелюкова считает, что бляхи этого типа, использовались в качестве нащечников лишь в парном сочетании при условии разностороннего изображения — левого и правого [Мелюкова, 1981, с. 62]. Однако следует отметить, что подобные случаи крайне редки — двухстороннее изображение из перечисленных выше блях имеют лишь нащечники из Гаймановой Могилы, изготовленные, к тому же, по иной технологии. Изображение на остальных нащечниках, включая оббивки сосуда с Толстой Могилы, всегда развернуто одной и той же (левой, если согласится с тем, что это изображение гиппокампа) стороной. Соответственно, подобный критерий едва ли можно использовать при определении местоположения подобных блях на уздечке.

Наносники входили в состав двух комплексов. В кургане № 7 был обнаружен бронзовый наносник в виде переднего широкого гладкого щитка подовальной формы, который с задней стороны резко переходит в узкий короткий щиток. От середины верхнего конца переднего щитка отходит вверх массивный, загнутый внутрь, клюв птицы. У основания клюва — круглое отверстие для продевания поперечного ремня. Размеры — 5,5 × 4,4 см, высота — 2,3 см (рис. 13, 1).

Наносники с изображением головки птицы или орлиноголового грифона распространены очень широко, гораздо реже встречаются наносники с изображением одного клюва, без головы. Подобные украшения обнаружены в курганах близ урочища Галуцино [Петренко, 1967, табл. 29, 1], № 2 у с. Малая Рогозянка [Бандуровский, Буйнов, 2000, рис. 33, 8], но все они отличаются от песочинского наносника наличием рельефно подчеркнутых деталей клюва — восковицы, надклювья и подклювья и других. На песочинском же экземпляре нос совершенно гладкий. Своеобразие песочинского наносника составляет и форма щитка, представляющая своеобразный синтез наносников с узким длинным щитком, с одной стороны, и широким плоским, с другой. У подавляющего большинства наносников с птичьим клювом — узкая продолговатая форма щитка. Широкий гладкий

щиток у наносника из кургана № 9 у с. Прусы [Петренко, 1967, табл. 29, 5], но его форма отличается от песочинского. Близкую форму щитка имеют широко распространенные в IV в. до н. э. фигурные наносники со скульптурной головкой хищника, однако их поверхность, в большинстве случаев, украшена разнообразным орнаментом. Редким исключением является гладкий щиток наносника из уздечного набора второй лошади из Краснокутского кургана [Мелюкова, 1981, с. 70, рис. 20, 1], а также наносник с фигуркой орлиноголового грифона из кургана № 6 Старинской птицефабрики [Ильинская, 1966, с. 164, рис. 6].

Второй бронзовый наносник, входивший в комплект деталей уздечного набора кургана № 9, представляет собой узкий короткий щиток, от верхнего края которого отходит вперед выполненная в круглой скульптуре шея и головка животного. У головки овальная форма, конец мордочки округлый. С помощью узкой щели и двух маленьких точек переданы рот и нос животного. По обе стороны головки, в овальных глазницах с отходящей вниз слезницей расположены круглые выпуклые глаза. От затылка симметрично отходят назад продолговатые уши, развернутые ушными раковинами в противоположные стороны. Под шеей — круглое сквозное отверстие (диаметр 0,8 см). Размеры — 3,3 × 0,8 см, высота — 2,4 см (рис. 20, 14).

Наносники с изображением головки существа с длинными, торчащими назад ушами, известны довольно хорошо. Очень часто это головки грифонов [Мозолевский, 1979, рис. 19, 1; Манцевич, 1987, с. 112, 113 и другие], но нередко видовое определение отдельных вариантов изображений длинноухих животных затруднено [Ильинская, 1968, с. 121]. Г. Н. Вольная видит в ряде таких изображений (в частности, на налобниках из Острой и Страшной Могил) зайца [Вольная, 1996, с. 14-16]. Похоже на зайца и животное с бронзового налобника из кургана Козел [Лесков, 1974, с. 14]. Форма головки животного на песочинском наноснике еще более соответствует внешнему виду зайца, что позволяет согласиться с возможностью подобной трактовки персонажа на этом изделии. По общей схеме и размерам песочинский наносник близок наноснику из кургана № 6 из могильника «Частые курганы» близ Воронежа [Замятнин, 1946, с. 28, рис. 14, 8; Пузикова, 1980, рис. 4, 5], несколько отличаясь от последнего лишь формой щитка.

Заяц являлся очень популярным образом в скифском зверином стиле [Шкурко, 1977, с. 98, табл. 1] и его присутствие в качестве персонажа

украшения наносника не выглядит необычным. Достаточно вспомнить хорошо известные пластинчатые налобники с изображением змееной богини — прародительницы скифов из Большой Цимбалки [Бессонова, 1983, рис. 18] и Толстой Могилы [Мозолевский, 1979, рис. 11, 23]. Заяц же, по мнению ряда исследователей, в представлении скифов являлся одной из инкарнаций женского порождающего божества [Кузьмина, 1977, с. 20, 21], поэтому изображения на налобниках и наносниках змееной богини и зайца могли иметь тождественную семантику.

Если принять подобную трактовку образа животного на песочинском наноснике, то следует обратить более пристальное внимание на псалии со змеевидными головками, входившими в комплект уздечки кургана № 9. В этом случае змеевидные окончания псалиев могут восприниматься как изображения конечностей собственно змееной богини (традиция оформления псалиев в виде конечностей животных хорошо известна [Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 95]) и констатировать наличие тесной семантической взаимосвязи между отдельными элементами уздечного набора из кургана № 9, являющего один из вариантов ритуальной маски с традиционным расчленением представленного образа.

Ворварки, бронзовые и железные, обнаружены в 10 погребениях, из которых предметы конского снаряжения содержались только в одном (курган № 9), еще раз подтверждает универсальность их использования [Петренко, 1967, с. 44; Ильинская, 1968, с. 135]. Наиболее многочисленны железные ворварки. Они обнаружены в 11 погребениях в количестве от 1 до 4 экземпляров. По одной железной ворварки содержали погребения курганов №№ 5, 12, 17, 34, 2 — №№ 14 и 25, 3 — №№ 18/2 и 33, 4 — № 16 (рис. 22, 11; 24, 5, 15, 18; 26, 15; 34, 10; 40, 5, 14). Все ворварки одного типа, имеют форму усеченного конуса с ровными стенками. Высота 0,8-1,2 см, верхний диаметр — 0,7-1,0 см, нижний — 1,2-1,4 см. Еще одна железная ворварка конической формы (диаметр 1,5 см, высота 1,0 см) обнаружена при осмотре остатков доспеха из кургана № 9 (рис. 11, 7).

Бронзовые ворварки были найдены только в 2 могилах. Все они имеют вогнуто-коническую форму. 5 ворварок из кургана № 5 (рис. 7, 8) и одна из № 9 (рис. 20, 9) имели гладкое тулово. Высота 0,8-1,2 см, диаметры верхний — 0,8-0,9 см, нижний — 1,4-1,5 см. Еще одна ворварка из кургана № 9 (высота 1,2 см, диаметры 1,0 и 1,5 см) имела пятигранное тулово (рис. 20, 8).

Показательно, что практически во всех случаях железные ворварки были найдены в погребениях, не содержавших предметов конского снаряжения. Для уздечек, обнаруженных в северскодонецких погребениях, характерно использование ворварок из бронзы [Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 70-75]. В этом случае допустимо говорить о возможном присутствии узды и в ограбленном погребении из кургана № 5, содержавшем 5 бронзовых ворварок. Косвенным подтверждением подобного предположения является и находка в этом же комплексе бронзового колечка и 2 пронизок-замочков, также, чаще всего, относимых к деталям узды.

Бронзовые пронизи обнаружены в 2 погребениях. В кургане № 5 найдены 2 пронизи — «висячие замочки», с большим круглым отверстием (диаметр 0,9 см), имеющие подтрапецевидную в плане и сечении форму. Размеры 2,4 x 1,9 см (рис. 7, 10). Подобные пронизи хорошо известны в курганах Посулья [Ильинская, 1968, с. 130], Днепровского Правобережья [Петренко, 1967, табл. 27, 20, 21, 23; Скорый, 1997, с. 40, 42, рис. 22, 2-5; 26, 3], Побужья [Покровська, Діденко, рис. 2, 2], Степи [Тереножкин, Ильинская, Мозолевский, 1977, рис. 43, 6, 7; Ковалева, Мухопад, 1979, с. 114, рис. 2, 10; Мозолевский, 1980, с. 92-96, рис. 36-38; Плешивенко, 1991а, с. 147, рис. 3, 7], в Восточном Крыму [Силантьева, 1959, рис. 40, 5; 47, 10; 49, 4; Бессонова, Скорый, 1986, с. 164, рис. 6, 2], на Вельском городище [Шрамко, 1973, с. 89, рис. 4, 5]. Обнаружены они и в северскодонецком регионе — в кургане № 3 у с. Протопоповка [Бородулин, 1976, с. 22]. Их назначение окончательно не определено. В. А. Ильинская предполагает, что они могли являться скользящими пряжками для подвижного соединения повода с ремнем — чумбура [Ильинская, 1968, с. 130].

В кургане № 7 найдены 2 биконические пронизи с ребром посередине. Их высота — 1,2 см, диаметр — 1,6 см (рис. 13, 4). Очень похожие пронизи найдены в кургане № 3 у с. Старый Мерчик [Бандуровский, Буйнов, 2000, рис. 9, 7], № 414 у с. Журовка [Петренко, 1967, табл. 27, 57], № 2 у с. Чкалово [Нечитайло, Бунятян, 1984, с. 18, рис. 9, 5], Чертомлыке [Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, кат. 25], а также № 1 у с. Волковцы, где они использовались для закрепления свернутого вдвое уздечного ремня и ременных перекрестий [Ильинская, 1968, с. 113-115, рис. 28, 30, 31]. Интересно, что в 2 последних комплексах, как и в кургане № 7 Песочинского могильника, подобные пронизи найдены вместе нащечниками-«петушками/гиппокампами».

Пряжка подпружная в виде железного кольца диаметром 4,8 см, сделанного из круглого в сечении стержня (диаметр 0,5 см), обнаружена в кургане № 7 (рис. 13, 5). Пряжка имеет подпрямоугольной формы крючок для застегивания ремня. Многие подпружные пряжки, используемые в скифское время, отличались от песочинской материалом или формой [Ильинская, 1973, с. 61, рис. 12, 1-5], однако известны и полные аналогии, обнаруженные в Мелитопольском кургане [Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 137, рис. 152, 10], кургане № 9 у с. Русская Тростянка [Либеров, 1965, табл. 21, 17] и других памятниках.

Маленькие гладкие **сбруйные колечки** обнаружены в 2 погребениях (рис. 7, 9; 40, 16) — бронзовое, диаметром 2,8 см, сделанное из овального (0,5 x 0,3 см) в сечении стержня (курган № 5) и фрагмент железного, диаметром 2,5 см из круглого (диаметр 0,5 см) в сечении стержня (курган № 34). Если возможность принадлежности первого кольца к предметам конского снаряжения выглядит вполне вероятной, то вопрос о использовании железного колечка для аналогичных целей, исходя из состава погребального инвентаря комплекса, нельзя решить столь определенно.

В погребениях скифского времени подобные колечки известны достаточно хорошо, использовались они, чаще всего, в качестве пряжек для повода [Ильинская, 1968, с. 115, 116; Мозолевский, 1979, с. 40; 1980, с. 93, рис. 37, 8 и другие].

Помимо этого, в кургане № 9 было найдено литое бронзовое колечко диаметром 2,0 см, сделанное из круглого в сечении стержня (диаметр 0,3 см). С наружной стороны колечко украшено 3 «шишечками», расположенными по отношению друг к другу под углом 120°. Каждая «шишечка» состоит из 5 шариков, центрального и 4 боковых, расположенных крестообразно (рис. 20, 16). Подобные колечки, иногда спаренные, в инвентаре погребальных памятников скифского времени представлены широко. Вопрос о их назначении многие исследователи решают по-разному. Есть мнение о использовании их в качестве деталей уздечек [Ковпаненко, 1967, с. 153; Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 124], приспособления для ношения мечей [Мелюкова, 1975, с. 184], а также украшений [Ильинская, 1968, с. 148, 149; Барцева, 1981, с. 76, 77]. Последняя точка зрения, учитывая неоднократные случаи фиксации двойных колечек, входивших в состав наборных браслетов [Фиалко, 1991, с. 5, рис. 3;

Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 105, рис. 7, 2-7 и многие другие], весьма убедительна, но, вероятнее всего, подобные колечки принадлежат к числу полифункциональных изделий.

Еще 2 бронзовых колечка диаметром 1,8 см из круглой в сечении проволоки (диаметр 0,2 см) обнаружены в курганах №№ 2 и 9 (рис. 4, 6; 20, 15). В обоих случаях к колечкам крепились петелька-скоба из согнутой вдвое узкой бронзовой пластины длиной 1,2-1,5 см. На петельке из кургана № 2 сохранились остатки дерева. Решение вопроса о назначении подобных колечек с петелькой затруднено. Практически идентичное колечко со скобой найдено в Денисовой Могиле [Мозолевский, 1980, с. 131, рис. 67, 19]. Еще одно похожее колечко со скобой обнаружено в кургане № 4 у с. Первомаевка на Херсонщине, где оно лежало возле правой руки погребенного вместе с наконечником стрелы и 2 железными втулками копья [Евдокимов, Фридман, 1991, с. 92, рис. 12, 13]. Возможно, что факт обнаружения в обоих случаях колечек в погребениях, содержащих предметы конского снаряжения, свидетельствует о каком-то их отношении к последним.

Завершая анализ предметов конского снаряжения, следует отметить упомянутую в отчете находку в кургане № 9 костяных стержней, не сохранившихся в фондах музея. О форме и размерах стержней можно судить по описанию и фотографии в отчете, а также фотографии погребенной в нише головы коня. Стержни, длиной до 11 см и диаметром до 1,0 см, имели прямую форму. Один конец стержня был заострен, поверхность лощеная (рис. 20, 13). Оба стержня были вставлены, вместе с бронзовыми псалями со змеевидными головками, во внешние кольца удила. Сам факт присутствия подобных стержней во внешних кольцах удила уникален. Отсутствие подобных случаев вызывает затруднение при решении вопроса о их назначении. В различных вариантах конструкции уздечек этого времени, восстановленных на основе многочисленных находок, подобная деталь неизвестна. Не совсем понятны и функции, которые могли бы выполнять стержни. Возможно, их присутствие следует объяснять проведением каких-то ритуальных действий, предусмотренных особенностями погребального обряда местного населения.

ПОСУДА

Глиняная посуда представляет сравнительно редкую категорию погребального инвентаря Песочинского могильника, что является характерной чертой обряда населения северскодонецкого региона [Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 47, 62]. Целые формы глиняных сосудов (неповрежденные, либо восстановленные) обнаружены всего в 8 погребениях и насчитывают 14 экземпляров, из которых ровно половина относится к различным категориям импортной керамики, остальные — к местной лепной посуде.

Ассортимент немногочисленной *импортной керамики* достаточно разнообразен. В погребениях могильника обнаружены амфоры, канфар, канфаровидный килик, лекиф, сероглиняный кувшин и светлоглиняная мисочка.

Две целых амфоры найдены в курганах №№ 8/1 и 18/1. Кроме этого, фрагменты стенок амфоры были выявлены в насыпи курганов №№ 7, 8, 31, а также на дне могильной ямы в курганах №№ 1, 6 (впускное разрушенное погребение), 29. В последнем случае большая часть амфорных стенок была собрана в траншее грабительского хода.

Амфора из кургана № 8/1 имеет едва утолщенный, слабо отогнутый венчик и короткое, расширенное книзу горло. Прямо под венчиком расположен сегментовидный валик. Тулово биконическое. Низкая остроресберная ножка имеет на подошве коническое углубление. Глина светлокоричневого цвета, слоистая, слабообожженная. Общая высота — 73 см, глубина — 66 см, диаметры венчика — 12 см, устья — 10,8 см, максимальный — 36 см, ножки — 7,2 см (рис. 18, 1). А. В. Бандуровский в специальной работе относит эту амфору к фасосскому производству [Бандуровский, 2001, с. 75]. По морфологическим признакам песочинская амфора наиболее близка фасосским амфорам коническо-биконического типа конического варианта позднеконической серии [Монахов, 2003, с. 72, 73; табл. 49, 1, 3], однако отличаясь от последних формой венчика и наличием валика под ним, поэтому окончательное решение вопроса о месте ее производства остается открытым.

Амфора из кургана № 18/1 относится к типу амфор Солоха I с выступающим «грибовидным» венчиком. Среди многочисленных представителей этого типа песочинская амфора отличается высоким цилиндрическим горлом и стройной конической формой нижней части тулова. У перехвата ножки — тонкое кольцевое рифленое ребро. Глина плотная, красноватого

цвета с высокой насыщенностью мелких частиц известняка. Общая высота — 86 см, глубина — 82 см, диаметры венчика — 18,4 см, устья — 13,5 см, максимальный — 42 см, ножки — 7,2 см (рис. 27, 1). Амфоры с грибовидным венчиком изготавливались в различных производственных центрах [Монахов, 1999, с. 242, 243]. А. В. Бандуровский связывает песочинскую амфору с производством Книда [Бандуровский, 2001, с. 75]. По ряду морфологических характеристик (резкий переход от плеча к тулову, более массивная ножка, выше которой находится желобок) песочинская амфора относится к херсонесскому варианту книдских амфор. Наиболее близкая по форме амфора происходит из погребения 6 херсонесского некрополя на Северном берегу [Монахов, 2003, с. 103; табл. 72, 3].

Чернолаковая керамика аттического производства представлена 2 сосудами. В погребении 1 кургана № 8 был найден канфаровидный килик. Нижняя часть тулова сосуда, находящаяся на невысоком круглом профилированном поддоне, имела форму низкой широкой полусферической чашечки, от которой отходили две ручки, отбитые еще в древности. Верхняя часть тулова уже нижней, слегка вогнутая и расширенная кверху. Венчик валикообразный, сильнопрофилированный, выступает наружу (рис. 18, 2б). Лак черного цвета, матовый, во многих местах вытерт. На дне килика отскалывается орнамент в виде концентрического круга из насечек, внутри которого находится четырехугольник, состоящий из прогнутых дуг. Вытянутые вершины четырехугольника украшены многолепестковыми пальметками (рис. 18, 2а). На нижней части поддона прочерчено граффити «ПОЛ» (рис. 18, 2в). Высота килика — 9 см, диаметр венчика по верхнему бортику — 10,4 см, по выступающему краю — 11,3 см, диаметр дна — 5,2 см.

Примечательно, что практически у всех канфаровидных киликов подобного типа, известных по многочисленным находкам, ручки отбиты еще в древности почти до основания. Случаи сохранности хотя бы одной из ручек крайне редки [Плешивенко, 1991б, с. 70, рис. 11, 3; Капошина, 1959, с. 130, рис. 27]. Вероятно, подобное обстоятельство объясняется не только хрупкостью этой детали сосуда, но и своеобразием непосредственного функционального назначения киликов, являющихся сосудами для употребления вина. В то же время, потеря ручек, не являющихся функциональными деталями, не мешала дальнейшему активному использованию килика по прямому назначению.

Подбор аналогий канфаровидному килику не вызывает затруднений, подобные сосуды очень хорошо представлены в погребельном инвентаре степных курганов [Онайко, 1970, тип 322-324; Тереножкин, Ильинская, Черненко и другие, 1973, с. 125, 130, рис. 10, 6, 15, 16; Мелюкова, 1975, рис. 44, 4; Плешивенко, 1991б, с. 63, 70, рис. 4, 4; 11, 3; Евдокимов, Фридман, 1991, с. 90, рис. 13, 19; Фиалко, 2004, с. 87, табл. 1], в памятниках Лесостепи [Онайко, 1970, тип 686-689], в Крыму [Бессонова, Бунятян, Гаврилюк, 1988, с. 41, рис. 29, 10; Капошина, 1959, с. 130, рис. 27], среди материалов Елизаветовского могильника [Брашинский, 1980, кат. 169, 170].

Находки античной керамики с граффити в курганных погребениях скифского времени не столь редки — в специальном исследовании С. С. Бессоновой были учтены 20 подобных случаев [Бессонова, 2004б, с. 28, 29]. Надпись на песочинском килике является, скорее всего, сокращением греческого личного имени.

Форма чернолакового канфара, обнаруженного в погребении 1 кургана № 8, близка канфаровидному килику, отличаясь от последнего более цилиндрическими пропорциями верхней части тулова и формой венчика — едва утолщенного и отогнутого наружу. Прямоугольные в сечении ручки канфара, с отходящими в противоположные стороны короткими отростками, почти не поднимаются выше уровня края венчика. Поверхность канфара снаружи и внутри покрыта густым слоем черного лака хорошего качества. На дне отгиснут орнамент в виде четырехлучевой фигуры. Высота — 9,6 см, диаметры венчика — 9,6 см, дна — 4,4 см (рис. 27, 2).

Подобные канфары, как и килики, хорошо представлены в погребальных памятниках IV в до н. э., как степных, так и лесостепных [Онайко, 1970, типы 307-309, 675-689; Лесков, 1974, с. 73, рис. 61; Мелюкова, 1975, с. 160; 1999, с. 72, рис. 12, 1; Брашинский, 1980, тип 200-202; Гребенников, 1980, с. 152, рис. 5, 8; Бессонова, 1994, с. 21, ф. 1, 7; Андрух, Тощев, 1999, с. 119, рис. 33, 2; Фиалко, 2004, с. 87, табл. 1].

Краснофигурная аттическая керамика представлена арибаллическим лекифом, верхняя часть тулова которого, со стороны противоположной размещению ручки, украшена пальметкой с тринадцатью лепестками, расширяющимися от подковообразной сердцевины. Контур пальметки очерчен снизу прямой горизонтальной, по бокам и сверху — подковообразной линиями. На горизонтальной линии, по обе стороны от пальметки, размещены два

прямоугольных треугольника, справа — большой, слева — маленький. Обнаружен в кургане № 22. Высота — 7,9 см, диаметры венчика — 2,9 см, дна — 3,2 см (рис. 31, 3).

Находки лекифов с подобным орнаментом известны в памятниках Лесостепного Правобережья [Онайко, 1970, с. 58, тип 678, 679], в степных курганах — Красноперекосские курганы, Первая Испанова могила [Лесков, 1974, с. 96, рис. 83; Мозолевский, 1980, с. 139, рис. 74, 7], на Керченском полуострове [Капошина, 1959, с. 128, рис. 23, 51, 3]. По форме сосуда и рисунку пальметки песочинский лекиф очень близок сосудам из погребений (1904/57; 1911/26; 1910/63; 1911/29) Ольвийского некрополя [Козуб, 1962, табл. IV, 1; 1974, с. 99, рис. 47] и ряда памятников Таманского полуострова [Морган, 1999, рис. 17, 19, 20, 22-26].

В кургане № 22 обнаружен сероглиняный кувшин с низким кольцевым, расширенным книзу поддоном, округлым шаровидным туловом, широким цилиндрическим, симметрично прогнутым горлом, переходящим в сильноотогнутый наружу, округлый венчик. По всей длине горло украшено горизонтальным рифленным орнаментом. Широкая тонкая ручка одним концом прикреплена непосредственно к верхнему краю венчика, вторым — к плечу. По всей длине, сверху и снизу, посередине ручки разделена глубокой продольной бороздой, в результате чего сечение ручки имеет восьмерковидную форму. Поверхность кувшина серого цвета, хорошо залощена. Высота кувшина — 26,5 см, диаметр венчика — 11,4 см, тулова — 21 см, дна — 10,6 см (рис. 31, 2).

Несколько сероглиняных кувшинов найдено в погребениях Правобережной Лесостепи — в кургане № 486 у с. Макеевка [Галанина, 1977, табл. 9, 18], № 429 у с. Журовка [Петренко, 1967, табл. 21, 17]. Внешний вид последнего сосуда особенно близок песочинскому кувшину. В свое время Н. А. Онайко, считая этот кувшин ионийским импортом, датировала его второй половиной VI в. до н. э. [Онайко, 1966, с. 60, табл. VII, 8], однако ее атрибуция не получила поддержки у других исследователей [Петренко, 1967, с. 94; Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 110; Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 62 и другие], предложивших иную, более позднюю датировку — конец V-IV вв до н. э.

Нет единого мнения и о месте изготовления подобных кувшинов. С. С. Бессонова не сомневается в их ольвийском происхождении [Ковпаненко, Бес-

сонова, Скорый, 1989, с. 110], находя близкие аналогии в керамике ольвийского некрополя [Козуб, 1974, с. 63, рис. 23, 2, 3]. Однако более широкое распространения получили сероглиняные кувшины боспорского происхождения, хорошо известные по материалам погребений второй половины IV в. до н. э. могильника близ п. Войкова около Керчи [Капошина, 1959, с. 139, 140, рис. 42-46], Елизаветовского городища и могильника (один из кувшинов из городища практически идентичен песочинскому) [Брашинский, 1980, табл. XVIII, 235; XL, 5, 6]. Известны сосуды подобного типа и в степном регионе — курган № 4 могильника Мамай-Гора [Андрух, Тощев, 1999, с. 32, рис. 7], погребения Николаевского могильника [Мелюкова, 1975, рис. 46, 5; 47, 5]. Кувшины из Николаевского могильника отличаются небольшими размерами (высота 8-14 см), однако среди материалов расположенного рядом поселения известны и более крупные экземпляры [Мелюкова, 1975, с. 42, рис. 17].

В кургане № 14 обнаружена светлоглиняная тонкостенная чаша на узкой короткой ножке, заканчивающейся более широким шайбовидным поддоном. С обратной стороны ножки — вогнутость конической формы, сначала более плавная, затем, резко преломляясь, значительно углубляется. Венчик плавно загнут внутрь. Внешняя поверхность чаши орнаментирована 6 концентрическими горизонтальными каннелюрами — 3 уступчатыми в нижней и 3 продавленными в верхней части. Цвет поверхности — светлокремовый. Высота чашечки — 6,4 см, диаметры венчика — 14,2 см, ножки — 4,4 см, максимальный — 14,6 см (рис. 24, 1).

Несмотря на достаточно широкое распространение этого вида посуды среди погребального инвентаря памятников скифского времени, форма песочинской чашечки в высшей степени оригинальна. Очень похожие уступчатые каннелюры имеет лепная миска из погребения 1/1 у с. Макеевка, отличаясь, однако от песочинской формой поддона и венчика, цветом глины, а также небрежностью изготовления [Покровська, 1949, с. 131, табл. II, 2]. Обломок миски с каннелюрами обнаружен в к. № 9 у с. Осняги [Шрамко, 1987, рис. 73, 12]. Шестью горизонтальными концентрическими каннелюрами украшена крышка леканиды из Елизаветовского могильника [Брашинский, 1980, табл. XXI, 241].

Местная лепная посуда представлена среди погребального инвентаря могильника 7 целыми экземплярами. Горшок с едва выделенным плоским

дном, округлым, вытянутым по вертикали туловом и плавно отогнутым наружу, срезанным косо венчиком обнаружен в кургане № 6. Поверхность горшка плохо заглажена, шероховатая, местами выщерблена. Снаружи сосуд серого цвета, внутри — бурого. Общая высота — 25 см, диаметр венчика — 12 см, тулова — 17,5 см, дна — 11 см (рис. 9, 2).

Подобные сосуды удлинённых пропорций известны на Посулье — курганы у с. Лубны и № 2 у с. Аксютинцы [Ильинская, 1968, табл. LVIII, 6, 7].

Горшок из кургана № 16 отличается некоторой ассиметричностью пропорций. У сосуда раздутое округлое тулово, воронковидное горло и тонкий, косо срезанный наружу венчиком. Горшок орнаментирован горизонтальным пояском из пальце-ногтевых поперечных вдавлений, расположенных на шейке сосуда. Высота горшка — 28 см, диаметр венчика — 14,5 см, тулова — 26 см, дна — 11,5 см (рис. 24, 16).

Похожие горшки с раструбовидным горлом хорошо известны в степных памятниках [Гаврилюк, 1989, с. 47, рис. 15]. Некоторые горшки с похожей формой горла обнаружены на Восточном Бельском городище [Шрамко, 1983в, с. 81, рис. 7], в Аксютинских курганах [Ильинская, 1968, табл. LVIII, 13, 14], кургане № 2 Старомерчанского могильника [Бандуровский, Буйнов, 2000, рис. 5, 11], хотя большинство из них отличается орнаментом и общей конфигурацией тулова.

Еще 2 лепных сосуда из Песочинского могильника отличаются наличием оттянутого наружу, плоско срезанного венчика и более тщательно заглаженной внешней поверхностью. А. В. Бандуровский объединяет эти сосуды вместе с предыдущим горшком в отдельный (третий) тип раструбогорлых горшков [Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 64, 65]. Однако более точной представляется их атрибутация как корчаговидных кувшинов (от собственно корчаг они отличаются меньшими размерами).

Кувшин из кургана № 22, отличающийся большими размерами, имел едва выделенное плоское дно, сильновыпуклое тулово, форма которого очень близка к биконической с округлым ребром, короткое дуговидное горло, переходящее в отогнутый наружу, плоско срезанный венчик. Поверхность светло-бурого цвета, хорошо заглажена, местами бугристая. Высота кувшина 28 см, диаметр венчика — 15,5 см, тулова — 29 см, дна — 14 см (рис. 31, 1).

Кувшин из кургана № 27 имея очень похожую форму, отличается более округлым, едва приплюснутым туловом и слегка выделенным,

цилиндрическим горлом. Нижняя часть тулова — бурого цвета, верхняя — серого. Поверхность кувшина заглажена, причем местами видны продольные следы от заглаживания пучком травы в горизонтальном направлении. Общая высота — 22 см, диаметр венчика — 14,8 см, тулова — 22,8 см, дна — 10 см (рис. 37, 1).

Близкие по форме сосуды были найдены в ряде левобережных лесостепных памятниках, причем очень похожую форму часто имели не только кувшины, но и корчаги, отличаясь, как уже отмечалось, лишь большими размерами [Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 85, рис. 21, 3, 5; Гейко, 2002, с. 3, обкл., рис. 1-3]. Среди ближайших аналогий можно назвать кувшин из кургана у с. Келеберда [Ильинская, 1968, табл. LIX, 3], а также ряд корчаговидных сосудов непосредственно из северскодонецких памятников — курган № 7 Старомерчанского могильника и № 1 у с. Протопоповка [Бородулин, 1976, с. 3; Бандуровский, Буйнов, 2000, рис. 51, 2, 3].

Одноручный кувшин небольших размеров был найден в погребении 1 кургана № 8. Он имеет маленькое плоское дно, округлое выпуклое тулово и широкое дуговидное горло, переходящее в оттянутый наружу венчик с плоско срезанным краем. К плечу кувшина крепилась меленькая петельчатая, овальная в сечении ручка, отбитая еще в древности. Поверхность сосуда черного, местами бурого, цвета. Общая высота — 16,4 см, диаметр венчика — 9,4 см, тулова — 13 см, дна — 6,2 см (рис. 18, 3).

Горшковидные одноручные кувшины известны по малочисленным находкам на Бельском городище [Шрамко, 1983б, табл. 49; 1983в, с. 87, рис. 11, 1, 2] и в некоторых курганах Посулья и Днепровского Правобережья [Ильинская, 1968, табл. LXIII, 1, 3-5; Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 107, рис. 33, 8-10]. Однако песочинский кувшин отличается от перечисленных аналогий более стройной конфигурацией кувшиновидного тулова, формой оттянутого наружу венчика, а также размерами и местом крепления верхнего края ручки.

В кургане № 10 обнаружен маленький двуручный кувшинчик с выделенным вогнутым поддоном, округлым сильновыпуклым туловом с высокими, почти горизонтальными плечиками, переходящими в прямое, едва расширенное кверху горло с закругленным венчиком. Маленькие петельчатые, эллипсовидные в сечении, ручки размещены по обе стороны горла. Поверхность сосуда укрыта пятнами серого и бурого цвета, небрежно заглажена,

бугриста. Высота кувшинчика — 9,8 см, диаметр венчика — 5,1-5,4 см, тулова — 9,8 см, дна — 4,8-5 см (рис. 22, 4).

Из этого же погребения просходит большой двуручный сосуд с маленьким плоским дном, округлым сильновыпуклым туловом, узким и сравнительно высоким цилиндрическим горлом, переходящим в оттянутый наружу, плоско срезанный венчик. Сосуд имеет 2 дуговидные, овальные в сечении ручки, которые прикреплены по обе стороны к верхней части горла и плечика. Поверхность серого цвета, хорошо заглажена, местами залощена. Общая высота — 42 см, диаметр венчика — 13 см, тулова — 32 см, дна — 10,4 см (рис. 22, 5).

Подобные двуручные сосуды относятся к категории лепных имитаций греческой посуды, получившей в скифское время большое распространение у степного населения [Гаврилюк, 1984, с. 8-11]. Однако находки лепных подражаний античной керамике не отличаются многочисленностью. Маленький двуручный кувшинчик наиболее близок миниатюрному красноглиняному сосудику на кольцевом поддоне из кургана № 5, погребение 2 у с. Широкое на Херсонщине [Ковпаненко, Яковенко, 1973, с. 261, рис. 7]. Большая песочинская амфора наибольшее сходство имеет с сосудом из кургана № 3 у с. Протопоповка [Бородулин, 1976, с. 5], более отдаленное — с лепной амфорой из Частых курганов [Городцов, 1947, с. 19, рис. 9].

Котел. Обнаружен в погребении 1 кургана № 18. Уже к моменту раскопок котел был сплюснут землей и расколот на три части, а в последующее время развалился еще на несколько частей (рис. 27, 3). В настоящее время без квалифицированной реставрационной работы восстановить предельно точно его форму и некоторые параметры достаточно затруднительно. Можно утверждать, что котел имел овальную форму тулова и общую высоту в пределах до 45 см. Более определенно можно говорить о размерах и форме отдельных частях котла.

Ножка котла, цилиндрическая в верхней части, раструбовидно расширялась к низу. Внутри поддона сохранились следы копоти и сажи, а по нижнему краю ножки — отпечатки листьев травы. Высота ножки — 10 см, диаметр в верхней части — 7,6 см, в нижней — около 14 см (рис. 27, 7).

Толщина стенок котла — 0,6 см. Край котла утолщен, оттянут наружу, сверху плоский. Ширина венчика — 1,5-1,6 см. Котел имел две гладкие полукруглые ручки, вертикально отходящих от края. Внешний диаметр

ручек — 8 см, толщина — 1,2 см. Стенки котла украшены рельефным орнаментом в виде двух прямоугольников из гладких линий, отходящих вниз от петельчатых ручек и являющихся своеобразным «зеркальным отражением» последних (рис. 27, 4, 5б). Аналогичным орнаментом, но только в виде дуговидных рельефных линий, украшены стенки котла из кургана № 14 у с. Черемушная [Буйнов, 2002, рис. 26, 2].

Еще в древности котел получил повреждения в виде трещин, идущих от края вниз, и тогда же был предпринят его ремонт с целью препятствия его дальнейшего разрушения. Массивные заклепки удлиненной формы располагались вдоль трещин, прикрывая их и препятствуя выливаю жидкости из котла (рис. 27, 5, 6). Подобные следы ремонта обнаружены на многих котлах скифского времени [Привалова, Зарайская, Привалов, 1982, с. 170, рис. 16; Минасян, 1986, с. 75-77, рис. 7; Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 118, 130 и другие], однако такой ремонт далеко не всегда отличался эффективностью, что вынуждало использовать котел в иных целях [Минасян, 1986, с. 77].

УКРАШЕНИЯ И ПЛАСТИНЧАТАЯ АППЛИКАЦИЯ

Гривна. Представлена одним экземпляром из кургана № 6. Изготовлена из гладкой золотой проволоки круглого сечения диаметром 0,5 см. Диаметр гривны 16 см. Заходящие друг за друга на 12 см концы слегка расширены (рис. 9, 4). По классификации В. Г. Петренко, относится к 4 типу VII отдела, но выделяется среди представленных там гривн размерами и материалом. Аналогичные по форме гривны (бронзовые, серебряная, электрова) происходят из курганов № 33/35 у с. Мастюгино, № 7 у Борисполя, №№ 5 и 7 у Булгаково, № 14 у Сеньковки, Толстой Могилы и получают наибольшее распространение в IV-III вв. до н. э. [Петренко, 1978, с. 47, табл. 37, 7-10].

Серьги. Обнаружены в 5 погребениях. Представлены свернутой в кольцо проволокой, отличаясь при этом материалом, размерами, формой сечения, наличием или отсутствием подвески.

В кургане № 6 серебряная серьга в виде кольца диаметром 4,5 см была сделана из ромбовидной в сечении проволоки толщиной 0,2 см (рис. 9, 3). Тупо обрезанные концы сережки плотно сомкнуты. По классификации В. Г. Петренко, подобные сережки относятся ко второму варианту 30 типа,

представленному сережкой из кургана № 5 у с. Аксютинцы [Петренко, 1978, с. 37, табл. 25, 13]. По описанию в отчете, крепилась на «кожаный кружок диаметром до 5,5 см в виде лепестков ромашки и выкрашенного в светло-голубой цвет» [Бородулин, 1978, с. 26].

Две серебряные серьги, но несколько большего размера (диаметр 4,9 см), изготовленные из проволоки круглого сечения, были обнаружены в кургане № 24 (рис. 32, 6, 7). Один конец сережек заострен, а второй тупо обрезан. Сами концы едва заходят один за другой. По классификации В. Г. Петренко, подобные сережки относятся к 27 типу, представленному сережками трех вариантов, преимущественно, со степного региона [Петренко, 1978, с. 36, 37, табл. 25, 2-7].

Одна бронзовая сережка в виде проволочного, круглого в сечении, кольца овальной формы была обнаружена в кургане № 23. Диаметр сережки — 1,1-1,3 см, диаметр сечения проволоки — 0,2 см (рис. 32, 4). Оба заходящих друг за друга конца сережки заострены. Относятся к первому варианту 28 типа классификации В. Г. Петренко, отличаясь при этом незначительными размерами [Петренко, 1978, с. 36, табл. 24, 17-24].

Сережкой, вероятно, является и фрагмент бронзового колечка диаметром 2,3 см из круглой в сечении проволоки из погребения 2 кургана № 18 (рис. 26, 13).

Большой интерес представляют две пары сережек из погребения 1 кургана № 8 с оригинальными подвесками.

Первая пара сережек в виде кольца диаметром 4,6-5,0 см из золотой, ромбовидной в сечении, проволоки имела подвеску из стекла голубого цвета (так называемый «египетский фаянс») со стилизованным изображением животного (рис. 17, 8, 9). Подвески не идентичны, различаются размерами, как общими (одна — 2,8 x 2,4 x 0,8 см, вторая — 2,6 x 2,2 x 0,8 см) так и петелек, многими мелкими чертами животного, но, несомненно, на подвесках — одно и то же существо. Черты животного, расположенного на узкой длинной гладкой подставке, переданы очень схематично. Отчетливо просматриваются выпрямленные лапы, крылья, на которых с помощью нескольких рядов ретуши переданы перья, хвост и спинной гребень. Подобные черты характерны двум распространенным персонажам греко-скифского искусства — грифону и сфинксу. Голова существа на подвесках передана очень схематично, но ее черты далеки от антропоморфных.

Наличие впереди четко выделенного, заостренного отростка, являющегося, скорее всего, клювом, позволяет видеть в этом существе грифона.

В IV в. до н. э. фигурные изделия из фаянса немногочисленны и в античных памятниках Северного Причерноморья [Алексеева, 1972; 1975, с. 28], еще реже они встречаются в степных и лесостепных погребениях [Островерхов, 1985, с. 93-95]. Находка сережек с фигурными подвесками неизвестной ранее формы является исключительным случаем. Некоторое сходство по форме имеет зооморфная (верблюд?) подвеска из камня светло-зеленого цвета из кургана № 131 могильника Мамай-Гора [Андрух, 2001, с. 219, рис. 89, 13]. Возможно, близкую семантику имеет более распространенная серия золотых сережек с подвесками в виде скульптурной фигурки сфинкса или льва, чаще всего сидящего на постаменте, из курганов Чертомлык, Три брата, Большого Рыжановского, Деева [Петренко, 1978, с. 32, табл. 20, 4, 5, 7, 8], Коблино I № 18/1 [Савченко, 2001, рис. 40, 7, 8].

Вторая пара сережек представлена кольцами диаметром 3,6 см, изготовленными из золотой, круглой в сечении проволоки. К кольцам при помощи петельки крепилась золотая подвеска в виде полый двуликой женской головки. Изображения обеих ликов, переданных в фас, идентичны. Черты лица четкие. Широко разбросанные брови переходят в тонкий, расширенный книзу нос. Подчеркнуты выпуклые верхние и нижние веки, миндалевидные глаза. Уголки рта, переданного в виде щели, едва приподняты. Головка украшена четырехярусным головным убором. Нижний ярус состоит из коротких вертикальных штрихов, возможно, изображающих ряд подвесок. Выше подвесок расположена узкая гладкая горизонтальная полоска, еще выше — 2 полоски с косыми насечками, похожие на завернутые в жгуты и плотно уложенные косы женщины. Внизу головка заканчивается короткой шейю. К нижней части шеи, а также по обе стороны от головки, были припаяны 3 проволочные петельки, к которым крепились подвески в виде круглого плоского диска диаметром 0,8-0,9 см. При этом, у одной сережки сохранились все 3 подвески, у второй — они были утеряны еще в древности (рис. 17, 10, 11).

Из ближайших аналогий следует назвать сережки из кургана № 21 у с. Каменка Николаевской области [Клочко, Гребенников, 1982, рис. 8], а также сережку с подвеской в виде двуликой головки скифа из погребения 1 кургана № 3 у с. Дудчаны на Херсонщине [Фридман, 1987, с. 164,

рис. 3, 2]. Подвески сережек с двухсторонним изображением головы происходят из Санта Эуфемии и Криспиано [Уильямс, Огден, 1995, с. 208]. По внешнему виду женские головки близки бляшкам с аналогичным изображением из кургана № 4 у с. Новоселка [Бессонова, 1994, с. 27, рис. 7, 7]. По общей иконографии подвеска сережки близка пастовому медальону с двухсторонним изображением женского лица в фас с ниспадающими локонами из кургана № 4/3 из урочища Носаки [Бидзиля, Болтрик, Мозолевский и другие, 1977, с. 114, рис. 19, 14].

М. В. Русяева выделяет серию украшений с похожими подвесками в виде женской головки, отождествив персонаж с Герой, в разных вариантах скопированной со статуи Поликлета [Русяева 1994, с. 104-109].

Браслеты. Составляют очень редкий тип украшений среди инвентаря Песочинского могильника. Обнаружены всего в 2 захоронениях. В кургане № 2 были найдены обломки железного пластинчатого браслета. Сечение пластины прямоугольное, со сглаженными углами. Ширина пластины — 0,8 см, толщина — 0,3 см (рис. 4, 8). Характер оформления концов неизвестен. Подобные украшения, составляющие тип 2 отдела пластинчатых браслетов по классификации В. Г. Петренко, получили достаточно широкое распространение у рядового населения Степной, Нижнеднестровской и Крымской групп [Петренко, 1978, с. 57]. Однако среди браслетов этого типа преобладают изделия из бронзы.

Второй браслет, найденный в кургане № 25, представлен несколькими обломками. Был изготовлен из железного, круглого в сечении (диаметр 0,5 см) стержня, обтянутого тонким золотым листом. В результате коррозии золотая оболочка в нескольких местах прорвалась и ржавчина распространилась поверх золотого листа. По всей окружности браслет орнаментирован узором в виде чередующихся коротких отрезков — гладкого, подэллипсоидной формы и укрытого поперечным рифлением из 6-7 (только на одном из концов их всего 3) выпуклых полос (рис. 34, 6).

Браслеты подобной конструкции В. Г. Петренко не выделяет в отдельный тип, считая их чисто греческими изделиями, не получившими сколь значительного распространения [Петренко, 1978, с. 56]. Ближе всего по устройству и внешнему виду браслеты из погребения 4 кургана № 4 у с. Волковцы [Ильинская, 1968, с. 52, табл. ХLI, 15, 16]. Следует также отметить, что орнаментация браслетов в виде чередующихся гладких

и «рубчатых» участков достаточно характерна для этого вида украшений. Подобный орнамент имели бронзовые и золотой браслеты, составившие 12 тип в классификации В. Г. Петренко (курганы №№ 382 у с. Грушевки, 494 у с. Волковцы, у с. Басовки, Чертомлык) [Петренко, 1978, с. 55], а также многие ножные браслеты, происходящие, большей частью, из Посулья [Петренко, 1978, с. 58; Ильинская, 1968, с. 145-147].

Говоря о браслетах, следует остановиться на характеристике еще одного предмета, обнаруженного в кургане № 5. В. Г. Бородулин атрибутирует его как браслет, но со знаком вопроса. Предмет представляет собой овальной формы кольцо (размеры 8,0x4,5 см), согнутое из массивного витого железного стержня. Заходящие друг за друга концы предмета загнуты в круглые, обращенные наружу петли (рис. 7, 11).

Несомненно, к браслетам этот предмет никакого отношения не имеет. Подобные изделия хорошо известны в памятниках Среднего Дона, но за пределами этого ареала встречаются исключительно редко [Либеров, 1965, табл. 24, 66; Савченко, 2001, рис. 26, 11; 32, 7; 38, 19]. От песочинского экземпляра среднедонские пряжки-сюльгамы отличаются формой (почти все они круглые) и наличием, в большинстве случаев, иглы. Близкую к овальной форму имела пряжка из кургана № 3 у с. Мастюгино [Либеров, 1965, табл. 24, 8; Манцевич, 1973, рис. 9, 17]. Вероятнее всего, песочинская пряжка являлась деталью воинского или конского снаряжения.

Не исключено, что некоторые погребения содержали и так называемые наборные браслеты, состоящие из стеклянных бусин, бронзовых колечек (зачастую спаренных), пронизок и других деталей. В первую очередь это относится к находкам из кургана № 9, где были обнаружены несколько крупных стеклянных бусин и характерное бронзовое колечко с тремя группами шишечек по внешнему краю (рис. 20, 16, 18). Помимо этого, на лучевой кости из погребения 2 кургана № 18 сохранились отпечатки бронзовых колечек, а среди инвентаря комплекса также присутствовали стеклянные бусы и подвески. Однако с полной уверенностью говорить о принадлежности этих находок к наборным браслетам не приходится в виду нарушения их местоположения. Возможно, к наборным браслетам относятся и обнаруженные в районе запястий погребенной из кургана № 22 около 70 бисерин (рис. 31, 7м).

Перстни. Обнаружены в 2 погребениях. Относятся к наиболее распространенному в степном регионе типу пертей с гладким щитком круглой

или овальной формы и прямоугольными в сечении (0,1 x 0,2 см) дужками, расширенными в месте перехода в щиток и более узкими на заходящих друг за друга концах.

В кургане № 6 на средние пальцы обеих рук погребенного были надеты серебряные перстни с гладким круглым щитком (диаметр 1,8-1,9 см). Щиток одного перстня — плоский, второго — едва выгнут по пальцу. Размеры отверстия — 1,9 x 1,7 и 2 x 2 см (рис. 9, 5, 6).

В погребении 1 кургана № 8 было обнаружено 8 золотых перстней, из которых по меньшей мере 7 принадлежали одной погребенной и были надеты на пальцы левой (4) и правой (3) руки. Восьмой перстень, по описанию из отчета, был найден в районе кисти левой руки второй погребенной, лежавшей параллельно первой. Однако в дневнике раскопок указано несколько иное местоположение этого перстня, а именно — между двумя костяками. Отсутствие костных останков обеих погребенных, превратившихся в тлен светло-желтого цвета, не позволяет безошибочно определить, какой из двух погребенных принадлежал восьмой перстень. Не исключено, что этот перстень — с правой руки первой погребенной, который откатился немного в сторону в результате падения перекрытия могилы.

Большинство перстней имеют округлый гладкий щиток (диаметр 1,7-1,9 см), лишь у 1 щитка более выраженная овальная форма (диаметр 1,6-1,8 см). У 4 перстней щиток практически плоский, у 2 — выгнут по пальцу, еще у 2 этот изгиб едва заметен. Гладкий щиток имеют 7 перстней, по щитку еще 1 перстня проходит выпуклая полоса шириной 0,1 см. У 2 перстней одна из дужек отсутствует, а вторая согнута таким образом, что ее конец доходит до противоположного края щитка, тем самым значительно уменьшая диаметр отверстия (1,7 x 1 см и 1,5 x 1,2 см). Диаметры отверстий остальных перстней следующие — 2,1 x 1,8; 2 x 1,6; 2 x 1,7; 2 x 1,6; 1,9 x 1,6 см (рис. 16, 10-17).

Подобные перстни очень редко встречаются в Лесостепи и напротив, хорошо известны в степных памятниках [Петренко, 1978, с. 60, табл. VI]. В северскодонецком регионе золотые и серебряные перстни в количестве от 1 до 3 обнаружены также в 4 курганах Старомерчанского могильника [Бандуровский, Буйнов, 2000, рис. 14, 6; 15, 16; 17, 6; 22, 5].

Головной убор. Остатки женского парадного головного убора обнаружены в погребении 1 кургана № 8. Убор состоял из метопиды, стленгиды,

золотых пластин и полосок-ободков с подвесками. Ниже приводится описание пластин.

1. Метопида — золотая пластина длиной 34,5 см, шириной 4,4 см. Украшена растительным орнаментом, в котором от центральной пальметки по обе стороны волнисто расходятся побеги аканфа, цветы лотоса и арицеи. В некоторых местах на стеблях и цветах расположены птицы и насекомые (кузнечик и стрекоза?). Сверху орнаментальный фриз ограничен паркетной, снизу — жемчужной цепочкой и полосой вписанных друг в друга полуов. По бокам и сверху пробиты дырочки для пришивания (рис. 15, 1). По орнаментальному узору и размерам пластина совершенно идентична метопиде третьего убора из кургана Чертомлык [Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 206, 207, кат. 130], что позволяет с полной уверенностью говорить об использовании при изготовлении пластин одной и той же матрицы. Небольшая разница в ширине и длине [Мирошина, 1980, с. 34] объясняется наличием на чертомлыцкой метопиде по бокам и сверху необрезанной неорнаментированной закраины.

2. Две золотые пластины длиной 18,5-19 см, шириной 3,6 см. Обе еще в древности были разделены на 2 части. Одна пластина имеет в правой части неровный разрыв случайного характера, делящий пластину в соотношении 2:1 (рис. 16, 2). Вторая состоит из двух частей почти одинаковой длины с аккуратным разрезом посередине (рис. 16, 1). При внимательном рассмотрении удалось отметить небольшую разницу (немногим более 1 мм) в ширине двух пластин в месте стыка. Это свидетельствует о том, что пластина была оттиснута мастером не на цельной полосе, с последующим разрезанием, а на двух отдельно изготовленных полосках. Орнаментальный сюжет на обеих пластинах идентичный и представляет следующую картину. Композиционный центр составляет изображенное в анфас полуантропоморфное божество с головой женщины, крыльями птицы и побегими аканфа вместо ног, которые расходятся по обе стороны от существа. Полную иконографическую аналогию (вплоть до формы головного убора в виде цилиндрического, расширенного кверху калафа с широким, плоским верхом) этого образа, но с более тщательной проработкой деталей, можно увидеть на костяной пластине из Гаймановой Могилы [Яковенко, Бидзиля, 1979, с. 457-463, рис. А; Бессонова, 1983, с. 96]. Это же божество изображено на подвесках-медальонах целой серии сережек из кургана у с. Буторы

[Мелюкова, 1973, с. 413], № 8/3 у с. Тягинка на Херсонщине, № 5/2 у с. Марьяновка на Николаевщине [Білан, Солтис, 1998, с. 92, рис. 6, 2]. С. С. Бессонова подчеркивает тесную связь подобного хтонического существа с выраженными чертами сирены — демона смерти с погребальными культурами [Бессонова, 1983, с. 94]. Уильямс Д. и Огден Д. трактует это существо как мужское бородатое божество [Уильямс, Огден, 1995, с. 142, 143]. По обе стороны от божества, как бы являясь продолжением одного из побегов, расположены изображенные в профиль и геральдически противопоставленные друг другу фантастические существа, в которых видят гиппокампов [Мирошина, 1981, с. 52], грифонов [Клочко, 1982а, с. 42] или морских чудовищ [Уильямс, Огден, 1995, с. 142, 143]. Бесспорно, ближе к истине первое определение, но и здесь необходимо сделать несколько оговорок. В настоящее время под термином «гиппокамп» объединены различные, с точки зрения иконографии (а, возможно, и мифологии), образы, на что уже обращалось внимание [Мелюкова, 1981, с. 42; Бессонова, 2004а, с. 25-30]. В ряде случаев это фантастическое животное, имеющее переднюю часть коня и оканчивающееся змеиным или рыбьим хвостом. Подобное существо изображено на подвесках из Большой Близицы [Искусство скифов, 1986, рис. 251], на метописе четвертого головного убора из Чертомлыка [Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 200, 201], на нащечниках из Краснокутского кургана [Мелюкова, 1981, с. 72-74, рис. 21, 2, 3] и других предметах. В тоже время на ряде изделий — навершиях из Краснокутского кургана и Одесского археологического музея, на бляшке из Большой Близицы, на ажурной бляхе из Александрополя — гиппокамп приобретает некоторые черты и функции грифона [Мелюкова, 1981, с. 42, 43, рис. 9, 11, 12]. По иному, с точки зрения иконографии, образ гиппокампа воплощен на бляшке из Куль-Обы [Копейкина, 1986, с. 47, 48, рис. 17], на серебряном килике из Чмыревой Могилы [Онайко, 1970, табл. XV]. Здесь изображено существо, напоминающее по внешнему виду средиземноморского конька и отождествляемое иногда с морским драконом [Онайко, 1970, с. 21; Копейкина, 1986, с. 47, 48]. Гиппокамп на пластине головного убора по внешним признакам (лупоглазая морда с узкой длинной пастью, оканчивающейся роговидным отростком, торчащим вверх, тонкая изогнутая шея, плавно переходящая в туловище, гребень с острыми шипами и перепонками между ними, идущий от головы к низу, складчатое брюшко)

относится именно к этой трактовке образа. По обе стороны от гиппокампов продолжают виться побеги аканфа с сидящими на них маленькими птичками. Заканчиваются побеги симметрично расположенными пальметками. С левой стороны подобная пальметка завершает композицию. На правой стороне, после пальметки, нарушая общую симметрию, расположена сцена терзания хищной птицей (орлом?) лежащего на спине зайца. Сверху и снизу орнаментальный фриз ограничен цепочкой крупных выпуклых жемчужин. По краю пластин, по всему периметру, пробиты дырочки для пришивания. В целом, узор пластины во многом, до мельчайших деталей, аналогичен орнаментальному фризу метопиды из Куль-Обы [Мирошина, 1981, с. 66, рис. 9, 4], что позволяет предположить изготовление пластин в одной мастерской. Очевидно и то, что композиционный замысел мастера при изготовлении песочинских пластин был несколько иным, что выразилось во включении в сюжет сцены терзания, в изменении порядка чередования богини, гиппокампов, пальметок. Сцена терзания зайца орлом, в несколько иной иконографии, но при несомненной семантической тождественности сюжетов, известна на золотой оббивке ритона из Семибратных курганов [Граков, 1971, табл. XXVII].

3. Две пары золотых пластин (больших — высотой 4,7-5,3 см и длиной 12,5-13,4 см и маленьких — высотой 4,6-4,9 см и длиной 2,8-3,0 см) с изображением танцующих менад (рис. 17, 1-4). Композиционный сюжет традиционный — чередующиеся менада с тирсом и козлиной головой в руках и менада с ножом и задней козлиной ногой в руках. Одежда у менад одинаковая, состоит из длинной, до пят, юбки и короткой верхней части, туго стянутой на талии узким пояском. Головные уборы различные. У менады с тирсом он имеет вид полусферической шапочки, плотно облегающей голову, с клапанами, прикрывающими уши и коротким твердым коническим верхом. На голове менады с ножом — длинный мягкий остроконечный колпак, украшенный клетчатым узором. Кроме этого, за спиной менады с тирсом развивается плащ из козлиной шкуры с ножками, снятой, вероятно, с разделанного козла. Высота фигурок — 4,6 см. По всему периметру пластин пробиты дырочки для пришивания. Пластины (вариант: вырезанные фигурки) с подобным сюжетом известны именно как украшения женских головных уборов. Полные иконографические аналогии происходят из Деева кургана [Онайко, 1970, табл. XXXIV, 8], Большого

Рыжановского кургана [Петренко, 1967, табл. 18, 11], Денисовой Могилы [Рябова, 1979, рис. 1, 5; Мозолевский, 1980, с. 133, рис. 68, 11]. Интересно, что при изготовлении больших пластин мастер ошибся в расчетах, вырезав заготовки на 1 см короче необходимых. В результате на одной пластине не поместилась рука менады с тирсом (рис. 17, 2), на другой — часть руки с ножом (рис. 17, 1).

4. Шесть золотых пластин (длина 5-5,5 см, ширина 2,8-3,1 см) с изображением сфинксов с двойным туловищем (рис. 16, 3-8). Сфинксы изображены сидящими в геральдической позе, головой в фас, от которой по обе стороны расходятся расположенные в профиль туловища. На лице подчеркнуты контуры массивного носа, круглых глаз и рта. Отчетливо изображена задняя часть туловища с задней лапой. Передние лапы каждой пары туловищ перекрещены, причем всегда лапа левого туловища перекрывает лапу правого. Хвост поднят вверх и согнут посередине в сторону головы. Хвосты крайних на пластинах сфинксов оканчиваются веерообразно расходящимися несколькими «перьями». Выше спины расположены широко раскрытые и поднятые вверх крылья, перья которых переданы в виде двух продольных рядов выпуклых квадратиков. Сверху и снизу пластины украшены орнаментальным пояском, состоящим из двух гладких линий, внутри которых находятся два ряда, обращенных вершинами к центру, треугольников и огибающая их волнистая линия. По периметру пробиты дырочки для пришивания. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что первоначально пластины представляли собой две полоски длиной 16 см. Согласно авторскому замыслу, пластины на уборе должны были располагаться полукругом. Для придания требуемой формы на каждой пластине было сделано по два выреза в форме равнобедренного треугольника, разделивших пластину на три примерно равных части, что и позволило расположить их в необходимом порядке. Аналогичные по размерам и узору пластины были обнаружены в курганах Чертомлык [Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 202, 203] и № 8 группы Пять братьев Елизаветовского курганного могильника [Шилов, 1962, рис. 8, 7; Скрипник, 1999, с. 78, 79] (только в последнем случае они несколько уже из-за отсутствия орнаментальных поясков).

5. Стленгида (рис. 15, 2а-в) — золотая пластина, состоящая из трех частей: длинной дугообразной (длина верхнего края — 25,5 см, радиус изгиба — 11,5 см; длина нижнего края — 22,5 см, радиус изгиба — 10,5 см)

пластины, более широкой в средней части (1,7 см) и сужающейся на концах (0,9-1,2 см) и двух коротких пластин подтреугольной формы (длина 7,5-8,5 см), которые, размещаясь по обе стороны дугообразной, продолжали ее. Композиционный сюжет стленгиды уникален не только для пластин, украшавших головные уборы, но и для греко-скифского искусства вообще и представляет сцены охоты на оленя в виде чередующихся фигур всадника и животного. Движение направлено в одну сторону, справа налево, т. е. против часовой стрелки. Начало охоты представлено на правой треугольной пластине фигурой скачущего галопом на лошади всадника, преследующего оленя с ветвистыми рогами (рис. 15, 2а). Олень изображен в застывшем прыжке, с отброшенной назад головой. На всаднике едва просматривается подвешенный с левой стороны горит. Завершает сцену не поместившееся целиком изображение животного (оленя?). Видны только голова, передняя часть туловища с торчащим из него древком и часть передней ноги с копытом. Продолжение сюжета следует на дугообразной пластине и представлено четырьмя парами фигур всадника и оленя, аналогичных описанным выше (рис. 15, 2а). Между третьей и четвертой парами находится очень нечеткое изображение какого-то животного, которое нарушает четкий ритм чередования фигур, характерный для сцены охоты. Завершает композицию сцена на левой треугольной пластине, по сюжету отличная от двух предыдущих и представляющая спешившегося всадника, ведущего за уздечку лошадь (рис. 15, 2б). Тремя ногами лошадь стоит на земле, и только передняя левая нога делает шаг вперед, как бы подчеркивая неторопливое движение после быстрой скачки. Левая рука скифа, держащая уздечку, отведена назад. Сам скиф всем телом подался вперед, направление этого движения подчеркивает протянутая правая рука и выдвинутая вперед, согнутая в колене нога. Объект, к которому устремился скиф, воспроизведен частично и несколько смазан. Отчетливо просматривается лишь выброшенная вперед нога копытного животного, аналогичная изображению на правой треугольной пластине, что позволяет предположить наличия в этом месте такого же изображения и трактовать весь сюжет как сцену окончания охоты, в которой скиф склонился над поверженным им стрелой или копьем (дротиком) оленем. Резко бросается в глаза контраст между творческим замыслом художника, с живостью и динамизмом изобразившего оригинальные сцены охоты на оленя с одной стороны и примитивностью

технического исполнения с другой, выразившейся в смазанности и нечеткости изображений, верхняя часть которых зачастую не вписывается в поле пластины. Часть изображений присутствует лишь частично, нарушая первичный композиционный замысел, что ни в коей мере не смутило мастера. Небрежность исполнения подчеркивают неровно обрезанные края пластины и произвольно пробитые, зачастую на фигурках оленей и всадников, дырочки для пришивания. Технологичный уровень изготовления стленгиды резко отличается от остальных пластин убора, выполненных с большим мастерством. Это позволяет говорить о вероятности изготовления стленгиды местным мастером, не владеющим основными приемами подобной работы и попытавшемся воспроизвести на пластине сюжет, увиденный им на каком-то другом изделии. Необходимость проведения этой работы едва ли была вызвана эстетическими (соседство на уборе высокохудожественных пластин со стленгидой никак не могло соответствовать взыскательному вкусу) или конструктивными соображениями, а, скорее всего, была продиктована требованием присутствия на уборе определенного набора сюжетов, что и подвигло местного мастера на изготовление стленгиды.

Форма стленгиды в виде изогнутой дуговидной пластины находит аналогии среди подобных пластин головных уборов из Большого Рыжановского кургана [Петренко, 1967, табл. 18, 7], Деева кургана [Онайко, 1970, табл. 34, 34б], кургана № 22 у с. Красный Перекоп [Мирошина, 1981, с. 48]. Однако сюжет песочинской стленгиды для пластин головных уборов в высшей степени оригинален. Манера изображения преследования всадником оленя близка сцене охоты на рукояти ахаменидского меча из Чертомлыка [Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 127], но на мече иной объект охоты [Алексеев, 1984, с. 41]. С. А. Яценко, рассмотрев общескифские антропоморфные сюжеты, выделил в отдельную группу сцены охоты всадника на оленя (навершие из Слоновой Близницы, пластина из Гюновки, золотой медальон из Дуровки и глиняный из Феодосии) [Яценко, 1999, с. 282]. Своеобразие и сложность сюжета на стленгиде заключается и в развернутости его во времени. Представленные здесь сцены не единовременные, а следуют одна за другой, являясь иллюстрацией знакомого зрителю повествования.

Дополнял головной убор ободок из согнутой золотой полосы длиной 45 см, украшенной орнаментом из полуов. По всей длине ободка, на равном расстоянии друг от друга, к нему крепились с помощью цепочки из трех

звеньев 50 желудевидных подвесок, состоящих из двух полых половинок. Каждая подвеска в верхней части была украшена сетчатым узором, имитирующим шляпку. Нижняя гладкая часть, сужаясь, заканчивалась мелкими шариками (рис. 16, 9).

Обращает на себя внимание пестрота сюжетов пластин, используемых в уборе (пять различных типов), в целом не характерная для изделий подобного круга. Все это, при одновременном наличии на отдельных пластинах производственного брака, а также факта использования в уборе всего двух-трех пластин каждого типа, наводит на следующую мысль. Возможно, для убора использовались не специально изготовленные для него пластины, а отбракованные мастером неудачные экземпляры, пробные оттиски, а также оставшиеся после изготовления других уборов пластины, которые заготавливались мастером с запасом. В процессе работы количество невостребованных пластин накапливалось и при удобном случае сбывалось на периферию менее требовательному заказчику.

Один из возможных вариантов реконструкции головного убора представлен в специальном исследовании [Бабенко, 1999б, с. 85-90; 2002а, с. 63], где он восстановлен в виде тиары, в которой стленгида и выложенные полудугой пластины со сфинксами составляли верхний и нижний ряды лицевого обрамления. Сверху обрамления в два ряда были нашиты пластины с богиней и гиппокампами и с танцующими менадами. По верхнему краю убора, на 3/4 окружности, крепились полоски с подвесками. Дополняла убор нашитая на кожаный ремень и крепившаяся ко лбу метопада (рис. 15, 3). Высота подобного убора спереди составляла 15 см, общая высота — 25 см. По внешнему виду песочинский головной убор наиболее близок к восстановленной Т. В. Мирошиной тиаре из погребения 2 кургана № 22 у совхоза Красный Перекоп [Мирошина, 1981, рис. 3].

Возможны и иные варианты реконструкции. Не исключено, что метопада располагалась не на лбу, а была нашита непосредственно на убор, составляя третий горизонтальный ряд. В этом случае высота убора была на несколько сантиметров большей.

Разнообразие образов и сюжетов, представленных на уборе, дает обширный материал для их семантических реконструкций. Проблемы семантики, как отдельных образов, так и всех сюжетов песочинской тиары в целом неоднократно являлись предметом специального исследования [Бабенко,

Чижова, 2001, с. 87-89; Бабенко, 2002а, с. 63-67], что освобождает от необходимости рассматривать эти вопросы на страницах настоящей работы.

Предметы золотой пластинчатой аппликации обнаружены в 9 погребениях, из которых почти все (за исключением погребения 1 кургана № 8) были ограблены. Поэтому и ассортимент, и количество золотых бляшек (как и погребений, их содержавших), на момент захоронения были значительно большими. Сохранившиеся и обнаруженные бляшки представлены следующими типами.

Бляшки с изображением фигуры лежащего оленя. Представлены 3 вариантами. На бляшках 1 варианта фигура оленя изображена в профиль правой стороной. Рога оленя переданы в виде 4 длинных, лежащих одна на другой, ветвей, расположенных на спине животного. Между ухом и спиной находится еще 1 короткий изогнутый отросток рогов, 2 отросток в виде тонких, загнутых внутрь ветвей, расположен на лбу. Заостренное ухо плавно переходит в круглую глазницу с 2 короткими нижними ответвлениями. В глазнице — большой, круглый, выпуклый глаз. Рот и ноздри переданы 2 рельефными точками, ограниченными Е-образной линией. На шеи и груди — бородка из 4 выпуклых точек. Короткий округлый хвостик опущен вниз. Отчетливо видны только 2 ноги, подогнутые к тулову. При этом подошва копыта задней ноги стоит на земле, а передней — прижата к груди. На обратной стороне бляшки припаяны 4 петельки из тонкой проволоки. Некоторые бляшки имеют в нижней части еще 2 подобные петельки для крепления подвесок. Размеры 2,6 × 2,8 см. По отчету, в кургане № 2 было обнаружено 26 бляшек этого варианта (рис. 4, 12), в фондах музея — на 2 бляшки больше.

Бляшки второго варианта во многом аналогичны первому, но отличаются оформлением многих мелких деталей, что свидетельствует об использовании при их изготовлении другого или слегка подправленного штампа. У оленя несколько иная форма роговых ветвей. Рога на лбу, помимо загнутых внутрь ветвей, имеют 2 коротких заостренных отростка, направленных вверх и вниз. У глазницы только одно ответвление вниз, но более длинное. По иному оформлена морда. Короткий хвост слегка заострен. Вместо петель по углам бляшки пробиты 4 сквозные дырочки. Размеры 2,4 × 2,5 см. 6 подобных бляшек были обнаружены в кургане № 22 (рис. 31, 5).

Бляшки обоих вариантов аналогичны подобным находкам из Солохи [Манцевич, 1987, с. 68], кургана № 4 из группы «Частых» [Либеров, 1965,

табл. 35, 8, 11], у с. Пастырское [Ханенко, Ханенко, 1899, табл. XXVI, 437; Петренко, 1967, табл. 19, 26, 28], однако каждая серия изделий отличается мелкими деталями, что объясняется быстрым износом и частыми подправками штампа. Такие же бляшки, но с оленем, развернутым в противоположную сторону, происходят из кургана близ Шполы, урочище Дарьевка [Бобринский, 1894, табл. X, 2].

Бляшка третьего варианта из кургана № 32 имеет совершенно иной вид (рис. 38, 2). Олень изображен лежащим в профиль влево. В большой овальной глазнице — маленький выпуклый глаз. Морда имеет удлиненные пропорции. Рот полуоткрыт. Непропорционально больших размеров ухо заострено и поднято вверх. На шее — бородка из цепочки спускающихся вниз выпуклых прямоугольников. Ветвистые, изогнутые рога расположены над спиной оленя. Второй отросток рога вертикально отходит ото лба, разветвляясь затем на 3 горизонтальных отростка. Рельефно обозначена мускулатура ног и ребер животного. Отчетливо видны все 4 ноги животного, подогнутые под туловищем таким образом, что подошвы переднего и заднего копыт соприкасаются. Края бляшки обрезаются несколько небрежно. По углам — 4 сквозные дырочки. Размеры 3,5 x 3,8 см.

Бляшки подобного вида и размеров как украшения одежды почти неизвестны. Можно назвать только бляшки больших размеров с изображением лежащего оленя из «Большого кургана Веселовского», служившие украшением налобной повязки [Вітрик, Данилко, 2002, с. 142, 149, рис. 6; Ключко, Васіна, 2002, с. 164, рис. 1]. Имеется также серия изделий близкого типа, являющихся золотыми оббивками деревянных сосудов. Подобные оббивки, украшенные изображением оленя, обнаружены в кургане у с. Ак-Мечеть, Первой Завадской Могиле, кургане Бабы [Мурзин, 1984, рис. 10, 11], № 401 у с. Журовка [Петренко, 1967, табл. 16, 14], Гаймановой Могиле [Бідзіля, 1971, с. 50, рис. 6] и многих других памятниках [Рябова, 1984, с. 33-36, рис. 1]. По внешнему виду оленя песочинской бляхе наиболее близка золотая оббивка сосуда из кургана № 403 у с. Журовка [Петренко, 1967, табл. 16, 3]. Возможно, что использование бляшки из кургана № 32, как украшения одежды, носило вторичный характер. Вначале это была оббивка сосуда, которую, обрезав (довольно небрежно) по контуру оленя, стали использовать в новом качестве.

Бляшки с изображением идущего оленя. Форма бляшки квадратная. Идущий олень изображен в профиль вправо. Голова посажена на мощную шею. В незамкнутой, имеющей разрыв между ухов и рогами, глазнице находится маленький выпуклый глаз. Рот полуоткрыт. Лавролистной формы ухо непропорционально велико и торчит вверх. Большие ветви рогов отброшены назад и, касаясь средней части спины, загибаются вверх. Ото лба, раздваиваясь, отходит вверх и в стороны маленький отросток рогов. Раздвоенный хвост оленя свободно свисает вниз. Все 4 ноги животного выпрямлены и стоят на земле. По периметру бляшка обрамлена выпуклыми квадратами. По углам пробиты 4 дырочки для нашивания на ткань. Размеры бляшки 2,7 x 2,7 см (рис. 17, 5). В погребении 1 кургана № 8 находилось 9 таких бляшек.

Полностью идентичные бляшки обнаружены в курганах № 1 группа 4 у хутора Настельного [Багaley, 1907, с. 374, рис. 102] и № 6 Старомерчанского могильника [Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 98, 99, рис. 12, 4]. Кроме этого, точно такой же олень изображен в центре золотой оббивки деревянного сосуда из кургана № 11 группы «Частых» [Либеров, 1965, табл. 28, 9]. Похожая бляшка, но с оленем, идущим влево, найдена в кургане № 8 группы Пять братьев [Шилов, 1962, рис. 3, 13].

Бляшки в виде фигурки зайчика. Представлены двумя вариантами — с подвесками и без них (рис. 4, 13). Зайчик, вырезанный по контуру, изображен в профиль влево. Контур круглой по форме и опущенной вниз головы переходит в длинное, прижатое к спине, ухо. В центре головы, в круглой глазнице, в виде выпуклой рельефной точки находится глаз. Задняя часть туловища переходит в мощное бедро, затем — в длинную тонкую лапу. Передняя изогнутая лапа в верхней части раздваивается. С обратной стороны бляшки припаяны 2 петельчатых колечка. Размеры бляшки 1,3 x 0,8 см. По отчету в кургане № 2 обнаружено 9 таких бляшек, но в фондах музея хранится 11 экземпляров.

В этом же кургане были найдены еще 3 таких же бляшки, но имевших еще в нижней части 2 проволочных петельки, к которым крепились подвески-бутоны. Верхняя часть подвесок гладкая, полусферичной формы и отделена от нижней части двумя горизонтальными гладкими линиями. Нижняя часть конической формы, украшена орнаментом из чередующихся вертикальных линий — гладкой и в виде цепочки выпуклых квадратов.

Оканчиваются подвески проволочным колечком, к которому были припаяны в 2 яруса 4 шарика — 3 маленьких и 1 покрупнее. Размер подвески — 1,7 × 0,6 см.

Маленькие бляшки с изображением согнувшегося зайчика известны широко (курганы № 512 у с. Капитоновка [Петренко, 1967, табл. 19, 34], № 4/1 у с. Изобильное [Клочко, 1986, с. 19, 20; 2000, с. 24, рис. 1], № 71 группы Широкое II [Черненко, Бунятян, 1977, с. 92, рис. 12, 1], Первый Мгарский курган [Кулатова, Супруненко, 1996, с. 325, рис. 14, 4; 17], Бабы [Онайко, 1966, с. 22, 58, табл. XXII, 4], Скоробор [Шрамко, 1994, с. 117, рис. 11, 5], № 5 у с. Ивановка [Ковпаненко, Скорий, Батуревич, 1996, с. 113, рис. 3, 22], ряд курганов Посулья [Ильинская, 1968, рис. 38, 2] и многие другие), но изготовлены они, как правило, разными штампами.

Бляшки с изображением маленького животного. По размерам и иконографии очень близки предыдущим бляшкам, но особенности изображения многих частей тела свидетельствуют о несомненном видовом отличии животного. У изображенного в профиль влево животного впереди головы едва заметен носик-клювик. Ушко маленькое, округлой формы. Между головой и задней частью туловища — 2 гладкие вертикальные полосы, символизирующие, вероятно, крылья животного. Вдоль спины, до самого низа, идет цепочка мелких выпуклых точек, обозначающих продолжение развернутых крыльев, либо гребень или поднятый вверх хвост животного. По перечисленным признакам внешний вид животного более всего походит на грифона, однако данное определение не окончательное, так как его изображение не в полной мере соответствует классическому иконографическому образу. С обратной стороны бляшки имеются 2 проволочных петельки. Размеры 1,2 × 0,7 см (рис. 4, 14). По отчету в кургане № 2 было обнаружено 16 таких бляшек, в фондах музея — на 3 бляшки больше. Вероятно, попеременно нашитые на одежду с бляшками с изображением зайца, они составляли с последними популярную сюжетную пару хищник-жертва.

Идентичные или очень похожие бляшки обнаружены в кургане Бабы [Онайко, 1966, с. 22, 58, табл. XXII, 4], № 5 могильника Осняги [Ковпаненко, 1961, рис. 6, 18], Малый Чертомлык [Мозолевский, 1987, с. 72, рис. 6, 22-25], № 3 у с. Богдановка [Битковский, Полин, 1987, рис. 8, 4], Бердянском кургане [Чередниченко, Фиалко, 1988, с. 152, рис. 3, 10], № 15 Олиферщинского могильника [Кулатова, Луговая, Супруненко, 1993, рис. 14, 14].

Бляшки с изображением грифона. В Песочинском могильнике бляшки с изображением этого персонажа представлены тремя оригинальными вариантами. На бляшках первого варианта, имеющих подквадратную, с закругленными углами, форму, грифон изображен в профиль влево. Круглая голова с выпуклым глазом в центре посажена на узкую длинную шею с заметным утолщением посередине, развернута в сторону хвоста и опущена раскрытым клювом вниз. От спины отходит, поднятое вверх, раскрытое крыло, перья которого переданы посредством цепочки выпуклых квадратов. Тонкий хвост поднят вверх и загнут в полукольцо. Подчеркнута мощная грудь и поджарый живот. Отчетливо видна передняя и задняя лапы, стоящие на земле. Сверху и снизу пробиты 2 дырочки для пришивания. Размеры — 1,5 × 1,3 см. По одной бляшке этого варианта обнаружено в двух курганах — №№ 29 (рис. 37, 5) и 32 (рис. 38, 4).

Бляшки второго варианта имеют подпрямоугольную, с округлыми углами, форму. Грифон изображен в профиль влево. Внутри круглой головы рельефной точкой обозначен глаз. Большой загнутый клюв опущен вниз и почти касается передней лапы. От затылка отходит вверх тонкий отросток — ухо или рог. Шея отсутствует, и голова посажена прямо на туловище. Крыло поднято вверх и раскрыто, причем переданы только контуры крыла, без имитации перьев. Маленький хвост поднят вверх и согнут посередине в сторону головы. Широкая грудная клетка переходит в поджарый живот. Передняя и задняя лапы полностью стоят на земле. По бокам пробиты 2 сквозные дырочки. Размеры — 1,2 × 0,9 см. 2 таких бляшки найдены в кургане № 32 (рис. 38, 5).

Третий вариант представлен 5 бляшками подовальной формы из кургана № 25, также содержащих изображение грифона в профиль в левую сторону. Голова грифона с овальным глазом плавно переходит в загнутый, опущенный вниз клюв с подчеркнутой восковицей. Макушка головы слегка заострена. От затылка отходит вниз короткий изогнутый отросток, возможно, рог. Между головой и задней частью туловища расположены крылья в виде цепочки спускающихся вниз выпуклых прямоугольников. Вертикальной цепочкой подобных мелких точек вдоль спины животного передан хвост. Задняя лапа имеет удлиненные пропорции и раздваивается на конце. Передняя лапа короткая и массивная, двумя короткими насечками подчеркнута многопалость лапы. На обратной стороне 4 бляшек

припаяны 2 проволочные петельки. Размеры — 1,2 x 0,8 см (рис. 34, 7а). Пятая бляшка, имея аналогичные размеры, немного отличается иконографией и способом крепления — вместо петелек у бляшки пробиты 2 дырочки (рис. 34, 7б). К 5 бляшкам, обнаруженным в кургане № 25 в 1979 году, добавились еще 3, найденные на отвалах этого же кургана во время раскопок могильника следующего года. Из этих бляшек 2 идентичны первому варианту, третья, отличающаяся более высокой пробой золота — второму.

Грифон является одним из любимых персонажей на изделиях греко-скифского искусства, в том числе и пластинчатой аппликации, отличаясь при этом большим количеством вариантов иконографии образа [Шкурко, 1982, табл. IV, 2-22]. Бляшкам первого варианта очень близкие по размерам и иконографии грифона аппликации из кургана близ Шполы, урочище Дарьевка [Бобринский, 1894, табл. X, 6]. Форма крыла, задней части туловища, хвоста у грифонов идентичны. Отличается дарьевский грифон разворотом головы и наличием гребня на ней, а также количеством лап. Среди множества других бляшек с изображением грифона полные иконографические аналогии песочинским аппликациям второго и третьего вариантов отсутствуют.

Круглые бляшки с изображением мужского лица. Голова мужчины изображена в профиль правой стороной. Прямые длинные волосы, закрывая лоб и большую часть головы, гладкими параллельными прядями спускаются от верха к низу. Небольших размеров нос плавно переходит в бровь. Подчеркнуты верхнее и нижнее веко с миндалевидным глазом внутри. Ухо открыто. В нижней части лица переданы усы и борода, полностью закрывающие рот. Нижняя часть головы очерчена гладким дуговидным «воротничком». По всей окружности бляшка обрамлена орнаментом в виде мелких выпуклых жемчужин. В верхней и нижней части — 2 дырочки для пришивания на ткань. Диаметр — 1,7 см (рис. 17, 6). Найденны в погребении 1 кургана № 8 в количестве 15 экземпляров.

Подобные бляшки так называемого «монетного типа» обнаружены в кургане у с. Верхний Рогачик [Онайко, 1970, с. 105, табл. 41, 493и], Елизаветовском кургане [Шилов, 1967, с. 64], Чертомлыке [Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 248, 250, кат. 212, 22], Первом Мордвиновском кургане [Лесков, 1974, рис. 36].

Бляшка с изображением женского лица (рис. 31, 4). Вырезана по контуру головы, изображенной в фас. Волосы собраны в толстые пряди и зачесаны

назад. Лоб открыт. Надбровья плавно переходят в тонкий, расширенный к низу, нос. Рельефно подчеркнуты верхние и нижние веки, миндалевидные глаза. Отдельно выделены верхняя и нижняя губа. Подчеркнута сужающаяся линия нижней части лица с округлым подбородком, четко отделенным от короткой шеи. В нижней части шеи припаяны два проволочных колечка, к которым крепятся две подвески эллипсовидной формы, орнаментированных чередующимися вертикальными полосками — гладкой и в виде цепочки выпуклых квадратиков. В нижней части припаяны четыре маленьких шарика и один покрупнее. С обратной стороны бляшки припаяна вырезанная по контуру головы золотая тонкая пластинка. На стыке двух пластинок, на уровне глаз женщины, по обе стороны головы — сквозное отверстие. Размер головки — 1,7 x 1,6 см, подвески — 1,8 x 0,7 см. Обнаружена в кургане № 22.

Так называемые бляшки-«маски лица» широко представлены в курганах скифского времени. Подобные украшения обнаружены в кургане Солоха [Манцевич, 1987, с. 30, 31], в кургане № 2 в урочище Галушино [Петренко, 1967, табл. 19, 37, 39], № 3 у с. Богдановка на Херсонщине [Клочко, 1986, с. 17, рис. 4], однако все эти аналогии лишь общими чертами похожи на песочинскую бляшку, на которой лицо женщины передано более тонко. Похожие бляшки в виде головки с зачесанными назад волосами и одной или двумя подвесками, прикрепленными при помощи колечек к шее были найдены в погребении 2 кургана № 8 у с. Волчанск [Полин, Кубышев, 1997, с. 45, рис. 9, 5, 8]. Очень близки бляшки из кургана № 4 у с. Новоселка, особенно оформление шеи с подвесками. Но здесь женская головка украшена многоярусным остроконечным головным убором [Бессонова, 1994, с. 27, рис. 7, 7]. Бляшки в виде женской головки в остроконечном многоярусном калафе с припаянными к шее колечками для крепления подвесок обнаружены в погребении 2 кургана № 1 у с. Владимировка [Полин, Кубышев, 1997, с. 25, рис. 19, 4, 5].

Восьмерковидная бляшка. Состоит из двух кружков, соединенных перемычкой. Один кружок оформлен в виде личины, изображенной в фас. Очень большие, углубленные глазницы, разделенные тонким, заостренным носом, занимают более половины лица. Внутри глазниц — маленькие выпуклые глазки. Рот, вероятно, открыт. Второй кружок представляет пятипалую лапу в виде гладких выпуклых продольных линий. Четырьмя

такими же поперечными линиями украшена перемычка, соединяющая кружки. На обратной стороне — 2 проволочные петельки. Длина бляшки — 2,4 см, ширина кружков — 1,0 см, перемычки — 0,7 см (рис. 38, 3). Обнаружена в кургане № 32.

Подобные по форме двойные бляшки известны в кургане № 397 у с. Журовка [Петренко, 1967, табл. 19, 43-47], № 1 у с. Дуровка [Пузикова, 1997, с. 28, 29] и других памятниках, однако все они оформлены по-иному. Близкой аналогией является двойная бляшка из Чертомлыка, оба конца которой украшены изображением очень похожей личины. От песочинской эту бляшку отличает отсутствие изображения лапы, а также неорнаментированная гладкая перемычка [Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 248, рис. 79, кат. 212, 21]. Практически идентичную иконографию имеют бляшки из кургана близ Шполы, урочище Дарьевка [Бобринский, 1894, табл. XIII, 6; Петренко, 1967, табл. 19, 58].

Бляшка в виде пальметки. Вырезана по контуру пальметки, которая произрастает из двух волют круглой формы и имеет 7 лепестков с каплевидными утолщениями на концах. Центральный лепесток ровный и сильно вытянут вверх. Боковые, попарно отклоняясь от центрального, уменьшаются по мере удаления от него. На обратной стороне — 2 проволочные петельки. Размеры — 2,4 x 1,8 см (рис. 37, 6). Обнаружена в кургане № 29.

Пальметка, являясь очень популярным орнаментальным мотивом на изделиях греко-скифского искусства, широко использовалась как в качестве одного из элементов многофигурных композиций, так и являлась самостоятельным образом на предметах пластинчатой аппликации, отличаясь широким разнообразием иконографических форм [Русяева, 2000, с. 41-44]. Бляшки-пальметки обнаружены в Мелитопольском кургане [Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 94, 95], Чертомлыке [Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 174], Куль-Обе [Копейкина, 1986, с. 67, рис. 16], кургане в урочище Дарьевка [Бобринский, 1894, табл. X, 4; XIII, 3; Петренко, 1967, табл. 19, 59], № 4 в урочище Носаки [Бидзиля, Болтрик, Мозолевский и другие, 1977, с. 93, рис. 11, 9] и многих других памятниках. Практически идентичной по форме пальметкой украшены золотые оббивки ножен мечей (у устья ножен, между двумя грифонами) из Чертомлыка [Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 105, 236, 244, кат. 191], кургана № 8 группы Пять

братьев [Шилов, 1962, рис. 4], а также из кургана Чайан в северо-западном Крыму [Уильямс, Огден, 1995, с. 175].

Бляшка с изображением цветка лотоса. Состоит из прицветника подтреугольной формы, от которого поднимаются вверх 3 лепестка лотоса. Боковые лепестки (край одного отломан), симметрично расходящиеся в стороны, ровно обрезаны на концах и украшены вдоль внешнего края, от прицветника до самого верха, орнаментом, состоящим из цепочки выпуклых квадратиков. В центре бляшки — вогнутость сердцевидной формы. По краям — дырочки для пришивания. Размер бляшки — 3,0х3,2 см (рис. 38, 6). Обнаружена в кургане № 32.

Цветок лотоса достаточно часто использовался для орнаментации изделий. Аналогичную иконографию (прицветник, боковые и центральный лепесток), можно увидеть на пекторали из Толстой Могилы, чертомлыцкой и песочинской метопидах и многих других изделиях. Бляшки с изображением лотоса обнаружены во Втором Семибратном кургане, Солохе [Манцевич, 1987, с. 68], кургане Орел (Большая Белозерка) [Онайко, 1970, с. 108, тип 5056], Гаймановой Могиле [Клочко, 1982б, рис. 2], Огуз [Фиалко, 2003, с. 131, рис. 3, 25], № 1 у с. Дуровка [Пузикова, 1966, рис. 29, 12], в урочище Дарьевка [Бобринский, 1894, табл. XIII, 7] и других памятниках, однако песочинская бляшка, отличаясь некоторой примитивностью форм, прямых аналогий не имеет.

Бляшки крестовидные, украшенные растительным орнаментом. Известны два варианта. Первый представлен бляшкой из 5 соединенных кружочков (рис. 40, 8). Центральный оформлен в виде кольцевого ободка с выпуклым полушарием внутри. По 4 стороны от него размещены пятнадцатилепестковые розетки, также имеющие внутри выпуклое полушарие. На краю каждой розетки — дырочка для пришивания. Размер — 2 х 2,2 см. 6 экземпляров обнаружено в кургане № 33.

Подобные крестовидные бляшки, но украшенные по углам не розетками, а кружечками, квадратиками, ромбиками представлены чрезвычайно широко. Они известны в Чертомлыке [Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 113], Толстой Могиле [Мозолевский, 1979, рис. 113, 4], Желтокаменке [Мозолевский, 1982, с. 179-222], Солохе [Манцевич, 1987, кат. 1] и многих других памятниках (более полный перечень аналогий — в монографии А. П. Манцевич). В этом случае необходимо подчеркнуть, что оформление

концов в виде многолепестковых розеток составляет оригинальность песочинских крестовидных бляшек.

Второй вариант представлен бляшками, состоящими из 4 крестообразно расположенных листов аканфа, имеющих продолговатую форму и оканчивающихся выпуклым полушарием (рис. 40, 9). Каждый лепесток разделен центральной бороздкой, по обе стороны от которой, образуя «паркетный» орнамент, расположены рельефно выделенные прожилки. В центре бляшки — выпуклое полушарие. В углах, образованных листьями аканфа, находятся прилистники, изображенные в виде выпуклых квадратиков, разделенных по диагонали глубокой бороздкой. Размер — 2,3 × 2,1 см. 2 таких бляшки найдены в кургане № 33.

Подобные бляшки являются достаточно оригинальным типом среди изделий пластинчатой аппликации. Из наиболее близких аналогий, но отличающихся все же оформлением, можно назвать бляшки из Александрополя и Шульговки [Онайко, 1970, с. 106, тип 497с и 498к]. Очень похожий «паркетный орнамент» у бляшек-волют из Огуза [Фиалко, 2003, рис. 3, 39].

Бляшки дуговидной формы. Вырезаны в виде узкой длинной пластины, дуговидно изогнутой, более широкой посередине и суженной на концах. По всей длине бляшка украшена орнаментом в виде больших выпуклых жемчужин. На концах — 2 дырочки для пришивания. Размеры — 3,5 × 0,5 см (рис. 38, 7). В кургане № 32 обнаружено 2 подобные бляшки (у одной обломан край).

Возможно, в сочетании в другими бляшками (цветок лотоса), были одним из составляющих растительного орнамента, являясь изображением растительного побега или лепестками наборной пальметки. Прямых аналогий подобным бляшкам нет, среди отдаленных, немного отличающихся формой или характером орнамента, можно назвать пластинки в виде лепестков пальметки, орнаментированные поперечной штриховкой из Чертомлыка [Алексеев, Мурзин, Ролее, 1991, с. 158, кат. 30], дуговидно изогнутые листочки золотой фольги из Мелитопольского кургана [Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 120, рис. 136], бляшку с изображением «бегущей волны» или «волюты» из Огуза [Онайко, 1970, табл. XLII, 500m; Фиалко, 2003, с. 132, рис. 3, 39].

Похожую форму, а также принцип образования фигур, имели косяные пластины-аппликации саркофага из Огуза [Фиалко, 1987, рис. 5],

деревянной шкатулки кургана Кара-Тюбе [Болтрик, 1993, с. 190, рис. 7] и других близких по технике изготовления изделий.

Бляшки треугольной формы. Представлены 2 вариантами. Бляшки первого имеют форму равнобедренного треугольника и украшены 6 горизонтальными рядами мелких выпуклых полушарий. В нижней ряду — 6 полушарий, в каждом последующем их количество строго сокращается на один. Каждое полушарие четко отделено одно от другого. По углам — дырочки для пришивания. Размеры — 1,2 × 1,1 см (рис. 37, 7). В кургане № 29 найдены 3 таких бляшки.

Бляшка второго варианта, обнаруженная в кургане № 7, представлена разносторонним треугольником, украшенным 6 рядами больших выпуклых прямоугольников, имеющих разные размеры. Отсутствует и ритмичность уменьшения количества прямоугольников от нижнего до верхнего ряда. Размеры — 1,7 × 1,9 см (рис. 13, 6).

Подобные бляшки треугольной формы, украшенные «псевдозернью», представлены среди погребального инвентаря в памятниках скифского времени чрезвычайно широко. Едва ли стоит перечислять все аналогии, но следует отметить, что многие бляшки часто отличаются формой треугольников, количеством и размерами выпуклых полушарий, квадратов, шестиугольников, прочими чертами.

Медальон круглой формы с маленькой петелькой для подвешивания (рис. 37, 4). В. Г. Бородулин, а вслед за ним и А. В. Бандуровский [Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 108] видели в фигуре на медальоне изображение двух животных: льва — внизу, и над ним — быка. Сюжет терзания или преследования хищником травоядного животного широко распространен в греко-скифском искусстве, однако взаимное расположение фигур (жертва сверху хищника) в рассматриваемом случае (исходя из предложенных трактовок) нетрадиционное и нелогичное. Более внимательное изучение изображений на медальоне позволяет увидеть иную картину. На медальоне изображено в профиль влево в геральдической позе существо с телом кошачьего хищника. Задняя и одна из передних лап находятся на земле, вторая передняя лапа высоко поднята вверх. Короткий хвост также поднят вверх и загнут внутрь. Рельефом подчеркнуты несколько проступающих ребер. На спине 4 отростка — 3 гладких прямых и 1 извилистый отросток с короткой косой поперечиной посредине, расположенный ближе

к голове, которые символизируют распахнутое вверх крыло животного. От шеи отходит небольшой тонкий петлевидный отросток, выше которого находится круглая голова с выпуклым глазом и полураскрытым клювом. Перечисленные признаки позволяют с полной уверенностью интерпретировать изображенное на медальоне существо как орлиноголовый грифон. Показательно, что тело и часть крыла животного переданы крупными выразительными чертами, а голова и отросток за ней — мелкими тонкими штрихами. Возможно, что при изготовлении медальона использовали штамп с поврежденной верхней левой частью и мастер вынужден был самостоятельно восстановить часть изображения грифона (главным образом, головы), проделав эту операцию не совсем умело.

С обратной стороны к медальону припаяна вырезанная по контуру круглая тонкая золотая пластинка. Диаметр медальона — 1,6 см. Обнаружен в кургане № 29.

Подвески-бутоны. Подобные подвески очень часто использовались для украшения головных уборов, ожерелий, сережек, при этом внешний вид подвесок всегда отличается большим разнообразием — от простейших, с неорнаментированной гладкой поверхностью, до подвесок, поверхность которых укрыта сложнейшим филигранным орнаментом. Помимо уже описанных подвесок из погребения 1 кургана № 8, украшавших парадный головной убор, а также крепившимся к бляшкам с изображением зайчика (курган № 2) и с изображением женского лица (курган № 22), подобные украшения обнаружены еще в нескольких захоронениях. В кургане № 2 было обнаружено 14 (в отчете — 17, в некоторых случаях фрагменты одной подвески учтены как несколько подвесок) крупных подвесок (2,9 × 1,1 см) с гладкой полусферической верхней частью, отделенной от нижней четким горизонтальным каннелюром (рис. 4, 15). Нижняя часть имеет коническую удлиненную форму и орнаментирована сверху и снизу горизонтальным ободком из выпуклых квадратиков, между которыми находятся чередующиеся вертикальные полосы — гладкие и в виде 4 выпуклых квадратов. Заканчивается подвеска раструбовидной пластинкой, украшенной шестилепестковой розеткой. К верхней части подвески припаяно маленькое проволочное колечко.

По внешнему виду и размерам подвески из кургана № 2 очень близки аналогичным украшениям из Солохи, где они, вместе с золотыми трубоч-

ками-пронизками, составляли нагрудное сетчатое украшение [Манцевич, 1987, кат. 38]. Характерно, что в кургане № 2 вместе с 14 подвесками, были обнаружены более 70 трубочек-пронизок, причем внешний вид последних, согнутых из полоски металла с поперечными желобками, полностью идентичен солохинским. Скорее всего, украшение из песочинского могильника по устройству было близким ожерелью из Солохи, уступая последнему (состоявшему из 979 трубочек и 66 подвесок) лишь в размерах. Уборы из трубочек и подвесок хорошо известны в курганах конца V-IV вв до н. э. А. П. Манцевич приводит не менее 10 памятников, в которых они были найдены (Чертомлык, Александрополь, Верхний Рогачик, Деев курган, Бердянский курган и другие) [Манцевич, 1948, с. 68-73; 1987, с. 62, 63; Клочко, Васина, с. 165, рис. 2].

Использование при изготовлении и солохинского, и песочинского убора практически одинаковых по внешнему виду подвесок и трубочек можно было бы считать случайным совпадением. Однако обращает на себя внимание тот факт, что оба комплекта содержали еще один вид идентичных украшений. Речь идет об описанных выше бляшках с изображением лежащего оленя, причем в Солохе и сетчатое украшение, и бляшки входили в состав украшений скелета В. Местоположение солохинских бляшек (у ног скелета) позволило А. П. Манцевич сделать вывод об их использовании в качестве украшения анаксирид. Песочинские бляшки, скорее всего, являлись одной из составляющих сетчатого ожерелья, о чем свидетельствуют конструктивные особенности некоторых из них. Многие из бляшек, помимо 4 проволочных петелек для пришивания на ткань, имели внизу еще 2 подобные петельки для крепления подвесных украшений. Вполне вероятно, что эти бляшки являлись составляющей частью ожерелья. Обращает на себя внимания то обстоятельство, что во всех случаях не сохранились крепившиеся к нижним колечкам бляшек украшения, что едва ли можно объяснить только ограбленностью могилы, в результате чего подвесные украшения оторвались. В аналогичной ситуации (курганы №№ 2, 22) крепление подвесок к бляшкам сохранилось. Подобное положение следует объяснять конструкцией сложносоставного ожерелья, в котором для соединения отдельных элементов использовался органический материал (нити), не сохранившийся к моменту раскопок. Один из возможных вариантов внешнего вида песочинского ожерелья следующий. Верхний ряд составляли

нашитые непосредственно на одежду бляшки с оленями, к нижним колечкам которых крепились при помощи нитей собранные в виде трех- или четырехугольных ячеек трубочки-пронизки. Нижнюю часть ожерелья составляли подвески-бутоны, крепившиеся к трубочкам аналогичным образом. Не исключено, что в состав песочинского ожерелья, как и подобного убора из кургана Чертомлык, входили маленькие бляшки с изображением зайца и грифона, мелкие золотые бляшки-пуговицы, бисер, бронзовые бусинки и другие украшения, обнаруженные в кургане № 2. Однако говорить об этом с полной уверенностью нельзя, так как ни один предмет в захоронении не обнаружен *in situ*, поэтому любые реконструкции убора гипотетичны.

Еще 2 подвески, более широкие в верхней части и постепенно сужающиеся книзу, обнаружены в погребении 2 кургана № 18. Поверхность подвесок гладкая и только в нижней части украшена двумя горизонтальными каннелюрами. Размеры — 1,4 x 0,6 см (рис. 26, 12). Сложно сказать, являлись ли они деталью головного убора или иного изделия, так как в ограбленном погребении других украшений не обнаружено.

Бляшки-пуговицы круглой полусферической формы. Представлены 2 вариантами. К первому относятся мелкие пуговицы диаметром 0,25-0,3 см, с проволочной петелькой на обратной стороне. Обнаружены в курганах № 2 (43 экземпляра, рис. 4, 18) и № 25 (6 экземпляров, рис. 34, 8).

Второй вариант представлен бляшками более крупных размеров (диаметр 0,8 см), у которых по краям пробиты 2 дырочки для нашивания на ткань. Подобные пуговицы были найдены в погребении 1 кургана № 8 (16 экземпляров, рис. 17, 7) и погребении 1 кургана № 18 (13 экземпляров, рис. 26, 10).

Еще одна бляшка, вероятно, близкая по функциям пуговкам второго варианта, обнаружена в кургане № 31. Края у бляшки неровные. Украшена рельефным ободком овальной формы с двумя косыми насечками внутри. Размеры — 1,0 x 0,7 см (рис. 37, 11).

Бусы. Обнаружены в 13 погребениях могильника. По материалу подразделяются на металлические, каменные, костяные, бусы-раковины, стеклянные, глиняные.

Золотые бусины обнаружены в двух погребениях. В кургане № 10 были найдены 6 бусин эллипсовидной формы, украшенных орнаментом, состо-

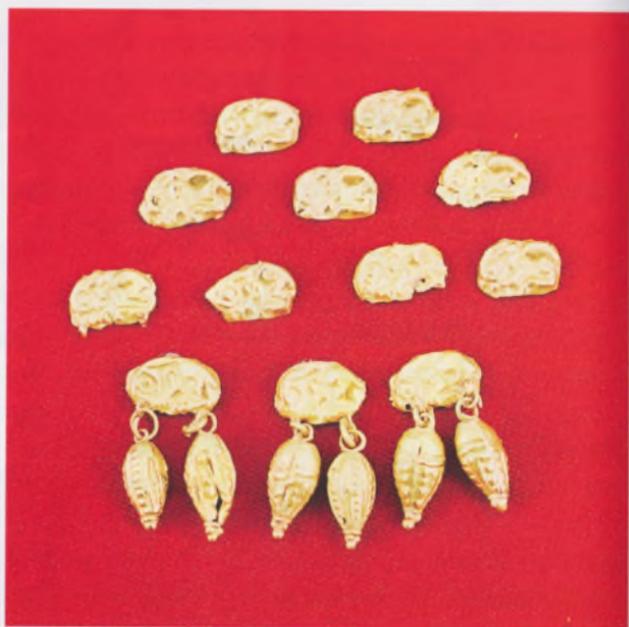

Фото 1. Бляшки с изображением оленя. Золото. Курган № 2.

*Фото 2.
Сетчатое украшение
из трубочек-пронизок
с подвесками-бутонами.
Золото. Курган № 2.*

*Фото 3. Бляшки
с изображением зайца.
Золото. Курган № 2.*

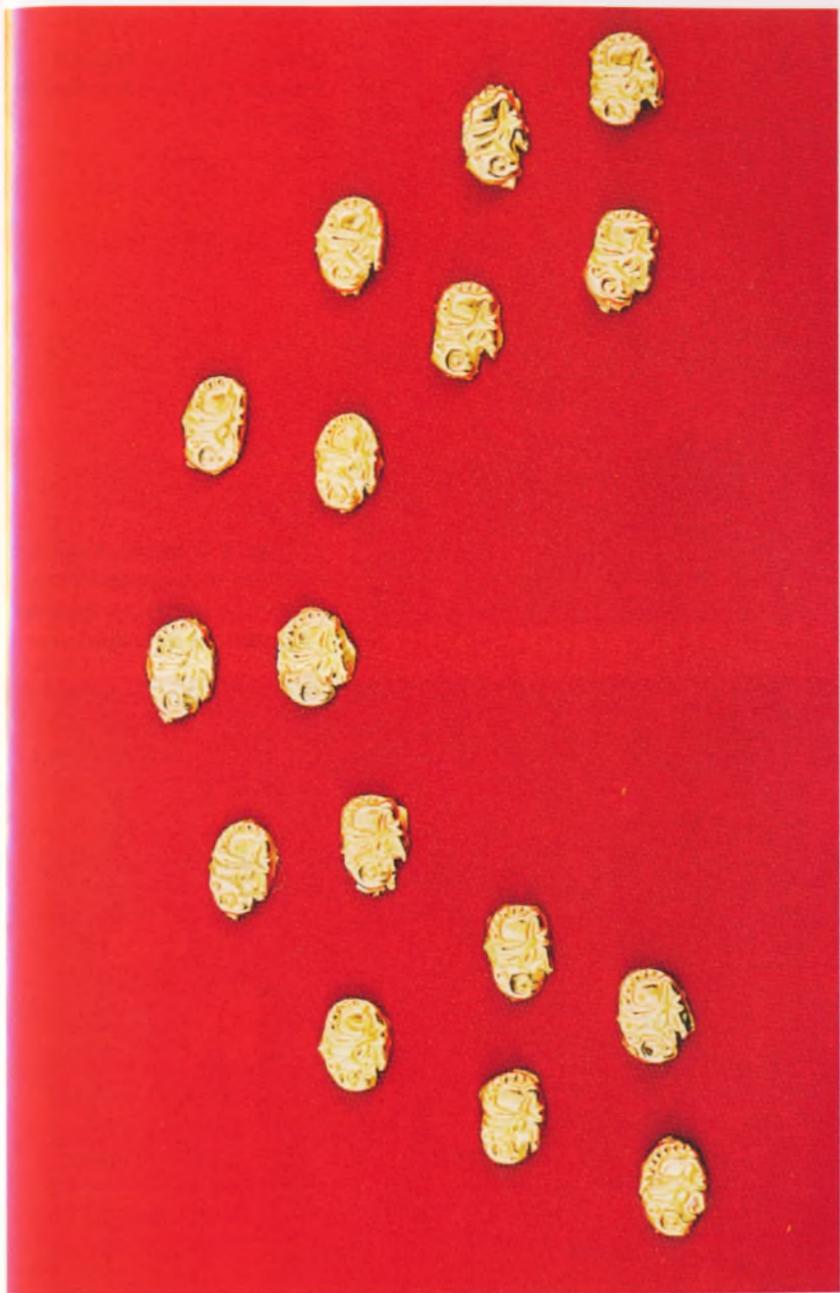

Фото 4. Бляшки с изображением грифона (?). Золото. Курган № 2.

*Фото 5. Гривна, серьга
и перстень. Золото, серебро.
Курган № 6.*

*Фото 6. Бляшки с изобра-
жением мужской головы
в профиль. Золото.
Курган № 8, погребение 1.*

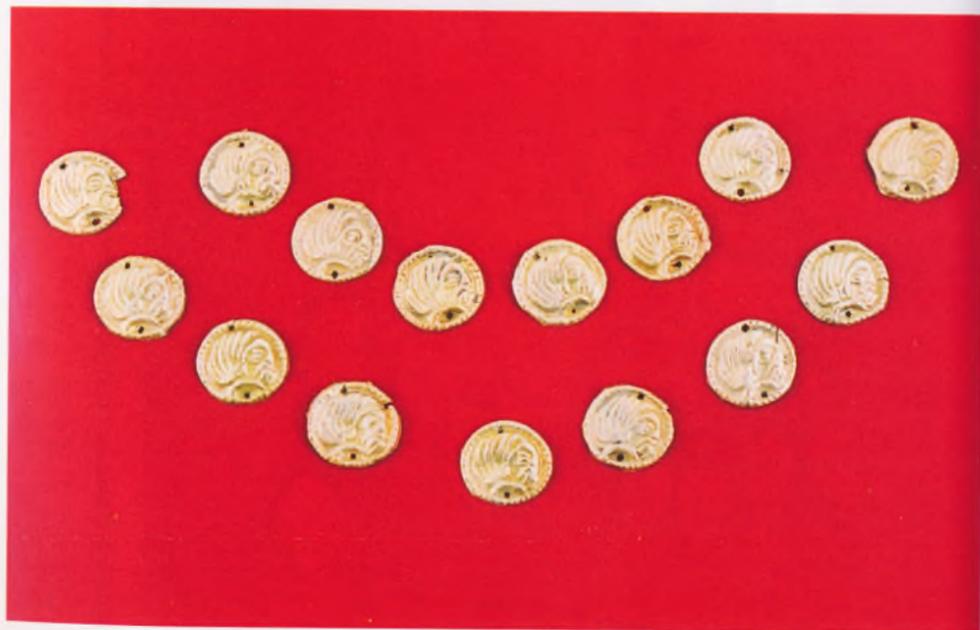

Фото 7.
Перстни. Золото.
Курган № 8,
погребение 1.

Фото 8. Бляшки
с изображением
идущего оленя.
Золото.
Курган № 8,
погребение 1.

Фото 9. Серьги с подвеской в виде двулицкой женской головки. Золото. Курган № 8, погребение 1.

Фото 10. Серьги с подвеской в виде зооморфного существа. Золото, «египетский фаянс». Курган № 8, погребение 1.

Фото 11. Пластины от парадного головного убора с изображением танцующих менад. Золото. Курган № 8, погребение 1.

Фото 12. Метопида и пластины от парадного головного убора с изображением «змееногой» богини, гиппокампов и сцены терзания зайца орлом. Золото. Курган № 8, погребение 1.

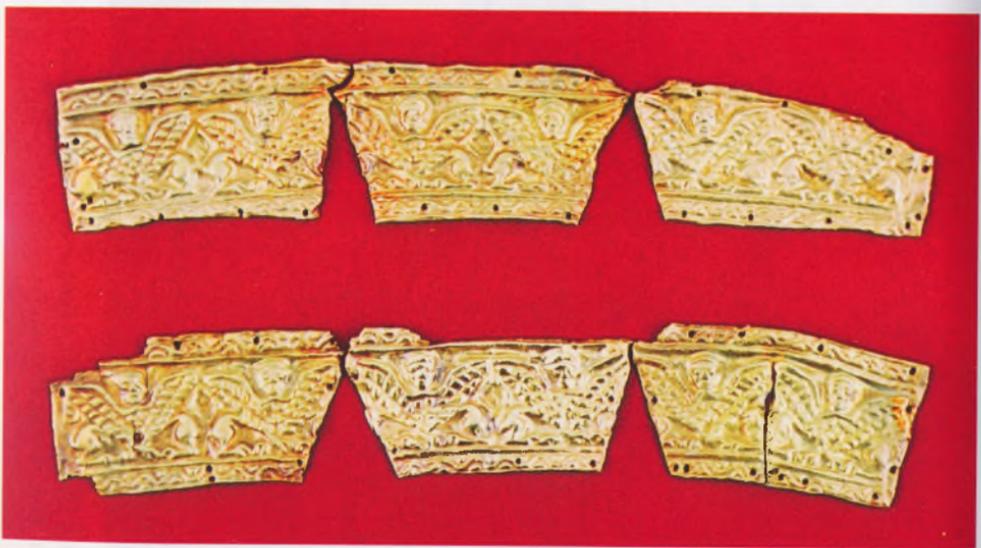

Фото 13. Пластины от парадного головного убора с изображением сфинксов с двойным туловищем. Золото. Курган № 8, погребение 1.

Фото 14. Стленгида с изображением сцены охоты всадника на оленя. Золото. Курган № 8, погребение 1.

Фото 15. Ободок с желудевидными подвесками от парадного головного убора. Золото. Курган № 8, погребение 1.

Фото 16. Бляшки с изображением оленя и женской головки с подвесками-бутонами. Золото. Курган № 22.

Фото 17. Бляшки с изображением грифонов. Золото. Курган № 25.

Фото 18. Медальон с изображением грифона, бляшки в виде треугольников, с изображением пальметки и грифона. Золото. Курган № 29.

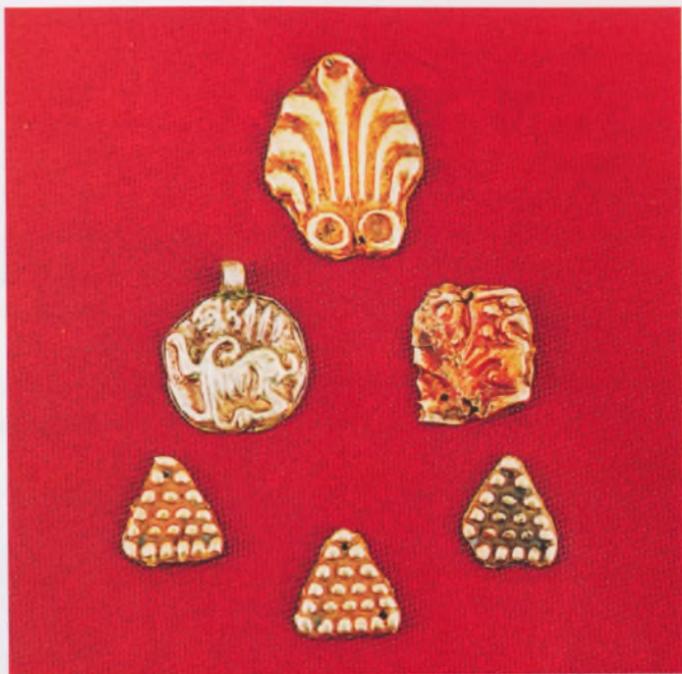

Фото 19. Бляшки с изображением оленя, грифонов, цветка лотоса и побегов, восьмерковидная в виде стилизованной личины и лапы. Золото. Курган № 32.

*Фото 20. Бляшки крестовидные в виде листьев аканфа и соединенных розеток.
Золото. Курган № 33.*

ящим из чередующихся продольных линий — гладких и в виде цепочки выпуклых квадратиков. Диаметр бусин 0,8 см, длина — 1,0 см (рис. 22, 12).

Подобные бусины распространены чрезвычайно широко в погребениях скифского времени. Аналогичные украшения обнаружены в курганах Малый Чертомлык [Мозолевский, 1987, рис. 6, 32], № 3 у с. Богдановка [Битковский, Полин, 1987, рис. 9, 2], а также многих лесостепных курганах Правобережья [Петренко, 1967, табл. 18, 13; 19, 2, 5, 12; Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, рис. 30, 20, 26; 41, 36, 45] и Левобережья [Ильинская, 1968, табл. VIII, 5; Кулатова, Луговая, Супруненко, 1993, рис. 19, 4; Супруненко, 1996, рис. 10, 4; Бойко, Берестнев, 2001, рис. 4, 2, 3].

2 золотые биконические бусинки, состоявшие из двух спаянных половинок, входили в состав ожерелья из кургана № 22. Диаметр бусин 0,4 см (рис. 31, 6).

В кургане № 2 были найдены 10 бронзовых бусин, имеющих форму маленьких (диаметр 0,3 см) колечек (рис. 4, 9).

Каменные бусы представлены крупной круглой сердоликовой бусиной темно-красного цвета из погребения 1 кургана № 18. Диаметр — 1,3 см (рис. 26, 9б).

Также немногочисленны костяные бусы. В кургане № 25 в состав ожерелья подростка-слуги входило 20 шайбовидных бусин из рыбьих позвонков. Края бусин обточены, в центре просверлено круглое отверстие диаметром 0,1-0,2 см. Диаметр бусин — 1,5-1,8 см (рис. 34, 9ж). Точно такие же бусины были обнаружены при раскопках Люботинского городища [Шрамко, 1998, с. 103, рис. 13, 16, 26].

В кургане № 22 обнаружена подвеска-амулет из зуба животного. Поверхность подвески тщательно отполирована. В плоской верхней части, имеющей прямоугольную форму, просверлено отверстие диаметром 0,2 см. Внизу подвеска имеет каплевидное утолщение (рис. 31, 7н).

Подобные отполированные зубы, используемые в качестве подвески сережки, обнаружены в кургане № 6 у с. Башмачка [Петренко, 1978, табл. 26, 22], № 3 у с. Богдановка [Битковский, Полин, 1987, рис. 7, 13], Мелитопольском кургане [Тереножкин, Мозолевский, 1988, рис. 86н; 89] и других памятниках.

Раковины *Sauri* обнаружены в трех погребениях. Наиболее представительно ожерелье из кургана № 22, состоявшее из 70 раковин (рис. 31, 7к).

Еще по 1 раковине было найдено в курганах №№ 21 (рис. 29, 6) и 25 (рис. 34, 9д).

Глиняная бусина круглой цилиндрической формы обнаружена в кургане № 22. Поверхность бусины черная, но во многих местах вытерта до бурого цвета. Орнаментирована поперечной спиральной линией в 3? оборота, заполненной пастой белого цвета. Диаметр 0,85 см, длина 1,8 см (рис. 31, 7о).

В двух курганах обнаружены бусы из меловой породы. Круглая шаровидная бусина диаметром 0,8 см найдена в кургане № 8, погребение 1 (рис. 17, 13). В кургане № 31 обнаружены 2 эллипсоидные бусины, украшенные продольными и поперечными рядами мелких бугорков подпрямоугольной формы. Диаметр 1,0 см (рис. 37, 10б).

Бусы из стекла среди этой категории украшений отличаются и количественной представительностью, и наибольшим разнообразием. Стекланные бусы песочинского могильника по составу во многом соответствуют аналогичным наборам из многочисленных погребальных комплексов лесостепного и степного регионов и, тем более, античных памятников Северного Причерноморья [Петренко, 1967, с. 33, 34; Ильинская, 1968, с. 141, 142; Либеров, 1965, с. 22; Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 104-114; Алексеева, 1975; 1978]. Все стекланные бусы можно разделить на две большие группы — одноцветные и полихромные. Бусы первой группы представлены следующими типами:

1. Круглые шаровидные бусины черного цвета. Диаметр 0,5-0,8 см. В кургане № 8/1 обнаружено 28 бусин (рис. 17, 12).

2. Круглые шайбовидные бусины голубого и синего цветов. Диаметр 0,5-0,7 см. В кургане № 18/1 — 8 бусин (рис. 26, 9а).

3. Круглая шайбовидная бусина коричневого цвета. Диаметр 0,5 см. Курган № 9 — 1 бусина (рис. 20, 18г).

4. Круглые шайбовидные бусины синего цвета. Диаметр 0,5 см. Курган № 23 — 2 бусины (рис. 32, 5г).

5. Массивная круглая цилиндрическая бусина синего цвета. Диаметр 2,1 см. Курган № 22 — 1 бусина (рис. 31, 7а).

6. Круглая продолговатая эллипсоидная бусина синего цвета. Длина — 1,3 см, диаметр — 0,6 см. Курган № 25 — 1 бусина (рис. 34, 9г).

7. Цилиндрическая уплощенная бусина песочного цвета. Длина — 1,4 см, ширина — 0,8 см. Курган № 9 — 1 бусина (рис. 20, 18д).

8. Круглые уплощенные бусы синего цвета. Диаметр 1,1-1,3 см. Курган № 23 — 3 бусины (рис. 32, 5б).

9. Массивная рубчатая цилиндрическая бусина из полупрозрачного стекла зеленого цвета. Диаметр 2,3 см. Курган № 22 — 3 бусины (рис. 31, 7б).

10. Массивная рубчатая биконическая бусина из полупрозрачного стекла коричневого цвета. Была обрамлена крест-накрест золотыми полосками шириной 0,8 см. Курган № 22 — 1 бусина (рис. 31, 7в).

11. Еще одна рубчатая бусина синего цвета была обнаружена в кургане № 23. Диаметр бусины — 1,4 см (рис. 32, 5а).

12. Биконические бусины из полупрозрачного стекла зеленого цвета. Диаметр — 1,0-1,6 см. Курган № 22 — 14 бусин (рис. 31, 7л).

13. Подвески амфоровидные из бесцветного полупрозрачного стекла зеленоватого оттенка. Длина 1,3-1,6 см, диаметр 0,7-1,0 см. Курган 18/2 — 3 подвески (рис. 26, 11а).

14. Бусинка мелкая усечено-биконическая голубого цвета. Диаметр 0,3 см. Курган № 11 — 1 бусина (рис. 22, 7).

Полихромные бусины представлены такими типами:

1. Круглая уплощенная бусина желтого цвета с 4 синими глазками, обведенными концентрическими ободками синего и белого цвета. Диаметр 1,4 см. Курган № 9 — 1 бусина (рис. 20, 18б).

2. Круглая, слегка уплощенная, бусина светло-коричневого цвета, украшенная темно-коричневыми глазками с кольцевым ободком белого цвета. Диаметр 1,7 см. Курган № 31 — 1 бусина (рис. 37, 10а).

3. Круглые кольцевидные уплощенные бусы синего цвета с синими глазками, обведенными белым кольцевым ободком. Почти все бусины украшены 3 глазками (рис. 31, 7е). Одна бусина украшена 2 (рис. 31, 7з), еще одна — 4 глазками (рис. 31, 7ж). Диаметр 0,7-0,9 см, высота 0,4-0,6 см. Курган № 22 — 19 бусин.

4. Такие же бусы. Две бусины украшены 6 (рис. 26, 11в), одна — 4 (рис. 26, 11г) глазками. Диаметр 0,6-0,7 см, высота 0,3 см. Курган № 18/2 — 3 бусины.

5. Бусы такой же формы, но большего размера. Одна украшена 7, вторая — 9 глазками. Диаметр 1-1,2 см, высота 0,5-0,6 см. Курган № 22 — 2 бусины (рис. 31, 7д).

6. Круглые цилиндрические, едва уплощенные, бусы синего цвета с синими глазками, обведенные белым кольцевым ободком. Глазки расположены 3 горизонтальными рядами (по 3 в каждом), в шахматном порядке. Диаметр 1,1 см, высота 0,7-0,9 см. Курган № 25 — 4 бусины (рис. 34, 9в).

7. Такая же бусина, но с едва выпуклыми глазками. Диаметр 1,2 см, высота 0,9 см. Обнаружена в кургане № 9 (рис. 20, 18в).

8. Бусина такой же формы. Украшена 18 глазками, расположенными 3 горизонтальными рядами (по 6 в каждом), в шахматном порядке. Диаметр 1,5 см, высота 1,2 см. Курган № 25 — 1 бусина (рис. 34, 9б).

9. Такие же бусы, но украшены 15 глазками. Расположены в 3 горизонтальных рядах, но нанесены очень хаотично. Диаметр 1,2-1,4 см, высота 1-1,2 см. Курган № 18/2 — 2 бусины (рис. 26, 11б).

10. Круглые цилиндрические, слегка выпуклые бусы голубого цвета с синими глазками, обведенными белым кольцевым ободком. Глазки расположены двумя горизонтальными рядами в шахматном порядке. Диаметр 1-1,1 см, высота 0,5-0,8 см. Курган № 22 — 8 бусин (рис. 31, 7г).

11. Круглая шаровидная бусина голубого цвета, украшенная 6 синими глазками, обведенными концентрическими ободками белого и синего цветов. Диаметр 0,7 см. Обнаружена в кургане № 22 (рис. 31, 7и).

12. Бусина круглая, цилиндрическая, синего цвета. Украшена тремя, не образующими строгой линии, горизонтальными рядами глазков. Верхний и нижний ряд представлены сильновыпуклыми глазками белого и желтого цветов, средний — едва выпуклыми глазками синего цвета, обведенными белым кольцевым ободком. Диаметр — 2 см. Курган № 25 — 1 бусина (рис. 34, 9а).

13. Бусина круглая биконическая, серого цвета, с белой поперечной полосой по ребру. Диаметр 1,5 см. Курган № 31 — 1 бусина (рис. 37, 10г).

14. Бусы круглые эллипсовидной формы, серого цвета с белой поперечной полосой по центру. Диаметр 1,5 см. Курган № 31 — 2 бусины (рис. 37, 10в).

15. Бусина кубической формы темно-коричневого цвета, грани которой украшены фестонобразным (перистым) орнаментом в виде трех \wedge -видных нитей оранжевого цвета. Размер — 1 x 1 см. Курган № 31 — 1 бусина (рис. 37, 10д).

16. Бусина плоская прямоугольной формы, синего цвета. Обе большие грани украшены орнаментом в виде перпендикулярных линий оранжевого

цвета, образующих прямой крест, который делит каждую из граней на 4 участка. В каждом из участков расположен крупный глазок голубого цвета, обведенный тонким кольцевым ободком белого цвета. По ребру бусины проходит широкий ободок голубого цвета, украшенный тонкими косыми линиями белого цвета. Размеры — 2,2х1,7 см. Курган № 9 — 1 бусина (рис. 20, 18а).

Кроме бус, в четырех погребениях был найден разноцветный бисер в виде маленьких колечек диаметром 0,2-0,4 см и толщиной 0,1-0,2 см. В кургане № 2 обнаружена 61 бисеринка серого, голубого и белого цветов (рис. 4, 10), в кургане № 22 — 74 бисеринки серого, голубого и желтого цветов (рис. 31, 7м), в кургане № 23 — 26 бисеринок серого цвета (рис. 32, 4д) и в кургане № 32 — 40 бисеринок такого же цвета (рис. 38, 9).

Помимо этого, в состав ожерелья часто входили трубчатые пронизи, изготовленные из различного материала. Наиболее широко представлены пронизи из золотого тонкого листа, свернутого в трубочку, которые были обнаружены в 4 погребениях. В 2 случаях пронизи были свернуты из гладкого листа — курганы № 7 (1 пронизь, рис. 13, 7), № 29 (8 пронизей, рис. 37, 8), в одном — из золотого листа с поперечными желобками по всей длине (курган № 2, 67 пронизей по отчету, в фондах их больше — 69 целых и еще 8 маленьких фрагментов, рис. 4, 17), еще в одном (курган № 32, 49 экземпляров, рис. 38, 8) пронизи были орнаментированы 5-6 рифленными поперечными желобками, расположенными ассиметрично по всей длине трубки. Длина трубочек — 0,9-1,4 см, диаметр — 0,2-0,3 см. Одна из возможных реконструкций ожерелья, составляющей частью которого были трубочки-пронизи, рассмотрена выше.

В 2 погребениях обнаружены трубочки-пронизи из железа. В состав ожерелья подростка-слуги из кургана № 25 входила железная пронизь в виде трубочки цилиндрической формы длиной 2,3 см и диаметром 0,5 см (рис. 34, 9з). В кургане № 22 были найдены более 20 железных пронизок, свернутых внахлест из листового железа в трубочки конической формы длиной 3,0-3,5 см и диаметром 0,5-1,0 см (рис. 31, 7п).

В скифское время железо для изготовления пронизей использовалось крайне редко, что объясняется возможностью применения для этих целей более подходящего, с эстетической точки зрения, материала.

Костяная пронизь в виде овального в сечении цилиндра обнаружена в кургане № 25. С обеих сторон края пронизи срезаны под конус. Поверхность

отполирована до блеска. Длина пронызы — 3,4 см, диаметр — 1,2-1,5 см, сквозного отверстия в верхней части — 0,5 см, в нижней — 0,9 см (рис. 34, 9e). Немного отличные по форме костяные пронызы были найдены в кургане в урочище Дарьевка [Петренко, 1967, табл. 23, 23], Мелитопольском кургане [Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 84, рис. 86, 5]. В кургане № 2 у с. Корнеевка находились 2 похожие костяные ворварки [Ковалев, Полин, 1991, с. 46, рис. 8, 11, 12], в кургане № 7 у с. Первомаевка — полированная костяная втулка боченовидной формы [Евдокимов, Фридман, 1991, с. 85, рис. 8, 15]. Разнообразные бусы из отрезков трубчатых костей обнаружены на Люботинском городище [Шрамко, 1998, с. 103, рис. 13, 12, 13, 15, 24, 27]. Похожие костяные трубочки, украшенные, чаще всего, резным орнаментом являются деталями наборного костяного веретена [Гаврилюк, 1987а; 1999, с. 211, 212], однако использование песочинской пронызы, входившей в состав ожерелья подростка-слуги, в качестве украшения не вызывает сомнений.

ЗЕРКАЛА

Зеркала относятся к одной из немногих категорий материальной культуры, ставших объектом фундаментального монографического исследования. Т. М. Кузнецовой была проделана огромная работа по унификации терминов для описания зеркал, а также их классификации [Кузнецова, 1987а; 1987б; 2002], поэтому при описании песочинских зеркал целесообразно воспользоваться результатами этих исследований. В четырех погребениях были обнаружены целые экземпляры, еще в одном найдена железная ручка от зеркала (курган № 23, рис. 32, 2).

Большинство предметов этой категории погребального инвентаря (три) относятся к одноставным зеркалам с боковой ручкой — I класс, II отдел по классификации Т. М. Кузнецовой (далее — классификация).

Зеркало из погребения 1 кургана № 8 имеет плоский овальный диск (диаметр поперечный — 20,5 см, продольный — 19 см). Ручка подпрямоугольной формы (длина 12 см), сужаясь посередине, расширялась едва кверху и сильнее — на конце. Рабочая сторона гладкая, на оборотной стороне имеется валик сегментовидной в сечении формы (высота — 0,1-0,25 см, ширина — 0,9-1,5 см), который проходит в 2-2,5 см от края диска и образует овал диаметром 13,5-14,5 см. Край диска по всему периметру уплощен (рис. 18, 5).

По доработанной классификации зеркала с плоской, расширенной к концу ручкой относятся к VI типу II виду, который в памятниках Европейской Скифии представлен всего двумя экземплярами, причем оба происходят из посульских курганов — № 6, погребение 9 у с. Волковцы и № 8 в урочище Стайкин Верх [Кузнецова, 2002, с. 125, табл. 64, 126, 514]. Более широко зеркала с ручкой аналогичной формы представлены в памятниках савроматской культуры [Хазанов, 1963, с. 60, рис. 1; Смирнов, 1975, с. 139, 140, рис. 55, 2; Кузнецова, 2002, с. 125, табл. 64, 326-а].

Гораздо большего внимания заслуживает изделие из кургана Огуз, которое Т. М. Кузнецова, ссылаясь на рифленый характер поверхности диска с обеих сторон, атрибутирует как культовую «жаровню» или «курильницу» [Кузнецова, 2002, с. 125, 126, табл. 65, 387]. Зеркала (остановимся пока на их традиционной атрибуции) с подобным, отстоящим от края диска валиком, более известны в памятниках савроматской культуры, причем следует подчеркнуть особую близость зеркала из кургана № 7 в урочище Бис-Оба. По мнению К. Ф. Смирнова, подобный валик образовывался в результате проковки диска только в средней части [Смирнов, 1964, с. 153, рис. 15, 4а, 35Б, 8, 38, 17], однако проблема определения технологических приемов, используемых при оформлении валика на песочинском зеркале, требует отдельного обстоятельного исследования. Выборка изделий со столь редким для памятников Европейского региона приемом орнаментации в виде отстоящего от края диска валика пополнилась еще двумя экземплярами. Помимо описанного выше зеркала из кургана № 8 Песочинского могильника, в эту группу входит серебряное зеркало из погребения 1 кургана № 18 могильника Колбино I с очень похожим валиком на оборотной стороне диска [Гуляев, 2000а, с. 43, фото; Савченко, 2001, рис. 40, 11]. Форма ручки у песочинского и огузского зеркал практически идентична — плоская, расширяющаяся к концу. У колбинского зеркала конец ручки оформлен по-иному, но это не «классический» кружок, а, скорее, закругленный конец едва расширенной книзу ручки. В то же время, песочинское и колбинское зеркала отличает от огузского изделия характер лицевой поверхности диска — плоский, без каких-либо следов рифления, причем на песочинском зеркале заметны следы тщательной полировки. Не менее показательна синхронность всех 3 комплексов (рубеж третьей-четвертой четверти IV в. до н. э.), что позволяет прием орнаментации зеркал

в виде отстоящего от края диска сегментовидного валика считать довольно надежным хронологическим индикатором.

Зеркало из кургана № 22 имело круглый (диаметр 20 см), выпукло-вогнутый диск, украшенный по краю выпуклой стороны точечным орнаментом. Ручка плоская (длина 15,5 см), расширенная кверху и сужающаяся к концу, который оформлен в виде кружка диаметром 3 см. В древности диск получил повреждение в виде трещины (рис. 31, 9). Тогда же были предприняты меры по предотвращению дальнейшего разрушения, для чего по обе стороны от трещины было пробито по два круглых отверстия диаметром 0,3-0,4 см, с помощью которых края разрыва были стянуты (скорее всего, кожаными ремешками).

По классификации относится к 3 варианту II вида V типа, зеркала которого чрезвычайно широко представлены среди погребального инвентаря памятников Степи и Лесостепи [Кузнецова, 1987а, с. 38; 2002, с. 120].

В кургане № 25 обнаружено зеркало с плоским круглым диском (диаметр 16 см), имеющим едва заметный, сегментовидный в сечении, бортик. Ручка плоская (длина 12 см), расширенная кверху и суженная к концу, оформленному в виде кружка диаметром 4,7 см (рис. 34, 4). По классификации относится ко 2 варианту I вида V типа [Кузнецова, 1987а, с. 38; 2002, с. 93]. Подобные зеркала обнаружены в курганах № 1 у с. Аксютинцы [Ильинская, 1968, с. 35], № 6, погребении 1 у с. Балабаны [Чеботаренко, 1973, с. 119, 120, рис. 4, 4], № 8, погребении 1 Купьевахского могильника [Бойко, Берестнев, 2001, с. 11, 12, рис. 8. 13].

Сложносоставные зеркала с железной боковой ручкой (по классификации — II класс, II отдел, 2 группа) обнаружены в курганах № 18 (погребение 1) и № 23. Однако описать возможно только первое зеркало, так как от второго в могиле сохранилась только часть железной ручки без бронзового диска (рис. 32, 2).

Зеркало из кургана № 18 имело круглый плоский диск (диаметр 15,2 см) с сегментовидным в сечении бортиком (шириной 0,2-0,3 см). Железная ручка (длина — 13,5 см, ширина — 1,3-2 см) крепилась к диску при помощи двух заклепок. Конец ручки оформлен в виде так называемого «хвоста рыбы» со скругленными концами (рис. 26, 3). Подобное название условно и едва ли этот термин адекватно отражает семантику изображения, подробные детали которого из-за сильной коррозии металла разобрать невозможно.

Форма нижней части ручки в виде двух соединенных кружков близка оформлению конца бронзовой ручки (в виде двух грифоновых головок, обращенных друг к другу) зеркала из кургана № 6 у с. Басовка [Ильинская, 1968, с. 40]. Похожую форму имеет и нижняя часть железной ручки зеркала из северо-восточной камеры кургана Чертомлык, являющегося ближайшей аналогией песочинскому зеркалу. По мнению ряда исследователей, подобное оформление довольно близко форме наверший на некоторых скифских мечах V-IV вв. до н. э. — в виде волют, стилизованных под клювы или когти хищной птицы и соединенных перемычкой [Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 125, 126].

По классификации подобные зеркала относятся к I виду II типа, представленному у Т. М. Кузнецовой зеркалом из кургана № 1 у с. Грудек на Подолье [Кузнецова, 1987а, с. 40].

ОРУДИЯ ТРУДА И ПРЕДМЕТЫ БЫТА

Ножи. Обнаружены в 16 погребениях (рис. 7, 7; 11, 6; 20, 17; 22, 2, 8, 9; 24, 3, 4, 14; 26, 8; 29, 2; 31, 8; 32, 1, 8; 34, 11; 37, 2; 40, 12). Это одна из наиболее распространенных категорий погребального инвентаря в погребениях скифского времени [Черненко, Бессонова, Болтрик и другие, 1986, с. 351; Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 114]. Из-за плохой сохранности часть ножей не подлежит типологическому определению, хотя, скорее всего, все они принадлежат к хорошо известному типу железных ножей с горбатой спинкой и костяной рукояткой, соединенных посредством железных заклепок (группа заклепочных с костяными рукоятками по классификации Б. А. Шрамко) [Шрамко, 1965, с. 143-147; Михеев, Шрамко, 2000, с. 211, табл. 15, 16]. По способу крепления ножа и рукоятки известны изделия 2 типов — ножи с костяными рукоятками из 2 пластин (накладок), охватывающих тыльную часть клинка с обеих сторон (курганы № 6; 10; 23; 27) и ножи с цельной рукояткой, в продольный разрез которой вставлен клинок (курганы № 18/1; 19; 24; 25). Форма костяной рукоятки ножей как граненая (курганы № 10; 18/1; 19; 24), так и гладкая (курганы № 6; 11; 12; 22; 23). К ножу рукоятки присоединялись при помощи 2 (курганы № 5; 6; 18/1; 19; 22; 24; 25; 27), 3 (курганы № 10) или 5 (курганы № 23) заклепок, размещенных, чаще всего, вдоль, реже поперек (курганы № 22) рукоятки. Особо следует выделить нож из кургана № 25 с очень длинной костяной

рукояткой, в задней части которой просверлено сквозное, очень аккуратное отверстие. На клинке ножа из кургана № 6 сохранились отпечатки ткани, возможно матерчатого чехольчика, в который он был спрятан.

Щипцы. Обнаружены в кургане № 8/1. Изготовлены из железного, прямоугольного в сечении (1,3х0,7 см) стержня, перегнутого посередине. Концы оформлены в виде круглых выпукло-вогнутых чашечек. Общая длина щипцов — 51 см. Диаметр чашечек — 7 см (рис. 18, 4).

Подобные железные пружинные щипцы представляют довольно редкую категорию погребального инвентаря. Аналогичные или близкие изделия были обнаружены в курганах № 2, погребение 1 у Старинской птицефабрики [Ильинская, 1966, с. 155, 156, рис. 2; Фиалко, 1994, с. 35, рис. 12, 2], № 2 у с. Яблунька [Петренко, 1967, с. 28, табл. 32, 43]. 1905 г. у с. Аксютинцы [Ильинская, 1968, с. 162], Желтокаменке [Мозолевский, 1982, с. 206, рис. 34, 20], №№ 1 и 4 у с. Владимировка [Полин, Кубышев, 1997, с. 24, 31, 47, рис. 18, 10; 24, 4], «Большом кургане Веселовского» [Витрик, Данилко, 2002, с. 140, 147, рис. 4, 3] и в некоторых других памятниках [Гаврилюк, 1989, с. 44, рис. 8; Болтрик, Фиалко, 1999, с. 28-33, рис. 1, 1-6].

Единое мнение по вопросу о назначении щипцов отсутствует [Болтрик, Фиалко, 1999, с. 29]. Исследователи видят в них приспособление для вытаскивания мяса [Гаврилюк, 1987б, с. 25; 1989, с. 44], очажные щипцы для подбрасывания древесных углей в горн [Шрамко, 1969, с. 57, 58; Косиков, 1994, с. 95; Михеев, Шрамко, 2000, с. 210], вспомогательное орудие для обслуживания жаровень [Болтрик, Фиалко, 1999, с. 32, 33], допускают «широкий спектр применения в быту» [Полин, Кубышев, 1997, с. 47], рассматривают их в качестве атрибута жреческих погребений [Клочко, 1982а, с. 49; Клочко, Гребенников, 1982, с. 93]. Характер песочинского комплекса (захоронение знатных женщин, отсутствие котлов и другой посуды для варки мяса, местоположение щипцов, свидетельствующее о их принадлежности «главной» покойнице, отличающейся рядом «жреческих» атрибутов, таких как парадный головной убор, зеркало, чернолаковый килик с графити) позволяет предположить скорее обрядовое, нежели просто бытовое использование данной категории погребального инвентаря.

Черпак. Представлен изделием в виде железного витого стержня. Верхний конец стержня имеет сквозное отверстие, в которое вставлено железное кольцо. Нижний конец переходит в широкую пластину, загнутую на конце

вверх под прямым углом. К этой пластине была приварена еще одна поперечная пластина, оба конца которой загнуты под прямым углом в ту же сторону. Таким образом, три пластины образуют своеобразную чашечку-черпачок. Общая длина стержня 59 см. Диаметр кольца — 2 см, ширина пластин — 2,2 см, ширина чашечки — 7 см, глубина — 2,5 см (рис. 26, 7). Подобные черпаки являются достаточно оригинальной категорией кухонной утвари, хотя к настоящему времени перечень известных изделий такого типа достаточно представлен. Очень похожие черпаки обнаружены в курганах № 12 у с. Старый Мерчик [Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 112, 113, рис. 22, 4], № 8 погребение 1 у с. Купьеваха [Бойко, Берестнев, 2001, с. 12, рис. 10, 1], №№ 4 и 14 у с. Дуровка [Пузикова, 1966, с. 84, рис. 31, 3; 1997, с. 217; 2001, с. 185, 186, рис. 20, 3, с. 194, 195, рис. 43, 6], немного отличные — в Гаймановой Могиле и Бердянском кургане [Фиалко, 2000, с. 134, рис. 1, 3, 4].

Интересно, что изделия довольно похожей формы были известны на протяжении длительного периода у многих народов Северного Кавказа. К числу наиболее ранних относятся вилки майкопской культуры [Ильюков, 1979, с. 138-146]. К периоду раннего средневековья форма этих изделий не претерпела существенных изменений [Михеев, 1985, с. 146, рис. 37, 1, 5; Дмитриев, 1979, рис. 9; Аксьонов, 1999, с. 98, 99, рис. 39], а некоторые народы Северного Кавказа подобные вилки использовали еще в начале XX века [Миллер, 1910, с. 78; Калоев, 1971, с. 167].

Довольно представлен и перечень названий, которые различные исследователи используют для обозначения подобных изделий — это черпаки и черпачки с ковшиком в виде многолепесткового цветка [Пузикова, 1966, с. 84; 2001, с. 186, 195; Бойко, Берестнев, 2001, с. 12], железный ухват [Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 112, 113], «железный жезл» [Берестнев, 1981, с. 230], вилки [Фиалко, 2000, с. 134] и другие.

Несмотря на столь пестрый номинативный перечень, практически все исследователи, высказывавшие свое мнение о назначении подобных изделий, единодушны. Почти во всех случаях крюки были обнаружены в комплексах с бронзовыми котлами, поэтому связь с последними представляется бесспорной, равно как и их наиболее вероятное назначение — в качестве приспособлений для вынимания кусков мяса из котла.

Шилья. В 5 погребениях обнаружены 8 железных шильев, по 1 — в курганах №№ 10 и 22, по паре — №№ 2, 23 и 31 (рис. 4, 11; 22, 1; 32, 3; 37, 13).

Часто в погребениях обнаружены лишь фрагменты шильев. Наиболее полное представление об их форме дают находки из курганов №№ 23 и 31. Длина шильев — 8-8,5 см. Они состоят из более массивного и длинного черенка и короткой тонкой иглы. У шильев чаще всего круглое, реже прямоугольное (курган № 10), сечение. На черенках шильев из кургана № 2 сохранились остатки истлевшей деревянной рукоятки.

Крюки. Обнаружены в 2 погребениях. Железный крюк из кургана № 33 был изготовлен из стержня квадратного сечения (0,6×0,6 см). Верхний конец крюка был загнут наружу в кольцевидную петлю, нижний имел шаровидное окончание. Общая длина крюка — 22,5 см, диаметр изгиба — 11,5 см (рис. 40, 4). Подобные крюки известны достаточно хорошо [Либеров, 1965, табл. 20, 12, 13; Пузикова, 1969, с. 89, рис. 4, 8, 9; Мозолевский, 1980, с. 139, рис. 74, 5; Шрамко, 1987, с. 118, рис. 55, 13; 1992, с. 116, рис. 2, 24, 25; Гуляев, Савченко, 2004, рис. 6, 13-15 и другие], особенно много их обнаружено в погребениях Старомерчанского могильника, где подобные крюки использовались для подвешивания связок копий и дротиков к столбам деревянных склепов [Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 81, рис. 8, 9, 10; 12, 15; 22, 8, 9].

Еще один крюковидный предмет обнаружен в кургане № 6. Он также изготовлен из железа и состоит из двух стержней — прямого и полукруглого, соединенных между собой посредством петель. Общая длина — 13 см (рис. 11, 2).

ПРОЧИЙ ИНВЕНТАРЬ

Сфероиды. Сфероиды или пращевые камни обнаружены в двух погребениях. В обоих случаях это камни круглой уплощенной формы. Диаметр — 3,3-3,4 см, высота — 2,4-2,5 см (рис. 22, 3; 34, 12). По мнению разных исследователей подобные сфероиды могли использоваться в качестве пращевых камней [Мелюкова, 1964, с. 68], атрибутов жриц, совершавших огненный ритуал [Петренко, 1967, с. 36], для приготовления еды и обогрева жилища [Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 113], а также в качестве деталей своеобразных курильниц в погребальных обрядах [Гаврилюк, Болтрик, 1990, с. 81, 82]. В этой связи следует отметить отсутствие следов нагара на поверхности сфероидов, а также особенности их местоположения в погребениях. Сфероид из кургана № 10 лежал

у изголовья костяка ребенка, из кургана № 25 — на кусочках краски розового цвета.

Каменные плиты. Обнаружены в двух погребениях. В кургане № 8 остатки плиты (5 обломков) из слоистого песчаника белого цвета были обнаружены на глубине 0,9-1,5 м в юго-восточной части насыпи. Плита имела прямоугольную, с закругленными углами, форму. Размеры — 68 x 58 см (рис. 13, 8).

Плита из кургана № 29 обнаружена в заполнении могильной ямы. Изготовлена из крупнозернистого песчаника серого цвета. В отчете приведены размеры (0,27 x 0,22 м) и дана фотография обломка этой плиты. Однако в фондах музея, помимо этого обломка, хранится половина второй части плиты, по неизвестной причине не отмеченная в отчете. Эта находка дает более полное представление о внешнем виде плиты, имевшей подтрапециевидную форму с сильно закругленными углами. Нижняя часть плиты едва выпукла и бугриста, верхняя — слегка вогнута и хорошо заглажена. По краям плита имеет толщину 3,5-4 см, посередине — 2,5-3,1 см. Длина — 51,5 см, наибольшее расширение — около 36 см (рис. 37, 9).

Подобные плиты широко представлены в погребальных памятниках скифского времени. Разнообразно и мнение об их назначении — в качестве плит для растирания краски, для заточки металлических предметов или же атрибутов различных ритуалов (чаще всего, жертвенников) [Ковпаненко, 1967, с. 156; Петренко, 1967, с. 36; Ильинская, 1968, с. 150, 151; 1975, с. 154, 155; Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 113; Синика, 2002, с. 85-87 и другие].

В насыпи кургана № 33 был обнаружен кремневый предмет, атрибутированный как резец (рис. 40, 7). Изделия из кремня довольно часто находят в курганах скифского времени, известны они и в северскодонецких памятниках [Шрамко, 1957, с. 196, табл. I, 4; 1983а, с. 56, рис. 3, 18, 19]. Б. А. Шрамко объясняет их использование недостатком металла или же культовыми соображениями [Шрамко, 1957, с. 203]. Однако кремневый предмет из кургана № 33 по морфологическим признакам не является ни резцом, ни другим орудием труда. Это массивный полупервичный скол формирования нуклеуса*, который вполне может быть датирован гораздо

* *Определение ведущего научного сотрудника отдела археологии Харьковского исторического музея к.и.н. Снежко И. А.*

более ранним временем, начиная с эпохи неолита. Не исключено, что в курган он попал случайно — вместе с грунтом при сооружении насыпи.

2 небольших шарика диаметром 0,8-1,1 см из обожженной глины были найдены в погребении 2 кургана № 18 (рис. 26, 14). Подобные шарики, являющиеся вотивными моделями зерен гороха, относятся к так называемой культовой керамике, были широко распространены у лесостепного населения и хорошо известны по находкам на городищах и поселениях [Шрамко, 1962а, с. 201-204, рис. 78; 1998, с. 56, рис. 35, 19].

В погребении 1 кургана № 18 внутри бронзового котла были найдены два деревянных предмета — круглая палочка и плоский диск. Длина сохранившейся на момент раскопок части палочки — 7 см, диаметр сечения — 1,1 см (рис. 26, 2). Оба конца палочки отломаны, поэтому ее первоначальная длина, а также форма, неизвестны.

Деревянный диск имеет подпрямоугольную в плане форму (5,5 x 3,6 см). Одна короткая сторона практически ровная, вторая — заметно округлая. Такое же очертание и у длинных сторон, только округлость одной из них едва заметна. Диск плоский имеет сечение трапецевидной формы, равномерно расширяясь от одной длинной стороны (толщина 1,2 см) ко второй (толщина 1,7 см). Обе широкие грани диска тщательно зашлифованы. Узкая грань (ребро) почти по всему периметру аккуратно обрезана и также зашлифована. Посредине узкой грани, почти по всему периметру, проходит продольное ребро — едва заметное с трех сторон и отчетливо видимое на прямой длинной стороне. От угла диска, образованного двумя равными сторонами отходил, являясь продолжением короткой стороны, отросток шириной около 1,6 см. Его форма и длина неизвестны, так как в нескольких миллиметрах от диска он был сломан. Не исключено, что деревянная палочка является отломившейся частью этого отростка (рис. 26, 1).

Аналогий подобным предметам отыскать не удалось. По внешнему виду диск несколько похож на ручку деревянной двуручной чаши, находки которых хорошо известны в скифских погребальных памятниках [Рябова, 1987, с. 144-149]. Однако наличие на диске отростка, отсутствие каких-либо следов крепления и ровный, а не изогнутый край основания, свидетельствуют о маловероятности подобного предположения. Не решен и вопрос о назначении этих изделий. Принимая во внимание местонахождение

диска и палочки (внутри котла), можно предположить их взаимосвязь и возможную принадлежность к кухонной утвари.

Таким образом, состав инвентаря из погребений Песочинского могильника отличается большим разнообразием — в материалах могильника, за небольшим исключением, представлены очень многие категории вещей, являющиеся маркерами собственно скифской культуры.

Среди погребений могильника высокую долю составляют комплексы с разнообразными предметами вооружения, нередко весьма представительные (более сотни наконечников стрел, копья, дротики, мечи, защитный доспех), конского снаряжения, зеркалами, а также отличающегося большим ассортиментом античным импортом — посудой, серьгами, пластинчатой аппликацией, бусами и т. п.

Примечательно, что ряд изделий достаточно высокого художественного уровня, обнаруженных в Песочинском могильнике, находит полные аналогии среди инвентаря курганов высшей аристократии. Это, прежде всего, Солоха (бляшки с изображением оленя и сетчатый убор из кургана № 2 и такие же бляшки из кургана № 22), Чертомлык (метопида, пластины со сфинксами), Куль-Оба (пластины со змееногой богиней) и другие.

Однако едва ли стоит усматривать в этом совпадении высокую степень собственно степного влияния: и для степного, и для северскодонецкого населения подобные изделия являлись предметами импорта, свидетельствующими, в первую очередь, о широком рынке сбыта изделий древнегреческих мастеров (более подробно об этом — в VI главе).

Не менее показательным является отсутствие среди материалов могильника ряда предметов, составляющих особенность материальной культуры степного населения — находок повозок, являющихся неотъемлемой принадлежностью быта кочевников и достаточно неплохо представленных в их погребениях [Бессонова, 1982, с. 102-112], деталей седел, наверший*, каменных антропоморфных изваяний**, деревянных чаш с оббивками из драгоценных металлов

* Следует заметить, что навершие со сфинксом из Харьковского исторического музея нельзя безоговорочно связывать с северскодонецкими памятниками из-за неясности его происхождения [Бабенко, 1998б, с.25-28; Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 110, 111].

** Однако, по меньшей мере один случай в пределах северскодонецкого региона все же известен [Шражке, 1992, с.115].

и некоторых других. Характерно, что большую часть из перечисленных категорий С. А. Скорый относит к этнодифференцирующим признакам, присутствующим собственно скифскому погребальному обряду [Скорый, 2003, с. 48-50]. Заметно и полное отсутствие среди импортных изделий, представленных исключительно глиняной посудой и украшениями, характерного для многих степных курганов знати парадного вооружения (прежде всего, горитов и мечей с ножнами), металлической посуды. Возможно, это в какой-то мере связано с ограбленностью многих погребений — в расположенном поблизости Старомерчанском могильнике были обнаружены парадный меч и серебряный кубок.

Прослеживается некоторая связь северскодонецкого населения со среднедонским, о чем свидетельствуют находки характерных для среднедонских памятников предметов — втоков рюмкообразной формы, пряжки-сюльгамы, железного черпака, крюков, а также некоторых вариантов бронзовых наконечников стрел, наносника со скульптуркой зайца. Не стоит, однако, преувеличивать близость материальных культур двух регионов. В равной степени показательным является отсутствие в Песочинском могильнике типичных для среднедонской культуры железных наконечников стрел, зооморфных крючков, деревянных сосудов.

В остальном состав погребального инвентаря полностью соответствует находкам в синхронных лесостепных памятниках, являясь подтверждением тезиса о высокой степени унификации культур местного населения в позднескифское (конец V-начало III вв. до н. э.) время.

Глава IV. ХРОНОЛОГИЯ

Установление хронологических рамок как могильника в целом, так и отдельных его комплексов является одной из актуальных задач, решение которой позволит проследить динамику развития памятника и более точно определить его место в структуре древностей скифского времени северско-донецкого населения.

Возможности для установления узких дат у тех или иных комплексов неравноценны. Часть погребений — безинвентарных, либо тех, у которых инвентарь полностью отсутствует из-за ограбления, можно лишь условно датировать в пределах общей хронологии могильника. Часть захоронений могильника сопровождалась инвентарем, имевшим значительное время бытования, что не позволяет определить более узкую дату комплекса. Вместе с тем, немалая часть погребений содержала выразительный инвентарь (прежде всего, это импортная посуда, пластинчатая аппликация, предметы вооружения и конского снаряжения), позволяющий установить сравнительно узкую дату комплекса. Последнему в отдельных случаях способствует и корреляция идентичного инвентаря, обнаруженного как в погребениях могильника, так и в датированных комплексах вне его.

Курган № 1. Погребальный инвентарь представлен одним бронзовым наконечником стрелы (рис. 4, 1), который идентичен обнаруженному в кургане № 7. Середина-вторая половина IV в до н. э.

Курган № 2. Хронологический разброс предметов из комплекса достаточно широк. К более раннему времени относится бронзовый псалий с головками грифонов на концах (рис. 4, 5). Очень похожий псалий из кургана № 24 Нимфейского могильника уверенно датируется серединой-второй половиной V в. до н. э. [Силантьева, 1959, рис. 37, 3]. Ко второй половине V в. до н. э. относится и большая часть курганов, в составе погребального инвентаря которых обнаружены мелкие золотые бляшки (рис. 4, 13, 14) с изображением зайчика и кошачьего хищника (грифона?), хотя известны подобные украшения и в некоторых памятниках IV в. до н. э. [Ковпаненко, 1961, рис. 6, 18; Петренко, 1967, табл. 19, 34; Ильинская, 1968, рис. 38, 2;

Черненко, Бунятян, 1977, с. 92, рис. 12, 1; Клочко, 1986, с. 17, 19, 20; 2000, с. 24, рис. 1; Битковский, Полин, 1987, рис. 8, 4; Чередниченко, Фиалко, 1988, с. 165; Кулатова, Луговая, Супруненко, 1993, рис. 14, 14; Шрамко, 1994, с. 117, рис. 11, 5; Кулатова, Супруненко, 1996, с. 325, рис. 14, 4; 17;]. При этом многие из этих комплексов (Бердянский курган, Изобильное, Богдановка, Малый Чертомлык, Ивановка, Нимфей, курганы Орджоникидзевогo и Кичкаского могильников) датируются последней четвертью V или рубежом V-IV вв. до н. э. [Клочко, 1986, с. 20; Мозолевский, 1987, с. 73; Битковский, Полин, 1987, с. 83, 84; Алексеев, 1992, с. 156, 157; Ковпаненко, Скорий, Батуревич, 1996, с. 113]. Золотые бляшки с изображением оленя (рис. 4, 12), аналогичны обнаруженным в Солохе [Манцевич, 1987, с. 68], хронология которой в пределах конца V — начала IV вв. до н. э. является общепринятой [Манцевич, 1987, с. 121; Алексеев, 1992, с. 146-148]. На вероятную близость дат кургана № 2 и Солохи указывает и находка в обоих комплексах сетчатого украшения, состоящего из очень похожих рифленных трубочек-пронизок и подвесок-бутонов (рис. 4, 15, 17). Все это позволяет ограничить датировку кургана № 2 концом V — началом IV вв. до н. э.

Курган № 3. Погребальный инвентарь отсутствовал. Датировка в пределах общей хронологии могильника.

Курган № 4. Погребальный инвентарь отсутствовал. Датировка в пределах общей хронологии могильника.

Курган № 5. Важную роль для датировки комплекса имеет находка меча с антенным навершием и бабочковидным перекрестием (рис. 7, 2). В свое время А. И. Мелюкова датировала этот тип акинаков VI — первой половиной V вв. до н. э. [Мелюкова, 1964, с. 55], однако последующие находки подобных мечей позволили омолодить их дату. Форма антенного навершия песочинского меча представляет своеобразный переходной тип между простыми антенными навершиями и так называемыми когтевидными навершиями с поперечной перегородкой, зачастую обтянутые золотым листом (меч из Солохи и многие другие). По внешнему виду форма рукояти песочинского меча близка акинакам, получившим наибольшее распространение в середине-второй половине V в. до н. э. [Мерперт, 1948, с. 74-79; Копылов, 1980, с. 26; Кислий, Скорий, 1990, с. 130; Ковалев, Полин, 1991, с. 52; Янгулов, 2002, с. 54-59].

Для датировки кургана имеет значение и находка бронзовых пронизей-замочков (рис. 7, 10), хорошо представленных в комплексах середины — второй половины V в. до н. э. [Силантьева, 1959, рис. 40, 5; 47, 10; 49, 4; Петренко, 1967, табл. 27, 20, 21, 23; Ильинская, 1968, с. 130; Бородулин, 1976, с. 22; Мозолевский, 1980, с. 92-96, рис. 36-38]. А. Ю. Алексеев считает их надежным хронологическим индикатором памятников середины-третьей четверти V в. до н. э. [Алексеев, 1991б, с. 51; 1992, с. 146], хотя подобные пронизи обнаружены и кургане № 29 группы Гайманова могила, датируемым IV в. до н. э. [Ильинская, 1973, рис. 7, 6, 7].

Представленные в кургане разновидности наконечников стрел хорошо известны в памятниках третьей хронологической группы [Мелюкова, 1964, с. 23-25], при этом показательно отсутствие в колчанном наборе базисных наконечников, широко распространенных в памятниках первой половины V в. до н. э. (рис. 7, 1а-у).

Наиболее вероятная дата этого комплекса — середина-вторая половина V в. до н. э., возможно даже третья четверть.

Курган № 6. Наконечники стрел представлены типами (рис. 9, 1а-в), хорошо известными в памятниках четвертой хронологической группы [Мелюкова, 1964, с. 25, табл. 9]. Гривны из гладкой проволоки с заходящими расширенными концами (рис. 9, 4) датируются IV-III вв. до н. э. [Петренко, 1967, с. 47]. К этому же времени относятся и комплексы с перстнями (рис. 9, 5, 6) с круглым плоским щитком [Петренко, 1978, с. 60]. Второй половиной IV в. до н. э. датируется курган № 5 1905 г. у с. Аксютинцы, в котором были обнаружены очень похожие электровые серьги [Ильинская, 1968, с. 79, 140]. Дата комплекса — середина-вторая половина IV в. до н. э.

Курган № 7. Большое значение для датировки комплекса имеет уздечная бляха гиппокампа-«петушок» (рис. 13, 2). В. А. Ильинская относилась к их появлению ко второй половине V в. до н. э. [Ильинская, 1968, с. 133], но эта дата явно занижена. Курган № 2 в ур. Галушино, с которым исследовательница связывала наиболее раннее появление таких блях, по единодушному мнению археологов, относится к IV-III вв. до н. э. [Ростовцев, 1925, с. 447; Петренко, 1967, с. 96; Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 155]. Вероятно, что время использования подобных блях имело более узкие рамки, которые, возможно, не выходили за пределы середины —

второй половины IV в. до н. э. Иконографически завершенный вид зооморфный образ приобретает не позже середины-начала второй половины IV в. до н. э. — времени сооружения Толстой Могилы [Мозолевский, 1979, с. 229; Алексеев, 1992, с. 151], в которой были обнаружены золотые обивки ритона с аналогичным изображением гиппокампа. Ко второй половине IV в. до н. э. относится большая часть узко датированных комплексов, в которых обнаружены нащечники-гиппокампы. Это, прежде всего, Чертомлык, курган № 1 у с. Волковцы, датированный чернолаковым киликом второй половиной (более узко — третьей четвертью) IV в. до н. э. [Ильинская, 1968, с. 79], Второй Мордвиновский курган (340-320 гг. до н. э.) [Алексеев, 1992, с. 156]. К еще более позднему времени — последней трети — концу IV в. до н. э., относится Краснокутский курган [Мелюкова, 1981, с. 105; Алексеев, 1992, с. 156; 1999, с. 10].

Таким образом, курган № 7 можно датировать серединой-второй половиной IV в. до н. э.

Курган № 8. Погребение 1. Дата этого комплекса хорошо определяется благодаря присутствию большого количества надежно датированных предметов. Чернолаковый канфаровидный килик (рис. 18, 2) относится к середине-третьей четверти IV в. до н. э. [Онайко, 1970, с. 16; Брашинский, 1980, с. 128]. Следы многочисленных потертостей лака на поверхности килика свидетельствуют о его продолжительном использовании в быту.

Хронологическую близость погребения 1 и кургана Чертомлык подчеркивают ряд идентичных пластин головного убора обоих комплексов (метопида и пластины со сфинксами, рис. 15, 1; 16, 4-8). А. Ю. Алексеев относит курган Чертомлык к хронологической группе В, которую датирует 340-320 гг. до н. э. [Алексеев, 1992, с. 156], хотя предложена и более узкая дата памятника [Болтрик, Фіалко, 1995, с. 10]. Две пластины головного убора с изображением «змееногой» богини (рис. 16, 1, 2) очень близки по внешнему виду метопиде из кургана Куль-Оба, который также датируется 340-320 гг. до н. э. [Алексеев, 1992, с. 156]. Наиболее поздними из деталей головного убора являются пластины с танцующими менадами (рис. 17, 1-4). Большинство комплексов с аналогичными украшениями (Деев курган, Денисова Могила, Большой Рыжановский курган) относятся к хронологической группе Г, датированной 330-300 гг. до н. э. [Алексеев, 1992, с. 156], причем исследования последних лет позволили омолодить

дату сооружения Большого Рыжановского кургана, ограничив ее первой четвертью III в. до н. э. [Скорый, 1999, с. 241; Скорый, Хохоровські, Григор'єв та інші, 1999, с. 103].

Полностью идентичная бляшка с изображением идущего оленя (рис. 17, 5) обнаружена в кургане № 6 у с. Старый Мерчик, в котором находилась мендийская амфора, датируемая 30-ми годами IV в. до н. э. [Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 56].

Круглые бляшки с изображением мужского бородатого лица в профиль (так называемого «монетного типа»), сопоставимые с боспорскими статерами 340-315 гг. до н. э. (рис. 17, 6), датируются исследователями последней третью IV в. до н. э. [Шелов, 1956, с. 93, 101; Алексеев, 1987а, с. 35].

Фасосские амфоры коническо-биконического типа конического варианта позднеконической серии получили распространение в последней четверти IV- первой половине III вв. до н. э. [Монахов, 2003, с. 76].

Определяя дату комплекса погребения 1, следует учесть тот факт, что все наиболее поздние вещи (бляшки монетного типа и пластины с менадами) сопровождали погребение очень молодой (сохранились молочные зубы) девушки. Подобные предметы имели характер личных украшений, которые не передавались по наследству, а погребались вместе с хозяйкой, то в рассматриваемом случае период между их изготовлением и положением в могилу был очень коротким. Все это позволяет предложить в качестве наиболее вероятного нижнего рубежа даты погребения 1 конец третьей-начало четвертой четверти IV в. до н. э, верхнего — самый конец IV в. до н. э.

Погребение 2. В кургане № 8 погребение являлось основным и по времени захоронения предшествовало погребению № 1. Продолжительность хронологического разрыва (если такой существовал) между двумя могилами определить невозможно. Погребальный инвентарь представлен исключительно бронзовыми наконечниками стрел (4-й II отдела и 6-й и 8-й типы III отдела, рис. 13, 9), получивших наибольшее распространение во второй половине IV в. до н. э. [Мелюкова, 1964, с. 25-29]. Принимая во внимание датировку погребение 1, дату погребения 2 можно ограничить третьей — началом четвертой четверти IV в. до н. э.

Курган № 9. А. В. Бандуровский и Ю. В. Буйнов по предметам конского снаряжения датируют комплекс концом V в. до н. э. [Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 72], однако для столь ранней и сравнительно узкой даты

нет достаточных оснований. Наносник, украшенный скульптуркой ушастого зайца (рис. 20, 14), идентичен наноснику из кургана № 6 могильника «Частые курганы» [Замятнин, 1946, с. 28, рис. 14, 8], относимого П. Д. Либеровым к IV в. до н. э. [Либеров, 1965, с. 25. табл. IX], а набор наконечников стрел из этого комплекса наиболее характерен для четвертой хронологической группы по классификации А. И. Мелюковой [Либеров, 1965, с. 77. табл. 19, 12-14].

Псалии с концами, оформленными в виде круглых шариков (рис. 20, 10, 11) также хорошо известны в памятниках рубежа V-IV, первой половины IV, IV до н. э.— курганы № 1 у с. Волковцы, № 2 у с. Мастюгино, Хомина Могила, Солоха, № 4 возле Умани и другие [Ильинская, 1968, с. 117, рис. 28; 30; Мозолевский, 1973, рис. 30; Манцевич, 1973, рис. 2, 3; 1987, с. 45; Бессонова, 1994, с. 26].

Почти все типы бронзовых наконечников стрел, обнаруженных в кургане (рис. 20, 1), находят соответствие наконечникам набора из кургана № 16/36 у с. Мастюгино. По присутствию гераклеийской амфоры этот курган датировался П. Д. Либеровым рубежом IV-III вв. до н. э. [Либеров, 1965, с. 29, рис. 2, 9-24], впоследствии датировка амфоры была уточнена в пределах первой четверти IV вв. до н. э. (определение А. П. Абрамова) [Пузикова, 2001, с. 70].

Таким образом, хронологические рамки рассматриваемого комплекса можно определить в пределах конца V- первой половины IV вв. до н. э.

Курган № 10. Лепная двуручная амфора (рис. 22, 5) наибольшее сходство имеет с сосудом из кургана № 3 у с. Протопоповка [Бородулин, 1976, с. 5], который по предметам конского снаряжения (Г-видные псалии, нащечники в виде многопалой лапы, пронизи-«висячие замочки» и другие) датируется второй-третьей четвертью V в до н. э. Подавляющее большинство золотых бусин, украшенных чередующимися гладкими и рубчатыми полосками (рис. 22, 12) обнаружены в памятниках второй половины, и даже последней четверти V в до н. э.— Малый Чертомлык, Богдановка, Бельск, Купьеваха [Мозолевский, 1987, с. 73; Битковский, Полин, 1987, с. 83, 84; Супруненко, 1996, с. 105; Бойко, Берестнев, 2001, с. 49 и другие], хотя они известны и некоторых курганах, датируемых IV в до н. э. Вероятная дата комплекса — вторая половина V в до н. э., хотя не исключен и IV в до н. э.

Курган № 11. Наконечник стрелы (рис. 22, 6) идентичен обнаруженному в кургане № 7. Середина-вторая половина IV в до н. э.

Курган № 12. Наконечник стрелы (рис. 22, 10) идентичен обнаруженному в кургане № 7. Середина-вторая половина IV в до н. э.

Курган № 14. Отсутствие прямых аналогий светлоглиняной миске с концентрическими каннелюрами (рис. 24, 1) не позволяет предложить узкую дату этому комплексу. Похожую крышку леканиды из кургана № 42 Елизаветовского могильника И. Б. Брашинский датировал первой четвертью IV в. до н. э. [Брашинский, 1980, табл. XXI, 241]. Погребение 2 кургана № 1 у с. Макеевка, где была обнаружена миска с каннелюрами, датируется концом V-началом IV вв. до н. э. [Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 110]. Курган № 9 у с. Осняги, где был обнаружен обломок миски с каннелюрами, датируется IV в. до н. э. [Ковпаненко, 1967, с. 171].

Дата комплекса — IV вв. до н. э., возможно, первая его половина.

Курган № 15. Погребальный инвентарь отсутствовал. Датировка в пределах общей хронологии могильника.

Курган № 16. Представленные в кургане типы наконечников стрел и копий получили наибольшее распространение в IV вв. до н. э. (рис. 24, 13). Вероятно, этим временем и следует датировать комплекс.

Курган № 17. Погребальный инвентарь маловыразителен. Датировка в пределах общей хронологии могильника.

Курган № 18. Погребение 1. Датировка погребения определяется, прежде всего, присутствием среди погребального инвентаря чернолакового канфара (рис. 27, 2) середины-третьей четверти IV в до н. э. [Онайко, 1970, типы 307-309, 675-689; Мелюкова, 1975, с. 160; Брашинский, 1980, тип 200-202]. Амфоры типа Солоха I с характерным грибовидным венчиком (рис. 27, 1) датируются 80-ми гг. -концом IV в. до н. э. [Брашинский, 1984, с. 138, 139; Монахов, 1999, с. 241, 243, 247], но херсонесский вариант, к которому относится песочинская амфора, имеет более узкие хронологические рамки — третья четверть IV в до н. э. [Монахов, 2003, с. 103, 110]. Все это позволяет датировать погребение серединой-третьей четвертью IV в. до н. э.

Погребение 2. Единовременность погребений кургана № 18 позволяет воспользоваться датировкой погребения 1 — середина-третья четверть IV в. до н. э.

Курган № 19. Погребальный инвентарь представлен ножом с костяной рукояткой и двумя золотыми неорнаментированными пластинками (рис. 29, 1, 2). Датировка в пределах общей хронологии могильника.

Курган № 20. Наконечники стрел разнообразной формы (рис. 29, 3) широко представлены в памятниках четвертой хронологической группы [Мелюкова, 1964, с. 25, табл. 9]. Мечи с овальным навершием (рис. 29, 5) появляются в IV в до н. э. и получают наибольшее распространение во второй его половине [Мелюкова, 1964, с. 51, 52, табл. XIII]. Дата комплекса — середина-вторая половина IV в до н. э.

Курган № 21. Погребальный инвентарь представлен одной раковиной Saugī (рис. 29, 6). В погребениях могильника подобные украшения лучше всего представлены в кургане № 22 (70 экземпляров), датируемого второй четвертью IV в до н. э. Однако перенесение столь узкой даты на курган № 21 неуместно, так как раковины Saugī хорошо известны еще в памятниках раннескифского времени [Брумяко, 1999, с. 47-54]. Датировка в пределах общей хронологии могильника.

Курган № 22. Среди погребального инвентаря присутствовал краснофигурный лекиф с пальметткой и двумя треугольниками по бокам (рис. 31, 3), который датируется второй четвертью IV в до н. э. [Козуб, 1962, табл. IV, 1; 1974, с. 99, рис. 47; Морган, 1999, рис. 17, 19, 20, 22-26]. Сероглиняные кувшины (рис. 31, 2) подавляющее число исследователей датирует концом V-IV вв. до н. э. [Капошина, 1959, с. 139, 140, рис. 42-46; Петренко, 1967, с. 94; Мелюкова, 1975, рис. 46, 5; 47, 5; Брашинский, 1980, табл. XVIII, 235; XL, 5, 6; Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 110; Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 62 и другие]. Золотые бляшки с изображением оленя (рис. 31, 5), аналогичны обнаруженным в кургане № 2, датируются концом V- началом IV вв. до н. э. [Манцевич, 1987, с. 68]. От бляшек из кургана № 2 они отличаются не только некоторыми чертами, но и меньшей четкостью оттиска и потертостью бляшек, что может свидетельствовать о их более позднем изготовлении и длительном использовании. Наиболее вероятная датировка кургана № 22 — вторая четверть IV в. до н. э.

Курган № 23. Форма сережки (рис. 32, 4) типична для памятников IV-III вв. до н. э. [Петренко, 1978, с. 36]. Остальной инвентарь также характерен для изделий позднескифского времени. IV вв. до н. э.

Курган № 24. Погребальный инвентарь представлен парой сережек и железным ножом (рис. 32, 6-8). Подавляющее число сережек подобного типа происходит из памятников IV в до н. э. [Петренко, 1978, с. 36, 37]. Этим же временем следует датировать и комплекс кургана № 24.

Курган № 25. Железный браслет, обтянутый золотым листом и покрытый рядами выпуклых полос-рубчиков (рис. 34, 6) очень похож на украшения из погребения 4 кургана № 4 у с. Волковцы, относимого к первой половине V в. до н. э. [Ильинская, 1968, с. 77], однако столь ранняя дата едва ли приемлема для кургана № 25.

Наконечник копья с широким листовидным пером (рис. 34, 2) наиболее близок наконечникам из кургана у с. Красный Подол, датируемого в пределах первой половины IV в. до н. э. [Полин, 1984а, с. 118] и № 487 у с. Макеевка, который датируется серединой IV- первой половиной III вв. до н. э. [Галанина, 1977, с. 26]. Рубежом V-IV или первой половиной IV в. до н. э. датируется курган № 4 у с. Новоселка [Бессонова, 1994, с. 26, 29] и последней четвертью V в. до н. э. — погребение 1 кургана № 1 у с. Яснозорье [Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1994, с. 47].

Маленькие овальные бляшки с изображением грифона (рис. 34, 7) по форме, размерам и стилистике близки многочисленной серии бляшкам с изображением зайца, льва, грифона или другого животного, наиболее хорошо известных в памятниках рубежа V-IV вв. до н. э., в том числе кургане № 2 песочинского могильника (перечень аналогий — в разделе, посвященному датировке кургана № 2).

Вероятная дата кургана — конец V — первая половина IV вв. до н. э.

Курган № 26. Погребальный инвентарь отсутствовал. Датировка в пределах общей хронологии могильника.

Курган № 27. Форма горшка и ножа (рис. 37, 1, 2) типичная для изделий позднескифского времени. Датировка в пределах общей хронологии могильника.

Курган № 28. Наконечники стрел подобной формы (рис. 37, 3) широко представлены в памятниках четвертой хронологической группы [Мелюкова, 1964, с. 25]. К этому же времени относится наибольшее распространение катакомб подобной конструкции [Ольховский, 1991, с. 35]. Дата комплекса — середина-вторая половина IV в. до н. э.

Курганы №№ 29 и 32. Обнаружения в курганах №№ 29 и 32 абсолютно идентичных бляшек с изображением грифона (рис. 37, 5; 38, 4) предполагают высокую степень вероятности синхронности комплексов. Не исключено, что подобные бляшки являлись изделием местных мастеров, выпускались малыми тиражами и имели достаточно ограниченное хронологическое распространение. Помимо бляшек, оба эти комплекса сближает набор пластинчатой аппликации из кургана близ Шполы в урочище Дарьевка, состоявший из целого ряда украшений близкого типа. Прежде всего, это отмеченные выше бляшки с изображением грифона [Бобринский, 1894, табл. X, 6], а также треугольные бляшки с псевдозернью и бляшки-пальметки (курган № 29) [Бобринский, 1894, табл. X, 4; XIII, 2, 3] и восьмерковидные бляшки и бляшки-лотосы (курган № 32) [Бобринский, 1894, табл. XIII, 6, 7].

Дата Дарьевского кургана определялась в пределах IV или IV-III вв. до н. э. [Ростовцев, 1925, с. 494, 495; Мелюкова, 1964, с. 38; Петренко, 1967, с. 96; Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 161]. Сузить эти рамки позволяет находка чернолаковой солонки и килика. Солонка была датирована Н. А. Онайко серединой IV в. до н. э. [Онайко, 1970, с. 114, кат. 711]. Похожую солонку из Елизаветовского могильника И. Б. Брашинский относит к первой половине IV в. до н. э., хотя по материалам Агоры она датируется более узко — второй четвертью IV в. до н. э. [Брашинский, 1980, с. 137, табл. XVII, 220]. Дата чернолакового килика определяется в рамках второй-третьей четверти IV в. до н. э. [Онайко, 1970, с. 114, табл. VIII]. Аналогичный килик из кургана № 1 у с. Пастырское датирован в пределах второй четверти IV в. до н. э. [Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 155]. Золотые фигурные бляшки [Бобринский, 1894, табл. X, 2] с изображением в профиль лежащего оленя появляются с рубежа V-IV вв. до н. э. (Солоха). Верхней датой их распространения является вторая четверть IV в. до н. э. (курган № 22 Песочинского могильника, надежно датированный находкой краснофигурного лекифа), за пределы которой они, скорее всего, не выходят — ни в одном из курганов второй половины IV в. до н. э., содержавших многочисленные и разнообразные наборы пластинчатой аппликации, этот тип бляшек не обнаружен. Это позволяет предположить в качестве наиболее вероятной даты Дарьевского кургана вторую четверть IV в. до н. э.

Однако нет достаточных оснований для автоматического переноса столь узких хронологических рамок на комплексы курганов №№ 29 и 32, дата

которых омолаживается присутствием ряда предметов. Так, бляшки-пальметки обнаружены большей частью в курганах второй половины (даже третьей четверти) IV в до н. э. — Мелитопольский курган, Чертомлык, Куль-Оба и другие [Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 94, 95; Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 174; Копейкина, 1986, с. 67, рис. 16]. Характерна близость иконографии песочинской бляшки (рис. 37, 6) пальметкам на золотых оббивках ножен мечей из Чертомлыка и кургана № 8 группы Пять братьев, дата изготовления которых определяется в рамках середины — начала последней четверти IV в. до н. э. [Алексеев, 1987, с. 43], либо 340-320 гг. до н. э. [Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 105], а также целого ряда других изделий, дата комплексов которых не выходит за пределы второй половины IV в. до н. э. (прежде всего, это золотые оббивки горитов чертомлыцкой серии, пальметки на метопидах из Чертомлыка, Толстой Могилы, кургана № 8/1 Песочинского могильника, на пластине со Старшего Трехбратнего кургана).

Иконография грифона на медальоне (рис. 37, 4) довольно оригинальна, что в целом характерно для изделий, украшенных этим персонажем. Бляшки с изображенным в профиль грифоном с развернутым крылом лучше всего известны в памятниках середины-второй половины IV вв. до н. э. — курганы № 93 у с. Бобрицы, № 4 у с. Новоселка и другие [Петренко, 1967, с. 96, табл. 19, 23, 23а; Шкурко, 1982, табл. IV, 13]. Возможно, что популярность подобной иконографии этого персонажа связана с чеканкой в 375-300 (379-294) гг. на Боспоре статеров с изображением на реверсе идущего грифона [Зограф, 1951, с. 175, 176, 245, табл. XL, 7-11; Анохин, 1986, с. 140, табл. 2, 91; 3, 97, 109, 115, 116; Скорый, 1997, с. 53]. Однако в отличие от широко распространенных в это время бляшек монетного типа с изображением мужского лица в профиль, иконография грифона на бляшках заметно отличается от монетной — отсутствует колос, вместо львиной головы в фас изображена в профиль голова с клювом (повернутая вперед или назад).

Помимо Дарьевских аппликаций, наиболее близкая аналогия восьмерковидной бляшке с изображением личины из кургана № 32 (рис. 38, 3) происходит из кургана Чертомлык [Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 248, рис. 79, кат. 212,21]. В целом, к IV в. до н. э. относятся комплексы, в которых обнаружены бляшки-лотосы [Пузикова, 1966, рис. 29, 12; Онайко, 1970, с. 108, тип 5056; Ключко, 1982б, рис. 2; Манцевич, 1987, с. 68; Фиалко, 2003, с. 131, рис. 3, 25].

В состав инвентаря обоих курганов входили предметы с возможной более ранней датировкой (каменная плита, курган № 29 и бляшка с изображением оленя, курган № 32), однако они не могут быть использованы для понижения даты комплексов.

В последнее время ряд исследователей считает, что плоские песчаниковые плитки были более характерны для памятников V в до н. э. [Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 113; Скорый, 1997, с. 52], однако находка подобной плитки в кургане № 8, даты погребений которого не выходят за пределы второй половины IV в. до н. э., убедительно свидетельствует о невозможности использования данной категории инвентаря в качестве хронологического индикатора для датировки в пределах одного века.

Бляшки-оббивки деревянных сосудов с изображением оленя наибольшее распространение получили в V в. до н. э., однако в единичных экземплярах они известны и в более поздних комплексах [Бідзіля, 1971, с. 50, рис. 6; Манцевич, 1987, с. 96, 97]. Переделка песочинской оббивки (рис. 38, 2) в нашивное украшение свидетельствует о длительном ее использовании.

Таким образом, в качестве наиболее вероятной даты для кургана № 32 можно предложить вторую-третью четверти IV в. до н. э., для кургана № 29 — середину-третью четверть IV в. до н. э.

Курган № 30. Погребальный инвентарь отсутствовал. Датировка в пределах общей хронологии могильника.

Курган № 31. Типы бус (рис. 37, 10), обнаруженные в комплексе, хорошо представлены в античных памятниках IV-III вв. до н. э. [Алексеева, 1978, с. 40, 49, типы 146, 2766]. По составу набор бус очень близок обнаруженному в Страшной Могиле [Тереножкин, Ильинская, Черненко и другие, 1973, рис. 29, 17]. Форма наконечника стрелы (рис. 37, 13) характерна для наконечников четвертой хронологической группы [Мелюкова, 1964, с. 25]. Дата комплекса — середина-вторая половина IV в. до н. э.

Курган № 33. Крестовидные бляшки с изображением листов аканфа (рис. 40, 9) по форме и стилю орнаментации имеют ближайшие аналогии в комплексах (Александрополь, Огуз, Шульговка), которые по хронологической периодизации А. Ю. Алексеева относятся исключительно к группе Г, датируемой 330-300 гг. до н. э. [Алексеев, 1992, с. 156, 157]. Аналогии крестовидным бляшкам, украшенным розетками (рис. 40, 8), имеют более широкий хронологический диапазон, отличаясь однако при этом

простотой орнаментации. Присутствие в комплексе бляшек, украшенных исключительно растительным орнаментом, является, возможно, частным проявлением отмеченной для памятников последней трети IV в до н. э. тенденции [Алексеев, 1987а, с. 37, 38].

Вышеизложенное позволяет предложить в качестве вероятной даты комплекса кургана № 33 последнюю треть IV в до н. э.

Курган № 34. Соответствие представленных вариантов наконечников стрел (рис. 40, 10) колчанному набору из кургана № 5 свидетельствует о хронологической близости обоих комплексов. Вторая половина V в. до н. э.

Курган № 35. Погребальный инвентарь отсутствовал. Датировка в пределах общей хронологии могильника.

Курган № 36. Погребальный инвентарь маловыразителен. Датировка в пределах общей хронологии могильника.

Таким образом, наиболее ранним из раскопанных курганов могильника является захоронение из кургана № 5, которое относится к середине – второй половине V в до н. э. Близкую датировку имеют и курганы №№ 10 и 34. Вероятно, именно эта дата является временем возникновения памятника, когда на нем были совершены первые захоронения. К одним из наиболее поздних относятся погребение 1 кургана № 8, уверенно датируемое рубежом третьей – четвертой четверти — концом IV в. до н. э. и комплекс кургана № 33 (последняя треть IV в. до н. э.). Соответственно, можно говорить о функционировании могильника на протяжении почти полутора сотен лет — с середины V в. до н. э. до конца IV в. до н. э. Обращает на себя внимание количественное преобладание комплексов, датируемых серединой — второй половиной IV в. до н. э., прежде всего среди захоронений представителей местной аристократии, которые сопровождались разнообразным высокопрестижным инвентарем (предметы вооружения, украшения из драгоценных металлов, импортная посуда). Вероятно, именно этот временной отрезок соответствует периоду наивысшего расцвета общины, оставившей захоронения Песочинского могильника. Показательна и синхронность подобного явления динамике развития погребальных памятников степного региона [Бабенко, 2004д, с. 30].

Глава V.

СОЦИАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОГИЛЬНИКА

Изучение социальной структуры племен скифского времени является одной из актуальных проблем современного скифоведения. Однако при достаточно основательной разработке этой проблемы в целом, структура социальной организации лесостепных племен, как тема отдельного исследования, рассматривалась гораздо реже [Буйнов, Кузьменко, 1985; Бойко, 1986; 1994; Скорый, 1997; Медведев, 1999], причем северскодонецкие памятники продолжают оставаться одним из наименее изученных регионов.

Вопросы социальной характеристики северскодонецкого населения в большинстве из касавшихся этой проблемы работ затрагивались мимоходом. Неоднократно подчеркивалась «скудность материалов» северскодонецких курганов и принадлежность их рядовому населению [Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 338], «простым общинникам» [Археология Украинской ССР, 1986, с. 125], что иногда связывалось из сильной ограбленностью местных могильников [Шрамко, 1962а, с. 231; Археология СССР. Степи ..., с. 76]. С могилами местной знати отождествлялись погребения в деревянных склепах различных типов, а также сопровождавшиеся более-менее представительным набором вооружения [Шрамко, 1956, с. 103-105].

Некоторые вопросы социального развития северскодонецкого населения были затронуты при характеристике погребального обряда и, отчасти, инвентаря А. В. Бандуровским и Ю. В. Буйновым [Бандуровский, Буйнов, 2000], однако специально эта тема на страницах монографии не рассматривалась и, как следствие, целостная картина отсутствует.

Анализ материалов, полученных в результате исследования Песочинского могильника, позволяет существенно дополнить представления о социальном развитии северскодонецкого населения. Высокую информативность этого памятника определяют относительная массовость материала (37 погребений в 35 курганах), почти полная исследованность могильника, а также значительная степень дифференциации погребенных, довольно адекватно отражающая социальный срез общества.

Социальная характеристика Песочинского могильника как места захоронения лиц высокого социального ранга привилегированных родов [Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 38] во многом верная, но далеко не исчерпывающая. Рядовые погребения могильника, составляющие большую часть из общего числа раскопанных курганов, ни по одному из критериев не подпадают под данное определение, демонстрируя социальную неоднородность погребенных.

Несмотря на присутствие большого количества захоронений, сопровождавшихся разнообразными категориями воинского (наступательного и защитного) и конского снаряжения, их доля в общей массе погребений лишь немного превышает 50%. Если учесть, что в эту выборку входят и детские погребения, сопровождавшиеся одним наконечником стрелы, вероятнее всего выполнявшими апотропейные функции (курганы №№ 1, 31), то процент зафиксированных захоронений собственно воинов будет еще ниже.

Бесспорно, что к социальной верхушке коллектива принадлежали лица, погребенные в курганах высотой более 4 м (№№ 5, 6, 7, 8, 18, 36). Нередко исследователи считают высоту кургана неприемлемым критерием для социальных реконструкций в виду активного воздействия на насыпь различных природных и антропогенных факторов [Шрамко, 1984, с. 272-280; Мозолевский, 1990, с. 122; Скорый, 1997, с. 61]. Однако практически для каждого из высоких курганов Песочинского могильника характерно, помимо размеров насыпи, разнообразное сочетание социальнозначимых признаков, предложенных Г. Н. Курочкиным для определения погребений, принадлежащим лицам высокого социального статуса и широко используемых для социальных реконструкций [Фиалко, 1994, с. 143; Скорый, 1997, с. 61 и другие]. К подобным критериям относятся богатство погребального инвентаря, монументальность погребальных сооружений, наличие человеческих и животных (в первую очередь верховых коней) захоронений [Курочкин, 1980, с. 106].

Во всех отмеченных курганах погребения были совершены в деревянных гробницах различных типов, имеющих значительную, в сравнении со средними показателями могильника, площадь. Эти признаки, в сочетании с размерами самой насыпи, наглядно отражают большой объем трудовых затрат при их сооружении. Остальные критерии представлены в достаточно разнообразных сочетаниях, демонстрируя следующую картину.

Несмотря на ограбленность большей части могил, состав инвентаря этих комплексов, представленный различными категориями наступательного и защитного вооружения, золотыми, реже серебряными, украшениями, импортной и местной металлической (котел) посудой, подтверждает высокий статус погребенных.

Из этого ряда выпадает только курган № 36, у которого отсутствуют признаки трех групп социальнозначимых критериев. О вероятности интерпритации этого комплекса как культового сооружения говорилось выше, однако присутствие остатков костей погребенных не исключает возможность его трактовки и как погребального памятника. В этом случае размеры параметров погребальных сооружений (высота кургана — 7,2 м, площадь наземной деревянной гробницы — 34,2 м²) однозначно свидетельствуют в пользу высокого статуса погребенного, а отсутствие соответствующего набора погребального инвентаря следует объяснять только сильной ограбленностью могилы.

Золотые украшения и импортные изделия отсутствовали в кургане № 5. Однако, во-первых, погребение сильно ограблено, во-вторых — датируется второй половиной V в. до н. э., т. е. периодом, когда золотые украшения были менее распространены. К тому же, во 2-ой половине V в. до н. э. исследователи отмечают значительное сокращение объемов импорта не только в северскодонецкий регион [Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 55], но и на более обширных территориях [Онайко, 1966, с. 52].

Обращает внимание роскошный инвентарь погребения 1 кургана № 8, имеющий аналогии в могилах высшей аристократии, включая царские — прежде всего, головной убор, перстни, которыми были унизаны пальцы погребенной, золотые бляшки. При подчеркнутом социальном равенстве 2 из 3 погребенных (параллельность костяков, их одинаковая ориентировка, наличие у обоих золотых украшений), более высокое положение левой (западной) женщины (головной убор, перстни) очевидно. Примечателен молодой возраст (молочные зубы) основной погребенной. Учитывая наличие на пластинах головного убора нескольких свадебных сюжетов и возможность трактовки тиары как элемента праздничного свадебного костюма, можно предположить, что погребенная была невестой, либо замужней женщиной до рождения первого ребенка [Бабенко, 2002а, с. 66, 67]. Высокая вероятность исполнения этим лицом и определенных жреческих функций

(головной убор, щипцы, зеркало, а также чернолаковый канфаровидный килик с граффити) [Бессонова, 2004, с. 29].

Среди курганов большой высоты известны 2 случая конских погребений — символическое, в виде отдельных элементов снаряжения (курган № 5) и захоронение коня за пределами основной могилы (курган № 7).

Сопровождающие человеческие захоронения в парных и коллективных погребениях могильника определяются положением костяка по отношению к основному покойнику и составом сопровождающего его инвентаря (нередко, отсутствием последнего). Вследствии ограбленности большинства могил, сопровождавшейся смещением или выносом костяков, данные по этому критерию не отличаются полнотой. Безинвентарные сопровождающие погребения подростков с восточной ориентацией обнаружены в обоих погребениях кургана № 8. Головой на восток, с признаками савроматского обряда, была ориентирована женщина из погребения 1 кургана № 18, однако местоположение второго покойника неизвестно.

Возможно, одинаковая глубина и внутренний объем обеих могил кургана № 18 отражает стремление подчеркнуть социальное равенство погребенных в них лиц. Обратная картина наблюдается в кургане № 8, в котором оба погребения отличаются не только взаимным расположением (одно — впущено в материк, второе — в насыпе), но и другими чертами. Основное погребение 2, имея некоторые социальнозначимые признаки (деревянная гробница, но очень незначительной площади, сопутствующий покойник), по составу инвентаря (даже учитывая ограбленность могилы) несопоставимо с материалами погребения 1, являющегося самым богатым погребением не только песочинского могильника, но и северскодонского региона. Последнее является захоронением лиц, по рангу близких погребенным в памятниках типа Большого Рыжановского кургана, № 4 у с. Новоселка и т. п. Основной покойник из погребения 2 явно не дотягивает до этого уровня, поэтому сложно предположить, что лица из двух погребений состояли в прямой родственной связи (муж-жена, наложницы; отец-дети).

Особо следует подчеркнуть близость по целому ряду признаков погребения 1 кургана № 8 впускному захоронению Большого Рыжановского кургана. В первую очередь, это касается головных уборов, в состав которых входили практически идентичные пластины с менадами (только на рыжановской пластине — 5 менад, на двух песочинских пластинах — по 4,

еще на двух — по одной), а также метопиды, пластины с разнообразными сюжетами, полоски с подвесками и узкие дуговидные стленгиды, причем технический уровень изготовления последних по качеству значительно уступал остальным пластинам уборов. Оба убора дополнялись золотыми серьгами с подвесками в виде «крылатого животного на подставке» (в Большом Рыжановском кургане подвески были золотые, в песочинском — из «египетского фаянса»). Как и в песочинском, в Большом Рыжановском кургане костяк «принадлежал молодой женщине, небольшого роста и слабого телосложения» [Бобринский, 1894, с. 140], причем в обоих случаях кости покойниц «совершенно истлели». На пальцах песочинской женщины было надето 8 перстней, на пальцах рыжановской — 9 (с учетом одного перстня, обнаруженного в ходе доисследования кургана [Скорий, Хоховські, Григор'єв та інші, 1999, с. 94]). В обоих комплексах выявлены сопровождающие погребения подростков.

Однако этим перечень «удивительных» совпадений не исчерпывается. Оба кургана содержали по 2 могилы, причем у обоих впускные были представлены женскими захоронениями, а основные — погребениями мужчин-воинов в сопровождении слуг. Помимо этого, в Песочинском могильнике курган № 8 входил в состав второй, компактно расположенной, курганной группы, где, вместе с курганом № 18, выделялся на фоне других насыпей меньшего размера. Рыжановский могильник имел очень близкую топографию — два «необыкновенной высоты» кургана (№№ 4 и 12) были «окружены восенадцатью другими, сравнительно малыми, курганами», причем вся группа занимала очень небольшое пространство [Бобринский, 1894, с. 138]. Наконец, метрические параметры насыпей этих самых больших курганов могильников очень близки — у песочинских около 7 м, у рыжановских — всего на 1 м больше.

Естественно, не стоит абсолютизировать сходство этих комплексов, так как имеется достаточное количество и различий. К последним, прежде всего, следует отнести тип погребальных сооружений — деревянные гробницы в Песочине и катакомбы — в Большом Рыжановском кургане. Впускное погребение в песочинском кургане коллективное. Погребальный инвентарь рыжановских комплексов все же разнообразнее и богаче. Это касается и впускного погребения, и, особенно, основного, причем, если в Большом Рыжановском кургане принадлежность основных покойников

обоих погребений к одному социальному слою не вызывает сомнений, то в кургане № 8 Песочинского могильника столь же очевидна неравноценность обоих погребений. Похожая картина преобладания впускного погребения перед основным была отмечена при исследовании кургана Скифская Могила [Скорый, Хохоровски, 2004а, с. 243, 244].

Несколько необычно, с точки зрения социальной характеристики, погребение в кургане № 6. При наличии достаточно монументального погребального сооружения (насыпь, деревянная гробница) и представительного инвентаря (разнообразные категории наступательного и защитного вооружения, золотые и серебряные украшения), комплекс, являясь одним из немногих неогрбленных погребений могильника, отличается полным отсутствием сопровождающих захоронений — человеческих и конских (включая предметы снаряжения). Между тем, высокий социальный ранг погребенного лица подчеркивает находка золотой гривны. Данный вид украшения является общепризнанным маркером, подтверждающим не только принадлежность погребенного к родовой знати, но и вероятное исполнение им функций старейшины рода и военачальника.

В этом случае полное отсутствие двух важнейших признаков, определяющих принадлежность комплекса к числу погребений знати, может иметь различное объяснение. Либо эти черты не являлись обязательной составляющей местного погребального обряда, либо (что очень вероятно, учитывая наличие разрушенного впускного захоронения) сопровождающие погребения были вынесены за пределы основной могилы и находились в разрушенной части насыпи кургана.

К числу погребений местной знати следует также отнести несколько курганов высотой от 2 до 3 м — №№ 2, 9, 25, 29, 32. От предыдущей группы их отличает лишь меньшие размеры насыпи. Однако, как отмечалось выше, этот признак не всегда адекватно отражает социальное положение умершего. В Старомерчанском могильнике, также содержавшем многочисленные погребения знати, лишь 2 кургана имели высоту чуть более 2 м, остальные были значительно ниже [Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 232]. К тому же, у некоторых курганов насыпь была распахана, что существенно изменило ее первичные параметры. По остальным критериям эта группа ничем не уступает курганам с большой насыпью. Во всех курганах погребения были совершены в деревянных гробницах значительных размеров, в 4 были

обнаружены предметы вооружения (№№ 2, 9, 25, 32), в стольких же — золотые украшения (2, 25, 29, 32). Два кургана (№ 2 и 9) содержали предметы конского снаряжения (в последнем случае — захоронение головы коня в нише). Человеческое сопровождающее погребение обнаружено в кургане № 25, возможно они присутствовали в курганах № 2 (вынесенное за пределы основной могилы безинвентарное погребение нескольких покойников) и № 9 (если согласиться с вероятностью парного захоронения). В остальных случаях местоположение покойников было нарушено, полностью либо частично.

Несомненно, к числу курганов, содержавших захоронения знати, следует отнести и нераскопанный курган № 13, первичная высота которого доходила до 12 м.

Погребения социальной верхушки присутствуют в обеих группах могильника, еще один курган находился вне этих групп (№ 32). В первой группе эти курганы вытянуты в неровную цепочку в широтном направлении (с запада на восток — 33-13-25-36-29). Во второй группе они образуют две цепочки, вытянутых в таком же направлении — южную, более растянутую (2-8-6-18), и северную (5-7-9). Остальные курганы могильника обеих групп расположены вокруг больших насыпей в бессистемном порядке. Соотношение «больших» и «малых» курганов в первой группе 5:8, во второй — 7:16, в относительном выражении — 1:1,6 и 1:2,3 соответственно.

Для захоронений представителей знати могильник использовался на протяжении всего существования — ко второй половине V в до н. э. относится один курган (№ 5), с сооружением которого можно связывать начало функционирования могильника, к концу V — первой четверти IV в до н. э. — три кургана (№№ 2, 9, 25), к середине-второй половине IV в. до н. э. — семь (№№ 6, 7, 8, 18, 29, 32, 33). Во второй группе наиболее ранние курганы — самые восточные в своих цепочках, однако в первой группе подобная закономерность не наблюдается.

Налицо количественное преобладание курганов последнего хронологического этапа, которые во второй группе (№№ 8, 18) отличаются и наиболее представительными параметрами (датировка самых высоких курганов первой неизвестна). Это, с одной стороны, наглядно демонстрирует период «наивысшего расцвета» (политического, социального, демографического) данного коллектива, с другой — отражает возможное влияние еще одной

черты степного погребального обряда, где сооружение высоких курганов получает наибольшее распространение именно в это время.

Необходимо также подчеркнуть вероятную связь между компактным (друг за другом) размещением курганов №№ 5, 7 и 9 и присутствием в этих комплексах предметов конского снаряжения и захоронений коней.

Лица, погребенные в остальных курганах могильника, принадлежат к более низкому социальному слою. Подавляющая часть этих захоронений была произведена в курганах высотой до 1 м, в грунтовых ямах площадью от 2,4 до 5 м². Неизвестны либо крайне редки сопутствующие погребения коней и людей, предметы античного импорта, включая золотые украшения.

В то же время, этот массив погребений нельзя назвать социально однородным. Несколько комплексов с большой уверенностью можно отождествить с захоронениями рядовых воинов, скорее всего, не всадников (курганы №№ 14, 16, 20, 28, 34). Погребения сопровождалось одним-тремя видами наступательного вооружения — стрелами, копьями, дротиками, мечом. Количество стрел — от нескольких (в ограбленных могилах) до нескольких десятков. Наиболее представительный набор из кургана № 20 состоял из 38 наконечников стрел, втока и меча. Можно отметить находку импортной светлоглиняной чашечки в кургане № 14 и «облицовку» стен могилы кургана № 16.

Из 5 курганов этой группы у 3 (включая катакомбу) зафиксирована широтная ориентировка могил и западная — покойников. Еще в одном случае погребенный имел северную ориентировку (курган № 14). Это позволяет предположить, что значительную часть среди рядовых воинов составляли выходцы из иной этнической среды. Исполняя определенные воинские функции, они не входили непосредственно в состав местной социальной верхушки, хотя и были связаны с ней (возможно, состояли на службе), и ведущей роли не играли.

Возможно, к погребениям рядовых воинов следует отнести и курганы №№ 11, 12 и 17. В первых двух комплексах обнаружено по одному наконечнику стрелы, в третьем — вток от копья или дротика, однако все погребения ограблены, а значит представительность предметов вооружения могла быть большей. Косвенно это подтверждает находка в курганах №№ 12 и 17 железных ворварок, широко используемых в воинском снаряжении.

В двух случаях (курганы №№ 1 и 31) предметы вооружения (наконечник стрелы) были обнаружены в детских (подростковых) погребениях, что является достаточно распространенным явлением [Бунятян, 1985, с. 62] и может объясняться, как было уже отмечено, ранним привлечением детей к войне или же ранними сроками обучения их обращению с оружием [Андрух, 2004а, с. 18].

Уровню социального статуса рядовых воинов соответствует группа курганов, содержащая погребения женщин с идентичными параметрами (высотой насыпи до 1 м и площадью могил до 5 м²) и типом (грунтовая яма) погребального сооружения. Практически у каждого погребения этой группы присутствует 1-2 социальнозначимых признака — в кургане № 10 это золотые бусины, № 19 — значительный размер насыпи и золотые пластинки, № 21 — столбовая конструкция могилы, № 23 — относительно большая площадь могилы, № 24 — серебряные серьги. Особенно выделяется комплекс кургана № 22, в котором были обнаружены разнообразные золотые украшения, импортные лекиф и кувшин, а также 3 черепа лошади в насыпе кургана. Только скромные параметры погребальных сооружений не позволяют отнести этот курган в более высокую социальную группу.

Интересно, что за исключением кургана № 24, все захоронения этой группы — парные, причем в 4 случаях один из погребенных — ребенок или подросток. В 2 случаях местоположение детей неизвестно, в кургане № 21 подросток лежал головой на запад, № 10 — на юг (в широтноориентированной могиле). В кургане № 23 находилось зависимое погребение взрослого с восточной ориентировкой.

Последнюю группу курганов составляют самые бедные погребения могильника, не отличающиеся ни параметрами погребальных сооружений, ни составом инвентаря (№№ 4, 15, 26, 27, 30, 35). Бедность последнего, в отдельных случаях, может объясняться ограбленностью могил, однако резкое различие между статусом лиц этой группы и местной знатью очевидно. Захоронение лиц столь различного социального статуса в пределах одного могильника позволяет предположить, что в некоторых случаях беднейшие погребения могли принадлежать лицам, находившихся при жизни в разнообразных формах зависимости от местной аристократической верхушки.

Отдельно следует коснуться вопроса обрядности детских и подростковых погребений, отличающейся разнообразием форм. Известно несколько

самостоятельных погребений этой возрастной категории, как безинвентарных (№ 3, неограбленное), так и сопровождаемых довольно представительным инвентарем (№ 1 — наконечник стрелы, обломки амфоры, № 31 — наконечник стрелы, шило, бусы, золотая бляшка, оба ограблены). Более широко детские и подростковые погребения известны в составе парных и коллективных захоронений, где они представлены, по меньшей мере, семью случаями — курганы №№ 8/1, 8/2, 10, 19, 21, 22, 25. Практически во всех случаях, когда известно местоположение костяков, детей и подростков располагали у ног основного покойника, поперек последнему (№№ 8/1, 8/2, 21, 25). Столь значительное преобладание среди захоронений с «социальнозависимыми» чертами детей и подростков наводит на мысль, что подобная черта обрядности могла отражать не социальное, а возрастное положение покойников. Однако подобное предположение может касаться лишь нескольких комплексов, где детские захоронения сопровождаются относительно представительным инвентарем (№ 10). В некоторых же погребениях, зависимое положение подростков (мало- либо безинвентарные захоронения) очевидно (№№ 8/1, 8/2, вероятно 21, 25). Аналогичная черта обрядности прослеживается в погребальных памятниках Лесостепного Побужья, в которых сопровождающие захоронения также преимущественно детские или подростковые [Бессонова, 1994, с. 13-15].

Погребения с подобными чертами (социальнозависимая поза, состав инвентаря), как взрослые, так и детские, зачастую интерпретируются как захоронения рабов, приносимых в жертву при погребениях их владельцев, причем это явление достаточно хорошо известно и в лесостепных памятниках [Хазанов, 1975, с. 134, 135, 139]. В древности обращение в рабство детей и подростков получило широкое распространение. Так, собственных детей продавали в рабство сарматы и татары Золотой Орды, хунну отбирали детей за невыплату дани в срок, калмыки продавали детей кубанцам для приобретения проса [Хазанов, 1975, с. 143, 146, 147]. Возможно, именно этим и следует объяснять преобладание среди погребений зависимых лиц представителей данной возрастной категории.

Таким образом, анализ материалов погребений могильника позволяет выделить 4 социальные группы, отличающихся общностью ряда признаков. Первая группа представлена погребениями местной знати. Курганы отличаются значительной высотой (не менее 2 м), абсолютно преобладающий

тип погребального сооружения — деревянный склеп площадью от 7 м². Для многих курганов характерно наличие сопутствующих захоронений зависимых лиц. Мужские погребения сопровождаются представительным и разнообразным набором вооружения, обычны один или два колчаных набора в количестве свыше 100 стрел, различные предметы защитного вооружения, а также конского снаряжения, нередко с захоронением коня. Для женских погребений обычны разнообразные украшения из драгоценных металлов. Многие погребения содержат импортную посуду.

Для погребений второй группы характерны незначительные параметры погребальных сооружений (высота насыпи — до 1 м, площадь могил — до 5 м²), преобладающий тип могилы — грунтовая яма. Мужские погребения сопровождаются разнообразным набором вооружения, обычное количество стрел — несколько десятков. Предметы защитного вооружения и конского снаряжения в могилах отсутствуют. Многие представители этой группы являются выходцами из иной этнической среды. В женских погребениях украшения из драгоценных металлов, импортная посуда встречаются редко и разнообразием не отличаются. В то же время для них характерны сопутствующие погребения детей и подростков.

Третью группу составляют могилы беднейшего населения. Параметры погребальных сооружений соответствуют курганам второй группы, отличаясь от них исключительной бедностью инвентаря — какие-либо предметы вооружения, золотые украшения, другие импортные изделия совершенно отсутствуют. Не исключено, что какая-то часть представителей этой группы находилась в разнообразных формах зависимости от лиц первой группы.

Наиболее низкую социальную ступень (рабы) занимали лица, для захоронений которых характерна социальнозависимая поза по отношению к основному покойнику, а также мало- или безинвентарность погребений. Среди представителей этой группы заметно преобладание детских и подростковых захоронений (курганы №№ 8/1, 8/2, 21, 23, 25, 2, 18/1, возможно и другие).

Подобное сочетание достаточно высокого процента погребений воинов-дружинок с женскими и детскими захоронениями, при одновременном отсутствии социальной однородности как среди погребальных сооружений, так и инвентаря отмечали при характеристике Стеблевского могильника

С. А. Скорый [Скорый, 1997, с. 60, 61] и могильника «Терновое I-Колбино I» Е. И. Савченко [Савченко, 2000, с. 279, 280]. Вероятно эти могильники (включая Песочинский) являются памятниками довольно близкого социального статуса, отличающегося по ряду параметров от хорошо известной категории погребальных памятников, объединенных термином «дружинные курганные некрополи».

В целом, анализ материалов Песочинского могильника полностью подтверждает высказанные ранее мнения о высоком уровне социального развития лесостепного населения в скифское время [Хазанов, 1975, с. 188-190; Шрамко, 1983б, с. 27; Археология СССР. Степи..., с. 124].

Глава VI.

МЕСТО ПЕСОЧИНСКОГО НЕКРОПОЛЯ В КРУГУ ПАМЯТНИКОВ СКИФСКОЙ ЭПОХИ БАССЕЙНА СЕВЕРСКОГО ДОНЦА

Проблема реконструкции исторических процессов, происходивших на территории Лесостепи в скифское время, неоднократно становилась темой специальных научных исследований, причем в последнее время интерес к подобным вопросам значительно возрос. Количество работ, затрагивавших в различных контекстах подобные научные проблемы, настолько велико, что нет возможности (да и необходимости, учитывая основные задачи настоящего исследования) останавливаться на их систематизации и подробной характеристике. Можно лишь отметить, что указанная проблематика касательно памятников лесостепного Правобережья в последнее время наиболее основательно разрабатывалась С. А. Скорым, посвятившим этому вопросу ряд статей и монографий (которые содержат и подробный историографический очерк) [Скорый, 1987; 1990; 1996; 1997; 2003 и другие]. Неоднократно эти вопросы затрагивались и при изучении памятников большинства регионов днепро-донецкого междуречья. Следует при этом отметить, что каждый отдельный регион имеет собственную «ключевую» проблему. Так, для памятников Посулья — это проблема исторической интерпретации феномена дружинных некрополей раннескифского времени [Ильинская, 1968; Мозолевский, 1986], для ворсклинского региона — проблема этнокультурной характеристики Бельского городища [Шрамко, 1973; 1975а; 1975б; 1983в; 1987; Ильинская, 1977; Більське городище ..., 1996; Мурзін, Ролле, Супруненко, 1999], для среднедонских памятников — объяснение «исторического феномена» местных курганов [Медведев, 1999; 2004; Гуляев, 2000б; 2004]. На фоне столь достаточно представительной историографии до сих пор своеобразным «белым пятном» остается территория северскодонецкого региона, памятники которого либо вообще обходили вниманием, либо затрагивали вскользь. Показательно, что даже в некоторых новейших работах северскодонецкие памятники рассматривались лишь в «общих чертах» [Безсонова, 2000, с. 126, 127],

или же остались за пределами территориальных рамок исследования [Бойко, 1998, с. 59-78]. Подобное отношение едва ли стоит считать предвзятым. Прежде всего, это связано с состоянием источниковой базы и степенью введения ее в научный оборот, иными словами — с отсутствием опубликованных материалов, в первую очередь — погребальных памятников, которым при «реконструкции исторического процесса ... принадлежит решающая роль» [Скорый, 2003, с. 72].

Несмотря на то, что археологические исследования древностей скифского времени в бассейне р. Северский Донец начались более полутора веков тому назад, однако, и в дореволюционное (незначительное оживление произошло лишь в предверии XII и XIII Археологических съездов), и в более позднее время раскопки курганов достаточно долго не отличались масштабностью*. К тому же большая часть дореволюционных материалов, своевременно не опубликованных, впоследствии была безвозвратно утрачена, а многие из курганов, раскопанных позже, оказались полностью ограбленными, что существенно снизило их научную информативность.

Эти обстоятельства послужили причиной достаточно сдержанных характеристик погребальных памятников северскодонецкого региона, что способствовало восприятию последнего рядом исследователей как своеобразной культурной периферии Европейской Скифии, на невыразительном фоне которого более ярко выделялись курганы соседних регионов, таких как посульский, среднедонской и других.

Поэтому, для решения задач, связанных с реконструкцией исторических событий, материалы Песочинского могильника, в какой-то мере заполняющие своеобразную информационную лакуну, представляют исключительный интерес. Первостепенное значение при построении той или иной схемы исторических процессов, в которые была вовлечена и часть северскодонецкого населения, оставившая захоронения Песочинского могильника, имеет решение вопроса об автохтонном или алохтонном характере этого памятника. Иными словами, необходимо определить, кем являлась эта группа населения — потомками племен, проживавших в северскодонецком

* Более подробный очерк истории исследований памятников скифского времени северскодонецкого региона содержат работы П. Д. Либерова, А. В. Бандуровского и Ю. В. Буйнова [Либеров, 1962, с.5-15; Бандуровский, Буйнов, 2000, с.7-13, 16-27].

регионе по меньшей мере с раннескифского времени или же пришельцами, продвинувшимися на эту территорию в более позднее время.

Можно привести ряд аргументов, свидетельствующих в пользу автохтонного происхождения населения, оставившего захоронения Песочинского могильника. В пределах северскодонецкого региона известен ряд памятников, возникших еще в раннескифское время и функционировавших на протяжении всего скифского периода, что свидетельствует об определенной стабильности основного массива местного населения [Шрамко, 1998, с. 122-126; Окатенко, 2003, с. 43-46]. Не противоречат этому выводу и собственно погребальные памятники, по основным этноопределяющим признакам которых (тип погребального сооружения, ориентировка покойника) вполне можно сделать вывод о наличии генетической связи между архаическими захоронениями и погребениями более позднего времени. Появление новых элементов погребальной обрядности или материальной культуры в этом случае можно объяснить наличием культурных связей, заимствований, наконец, инфильтрацией в местную среду какой-то части инородного населения, т. е. фактами, существование которых едва ли будет оспаривать любой исследователь. Однако возможны и иные интерпретации этого памятника, вероятность различных вариантов которых рассмотрены ниже.

Прежде всего, представляется целесообразным обратиться к вопросу о возможной причастности к появлению захоронений Песочинского могильника степного населения Северного Причерноморья. Время функционирования могильника приходится на период наивысшего расцвета Степной Скифии, сопровождавшегося усилением военной экспансии степных кочевников в различных направлениях, среди которых Лесостепь представляла объект постоянного интереса. Часто памятники с набором близких признаков (высокий уровень вооруженности, захоронения коней, значительный удельный вес высокопрестижных изделий из драгоценных металлов, импортной посуды и т. п.) рассматриваются исследователями как факты непосредственного присутствия степных скифов-кочевников в Лесостепи, характер которого (от «мирного оседания» среди аборигенов до «завоевания и жестокой эксплуатации» последнего) определяется по-разному [Скорый, 1997, с. 72-75]. К слову, и автор раскопок В. Г. Бородулин рассматривал курганы Песочинского могильника как захоронения «собственно скифов» [Бородулин, 1978, с. 50].

Несмотря на сохраняющуюся дискуссионность в вопросе выбора критериев, передающих этническую специфику погребенных, представляется целесообразным в оценке вероятности отнесения того или иного комплекса к числу погребений непосредственно степных скифов, руководствоваться, в первую очередь, такими признаками, как тип погребального сооружения и его ориентировка, а также ориентировка самого покойника. Общеизвестно, что преобладающим (а для захоронений знати практически повсеместным) типом погребального сооружения в курганах степного региона второй половины V-IV вв. до н. э. является катакомба, преобладающая ориентировка погребальных сооружений — широтная, покойников — западная (с отклонениями), реже восточная [Черненко, Бессонова, Болтрик и другие, 1986, с. 347, табл. 1-4; Ольховский, 1991].

Исходя из этих критериев, среди погребений Песочинского могильника можно выделить несколько комплексов, которые с большей или меньшей долей вероятности можно связать непосредственно с захоронениями степных кочевников. Наиболее ярким и не вызывающим сомнений примером можно считать захоронение в ориентированной в широтном направлении катакомбе, открытой в кургане № 28. Появление в лесостепных памятниках (в том числе и северскодонецкого региона — а это уже пятый случай) захоронений в подобных камерах исследователи вполне справедливо связывают с непосредственной инфильтрацией в местную среду степного этнического элемента [Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 253, 254; Шрамко, 1990, с. 126; Скорый, 1997, с. 72; Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 37, 38].

С этим же процессом (хотя и не столь безоговорочно, так как более широкое распространение подобных могил не позволяет отнести их к числу этнодифференцирующих признаков) могут быть связаны и несколько погребений Песочинского могильника в грунтовых ямах, ориентированных в широтном направлении (курганы №№ 10, 16 /склеп/, 20). Примечательно, что в большинстве из указанных случаев (курганы №№ 16, 20, 28) покойники были ориентированы головой на запад. В парном же погребении кургана № 10, где была установлена ориентировка только одного из погребенных, головой на юг лежал костяк ребенка, что могло быть отражением его подчиненного (возрастного либо социального) положения по отношению к основному покойнику. Обращает также внимание, что большая часть этих комплексов представлена одиночными погребениями воинов

(курганы №№ 16, 20, 28), причем в кургане № 16 был найден горшок с воронковидным горлом — типичный для посуды из степных памятников. Стоит также отметить особенность, касающуюся планировки могильника. Все означенные захоронения находились исключительно во второй кургандной группе, причем на окраине последней — 3 кургана в северо-западной части (№№ 10, 20, 28), 1 — в северо-восточной (№ 16).

Однако перечисленные комплексы составляют лишь незначительную часть (чуть более 11%) от общего числа раскопанных курганов могильника и относятся, без исключения, к группе захоронений рядовых воинов, не выделяясь ни параметрами погребальных сооружений, ни составом погребального инвентаря. Напротив, практически во всех курганах, которые можно соотнести с погребениями аристократической верхушки этой группы населения, погребальные сооружения представлены деревянными гробницами различных типов, ориентированных в меридиональном направлении, при абсолютно преобладающей у основных покойников южной ориентировке.

Подобное обстоятельство убедительно свидетельствует о невозможности отнесения подавляющего числа лиц, включая и всех представителей аристократии, погребенных в курганах Песочинского могильника, к этническому массиву, господствовавшему в это же время в степях Северного Причерноморья. Можно уверенно говорить лишь о незначительном присутствии степного этнического элемента, не игравшего ведущей и, даже, сколь-нибудь заметной политической и социальной роли в основной массе населения, этнически от него отличного.

Следует все же заметить, что влияние степного погребального обряда нельзя ограничивать только появлением погребений в катакомбе и грунтовых ямах, ориентированных в широтном направлении. В ряде случаев подобное влияние легко прослеживается в виде проявления некоторых черт, или «микродеталей», характерных для собственно скифского погребального обряда [Скорий, 1996, с. 33, 34; 2003, с. 44-50]. Среди последних следует назвать использование при сооружении насыпи плиток дерна (курганы №№ 7, 8, 18, 36), захоронения коней в отдельных могилах (курганы № 7 и, с некоторыми оговорками, № 9), обычай втыкания в дно и стены могилы разнообразного металлического оружия (курганы №№ 18/1, 25), захоронение на расстеленном доспехе (курган № 6). Подобный список

можно также дополнить обычаем надевания на все или почти все пальцы покойника золотых перстней (курган № 8/1).

Симптоматично, что все перечисленные случаи относятся непосредственно к погребениям аристократической верхушки (без исключения — в деревянных, меридиональноориентированных гробницах, с преобладающей южной ориентировкой покойников), причем подавляющая часть курганов с ярко выраженными чертами скифской погребальной обрядности также входила в состав группы II.

Нельзя оставить без внимания и факт обнаружения ряда предметов (пластины головного убора, бляшки-аппликации из курганов №№ 2, 8/1, 22), которые находят полные аналогии в синхронных курганах наивысшей аристократии (включая непосредственно царей) населения Северного Причерноморья и Крыма — Солоха, Куль-Оба, Чертомлык. Известны неоднократные случаи находок серийных парадных вещей, получивших распространение на довольно обширной территории. Из наиболее ярких примеров можно назвать серию золотых обкладок горитов со сценами жизни Ахилла, железных мечей с рукоятью, обтянутой золотой фольгой с рельефными зооморфными изображениями, некоторые типы золотых украшений — сережки, перстни, пластинчатая аппликация, наконечник, металлические сосуды, украшенные сценами генеалогического цикла.

Нередко в находках подобных изделий за пределами степного региона исследователи видят отражение попыток консолидации близких этнических групп, которые предпринимались скифами с различными политическими целями [Алексеев, 1987б, с. 47; Гуляев, 2000б, с. 148-151]. Было бы заманчиво, ссылаясь на близость украшений из некоторых песочинских курганов вещевым комплексам Солохи и Чертомлыка, развить тезис об «особых отношениях» местной аристократии с представителями правящей династии Скифии. Однако и в этом, и в других случаях значение находки каждой отдельной серийной вещи представляется несколько преувеличенным. Едва ли стоит интерпретировать каждую такую находку как факт своеобразного «высочайшего пожалования» сюзерена вассалу с целью подчеркнуть свое особое расположение. Не говоря уже об импортном происхождении большей части подобных вещей, следует заметить что их серийность является свидетельством массового производства. Точное количество произведенных и реализованных предметов каждой серии установить

невозможно. Нет сомнения, что какая-то их часть была повреждена, переделана, уничтожена еще в период непосредственного использования, часть бесследно исчезла в результате ограбления могил, продолжающегося, с перерывами, уже два с половиной тысячелетия, часть этих изделий до сих пор находится в земле, в нераскопанных археологами памятниках. Поэтому реальное количество серийных вещей на порядок, и даже более, превышало число обнаруженных к настоящему времени.

В равной степени это касается и сосудов, украшенных сюжетами генеалогического цикла. Несомненно, их было больше (по Лукиану, всего лишь один из аристократов имел десять золотых чаш [Хазанов, 1975, с. 92]), при этом очень показательно, что ни один из трех известных сосудов не обнаружен в курганах, которые современными исследователями отождествляются непосредственно с могилами скифских царей (Солоха, Чертомлык, Огуз, Александрополь) [Болтрик, Фіалко, 1995, с. 3-13].

Можно предположить, что в реальности «парадные вещи» представляли явление более массового порядка, нежели это нашло отражение в археологических памятниках. Поэтому едва ли каждая находка серийной парадной вещи говорит об «особом положении» погребенного лица и его «личных особых отношениях» с представителями скифской царской династии. В первую очередь подобные находки свидетельствуют об организации массового их производства в древнегреческих мастерских, наличии спроса на эти вещи у населения ряда регионов, иногда достаточно отдаленных от производственных центров, и о возможностях этого населения (прежде всего, аристократической верхушки) этот спрос удовлетворять.

Отрицательный вывод о возможной принадлежности основного массива погребений Песочинского могильника кочевникам, населявшим в это время степи Северного Причерноморья, не означает автоматического признания автохтонного характера этого памятника. Прежде чем привести аргументы в пользу «алохтонности» могильника, необходимо коснуться некоторых историографических аспектов, связанных со спецификой развития погребальной обрядности северскодонецкого населения в скифское время.

В свое время В. А. Ильинская, подчеркнув близость погребального обряда посульского и северскодонецкого населения и отметив достаточно плотную заселенность северскодонецкого региона в раннескифское время при скромной репрезентативности погребальных памятников с одной стороны,

и »концентрации воинских могильников» на территории Посулья, с другой, интерпретировала посульские могильники как «особые воинские дружинные кладбища, принадлежавшие ... группе родственных племен ... Северо-бережной Лесостепи» [Ильинская, 1968, с. 187].

Открытие в 70-90 годы прошлого века целого ряда могильников, по многим характеристикам соответствующих определению дружинных некрополей, но принадлежащих к позднескифскому времени, вызвало необходимость незначительной корректировки предложенной В. А. Ильинской схемы, что и проделал Ю. В. Буйнов. По его мнению значительная часть северскодонецкого населения «хоронила в раннескифское время умерших представителей высшей знати ... в межплеменном погребальном центре — «роменских» некрополях» [Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 117], а в более позднее время захоронения стали производить в непосредственной близости от мест обитания.

Можно признать правомерность подобной схемы, как одного из возможных (но далеко не единственного) вариантов реконструкции исторических событий. Поэтому представляется небезынтересным рассмотреть иной вариант развития исторического процесса, подтверждения правомерности которого также можно отыскать в материалах Песочинского могильника. Прежде чем приступить к изложению сути предлагаемого варианта, необходимо обратить внимание на ряд опорных моментов «схемы Ильинской-Буйнова».

Тезис В. А. Ильинской о «плотной заселенности северскодонецкого региона» возражений не вызывает. Очень многие исследователи подчеркивали многочисленность в пределах этого региона памятников поселенческого типа. Так, еще в начале 60-х годов Б. А. Шрамко насчитывал 77 поселений [Шрамко, 1962б, с. 135], в сводке А. А. Моруженко отмечено 129 поселений [Моруженко, 1989, с. 26], а к настоящему времени их количество возросло еще более. Представительный список (19 пунктов) и известных городищ [Шрамко, 1998, с. 12, рис. 1]. Однако следует отметить, что исследования большинства поселений не только не отличались масштабностью, а и ограничивались, как правило, сбором подъемного материала и констатацией факта существования памятника. В настоящее время сложно говорить о времени возникновения подавляющей части этих поселений, однако представляется преждевременным автоматический перенос тезиса о «плотной заселенности региона» и на эпоху архаики. Предварительная датировка

большинства поселений ограничивается рамками V-III или V-IV вв. до н. э. [Шрамко, Михеев, Грубник-Буйнова, 1977]. Именно с этим периодом связывается «повсеместное распространение и функционирование наибольшего количества городищ и селищ» северскодонецкого региона [Моруженко, 1985, с. 174; 1989, с. 26].

Таким образом, степень заселенности северскодонецкого региона в эпоху архаики была существенно ниже, нежели в последующее время, а, соответственно, и ожидаемое количество погребальных памятников также не должно отличаться масштабностью (и в абсолютном выражении, и по отношению к захоронениям позднескифского времени). Заявление о скромной репрезентативности последних представляется несколько преждевременным. Так, к примеру, на момент констатации этого положения на люботинском могильнике, насчитывавшем более 500 насыпей и расположенным вблизи одноименного городища (наиболее известного среди северскодонецких, наиболее исследованного и, вероятно, наиболее древнего среди памятников поселенческого типа, возникновение которого относится к началу VII или, даже, концу VIII в. до н. э.) [Шрамко, 1998, с. 122-125], было раскопано немногим более 10 курганов. Едва ли правомерно давать общую характеристику памятнику и, тем более, региону, используя материалы столь скромной выборки, что и подтвердили позднейшие исследования, выявившие не только воинские погребения конца VII-VI вв. до н. э. (№ 2 Люботинской центральной группы) [Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 82-84], но и курганы этого же времени с захоронениями представителей местной аристократии. Последние сопровождались уникальными находками, вызвавшими широкий научный интерес (№№ 1 и 2 Караванской группы Люботинского могильника) [Бандуровский, Буйнов, Дегтярь, 1998, 144-150; Бандуровский, Черненко, 1999, с. 27-30; Черненко, 2000, с. 297-303; Ильюков, 2001, с. 48, 49]. Таким образом, факт существования захоронений высшей знати в пределах северскодонецкого региона уже в архаическое время можно считать надежно установленным. Нельзя исключать возможность обнаружения подобных комплексов и в будущем, учитывая то обстоятельство, что до сих пор значительная часть северскодонецких могильников остается неисследованной. Так, только в Великогомольшанском могильнике, насчитывающем более 700 насыпей (некоторые высотой более 10 м), также было исследовано немногим более 10 курганов. Практически не исследован гриш-

ковский могильник, состоящий из 60 насыпей и многие другие памятники. На том же Люботинском могильнике, основательно разграбленным современными кладоискателями, большая часть курганов осталась не раскопанной.

Для более объективного понимания места Песочинского некрополя в системе древностей скифского времени целесообразно сделать общий набросок основных тенденций некоторых процессов, затронувших в V-IV вв. до н. э. большую часть населения севернопричерноморских степей и лесостепного региона. В последнее время ряд исследователей, исходя из соображений легко прослеживаемой дискретности в развитии целого комплекса культурозначимых признаков, а также ряда других факторов, выдвинули гипотезу о появлении в конце VI — начале V вв. до н. э. в степях Северного Причерноморья новой волны кочевников, установивших свое господство в этом регионе на последующие два столетия [Алексеев, 1991б, с. 54, 55; 1992, с. 103-112; 1993, с. 28-38; Виноградов, Марченко, 1991, с. 150].

Вероятно, с этими событиями (известную роль могли сыграть и консолидация скифского общества и усиления могущества степных скифов после окончания скифо-персидской войны [Черненко, 1984, с. 114; Скорый, 2003, с. 82], хотя ее масштабы и степень влияния имеют неоднозначную оценку [Полин, 1994]) непосредственно связана «третья волна» агрессии степного населения в Лесостепь, охватившая южные районы Правобережья, а также часть левобережного региона, прежде всего, Приднепровскую террасовую Лесостепь [Скорый, 1996, с. 41-44; 1997, 67-75; 2003, с. 82-85].

Отсутствие возможностей оказать эффективное сопротивление, при одновременном нежелании признать владычество новых хозяев вынуждало значительную часть лесостепного населения ряда регионов к переселению на новые территории [Виноградов, Марченко, 1991, с. 149, 150; Алексеев, 1992, с. 103-112]. Наиболее ярко исход населения демонстрируют памятники Посулья и, отчасти, Днепровского Правобережья (в памятниках раннескифского времени которого захоронения с южной ориентировкой составляют достаточно весомую долю, которая в последующее время заметно уменьшается), резкое сокращение которых наглядно отражают эти события [Ильинская, 1968; Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989].

Основываясь на близости основных категорий культуры и наличии хронологического стыка между заметным сокращением памятников указанных регионов при «внезапном» их появлении «в готовом виде» в другом месте,

ряд исследователей рассматривает территорию Посулья (а, отчасти, и Днепровского Правобережья) в качестве возможного своеобразного плацдарма, откуда происходило переселения значительных групп населения на территорию Среднего Дона [Медведев, 1992, с. 71-73; 1999, с. 125, 126; Гуляев, 2000б, с. 147-151] и дельты Дона [Копылов, 2000, с. 164, 165].

Вероятно, звеньями в цепи подобных событий были и миграции отдельных групп населения, оставивших в Приднепровской Лесостепи многочисленные «меридионально-ориентированные погребения», тщательный анализ динамики количественных изменений которых для комплексов каждого региона на определенном хронологическом этапе провел Ю. Н. Бойко [Бойко, 1999, с. 59-78]. К сожалению, за пределами территориальных рамок этого исследования оказались северскодонецкие памятники, непосредственно примыкающие к обозначенному ареалу как географически, так и культурно, хотя в более ранней работе северскодонецкий регион рассматривался автором в качестве одного из районов переселения [Бойко, 1997, с. 28].

Таким образом, в V в. до н. э., в силу ряда причин, прежде всего, военнополитического характера, происходит взаимосвязанная цепочка миграций довольно крупных групп населения. В процесс своеобразного «передела территорий», в той или иной степени, была вовлечена большая часть населения степного и лесостепного регионов. В подобной ситуации северскодонецкий регион едва ли мог оставаться территорией, изолированной от проходивших в непосредственной от него близости различных миграционных потоков. Несомненно, какая-то часть переселенцев могла отдать предпочтение этому региону не только благодаря его территориальной близости, но и некоторым другим, более значимым факторам.

Данный регион обладал рядом неоспоримых преимуществ, которые не могли не привлечь внимание переселенцев. Прежде всего, этот район был местом пересечения ряда торговых путей, идущих в субмеридиональном (Муравский шлях) и субширотном (геродотовский путь в страну аргипшеев) направлениях [Болтрик, 1990, с. 35; Островерхов, 1981, с. 91; Шрамко, 1987, с. 20-24, рис. 1; 1998, с. 127; Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 121-123; Безсонова, 2000, с. 127].

Кроме этого, ряд географических особенностей региона (развитая сеть рек, наличие заболоченных участков и покрытых густыми лесами территорий) облегчали организацию обороны от возможных противников. Это по-

зволюяло с меньшими трудозатратами, максимально используя особенности местной топографии, решать эту актуальную, судя по масштабам фортификационного строительства, для данного времени задачу.

Не последнюю роль играл и факт довольно значительной заселенности региона, как одного из необходимых условий подобной «колонизации».

Для трансформации вероятного, но гипотетического предположения о миграции в бассейн Северского Донца какой-то части населения из других регионов в более аргументированную гипотезу, необходимо выделить конкретные памятники, которые могли бы принадлежать этим переселенцам.

Выбор критериев, необходимых для выделения подобных памятников осложнен высокой степенью унификации материальной культуры и погребальной обрядности населения днепро-донецкого междуречья V-IV вв. до н. э., особенно, если миграции большей частью не выходили за пределы этих территориальных рамок. К тому же, незначительность выборки известных к настоящему времени северскодонецких погребальных памятников эпохи архайки не позволяет дать достаточно полную характеристику погребальной обрядности населения этого времени, необходимую для сравнительного анализа с памятниками позднескифского времени.

Среди особенностей погребального обряда населения северскодонецкого региона наибольшее внимание привлекает отсутствие в курганах VII-VI вв. до н. э. захоронений, сопровождаемых разнообразными предметами конского снаряжения [Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 71], особо заметное на фоне широкой репрезентативности подобных погребений в Посулье и Днепровском Правобережье, где доля их присутствия от общего числа захоронений доходит до 28-32% [Ильинская, 1968, с. 103-135; Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 36, 40]. Поэтому появление с V в. до н. э. в бассейне Северского Донца ряда могильников, содержавших захоронения с означенной чертой погребальной обрядности, не характерной для местных памятников более раннего времени может являться свидетельством прихода в этот регион носителей этой черты обрядности. В эту группу, помимо Песочинского могильника, входят также некоторые памятники, исследованные на протяжении последних 30 лет. К числу наиболее ранних следует отнести частично разрушенный Протопоповский курганный могильник, который содержал воинские захоронения с предметами конского снаряжения первой половиной-серединой V в. до н. э. [Бородулин, 1977,

с. 271, 272] и курган этого же времени у с. Коротич с захоронением воина и верхового коня в одной могиле [Бородулин, 1982, с. 59-72]. Продолжают серию подобных комплексов, но уже с материалами, синхронными захоронениям Песочинского могильника, курганы у с. Малая Рогозянка [Буйнов, 1990, с. 140; Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 72, 73, рис. 32-32], с. Пересечная [Бабенко, 2002б, с. 7-9; 2004е] и некоторые другие памятники. Особое значение имеют материалы Старомерчанского могильника, общая характеристика которого во многом идентична песочинскому. В большинстве из 12 курганов этого могильника были обнаружены захоронения представителей аристократической верхушки, сопровождаемые разнообразным инвентарем, в некоторых случаях по роскоши превосходящим даже Песочинский (серебряный кубок и ручка от чаши, меч с золотой обкладкой рукояти) [Бандуровский, Буйнов, 1999, с. 23, 24; 2000, рис. 3-22].

Дополнительным аргументом, свидетельствующим в пользу алохтонности этих могильников (в первую очередь, Протопоповского, Песочинского и Старомерчанского, как наиболее полно исследованных), является полное отсутствие захоронений VII-VI в. до н. э., что говорит о начале их функционирования не ранее V в. до н. э. При этом показательно, что ряд северско-донецких могильников функционирует более длительный срок — с VII-VI в. до н. э. и до IV в. до н. э. (Люботин, возможно, Великая Гомольша). Объяснение появления с V в. до н. э. территориально обособленных могильников с новыми для региона чертами погребальной обрядности стремлением зародившейся местной аристократии подчеркнуть свое новое социальное положение путем территориального обособления своих захоронений [Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 28] едва ли можно признать бесспорным. Во-первых, факт существования захоронений местной аристократии еще со времени архаики можно считать достоверно установленным (о чем говорилось выше), во-вторых — тот же песочинский могильник содержал не только «аристократические» погребения, а захоронения лиц, занимавших более низкую ступень в социальной структуре местного населения.

Таким образом, наиболее ранними памятниками, фиксирующими появление в северско-донецком регионе первой волны переселенцев, являются могильники у сел Протопоповка и Коротич, содержавшие погребения первой половины V в. до н. э. Характерно, что эти памятники наиболее подходят под определение дружинных некрополей — во всех раскопанных Протопо-

повских курганах были обнаружены предметы вооружения, в двух — конское снаряжение. Захоронение воина-всадника с конем содержал коротичанский курган.

На вторую половину V — начало IV вв. до н. э. приходится начало функционирования следующей группы памятников (прежде всего, Песочинский и Старомерчанский могильники, а также Малорогозянский, Пересечанский и некоторые другие комплексы), захоронения которых принадлежали либо потомкам (второе-третье и последующие поколения) еще первой миграционной волны, либо представителям нового (их могло быть несколько) миграционного потока.

Предположение о миграции в V в. до н. э. в пределы северскодонецкого региона определенных групп населения подтверждает и динамика развития памятников поселенческого типа, резкий рост количества которых с этого времени, возможно, следует связывать с появлением здесь именно переселенцев, а не с успешной реализацией «внутренних резервов» местного населения. В этой связи уместно провести не совсем корректную, но очень показательную историческую параллель, приведя в пример некоторые особенности заселения Слободской Украины в XVII веке. Несмотря на то, что освоение этой территории было растянуто во времени и осуществлялось с различных регионов и с различными целями, толчком для наиболее масштабных переселений с территории Правобережной Украины, следствием которых явилось основание многих новых поселений, послужили ряд поражений во время военных кампаний (начиная с битвы под Берестечком 1651 г.) [Багалій, 1990; Дьяченко, 1970].

За рамки настоящей работы следует вынести ряд важных проблемных вопросов, рассмотрение которых требует специального и более пристального исследования. К числу последних относится проблема определения характера взаимоотношений переселенцев с местным населением, проживавшим здесь еще с раннескифского времени. Традиционно (хотя большей частью эти вопросы рассматривались касательно событий раннескифского времени) большинство исследователей видит в подобных переселенцах завоевателей, покоривших автохтонное население и установивших в регионе свое господство [Безсонова, 1999, с. 51; Скорый, 2003, с. 78-82]. Отличную точку зрения имеет Д. С. Раевский, который считает, что переселенцы могли представлять военизированные отряды наемников, состоявшие

на службе у местной аристократии [Раевский, 1995]. В этой связи следует отметить, что многие памятники, возникшие в VII-VI вв. до н. э., с приходом переселенцев не прекращают существование, а продолжают функционировать, по меньшей мере, до IV в. до н. э. Несомненна и принадлежность захоронений могильников, связываемых с переселенцами, к той части северскодонецкого населения, которое играло ведущую роль в общественной жизни местных племен.

Отдельного рассмотрения требует и вопрос об образе жизни и хозяйственной деятельности переселенцев. Обращает внимание довольно стойкое тяготение означенных могильников к поселенческим структурам, однако определить хозяйственную специфику последних (стойбища скотоводов-кочевников, поселения земледельцев и т. д.) без проведения масштабных археологических раскопок не представляется возможным. Если предположить в качестве одного из возможных вариантов вероятность наличия у переселенцев тех или иных сторон кочевого уклада, то поселенческие памятники должны отражать сравнительно глубокие седентаризационные процессы в их среде. Процесс оседания кочевников всегда растянут во времени и затрагивает, в первую очередь, беднейшие слои населения. В этом случае, возможной седентаризации переселенцев в северскодонецком регионе способствовали несколько обстоятельств. Во-первых, начало этого процесса относится не к моменту прихода в северскодонецкий регион, а к более раннему времени, т. е. к началу «обретения первой родины» в пределах украинской Лесостепи. Помимо этого, оседанию способствовали причины не столько экономического, сколько политического характера — рассматриваемое население было попросту вытеснено за пределы наиболее благоприятной зоны для ведения кочевого хозяйствования. Вопрос о пригодности лесостепных регионов для ведения кочевого скотоводства в современной историографии решается как положительно [Безсонова, 1999; 2000; Скорый, 2003, с. 25], так и отрицательно [Раевский, 1995; Гаврилюк, 1999, с. 166, 167].

Нельзя обойти вниманием и вопрос о характере отношений между населением Степи и северскодонецкого региона, являющийся неотъемлемой частью более общей проблемы взаимоотношений скифов-кочевников и населения Лесостепи в целом. Подобная проблематика, прямо либо косвенно, затрагивалась многими исследователями, систематизация взглядов которых была предпринята С. А. Скорым, выделевшим три основных направления

в современной историографии [Скорый, 1997, с. 67-69]. Первое, наиболее многочисленное, составляют сторонники зависимого положения лесостепных племен от степных кочевников (при различных оценках характера зависимости и времени ее установления) [Ильинская, 1975, с. 170, 171; Хазанов, 1975, с. 229, 230; Мурзин, 1984, с. 100, 104; 1990, с. 79 и многие другие]. Наиболее последовательным представителем противоположной точки зрения является Б. А. Шрамко, отрицающий какую-либо форму зависимости лесостепных племен [Шрамко, 1983б, с. 26, 27; 1990, с. 124-126; 1997, с. 36; 2003, с. 49-51 и другие]. В свою очередь, С. А. Скорым была предложена сложная схема «перманентного» завоевания Правобережной Лесостепи кочевниками, результатом которого явилось установление последними во второй половине V-IV вв. до н. э. полного контроля над этой территорией [Скорый, 1996, с. 43, 44; 1997, с. 67-75; 2003].

Существующее в историографии разнообразие мнений по указанной проблеме, среди прочих причин, следует, вероятно, объяснять и различием форм взаимоотношений, которые складывались у кочевников с лесостепным населением разных регионов. Собственно, отличие исторических процессов, происходивших в одно и то же время на Право- и Левобережье признается многими исследователями [Скорый, 1997, с. 73; Безсонова, 1999, с. 149].

Адекватным отражением различия исторических судеб населения Днепровского Правобережья и северскодонецкого региона, прежде всего, касательно их взаимоотношений со степным населением является характер археологических памятников обоих регионов. Если прекращение функционирования с конца V в. до н. э. ряда городищ, а также широкое распространение захоронений в катакомбах в Правобережной Лесостепи вполне справедливо связывается с агрессией степняков и переходом под контроль последних этой территории [Скорый, 1996, с. 41-44; 1997, 67-75], то в северскодонецком регионе в это же время наблюдается практически противоположная картина. Городища, возникшие в раннескифское время, продолжают свое существование до конца IV в. до н. э., кроме этого, возникает ряд новых городищ и поселений. Количество захоронений в катакомбах, не выделяющихся ни параметрами погребальных сооружений, ни составом инвентаря, ничтожно мало. Количественное и качественное преобладание захоронений местной знати (в деревянных гробницах и южной ориентировкой покойников, т. е. отличных от синхронных степных захо-

ронений), сопровождаемых разнообразными предметами античного импорта, приходится на вторую половину IV в. до н. э., демонстрируя своеобразную синхронность с развитием погребальной обрядности степной аристократии. Подобные факторы свидетельствуют об ином характере взаимоотношений между степными скифами и северскодонецким населением, которое сохранило полную независимость от степняков, либо эта зависимость имела самые мягкие формы и носила формальный характер.

Сложно однозначно ответить на вопрос, почему степные скифы после успешной военной кампании в Правобережной Лесостепи, закончившейся ее покорением, не предприняли аналогичных действий против населения ряда регионов днепро-донецкой Лесостепи, в частности, северскодонецкого. Едва ли стоит объяснять это исключительно умелой организацией обороны северскодонецким населением. Даже учитывая переселения в эти края какой-то части военизированных отрядов, несомненно, усиливших обороноспособность региона, военный потенциал степных скифов был объективно выше, и если бы была поставлена задача завоевания и этих территорий, северскодонецкое население разделило бы судьбу правобережных племен. Возможно, что среди прочих причин (прежде всего, экономического характера, таких как поиск новых пастбищ и т. п.), покорение Лесостепного Правобережья было связано, в какой-то степени, и со стремлением скифов обеспечить более надежный тыл во время своих многочисленных и масштабных военных кампаний в Западном Причерноморье. Северскодонецкий (равно как и среднедонской) регион, как гораздо более удаленный от театра основных военных действий, вызывал меньшую обеспокоенность, что могло служить дополнительной гарантией его неприкосновенности. Определенную роль могла сыграть и внутренняя нестабильность Скифии, различные проявления которой (в том числе и сокращение масштабов захватнической деятельности) некоторые исследователи фиксируют уже с конца V в. до н. э. [Андрух, 2004, с. 7-9].

Вероятно, после довольно бурных событий V в. до н. э., следствием которых явилось переселения значительных групп населения на новые территории, к началу IV в. до н. э. обстановка в Лесостепи относительно стабилизируется. Если южная часть Правобережной Лесостепи, а также террасовая левобережная Лесостепь с этого времени переходят под контроль степняков [Скорый, 1997; 2003], то на территории Днепро-Донецкого меж-

дуречья существует ряд крупных образований, сумевших, в силу различных причин, сохранить свою самостоятельность. К последним следует отнести, прежде всего, население среднедонского, северскодонецкого, а также ворсклинского регионов. Своеобразный статус-кво поддерживался на протяжении всего IV в. до н. э., чему способствовал ряд факторов. Немаловажную роль сыграло наличие сложной фортификационной системы в лесостепном регионе и довольно высокий уровень вооруженности его населения, что не способствовало превращению похода в Лесостепь в легкую прогулку за добычей. Однако решающим фактором, обеспечивающим неприкосновенность этих регионов со стороны степных скифов, являлся принципиально иной характер их взаимоотношений с населением ряда лесостепных регионов (прежде всего, северскодонецкого и среднедонского), что нашло свое отражение и местных археологических памятниках. В IV в. до н. э., особенно его середине-второй половине, среди инвентаря погребальных памятников указанных регионов происходит заметное увеличение так называемых высокопрестижных изделий из драгоценных металлов, других предметов импорта и т. п., что наглядно отражает углубление процесса социальной дифференциации общества, усиление торговых связей с античными городами Северного Причерноморья и многие другие стороны жизни. Однако особое внимание следует уделить тому факту, что количественные и качественные изменения в составе инвентаря и у степного населения, и у северскодонецких и среднедонских племен происходят синхронно. Несмотря на существование различных факторов, влияющих на процесс формирования состава погребального комплекса [Антонова, Раевский, 1984, с. 153-169], весьма характерно совпадение во времени появления «сокровищ» в скифских захоронениях с пиком внешнеэксплуататорской деятельности скифов, что свидетельствует о взаимосвязи этих двух явлений. Представляется очевидным, что и северскодонецкое, и среднедонское население в этой ситуации выступало не объектом подобной деятельности скифов, являлось ее непосредственным участником и союзником последних. Справедливость подобного положения подтверждает и динамика развития памятников поселенческого типа, расцвет которых наглядно демонстрирует «демографический взрыв» в регионе, что едва ли могло произойти в условиях регулярных грабительских набегов кочевников. Показательно, что на оборонительных сооружениях Люботинского городища, помимо пожара и разрушений,

датируемых VI в. до н. э., следов разрушений более позднего времени не зафиксировано [Шрамко, 1998, с. 16-21]. Таким образом, если одним из материальных выражений успехов на внешнеполитическом (военном) поприще степных скифов можно считать появление в захоронениях значительного количества высокопрестижных вещей, то проявление аналогичных тенденций, причем полностью совпадающих во времени, в погребальных памятниках ближайших их соседей было возможно лишь при условии союзнических отношений между ними. В этом случае успехи (равно как и поражения) во время военных кампаний находили соответствующее отражение и в погребальных памятниках населения этих регионов.

О реальности участия лесостепного населения в военных кампаниях скифов свидетельствуют письменные источники. Еще в период скифо-персидского конфликта, избрав тактику отступательной войны, не требующую значительных человеческих ресурсов, скифы обратились за помощью ко многим соседним племенам. В IV в до н. э. скифы проводили многочисленные и масштабные наступательные войны, достигшие своего апогея в период правления Атея, что, несомненно, приводило к прямым потерям «живой силы» и, соответственно, постоянной потребности в пополнении своих воинских рядов. Показательно, что одной из причин скифско-македонского конфликта, приведшего к гибели Атея, был отказ последнего от достигнутой ранее договоренности с Филлиппом о признании его наследником в обмен за предоставленную военную помощь.

Подобный дефицит мог восполняться и за счет лесостепных племен, причем на существование подобной практики неоднократно обращалось внимание [Гавриш, 1995, с. 135-137]. Как правило, поставка вспомогательных воинских контингентов для участия в скифских войнах, рассматривается как одна из возможных форм повинностей зависимых племен [Блаватский, 1950, с. 20; Мелюкова, 1950, с. 35; Хазанов, 1975, с. 158]. Однако следует заметить, что перспектива участия в скифских военных кампаниях для различных лесостепных племен, как свободных, так и зависимых, не могла не вызвать со стороны какой-то части этого населения непосредственной заинтересованности, так как являлась кратчайшим путем к скорейшему обогащению. Возможно, ярким свидетельством небеспопеченности таких ожиданий является инвентарь (в том числе и предметы импорта) многочисленных погребений, основным источником поступления средств

для приобретения которого была не эксплуатация подчиненного населения, а удачливые войны.

В то же время союзнические отношения между степными скифами и северскодонецким населением едва ли отличались незыблемостью на протяжении более чем векового периода. Подобные отношения (и это подтверждают многочисленные исторические параллели, к примеру, отношения между древнерусским населением и половцами) чередовались неоднократно конфликтами, возникавшими по разным причинам. Собственно развитая система фортификационных сооружений лесостепного населения наглядно свидетельствует о нестабильности отношений.

И, наконец, об этнической атрибуции населения северскодонецкого региона. Различными исследователями северскодонецкие племена отождествлялись со скифами-земледельцами [Ильинская, 1968, с. 118; 1970, с. 38; Смирнов, 1966, с. 59], скифами-кочевниками [Тереножкин, 1987, рис. 3], гелонами [Рыбаков, 1979, с. 191], гелоно-будинской общностью (включавшую и меланхленов) [Артамонов, 1949, с. 158-162], просто скифами [Гуляев, 2000б, с. 47].

Однако в настоящее время большинство исследователей отождествляют северскодонецкие памятники с меланхленами. Наиболее последовательным сторонником этой точки зрения на протяжении более 40 лет является Б. А. Шрамко [Шрамко, 1962а, с. 233-234; 1998, с. 126-128], к мнению которого за последние десятилетия присоединились такие авторитетные археологи, как Б. Н. Граков [Граков, 1971, с. 164], Б. Н. Мозолевский [Тереножкин, Мозолевский, 1988], А. А. Моруженко [Моруженко, 1989, с. 38]. В последнее время эту гипотезу поддержал и Ю. В. Буйнов, дополнив сложившуюся систему аргументации рядом новых оригинальных соображений [Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 119-123].

Несмотря на сохраняющуюся дискуссионность проблемы локализации меланхленов [Доватур, Каллистов, Шишова, 1982, с. 350-352; Нейхардт, 1982, с. 131-136], последняя точка зрения представляется наиболее обстоятельной и аргументированной. Однако для подавляющего большинства реконструкций этнокарты Скифии, в широком понимании данного термина, характерна утрата «динамики процесса исторического развития племен» [Полин, 1994, с. 100]. Если согласиться с полученными выводами о переселении в этот район в V в. до н. э. довольно крупных группировок,

то, с большой долей вероятности, можно говорить о более масштабной (помимо неоднократно отмеченных единичных фактов инфильтрации в местную среду савроматов, степных скифов и прочих племен) «полиэтничности» в V-IV вв. до н. э. северскодонецкого региона [Бабенко, 2003б, с. 32-34]. Вопрос вероятной этнической атрибуции переселенцев следует решать в контексте проблемы этнической принадлежности лесостепных племен. Едва ли стоит поднимать в рамках настоящего исследования, главная задача которого состоит в публикации и исторической интерпретации всего лишь одного памятника, столь глобальные темы. Следует лишь заметить, что проблема имеет огромную историографию (наиболее полная характеристика эволюции взглядов на этнокультурную принадлежность племен Правобережной Лесостепи представлена в монографии С. А. Скорого [Скорый, 2003, с. 8-18]), в которой, особенно после скифо-сарматской конференции 1952 года [Граков, Мелюкова, 1954], выкристаллизовались два основных направления, подразумевающих «скифскую» либо «нескифскую» принадлежность лесостепных племен, каждое из которых имеет и многочисленных сторонников, и развернутую систему аргументации. Хотелось бы выразить надежду, что среди большого количества источников, привлекаемых специалистами для решения подобных проблем, заняли бы свое место и публикуемые материалы Песочинского могильника.

Нет никаких сомнений, что прекращение функционирования могильника в конце IV в. до н. э. имеет непосредственную связь с глобальным явлением гибели памятников скифской культуры в это же время, относительно причин которого существует несколько гипотез. Наряду со ставшей уже классической и имеющей наибольшее число сторонников версией о сарматском завоевании [Ростовцев, 1918, с. 33, 34; Мачинский, 1971, с. 30-34; Максименко, 1983, с. 128, 129; 1997; Смирнов, 1984; Шрамко, 1987, с. 165; Виноградов, Марченко, Рогов, 1997; Медведев, 1997 и другие], ряд исследователей связывает гибель Скифии с изменением природно-климатических условий [Полін, 1984б; 1992, с. 99-123; Полин, Симоненко, 1997], эколого-хозяйственным кризисом [Гаврилюк, 1989, с. 21-24; 1999, с. 306-315], а также кризисом политической системы [Мурзин, Ролле, 2000]. Песочинский могильник является одним из многочисленных памятников, оборвавших свое существование в связи с катастрофическими событиями позднейшей скифской истории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Определяя значение Песочинского курганного могильника как археологического источника, в первую очередь необходимо отметить высокую степень информативности этого памятника. При характеристике многих его материалов довольно часто приходится употреблять такие эпитеты как «уникальный», «не имеющий аналогий», «исключительно редкий» и т. п., особенно в сравнении с большинством известных памятников северскодо-нецкого региона.

Так, сразу же обращает на себя внимание весьма значительная доля в пределах одного могильника курганов с насыпями больших размеров. Неоднократно отмечено использование при сооружении насыпей плиток дерна, т. е. приема, не характерного для лесостепного населения. Оригинальна и многослойная конструкция насыпи кургана № 7.

Благодаря материалам Песочинского могильника были дополнены, в целом малопредставительные (особенно в пределах лесостепного региона), выборки памятников, содержавшие захоронения покойников на подстеленных доспехах, с парадным головным убором, с надетыми на все или почти пальцы обеих рук золотыми перстнями.

Необычно как проявление особой черты погребальной обрядности местоположение покойника из кургана № 9 — с широко расставленными ногами и направленными в паховую область наконечниками копий и дротика, а также двумя наконечниками стрел под тазовыми костями. В этом же кургане захоронение в нише конского черепа с удилами во рту, во внешние петли которых, помимо псалий, были вставлены костяные стержни. Подобное явление прослежено впервые и пока сложно определить, имели подобные стержни какое-то функциональное значение, или же их следует связывать с неизвестной чертой погребальной обрядности.

Еще более представительный вид имеет подобный перечень при характеристике погребального инвентаря, среди которого было обнаружено несколько оригинальных разновидностей бронзовых наконечников стрел, довольно редкие типы наконечников копьев (курган № 25) и дротика (подъемный материал возле кургана № 16). Ассортимент предметов конского снаряжения

пополнился неизвестными ранее типами бронзовых псапиев с грифоньими и змеевидными головками (курганы №№ 2 и 9). Оригинален наносник с гладким щитком и загнутым клювом из кургана № 7.

Обнаружены новые разновидности пластинчатой аппликации, прежде всего, с изображением грифонов (включая медальон) с растительным орнаментом. В высшей степени оригинален сюжет охоты всадника на оленя, представленный на стленгиде головного убора. К числу неизвестных ранее разновидностей украшений относятся также сережки с подвесками из «египетского фаянса» в виде фантастических крылатых существ на подставке, плоская прямоугольная бусина из кургана № 9. Нельзя не отметить и не имеющий аналогов факт обнаружения сразу в трех курганах могильника (№№ 2, 8/1, 22) золотых украшений (бляшки с изображением оленя, сетчатое украшение с подвесками, пластины головного убора), имеющих полное соответствие в находках из богатейших степных курганов, соотносимых непосредственно с захоронениями скифских царей (Солоха, Чертомлык).

Несколькими оригинальными образцами представлена и импортная посуда. Это, прежде всего, светлокремевая мисочка с каннелюрами из кургана № 14, а также обе амфоры, отличающиеся некоторыми своеобразными морфологическими характеристиками.

В погребениях могильника были обнаружены такие редкие виды кухонной утвари, как щипцы и черпак. Не имеют аналогий деревянные изделия неизвестного назначения из кургана № 18/1. Подобный перечень можно продолжать, но и количества отмеченных фактов хватило бы на несколько памятников, чтобы подчеркнуть их неординарность.

Однако сколь весомым не был бы вклад материалов Песочинского могильника в пополнении информационной базы скифоведения теми или иными новыми элементами материальной культуры или погребальной обрядности, главное значение этого памятника заключается не в этом. По своему информационному потенциалу могильник следовало бы отнести к группе эталонных погребальных памятников северскодонецкого населения позднескифского времени*.

* Из раскопанных к настоящему времени погребальных памятников на месте в этой группе может претендовать разве что Старомерчанский могильник.

Материалы могильника содержат своеобразный срез общественного развития местного населения, представленного различными социальными слоями — от рабов и беднейших общинников до представителей аристократической верхушки.

Главное же значение Песочинского могильника состоит в том, что его материалы могут быть использованы для реконструкции исторических процессов, происходивших в северскодонецком регионе в V-IV вв. до н. э.

Проведенный анализ материалов песочинского курганного могильника, с привлечением некоторых других памятников близкого круга, позволяет существенно дополнить наши знания об этих событиях, в контексте скифской истории. Судя по изменениям характера и состава археологических памятников в степном и лесостепном регионах, здесь в V в. до н. э. происходили взаимосвязанные процессы, которые условно можно было бы назвать своеобразной «перегруппировкой сил». В начале V в. до н. э., возможно, с появлением в степях Северного Причерноморья новой волны кочевников, установивших свое господство в этом регионе на последующие два столетия, усиливается их давление, в некоторых случаях — прямая агрессия, на ряд лесостепных регионов, прежде всего Днепровское Правобережье. Отсутствие возможностей оказать эффективное сопротивление, при одновременном нежелании признать владычество новых хозяев вынуждает значительную часть лесостепного населения ряда регионов к переселению на новые территории. Наиболее ярко исход населения демонстрируют памятники Днепровского Правобережья и Посулья, резкое сокращение которых наглядно отражают эти события.

«Новая родина», в поисках которой уходили с обжитых мест различные группы переселенцев, должна была соответствовать определенному набору требований, среди которых первостепенное значение отводилось присутствию таких факторов, как близость торговых путей, относительная обжитость территории, наличие условий, способствующих облегчить организацию обороны от возможных случаев новой волны агрессии. Подобным требованиям большей или меньшей мерой соответствовали ряд регионов — среднедонской, северскодонецкий, возможно, район Нижнего Дона. Вероятно, не случайно и то, что все эти регионы находились в восточной части Европейской Скифии — противоположной основному направлению

скифской агрессии, что позволяло максимально избежать возможной провокации последней и служило дополнительной гарантией от подобных вторжений.

В контексте этих событий курганы Песочинского могильника следует рассматривать как захоронения, оставленные либо представителями более поздней миграционной волны, вытесненных степными кочевниками из некоторых лесостепных районов и продвинувшихся в северскодонецкий регион во второй половине V в. до н. э., либо потомками (второе-третье и последующие поколения) таких же мигрантов, пришедших сюда еще в начале V в. до н. э. (Протопоповка, Коротич) и довольно быстро занявших одну из ведущих позиций в общественной жизни местных племен.

Характер археологических северскодонецких памятников (резкое увеличение количества селищ и городищ и отсутствие на последних ярко выраженных следов набегов, датируемых V-IV вв. до н. э., многочисленные могильники, захоронения которых сопровождаются большим количеством разнообразного вооружения, конского снаряжения, а также различными высокопрестижными изделиями) свидетельствует, что население этого региона, равно как и среднедонского, являлось в конце V-IV вв. до н. э. не одним из объектов агрессии степных скифов, а, напротив, военным союзником последних в их масштабных военных кампаниях, успешные результаты которых нашли соответствующее отражение и в материалах Песочинского могильника.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксёнов В. С. Поховання з конем другої половини VIII-IX ст. верхньої течії р. Сіверський Донець (за матеріалами ґрунтових салтівських могильників): Дис. ... канд. іст. наук.— Харків, 1999.— 277 с.
- Алексеев А. Ю. Рукоять парадного ахаменидского меча из Чертомлыкского кургана // СГЭ.— 1984.— Вып. XLIX.— С. 38-41.
- Алексеев А. Ю. Заметки по хронологии скифских степных древностей IV в. до н. э. // СА.— 1987а.— № 3.— С. 28-39.
- Алексеев А. Ю. Хронография Скифии второй половины IV века до нашей эры // АСГЭ.— 1987б.— Вып. 28.— С. 38-51.
- Алексеев А. Ю. Этюд об акинаках // Клейн Л. С. Археологическая типология.— Л., 1991а.— С. 271-280.
- Алексеев А. Ю. Хронология и хронография Причерноморской Скифии V в. до н. э. // АСГЭ.— 1991б.— Вып. 31.— С. 43-56.
- Алексеев А. Ю. Скифская хроника.— СПб., 1992.— 206 с.
- Алексеев А. Ю. Великая Скифия или две Скифии? // Скифия и Боспор.— Новочеркасск, 1993.— С. 28-38.
- Алексеев А. Ю. Краснокутский и Александропольский курганы в хронологической системе скифских древностей IV в до н. э. // Скифы Северного Причерноморья в VII-IV вв. до н. э.— М., 1999.— С. 8-10.
- Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н. э.— К., 1991.— 416 с.
- Алексеева Е. М. Предметы из египетского фаянса VI в. до н. э. -IV в н. э. в Северном Причерноморье // КСИА АН СССР.— 1972.— Вып. 130.— С. 3-11.
- Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ.— 1975.— Вып. Г1-12.— 94 с.
- Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ.— 1978.— Вып. Г1-12.— 103 с.
- Андрух С. И. Погребение раннескифского воина в Присивашье // СА.— 1988.— № 1.— С. 159-170.
- Андрух С. И. Могильник Мамай-Гора.— Запорожье, 2001.— Кн. II.— 282 с.

- Андрух С. И. Оружие скифских захоронений могильника Мамай-Гора // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму.— Запоріжжя, 2004а.— Т. XI.— С. 15-19.
- Андрух С. И. К вопросу о центробежных тенденциях в Скифии конца 5-4 вв. до н. э. // Від Кіммерії до Сарматії.— К., 2004б.— С. 7-9.
- Андрух С. И., Тощев Г. Н. Могильник Мамай-Гора.— Запорожье, 1999.— Кн. I.— 232 с.
- Анохин В. А. Монетное дело Боспора.— Киев, 1986.— 180 с.
- Антонова Е. В., Раевский Д. С. «Богатство» древних захоронений (к вопросу о роли идеологического фактора в формировании облика погребального комплекса) // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ.— К., 1984.— С. 153-169.
- Артамонов М. И. Этногеография Скифии // Учен. зап. ЛГУ.— 1949.— № 85/Ист.— Вып. 13.— С. 129-171.
- Артамонов М. И. Скифо-сибирское искусство звериного стиля // ПСА.— М., 1971.— С. 24-35.
- Археологічні пам'ятки Української РСР: Короткий список.— К., 1966.— 464 с.
- Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время.— М., 1989.— 463 с.
- Археологія Української РСР.— К., 1971.— Т. 2.— 504 с.
- Археология Украинской ССР.— К., 1986.— Т. 2.— 591 с.
- Бабенко Л. И. Погребальный обряд Песочинского курганного могильника скифского времени // Проблемы истории и археологии Украины.— Харьков, 1997а.— С. 25, 26.
- Бабенко Л. І. Кінь у поховальному обряді сіверськодонецького регіону у скіфський час // Історичне краєзнавство і культура.— К.-Харків, 1997б.— Ч. II.— С. 226-228.
- Бабенко Л. І. Дзеркала з поховань Пісочинського курганного могильника скіфського часу // Треті Сумцовські читання.— Харків, 1998а.— С. 77-79.
- Бабенко Л. И. Скифское бронзовое навершие из собрания Харьковского исторического музея // ВХУ.— 1998б.— Вып. 30.— С. 25-28.
- Бабенко Л. И. Об одной черте погребального обряда населения северскодонецкого региона в скифское время // Проблемы истории и археологии Украины.— Харьков, 1999а.— С. 24, 25.

- Бабенко Л. И. Реконструкция тиары скифского времени из Песочинского курганного могильника // *Донская археология.*— 1999б.— № 2.— С. 85-90.
- Бабенко Л. І. Тиара скіфського часу з пісочинського курганного могильника // *Четверті Сумцовські читання.*— Харків, 1999в.— С. 43-45.
- Бабенко Л. И. Погребальные сооружения Песочинского курганного могильника скифского времени // *Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий.*— Донецк, 2000а.— С. 32, 33.
- Бабенко Л. І. Про деякі параметри поховальних споруд пісочинського курганного могильника // *Шості Сумцовські читання.*— Харків, 2000б.— С. 83-86.
- Бабенко Л. И. О характере погребений с вещами скифского типа в донецко-донской лесостепи // *Проблемы истории и археологии Украины.*— Харьков, 2001.— С. 42, 43.
- Бабенко Л. І. Жіночий головний убір IV ст. до н. е. з кургану 8 біля с. Пісочин Харківської області // *Археологія.*— 2002а.— № 4.— С. 59-69.
- Бабенко Л. І. Комплекс речей із зруйнованого поховання скіфського часу біля с. Пересічна Дергачівського району // *Сьомі Сумцовські читання.*— Харків, 2002б.— С. 7-9.
- Бабенко Л. І. Культ вогню у поховальному обряді пісочинського курганного могильника // *Восьмі Сумцовські читання.*— Харків, 2003а.— С. 17-19.
- Бабенко Л. И. Об этнической ситуации в северскодонецком регионе в IV в. до н. э. // *Проблеми історії та археології України.*— Харків, 2003б.— С. 32-34.
- Бабенко Л. И. Античный импорт в погребениях песочинского могильника // *РА.* -2004а.— № 3.— С. 147-159.
- Бабенко Л. И. Об одной редкой категории кухонной утвари из кургана № 18 песочинского могильника // *Інформаційно-культурологічна та мистецька освіта: стан і перспективи.*— Харків, 2004б.— С. 162-164.
- Бабенко Л. І. Нашивна пластинчата аплікація з поховань Пісочинського могильника // *Дев'яті Сумцовські читання.*— Харків, 2004в.— С. 73-77.
- Бабенко Л. И. Социальная характеристика погребений песочинского курганного могильника // *VIII Сходознавчі читання А. Кримського.*— К., 2004 г.— С. 117-119.

- Бабенко Л. І. Хронологія поховань пісочинського курганного могильника // Проблеми історії і археології України.— Харків, 2004д.— С. 29, 30.
- Бабенко Л. І. Комплекс речей поховання IV ст. до н. е. біля Пересічної // Археологія.— 2004е.— № 3.— С. 33-37.
- Бабенко Л. И., Чижова Ю. А. К вопросу о семантике сюжета «танцующие менады» // 175 лет Керченскому Музею Древностей.— Керчь, 2001.— С. 87-89.
- Багалеї Д. И. Объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губ. // Труды XII Археологического съезда.— М., 1905.— Т. 1.— С. 1-92.
- Багалеї Д. И. Раскопка курганов в Валковском и Богодуховском уездах Харьковской губ. летом 1903 года // Труды XIII Археологического съезда.— М., 1907.— Т. 1.— С. 369-378.
- Багалеї Д. І. Історія Слобідської України.— Харків, 1990.— 255 с.
- Бандуровський О. В. Античні амфори з курганів скіфського періоду Лівобережної Лісостепової України // Археологія.— 2001.— № 1.— С. 68-79.
- Бандуровский А. В., Буйнов Ю. В., Дегтярь А. К. Новые исследования курганов скифского времени в окрестностях г. Люботина // Люботинское городище.— Харьков, 1998.— С. 143-182.
- Бандуровский А. В., Буйнов Ю. В. Предварительные итоги раскопок курганного могильника скифского времени у с. Старый Мерчик на Харьковщине // Проблеми історії і археології України.— Харків, 1999.— С. 23, 24.
- Бандуровский А. В., Черненко Е. В. Ахеменидские вещи из Люботинского могильника // ПССАСП.— Запорожье, 1999.— С. 27-30.
- Бандуровский А. В., Буйнов Ю. В. Курганы скифского времени Харьковской области (северскодонецкий вариант).— К., 2000.— 236 с.
- Барцева Т. Б. Цветная металлообработка скифского времени.— М., 1981.— 125 с.
- Березуцкий В. Д., Разуваев Ю. Д. Курганный могильник скифского времени у хут. Дубовой на Среднем Дону // Археологія Среднего Дона в скифскую эпоху.— М., 2004.— С. 53-68.
- Берестнев С. И. Раскопки курганов в Харьковской области // АО 1980 г.— М., 1981.— С. 230, 231.
- Бессонова С. С. Погребение IV в. до н. э. из Трехбратнего кургана // Скифские древности.— К., 1973.— С. 243-252.

- Бессонова С. С. О скифских повозках // Древности Степной Скифии.— К., 1982.— С. 102-117.
- Бессонова С. С. Религиозные представления скифов.— К., 1983.— 138 с.
- Бессонова С. С. О культуре оружия у скифов // Вооружения скифов и сарматов.— К., 1984.— С. 3-21.
- Бессонова С. С. Скифские погребальные комплексы как источник для реконструкции идеологических представлений // Обряды и верования древнего населения Украины.— К., 1990.— С. 17-40.
- Бессонова С. С. Щодо одного скифо-еллінського культу IV ст. до н. е. // Дослідження старожитностей України.— К., 1993.— С. 5.
- Бессонова С. С. Курганы Лесостепного Побужья // Древности скифов.— К., 1994.— С. 3-34.
- Бессонова С. С. Український Лісостеп скіфського часу. Історико-географічна ситуація // Археологія.— 1999.— № 1.— С. 148-160.
- Бессонова С. С. Деякі закономірності розміщення пам'яток скіфського часу в Українському Лівобережному Лісостепу // Археологія.— 2000.— № 2.— С. 116-131.
- Бессонова С. С. Крылатый конь-гипсокамп-морской конек и скифский Посейдон // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму.— Запоріжжя, 2004а.— Т. XI.— С. 25-30.
- Бессонова С. С. Находки античной керамики с граффити в скифских курганных погребениях // Проблемы истории и археологии Украины.— Харьков, 2004б.— С. 28, 29.
- Бессонова С. С., Скорый С. А. Погребение скифского воина из Акташского могильника в Восточном Крыму // СА.— 1986.— № 4.— С. 158-170.
- Бессонова С. С., Бунятян Е. П., Гаврилюк Н. А. Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму.— К., 1988.— 220 с.
- Бідзіля В. І. Дослідження Гайманової Могили // Археологія.— 1971.— Вип. 1.— С. 44-56.
- Бидзиля В. И., Болтрик Ю. В., Мозолевский Б. Н., Савовский И. П. Курганный могильник в уроч. Носаки // Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки.— К., 1977.— С. 61-158.
- Білан Ю. О., Солтис О. Б. Скіфські кургани поблизу с. Мар'янівка на Миколаївщині // Археологія.— 1998.— № 1.— С. 82-98.

- Більське городище в контексті вивчення пам'яток археології.— Полтава, 1996.— 408 с.
- Битковский О. В., Полин С. В. Скифский курган у с. Богдановка на Херсонщине // Скифы Северного Причерноморья.— К., 1987.— С. 74-85.
- Блаватский В. Д. О стратегии и тактике скифов // КСИИМК.— 1950.— Вып. 34.— С. 19-29.
- Бобринский А. А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы.— СПб, 1894.— Т. 2.— 233 с.
- Бойко Ю. Н. Социология восточноевропейского города I тыс. до н. э. (по материалам Бельского городища и Ворсклинского региона скифского времени) // Древности.— Харьков, 1994.— С. 29-42.
- Бойко Ю. Н. К вопросу о миграциях в Приднепровской Лесостепи VII-III вв. до н. э. // Проблемы истории и археологии Украины.— Харьков, 1997.— С. 27, 28.
- Бойко Ю. Н. Меридионально ориентированные погребения Приднепровской Лесостепи скифского времени // Древности.— Харьков, 1999.— С. 59-78.
- Бойко Ю. Н., Берестнев С. И. Погребения VII-IV вв. до н. э. курганного могильника у с. Купеваха (Ворсклинский вариант скифского времени).— Харьков, 2001.— 144 с.
- Бокий Н. М. Скифский курган у села Медерово // СА.— 1974.— № 4.— С. 264-271.
- Болтрик Ю. В. Сухопутные коммуникации Скифии // СА.— 1990.— № 4.— С. 30-45.
- Болтрик Ю. В. Курган Кара-Тюбе // Древности Степного Причерноморья и Крыма.— Запорожье, 1993.— Вып. IV.— С. 183-197.
- Болтрик Ю. В. Про місце жіночих поховань в курганах скіфської еліти // Археологія.— 1997.— № 1.— С. 28-37.
- Болтрик Ю. В. Скифский курган как единый ансамбль // Скифы и сарматы в VII-III вв. до н. э.— М., 2000.— С. 129-137.
- Болтрик Ю. В., Фіалко О. Є. Могили скіфських царів другої половини IV ст. до н. е. (пошук історичних реалій) // Археологія.— 1995.— № 2.— С. 3-13.
- Болтрик Ю. В., Фіалко О. Є. Пружинні щипці у побуті скіфів // Музейні читання.— К., 1999.— С. 28-33.

- Болтрик Ю. В., Фіалко О. Є. Тайники у поховальній традиції скіфів // Музейні читання. — К., 2002. — С. 169-173.
- Бородулин В. Г. Отчет об археологических исследованиях Харьковского исторического музея в 1976 г. // Архив ИА НАНУ. — 1976/52. — 23 с.
- Бородулин В. Г. Исследования на территории Харьковской области // АО 1976 г. — М., 1977. — С. 271, 272.
- Бородулин В. Г. Отчет об археологических исследованиях Песочинского курганного могильника и курганной группы, расположенной в зоне сооружения Фрунзенской оросительной системы в 1978 году // Архив ИА НАНУ. — 1978/42. — 87 с.
- Бородулин В. Г. Исследования курганов скифского времени в Харьковской области // АО 1978 г. — М., 1979а. — С. 306.
- Бородулин В. Г. Отчет о раскопках Песочинского курганного могильника в 1979 г. // Архив ИА НАНУ. — 1979б/112. — 63 с.
- Бородулин В. Г. Раскопки Песочинского курганного могильника // АО 1979 г. — М., 1980а. — С. 254, 255.
- Бородулин В. Г. Отчет о раскопках Песочинского курганного могильника и разведках Харьковского исторического музея в 1980 г. // Архив ИА НАНУ. — 1980б/139. — 16 с.
- Бородулин В. Г. Дневник об археологических раскопках скифо-сарматской экспедиции Харьковского исторического музея в 1982 году // Архив ХИМ. — 79 с.
- Бородулин В. Г., Лурье А. И., Саппа Н. Н. Харьковщина туристская: 22 экскурсионных маршрута. — Харьков, 1988. — 88 с.
- Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V-IV вв. до н. э. — Л., 1980. — 267 с.
- Брумяк И. В. Моллюски семейства Сургеа и памятники раннескифской эпохи в Восточной Европе // ПССАСП. — Запорожье, 1999. — С. 47-54.
- Буйнов Ю. В. Охранные раскопки курганов скифского периода на Харьковщине // Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини. — Полтава, 1990. — С. 139-142.
- Буйнов Ю. В. Отчет о раскопках памятников скифского периода в Валковском районе Харьковской области в 2002 году // Архив МАЭСУ. — 109 с.
- Буйнов Ю. В., Кузьменко А. С. Опыт применения многомерного анализа данных о погребальном обряде для реконструкции социальной структуры

- населения Среднего Приднепровья в VIII-VI вв. до н. э. // ВХУ.— 1985.— Вып. 268.— С. 129-137.
- Буйнов Ю. В., Шевченко В. Б. Новые данные о погребально-поминальной обрядности у племен северскодонецкой группы памятников скифского периода // Проблемы истории и археологии Украины.— Харьков, 2004.— С. 35, 36.
- Бунятян Е. П. Погребальный обряд рядовых скифов Южной Херсонщины (по материалам Краснознаменной экспедиции) // Курганы Южной Херсонщины.— К., 1977.— С. 129-142.
- Бунятян Е. П. Методика социальных реконструкций в археологии.— К., 1985.— 225 с.
- Виноградов Ю. А., Марченко К. К. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // СА.— 1991.— № 1.— С. 145-155.
- Виноградов Ю. А., Марченко К. К., Рогов Е. Я. Сарматы и гибель «Великой Скифии» // Донские древности.— Азов, 1997.— Вып. 5.— С. 6-27.
- Вітрик І. С., Данилко Н. М. Поховання знатної скіф'янки у «Великому кургані» М. І. Веселовського // Музейні читання.— К., 2002.— С. 138-149.
- Волкобой С. С., Андросов А. В., Лихачев В. А., Мухопад С. Е., Шалобудов В. Н. Скифские могильники IV-III вв до н. э. юга Днепропетровской области // Курганы степного Поднепровья.— Днепропетровск, 1980.— С. 18-41.
- Вольная Г. Н. Об одном античном образе в скифских памятниках // Античная цивилизация и античный мир.— Новочеркасск, 1996.— С. 14-16.
- Ворошилов А. Н. Копья в системе вооружения населения Среднего Дона в скифское время (VI — начало III вв. до н. э.) // Проблемы истории и археологии Украины.— Харьков, 2004.— С. 37, 38.
- Вязьмитина М. И. Золотобалковский могильник.— К., 1972.— 189 с.
- Гаврилюк Н. О. Кераміка степових скіфських поховань IV-III ст. до н. е. // Археологія.— 1980.— Вип. 34.— С. 17-30.
- Гаврилюк Н. О. Скіфські імітації форм античного гончарного посуду // Археологія.— 1984.— № 48.— С. 7-12.
- Гаврилюк Н. А. Прядение у степных скифов // Скифы Северного Причерноморья.— К., 1987а.— С. 116-130.

- Гаврилюк Н. А. Пища степных скифов // СА.— 1987б.— № 1.— С. 21-34.
- Гаврилюк Н. А. Домашнее производство и быт степных скифов.— К., 1989.— 112 с.
- Гаврилюк Н. А. История экономики Степной Скифии.— К, 1999.— 424 с.
- Гаврилюк Н. А. От научного редактора // Бандуровский А. В., Буйнов Ю. В. Курганы скифского времени Харьковской области (северскодонецкий вариант).— К., 2000.— С. I, II.
- Гаврилюк Н. О., Болтрик Ю. В. Скiфське поховання у довгому кургані біля с. Високе у Приазов'ї // Археологія.— 1990.— № 1.— С. 75-83.
- Гавриш П. Я. Антична монета зі скіфського городища лісостепової Скiфії // Археологія.— 1995.— № 2.— С. 135-137.
- Галанина Л. К. Греческие поножи Северного Причерноморья // АСГЭ.— 1965.— Вып. 7.— С. 5-27.
- Галанина Л. К. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга) // САИ.— 1977.— Вып. Д1-33.— 68 с.
- Ганіна О. Д. До питання про жіночі поховання зі зброєю скіфського часу // Праці Київського історичного музею.— 1958.— Вип. 1.— С. 175-183.
- Гейко А. В. Набір тарного посуду скіфської доби з Більського городища // АЛЛУ.— Полтава, 2002.— № 1.— С. 3, обкл.
- Голубчик Л. М. Скiфські мечі та кинджали у збірниках Дніпропетровського історичного музею // Археологія.— 1986.— № 56.— С. 78-81.
- Городцов В. А. Раскопки «Частых курганов» близ Воронежа в 1927 г. // СА.— 1947.— Т. IX.— С. 9-50.
- Граков Б. Н. Скифские погребения на Никопольском курганном поле // МИА.— 1962.— № 115.— С. 56-113.
- Граков Б. Н. Скифы.— М., 1971.— 170 с.
- Граков Б. Н., Мелюкова А. И. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях европейской части СССР в скифское время // ВССА.— 1954.— С. 39-93.
- Гребенников Ю. С. Скифский курганный могильник у с. Отрадное // Археологические памятники Поингуля.— К., 1980.— С. 146-164.
- Григорьев В. П. Захоронение тяжеловооруженного скифского воина у с. Гладковщина // Древности скифов.— К., 1994.— С. 63-79.
- Гуляев В. И. Там, где жили амазонки // Донская археология.— 2000а.— № 3-4.— С. 38-50.

- Гуляев В. И. Об этнокультурной принадлежности населения Среднего Дона в V-IV вв. до н. э. // Скифы и сарматы в VII-III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология.— М., 2000б.— С. 145-152.
- Гуляев В. И. Еще раз к вопросу об этнокультурной ситуации в Среднем Подонье в скифское время (V-IV вв. до н. э.) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху.— М., 2004.— С. 7-24.
- Гуляев В. И., Савченко Е. И. Новый памятник скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху.— М., 2004.— С. 35-52.
- Дмитриев А. В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА.— 1979.— № 4.— С. 212-231.
- Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота / Тексты, перевод, комментарий.— М., 1982.— 455 с.
- Дьяченко М. Т. Етапи заселення Слобідської України в XVII — першій половині XVIII ст. // УІЖ.— 1970.— № 8.— С. 41-51.
- Евдокимов Г. Л., Мурзин В. Ю. Раннескифское погребение с оружием из Херсонской области // Вооружение скифов и сарматов.— К., 1984.— С. 75-82.
- Евдокимов Г. Л., Фридман М. И. Скифские курганы у с. Первомаевка на Херсонщине // Скифы Северного Причерноморья.— К., 1987.— С. 85-115.
- Евдокимов Г. Л., Фридман М. И. Курганы скифского времени у с. Первомаевка на Херсонщине // Курганы степной Скифии.— К., 1991.— С. 72-97.
- Замятнин С. Н. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем // СА.— 1946.— Т. VIII.— С. 9-50.
- Зограф А. Н. Античные монеты // МИА.— М.-Л., 1951.— № 16.— 264 с.
- Ильинская В. А. Скифские курганы около г. Борисполя // СА.— 1966.— № 3.— С. 152-171.
- Ильинская В. А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья).— К., 1968.— 203 с.
- Іллінська В. А. Андрофаги, меланхлени, будини або скіфи? // Археологія.— 1970.— Т. XXIII.— С. 23-39.
- Ильинская В. А. Скифская узда IV в. до н. э. // Скифские древности.— К., 1973.— С. 42-63.

- Ильинская В. А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VIII-VI вв. до н. э.).— К., 1975.— 224 с.
- Ильинская В. А. Может ли Бельское городище быть городом Геллоном? // Скифы и сарматы.— К., 1977.— С. 73-95.
- Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII-IV вв. до н. э.— К., 1983.— 380 с.
- Ильюков Л. С. Металлические «вилки» майкопской культуры // СА.— 1979.— № 4.— С. 138-146.
- Ильюков Л. С. Оригинальный тип навершия жезла скифского времени // Проблемы истории и археологии Украины.— Харьков, 2001.— С. 48, 49.
- Калоев Б. А. Осетины.— М., 1971.— 360 с.
- Канторович А. Р. «Петушки» — один из образов звериного стиля степной Скифии // Граковские чтения на кафедре МГУ.— М., 1992.— С. 30-39.
- Капошина С. И. Некрополь в районе поселка им. Войкова близ Керчи // МИА.— 1959.— № 69.— С. 108-153.
- Кислий О. Є., Скорий С. А. Скифське поховання V ст. до н. е. поблизу Керчі // Археологія.— 1990.— № 2.— С. 128-130.
- Клочко В. И. Скифские колчаные наборы VI-V вв. до н. э. (по материалам Посульских курганов) // Открытия молодых археологов Украины.— К., 1976.— С. 25, 26.
- Клочко В. И. Новые данные о типах скифских горитов и колчаных наборов VI в. до н. э. // Новые исследования археологических памятников на Украине.— К., 1977.— С. 47-54.
- Клочко Л. С. Скифские налобные украшения VI-III вв. до н. э. // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры.— К., 1982а.— С. 37-53.
- Клочко Л. С. Новые материалы к реконструкции головного убора скифянок // Древности Степной Скифии.— К., 1982б.— С. 118-130.
- Клочко Л. С. Реконструкція конусоподібних головних уборів скіф'янок // Археологія.— 1986.— № 56.— С. 14-24.
- Клочко Л. С. Зооморфні образи в декорі скіфських головних уборів V-IV ст. до н. е. // Музейні читання.— К., 2000.— С. 23-29.
- Клочко Л. С., Гребенников Ю. С. Скифский калаф IV в до н. э. // Материалы по хронологии археологических памятников Украины.— К., 1982.— С. 86-96.

- Клочко Л. С., Васіна З. О. Реконструкція жіночого вбрання за знахідками у «Великому кургані» М. І. Веселовського // Музейні читання.— К., 2002.— С. 150-168.
- Ковалев Н. В., Полин С. В. Скифские курганы у с. Корнеевка Запорожской области // Курганы степной Скифии.— К., 1991.— С. 33-53.
- Ковалева И. Ф., Волкобой С. С., Костенко В. И., Шалобудов В. Н. Археологические исследования в зоне строительства оросительной системы учхоза «Самарский» // Курганные древности Степного Поднепровья (III-I тыс до н. э.).— Днепропетровск, 1978.— Вып. 2.— С. 4-31.
- Ковалева И. Ф., Мухопад С. Е. Скифские памятники Орельско-Самарского междуречья // Курганные древности Степного Поднепровья (III-I тыс. до н. э.).— Днепропетровск, 1979.— Вып. 3.— С. 111-123.
- Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы.— М., 1984.— 193 с.
- Ковпаненко Г. Т. Пам'ятки скифського часу в басейні Ворскли // Археологія.— 1961.— Т. XIII.— С. 62-79.
- Ковпаненко Г. Т. Племена скифського часу на Ворсклі.— К., 1967.— 188 с.
- Ковпаненко Г. Т. «Червона могила» у с. Флярковка // Древности Евразии в скифо-сарматское время.— М., 1984.— С. 107-113.
- Ковпаненко Г. Т., Яковенко Э. В. Скифские курганы на юге Херсонщины // Скифские древности.— К., 1973.— С. 253-265.
- Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья.— К., 1989.— 336 с.
- Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А. Новые погребения раннего железного века в Поросье // Древности скифов.— К., 1994.— С. 41-63.
- Ковпаненко Г. Т., Скорый С. А., Батуревич Є. Ю. Кургани скифського часу поблизу с. Іванівка на Київщині // Археологія.— 1996.— № 4.— С. 101-114.
- Козуб Ю. І. Лекіфи Ольвійського некрополя V-IV ст. до н. е. // Археологія.— 1962.— Т. 14.— С. 116-134.
- Козуб Ю. І. Некрополь Ольвії V-IV ст. до н. е.— К., 1974.— 183 с.
- Копейкина Л. В. Золотые бляшки из кургана Куль-Оба // Античная торговля.— Л., 1986.— С. 28-63.
- Копылов В. П. Мечи из погребений V в. до н. э. Елизаветовского курганного могильника // КСИА АН СССР.— 1980.— Вып. 162.— С. 24-27.

- Копылов В. П. Население дельты Дона в V-IV вв. до н. э. // Скифы и сарматы в VII-III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология. — М., 2000. — С. 157-166.
- Кореняко В. А., Лукьяшко С. И. Новые материалы раннескифского времени на левобережье Нижнего Дона // СА. — 1982. — № 3. — С. 149-164.
- Кузнецова Т. М. Зеркала из скифских памятников VI-III вв. до н. э. // СА. — 1987а. — № 1. — С. 35-47.
- Кузнецова Т. М. О терминах для описания зеркал из скифских памятников // СА. — 1987б. — № 2. — С. 18-30.
- Кузнецова Т. М. Зеркала Скифии VI-III века до н. э. — М., 2002. — Т. I. — 352 с.
- Кузьмина Е. Е. Семантика изображения на серебряном диске и некоторые вопросы интерпретации Амударьинского клада // Искусство Востока и античности. — М., 1977. — С. 16-25.
- Кузьмина Е. Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. — Фрунзе, 1986. — 134 с.
- Кулатова И. Н., Луговая Л. Н., Супруненко А. Б. Курганы скифского времени междуречья Ворсклы и Псла. — М., Полтава, 1993. — 108 с.
- Кулатова И. Н., Супруненко А. Б. Первый Мгарский курган // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. — Полтава, 1996. — С. 318-338.
- Куприй С. А. Скифский курганный могильник у с. Новофедоровка на юге Херсонщины // Курганы степной Скифии. — К., 1991. — С. 108-117.
- Куприй С. А., Данилко Н. М. Конские погребения Водославского могильника // Від Кіммерії до Сарматії. — К., 2004. — С. 46-48.
- Курочкин Г. Н. Гипотетическая реконструкция погребального обряда скифских царей VIII-VII вв. до н. э. и курган Аржан // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. — Кемерово, 1980. — С. 105-125.
- Лесков О. М. Скарби курганів Херсонщини. — К., 1974. — 123 с.
- Либеров П. Д. Новые материалы из курганов у села Черемушны // КСИА АН СССР. — 1961. — Вып. 83. — С. 104-109.
- Либеров П. Д. Памятники скифского времени бассейна Северского Донца // МИА. — 1962. — № 113. — С. 5-85.
- Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. — 1965. — Вып. Д1-31. — 112 с.

- Максименко В. Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону.— Ростов-на-Дону, 1983.— 224 с.
- Максименко В. Е. Начало проникновения сарматов в Северное Причерноморье и завоевание Скифии // Донские древности.— Азов, 1997.— Вып. 5.— С. 41-49.
- Малеев Ю. Н. Курган скифского времени у с. Мышковцы в бассейне р. Збруч // Курганы степной Скифии.— К., 1991.— С. 122-130.
- Манцевич А. П. Шейные уборы скифского периода // КСИИМК.— 1948.— Вып. XXII.— С. 68-73.
- Манцевич А. П. Мастюгинские курганы по материалам из собрания Государственного Эрмитажа // АСГЭ.— 1973.— Вып. 15.— С. 12-46.
- Манцевич А. П. Курган Солоха.— М., 1987.— 135 с.
- Махно Є. В. Кургани скіфського часу біля с. Малі Будки // Археологія.— 1953.— Т. VIII.— С. 123-127.
- Мачинский Д. А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ.— 1971.— Вып. 13.— С. 30-54.
- Медведев А. П. Посульские и среднедонские курганы скифского времени // Историко-культурна спадщина Глухівщини.— Глухів, 1992.— С. 71-73.
- Медведев А. П. Новые материалы о финале лесостепной Скифии // Донские древности.— Азов, 1997.— Вып. 5.— С. 50-66.
- Медведев А. П. Ранний железный век Лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э.— М., 1999.— 160 с.
- Медведев А. П. Раскопки Староживотинного могильника скифского времени // Верхнедонской археологический сборник.— Липецк, 2001.— Вып. 2.— С. 4-14.
- Медведев А. П. Исследования по археологии и истории Лесостепной Скифии.— Воронеж, 2004.— 144 с.
- Мелюкова А. И. Войско и военное искусство скифов // КСИИМК.— 1950.— Вып. 34.— С. 30-41.
- Мелюкова А. И. Вооружение скифов // САИ.— 1964.— Вып. Д1-4.— 91 с.
- Мелюкова А. И. Раскопки курганов у с. Буторы // АО 1972 г.— М., 1973.— С. 413, 414.
- Мелюкова А. И. Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка.— М., 1975.— 259 с.

- Мелюкова А. И. Краснокутский курган.— М., 1981.— 111 с.
- Мелюкова А. И. Скифские курганы возле Солохи (раскопки 1961-1962 гг.) // Евразийские древности. 100 лет Б. Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи.— М., 1999.— С. 60-97.
- Мерперт Н. Я. Акинак с когтевидным навершием // КСИИМК.— 1948.— Вып. XXII.— С. 74-79.
- Миллер А. А. Из поездки по Абхазии в 1907 году // МЭР.— 1910.— Т. 10.— С. 61-80.
- Минасян Р. С. Литые бронзовых котлов у народов степей Евразии (VII в. до н. э. - V в н. э.) // АСГЭ.— 1986.— Вып. 27.— С. 61-78.
- Минжулин А. И. Защитное вооружение воина-лучника V-IV вв. до н. э. из кургана у сел. Гладковщина (реставрация и научная реконструкция) // СА.— 1988.— № 4.— С. 116-126.
- Мирошина Т. М. Скифские калафы // СА.— 1980.— № 1.— С. 30-45.
- Мирошина Т. М. Некоторые типы скифских женских головных уборов IV-III вв. до н. э. // СА.— 1981.— № 4.— С. 46-69.
- Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата.— Харьков, 1985.— 148 с.
- Міхеєв В. К., Шрамко Б. А. Археологія залізного віку Східної Європи.— Харків, 2000.— 224 с.
- Мозолевский Б. Н. Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифские древности.— К., 1973.— С. 187-234.
- Мозолевський Б. М. Товста Могила.— К., 1979.— 251 с.
- Мозолевский Б. Н. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972-1975 гг.) // Скифия и Кавказ.— К., 1980.— С. 70-154.
- Мозолевский Б. Н. Скифский «царский» курган Желтокаменка // Древности Степной Скифии.— К., 1982.— С. 179-222.
- Мозолевский Б. Н. К вопросу о скифском Герросе // СА.— 1986.— № 2.— С. 70-83.
- Мозолевский Б. Н. Малый Чертомлык // Скифы Северного Причерноморья.— К., 1987.— С. 63-74.
- Мозолевський Б. М. Кургани вищої скіфської знаті і проблема політичного устрою Скіфії // Археологія.— 1990.— № 1.— С. 122-138.

- Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII-II вв. до н. э.— Саратов, 1999.— 678 с.
- Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель.— М.; Саратов, 2003.— 352 с.
- Морган К. Каталог аттической керамики из коллекции Таманского музея // Таманская старина.— СПб, 1999.— Вып. 2.— 107 с.
- Морозов Ю. И. Заметки и материалы по археологии // Труды Харьковской комиссии по устройству XIII археологического съезда в г. Екатеринославе.— Харьков, 1905.— С. 578-589.
- Моруженко А. А. Городища лесостепных племен Днепро-Донского междуречья VII-III вв. до н. э. // СА.— 1985.— № 1.— С. 160-178.
- Моруженко А. А. Историко-культурная общность лесостепных племен междуречья Днепра и Дона в скифское время // СА.— 1989.— № 4.— С. 25-40.
- Моруженко А. О. Скифський курган Передерієва Могила // Археологія.— 1992.— № 4.— С. 67-75.
- Мурзин В. Ю. Погребальный обряд степных скифов в VII-V вв. до н. э. // Древности Степной Скифии.— К., 1982.— С. 47-64.
- Мурзин В. Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья.— К., 1984.— 132 с.
- Мурзин В. Ю. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса.— К., 1990.— 87 с.
- Мурзін В. Ю., Ролле Р., Супруненко О. Б. Вільське городище.— К.-Гамбург-Полтава, 1999.— 102 с.
- Мурзин В. Ю., Ролле Р. Гибель Великой Скифии и царь Атей // Скифы и сарматы в VII-III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология.— М., 2000.— С. 216-219.
- Нейхардт А. А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии.— Л., 1982.— 240 с.
- Нечитайло А. Л., Бунятян Е. П. Курганная группа близ с. Чкалово // Курганы степного Крыма.— К., 1984.— С. 6-40.
- Окатынко В. Н. Некоторые результаты новых раскопок городища в урочище Городище // Проблеми історії та археології України.— Харків, 2003.— С. 43-46.

- Ольховский В. С. Раннескифские погребальные сооружения по Геродоту и археологическим данным // СА.— 1978.— № 4.— С. 83-97.
- Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии VII-III вв. до н. э.— М., 1991.— 253 с.
- Онайко Н. А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII-V вв. до н. э. // САИ.— 1966.— Вып. Д1-27.— 149 с.
- Онайко Н. А. Античный импорт в Приднесторовье и Побужье в IV-II вв. до н. э. // САИ.— 1970.— Вып. Д1-27.— 212 с.
- Онайко Н. А. О новых публикациях античной торевтики из скифских курганов Поднепровья // СА.— 1982.— № 4.— С. 248-260.
- Островерхов А. С. Ольвия и торговые пути Скифии // Древности Северо-Западного Причерноморья.— К., 1981.— С. 84-94.
- Островерхов А. С. Фаянсовые и стеклянные бусы в Скифии и Сарматии // ВДИ.— 1985.— № 3.— С. 92-109.
- Петренко В. Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V-III вв до н. э. // САИ.— 1967.— Вып. Д1-4.— 179 с.
- Петренко В. Г. Украшения Скифии VII-III вв до н. э. // САИ.— 1978.— Вып. Д4-5.— 144 с.
- Плешивенко А. Г. Исследование скифских курганов в Днепровском Надпорожье // Древности Степного Причерноморья и Крыма.— Запорожье, 1991а.— Вып. II.— С. 143-152.
- Плешивенко А. Г. Скифский курган у Белозерского лимана // Курганы степной Скифии.— К., 1991б.— С. 53-72.
- Покровська Є. Ф. Розкопки коло с. Макіївки // АП.— 1949.— Т. 2.— С. 130-138.
- Покровська Є. Ф. Кургани IV ст. до н. е. біля Холодного Яру поблизу м. Сміла // Археологія.— 1957.— Т. X.— С. 65-79.
- Покровська Є. Ф., Діденко О. П. Кургани скіфського часу біля Умані // Археологія.— 1970.— Т. XXIII.— С. 166-175.
- Полин С. В. Захоронение скифского воина-дружинника у с. Красный Подол на Херсонщине // Вооружение скифов и сарматов.— К., 1984а.— С. 103-119.
- Полин С. В. Про сарматське завоювання Північного Причорномор'я // Археологія.— 1984б.— № 45.— С. 24-34.
- Полин С. В. От Скифии к Сарматии.— К., 1992.— 200 с.

- Полин С. В. О походе Дария в Причерноморскую Скифию // Древности скифов.— К., 1994.— С. 86-102.
- Полин С. В., Кубышев А. И. Скифские курганы Устлюкского междуречья.— К., 1997.— 87 с.
- Полин С. В., Симоненко А. В. Скифия и сарматы // Донские древности.— Азов, 1997.— Вып. 5.— С. 87-98.
- Привалова О. Я., Зарайская Н. П., Привалов А. И. Двугорбая Могила // Древности Степной Скифии.— К., 1982.— С. 148-178.
- Природа и население Слободской Украины. Харьковская губерния.— Харьков, 1918.— 336 с.
- Пузикова А. И. Новые курганы скифского времени в Белгородской области // КСИА АН СССР.— 1966.— Вып. 107.— С. 80-91.
- Пузикова А. И. Раскопки могильника скифского времени у села Дуровка в 1965 г. // Население Среднего Дона в скифское время.— М., 1969.— С. 82-95.
- Пузікова А. І. Вуздечкові набори з Воронезьких курганів // Археологія.— 1980.— Вип. 35.— С. 38-52.
- Пузикова А. И. Акинак из с. Ключ Курской обл. // Древности Евразии в скифо-сарматское время.— М., 1984.— С. 210-213.
- Пузикова А. И. Уникальный комплекс из могильника скифского времени у деревни Дуровка (Среднее Подонье) // РА.— 1997.— № 2.— С. 211-221.
- Пузикова А. И. Скифы Среднего Дона.— М., 1995.— 12 с., 31 табл.
- Пузикова А. И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов).— М., 2001.— 272 с.
- Рабинович Б. З. Шлемы скифского периода // ТОИПК.— 1941.— Т. 1.— С. 99-171.
- Радзиевская В. Е. Курганы VI в. до н. э. у пос. Коломак на Харьковщине // СА.— 1985.— № 1.— С. 257-260.
- Редина Е. Ф. Погребальный обряд скифов Днестро-Дунайских степей // Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья.— К., 1989.— С. 25-34.
- Ростовцев М. И. Эллинизмо и иранство на юге России.— Пг., 1918.— 190 с.
- Ростовцев М. И. Скифия и Боспор.— Л., 1925.— 621 с.
- Русяева М. В. Золоті прикраси у вигляді голови Гери // Археологія.— 1994.— № 1.— С. 104-109.

- Русяева М. В. Изображение пальметт и аканта на памятниках торевтики из скифских курганов IV в. до н. э. // Музейні читання.— К., 2000.— С. 41-45.
- Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия.— М., 1979.— 247 с.
- Рябова В. А. Женское погребение из кургана Денисова Могила // Памятники древних культур Северного Причерноморья.— К., 1979.— С. 47-51.
- Рябова В. О. Дерев'яні чаші з оббивками з курганів скіфського часу // Археологія.— 1984.— Вип. 46.— С. 31-44.
- Рябова В. А. Двуручные чаши из скифских курганов // Скифы Северного Причерноморья.— К., 1987.— С. 144-151.
- Савченко Е. И. Погребальный обряд населения Среднего Дона в V-IV вв. до н. э. (по материалам могильника «Терновое I-Колбино I») // Скифы и сарматы в VII-III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология.— М., 2000.— С. 268-280.
- Савченко Е. И. Могильник скифского времени «Терновое I-Колбино I» на Среднем Дону (погребальный обряд) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху.— М., 2001.— С. 53-143.
- Савченко Е. И. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху.— М., 2004.— С. 151-277.
- Сидоренко Г. О. Скіфський курган на р. Удай // Археологія.— 1964.— Т. XVI.— С. 191-194.
- Силантьева Л. Ф. Некрополь Нимфея // МИА.— 1959.— № 69.— С. 5-107.
- Синика В. С. Ритуальная плита как элемент скифской погребальной обрядности (по материалам курганных памятников Северо-Западного Причерноморья) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века.— Ростов-на-Дону, 2002.— С. 85-87.
- Скорий С. А. Про скіфський етнокультурний компонент у населення Дніпровського Лісостепового Правобережжя // Археологія.— 1987.— № 60.— С. 36-49.
- Скорий С. А. Курган Переп'ятиха (до етнокультурної історії Дніпровського Лісостепового Правобережжя).— К., 1990.— 124 с.
- Скорий С. А. Кочовики передскіфської та скіфської доби у Дніпровському Правобережному Лісостепу (питання етнокультурної історії). Автореф. дис. ...док. іст. наук.— К., 1996.— 48 с.

- Скорый С. А. Стеблев: скифский могильник в Поросье.— К., 1997.— 173 с.
- Скорый С. А. Дата Большого Рыжановского кургана // ПССАСП.— Запорожье, 1999.— С. 240, 241.
- Скорый С. А. Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента).— К., 2003.— 161 с.
- Скорый С. А., Хохоровські Я., Григор'єв В. П., Ридзевські Я. Центральна могила Великого Рижанівського кургану // Археологія.— 1999.— № 1.— С. 94-105.
- Скорый С., Хохоровски Я. Курган Скифская Могила в Днепровской Правобережной Лесостепи (некоторые предварительные итоги исследования) // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму.— Запоріжжя, 2004а.— Т. XI.— С. 239-244.
- Скорый С., Хохоровски Я. Оружие из Большого Рыжановского кургана // Проблемы истории и археологии Украины.— Харьков, 2004б.— С. 36, 37.
- Смирнов А. П. Скифы.— М., 1966.— 200 с.
- Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов // МИА.— 1961.— № 101.— 161 с.
- Смирнов К. Ф. Савроматы: Ранняя история и культура сарматов.— М., 1964.— 379 с.
- Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке.— М., 1975.— 176 с.
- Смирнов К. Ф. Дромосные могилы ранних кочевников Южного Приуралья и вопрос о происхождении сарматских катакомб // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы.— М., 1978.— С. 56-64.
- Смирнов К. Ф. О мечях синдо-меотского типа // КСИА АН СССР.— 1980.— Вып. 162.— С. 38-45.
- Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии.— М., 1984.— 184 с.
- Супруненко О. Б. Розкопки курганного некрополю «Б» // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи.— Полтава, 1996.— С. 88-120.
- Тереножкин А. И. Скифский вопрос // Скифы Северного Причерноморья.— К., 1987.— С. 3-15.
- Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. П. Скифские курганы Никопольщины // Скифские древности.— К., 1973.— С. 113-186.

- Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Мозоловский Б. Н. Скифский курганный могильник Гайманово Поле (раскопки 1968 г.) // Скифы и сарматы. — К., 1977. — С. 152-199.
- Тереножкин А. И., Мозоловский Б. Н. Мелитопольский курган. — К., 1988. — 260 с.
- Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи. V-IV века до н. э. — СПб. — 1995. — 272 с.
- Фиалко Е. Е. Костяные изделия из кургана Огуз // Скифы Северного Причерноморья. — К., 1987. — С. 130-140.
- Фиалко Е. Е. Погребения женщин с оружием у скифов // Курганы степной Скифии. — К., 1991. — С. 4-18.
- Фиалко Е. Е. Памятники скифской эпохи Приднепровской террасовой Лесостепи. — К., 1994. — 94 с.
- Фиалко Е. Е. Наборы местной металлической посуды из скифских погребений // Музейні читання. — К., 2000. — С. 131-136.
- Фиалко Е. Е. Золотые бляшки из кургана Огуз // РА. — 2003. — № 1. — С. 124-133.
- Фиалко Е. Е. Чернолаковая керамика в погребальном обряде скифов (по материалам Рогачикского могильника) // Від Кіммерії до Сарматії. — К., 2004. — С. 87-91.
- Фиалко Е. Е., Болтрик Ю. В. Двурожковые вилочки из погребений памятников Скифии // Скифы и сарматы в VII-III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология. — М., 2000. — С. 287-296.
- Фридман М. И. Скифские курганы у с. Дудчаны на Херсонщине // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. — К., 1987. — С. 159-170.
- Хазанов А. М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. — 1963. — № 4. — С. 58-71.
- Хазанов А. М. Социальная история скифов. — М., 1975. — 343 с.
- Ханенко Б. Н., Ханенко В. И. Древности Приднепровья. — К., 1899. — Вып. II. — 44 с, 37 табл.
- Чеботаренко Г. Ф. Скифские курганы у с. Балабаны // АИМ-1970. — Кишинев, 1973. — С. 113-129.
- Чередниченко Н. П., Фиалко Е. Е. Погребение жрицы из Бердянского кургана // СА. — 1988. — № 2. — С. 149-166.
- Черненко Е. В. Скифский доспех. — К., 1968. — 191 с.

- Черненко Е. В. Оружие из Толстой Могилы // Скифский мир.— К., 1975.— С. 152-173.
- Черненко Е. В. Скифские лучники.— К., 1981.— 168 с.
- Черненко Е. В. Скифо-персидская война.— К., 1984.— 117 с.
- Черненко Е. В. Люботинский курган // Скифы и сарматы в VII-III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология.— М., 2000.— С. 297-303.
- Черненко Е. В., Бунятян Е. П. Курганная группа Широкое-II // Курганы Южной Херсонщины.— К., 1977.— С. 45-93.
- Черненко Е. В., Бессонова С. С., Болтрик Ю. В., Полин С. В., Скорый С. А., Бокий Н. М., Гребенников Ю. С. Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья.— К., 1986.— 368 с.
- Шапошникова О. Г. Погребение скифского воина на р. Ингул // СА.— 1970.— № 3.— С. 208-212.
- Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора в VI-II вв. до н. э.— М., 1956.— 222 с.
- Шилов В. П. Золотой клад скифского кургана // Археологические раскопки на Дону.— Ростов-на-Дону, 1962.— С. 52-69.
- Шкурко А. И. Скифское искусство звериного стиля // Музейное дело в СССР.— М., 1977.— С. 94-113.
- Шкурко А. И. Фантастические существа в искусстве лесостепной Скифии // Археологические исследования на юге Восточной Европы.— М., 1982.— С. 3-9.
- Шрамко Б. А. Курган и городище у села Циркуны // КСИИМК.— 1956.— Вып. 63.— С. 103-108.
- Шрамко Б. А. Археологічні дослідження курганів раннього залізного віку в околицях м. Люботина // Уч. зап. Харк. ун-ту. Іст. фак.— 1957.— Т. 5.— С. 193-203.
- Шрамко Б. А. Древности Северского Донца.— Харьков, 1962а.— 404 с.
- Шрамко Б. А. Поселення скіфського часу в басейні Дінця // Археологія.— 1962б.— Т. XIV.— С. 136-155.
- Шрамко Б. А. Металеві знаряддя виробництва Лісостепової Скіфії (ножі) // Питання історії народів СРСР.— Харків, 1965.— Вып. 1.— С. 137-152.
- Шрамко Б. А. Орудия скифской эпохи для обработки железа // СА.— 1969.— № 3.— С. 53-70.
- Шрамко Б. А. Восточное укрепление Бельского городища // Скифские древности.— К., 1973.— С. 82-112.

- Шрамко Б. А. Крепость скифского времени у с. Вельск — город Гелон // Скифский мир.— К., 1975а.— С. 94-132.
- Шрамко Б. А. Некоторые итоги раскопок Вельского городища и гелонобудинская проблема // СА.— 1975б.— № 1.— С. 65-85.
- Шрамко Б. А. Розкопки курганів раннього залізного віку на Харківщині // Археологія.— 1983а.— № 43.— С. 54-61.
- Шрамко Б. А. Археология раннего железного века Восточной Европы.— Харьков, 1983б.— 133 с.
- Шрамко Б. А. Архаическая керамика Восточного укрепления Бельского городища и проблема происхождения его обитателей // АСГЭ.— 1983в.— № 23.— С. 72-92.
- Шрамко Б. А. Рец.: Мозолевський Б. М. Товста Могила.— К.: Наукова думка, 1979.— 251 с. // СА.— 1984.— № 1.— С. 272-280.
- Шрамко Б. А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон).— К., 1987.— 178 с.
- Шрамко Б. А. Была ли Лесостепь завоевана скифами // Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини.— Полтава, 1990.— С. 124-126.
- Шрамко Б. А. Курганы у с. Веселое в Харьковской области // ВХУ.— 1992.— Вып. 25.— С. 110-119.
- Шрамко Б. А. Новые раскопки курганов в могильнике Скоробор // Древности.— Харьков, 1994.— С. 102-126.
- Шрамко Б. А. Возникновение и развитие Бельского городища // Проблемы истории и археологии Украины.— Харьков, 1997.— С. 36.
- Шрамко Б. А. Люботинское городище // Люботинское городище.— Харьков, 1998.— С. 9-131.
- Шрамко Б. А. Некоторые вопросы развития строительства в Лесостепной Скифии // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий.— Донецк, 2000.— С. 28-30.
- Шрамко Б. А. К вопросу о взаимоотношениях племен степной и лесостепной Скифии // Проблеми історії та археології України.— Харків, 2003.— С. 49-51.
- Шрамко Б. А., Фомін Л. Д., Солнцев Л. О. Техніка виготовлення скіфської наступальної зброї із заліза й сталі // Археологія.— 1970.— Т. XXIII.— С. 40-59.

- Шрамко Б. А., Бойко Ю. Н. Раскопки курганов и майданов в бассейне р. Мерлы // ВХУ.— 1988.— Вып. 22.— С. 98-108.
- Шрамко Б. А., Михеев В. К., Грубник-Буйнова Л. П. Справочник по археологии Украины. Харьковская область.— К., 1977.— 156 с.
- Шрамко И. Б. Сварные изделия скифского времени в бассейне Ворсклы // Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини.— Полтава, 1990.— С. 137-139.
- Шрамко И. Б. Об одном типе мечей скифской эпохи // История и археология Слободской Украины.— Харьков, 1992.— С. 221-223.
- Щегленко А. В. Обряд погребения лесостепных племен междуречья Днепра и Дона в VII-III вв. до н. э. // ВХУ.— 1983.— Вып. 238.— С. 110-119.
- Эрлих В. Р. Меотские мечи из Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья.— М., 1991.— С. 77-99.
- Яковенко Э. В., Бидзиля В. И. Гравированные костяные пластины из «Гаймановой Могилы» // Проблемы античной истории и культуры.— Ереван, 1979.— С. 457-464.
- Янгулов С. Ю. Скифские двулезвийные мечи из Елизаветовского могильника (V-IV вв. до н. э.) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века.— Ростов-на-Дону, 2002.— С. 54-59.
- Яценко С. А. О некоторых антропоморфных сюжетах номадов Европы V-IV вв. до н. э. // ПССАСП.— Запорожье, 1999.— С. 282-285.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИМ	Археологические исследования в Молдавии
АЛЛЮ	Археологічний літопис Лівобережної України
АО	Археологические открытия
АП	Археологічні пам'ятки УРСР
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВДИ	Вестник древней истории
ВХУ	Вестник Харьковского университета
ВССА	Вопросы скифо-сарматской археологии
ИА НАНУ	Институт археологии Национальной Академии наук Украины
КСИА АН СССР	Краткие сообщения института археологии Академии наук СССР
КСИИМК	Краткие сообщения института истории материальной культуры
МАЭСУ	Музей археологии и этнографии Слободской Украины
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
МЭР	Материалы по этнографии России
ЛГУ	Ленинградский государственный университет
ПСА	Проблемы скифской археологии
ПССАСП	Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья
СА	Советская археология
САИ	Свод археологических источников
СГЭ	Сообщения Государственного Эрмитажа
РА	Российская археология
ТОИПК	Труды Отдела истории первобытной культуры
УІЖ	Український історичний журнал
ХИМ	Харьковский исторический музей

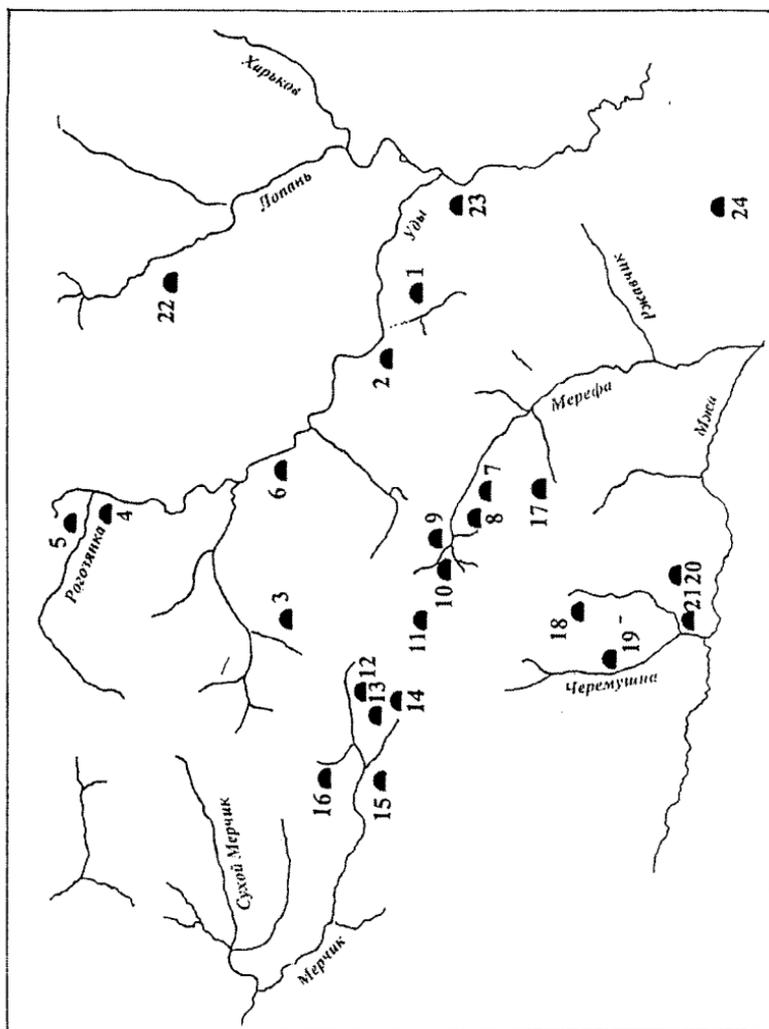

Рис. 1. Карта расположения ближайших курганных могильников скифского времени: 1 — Песочин; 2 — Коротич; 3 — Протопоповка; 4, 5 — Малая Рогозянка; 6 — Пересечная; 7-11 — люботинские могильники (7 — Гиевка; 8 — Соломаховка; 9 — Люботин; 10 — Караван; 11 — Совнаркомовская); 12-16 — Старый Мерчик; 17 — Быстрое; 18 — Огульцы; 19 — Черемушная; 20 — Одрынка; 21 — Паньковка; 22 — Дергачи; 23 — Липовая Роща; 24 — Островерховка.

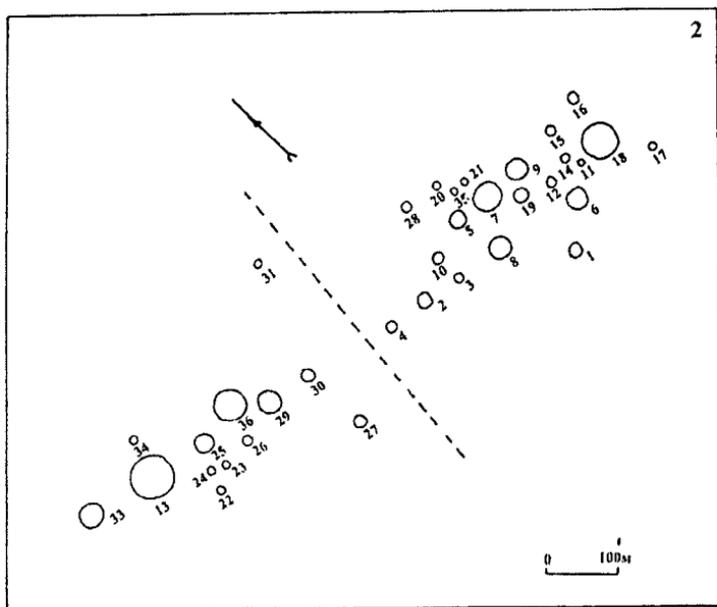
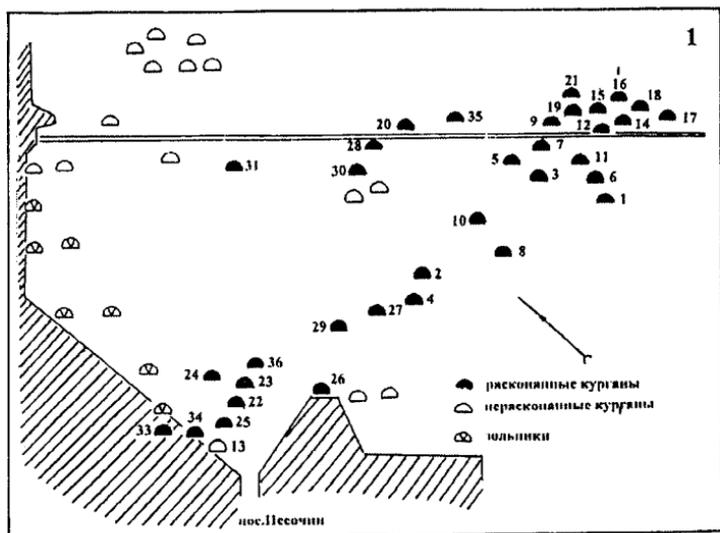

Рис. 2. План курганного могильника у пос. Песочин, составленный: 1 — на основе глазомерной съемки; 2 — на основе данных из научных отчетов.

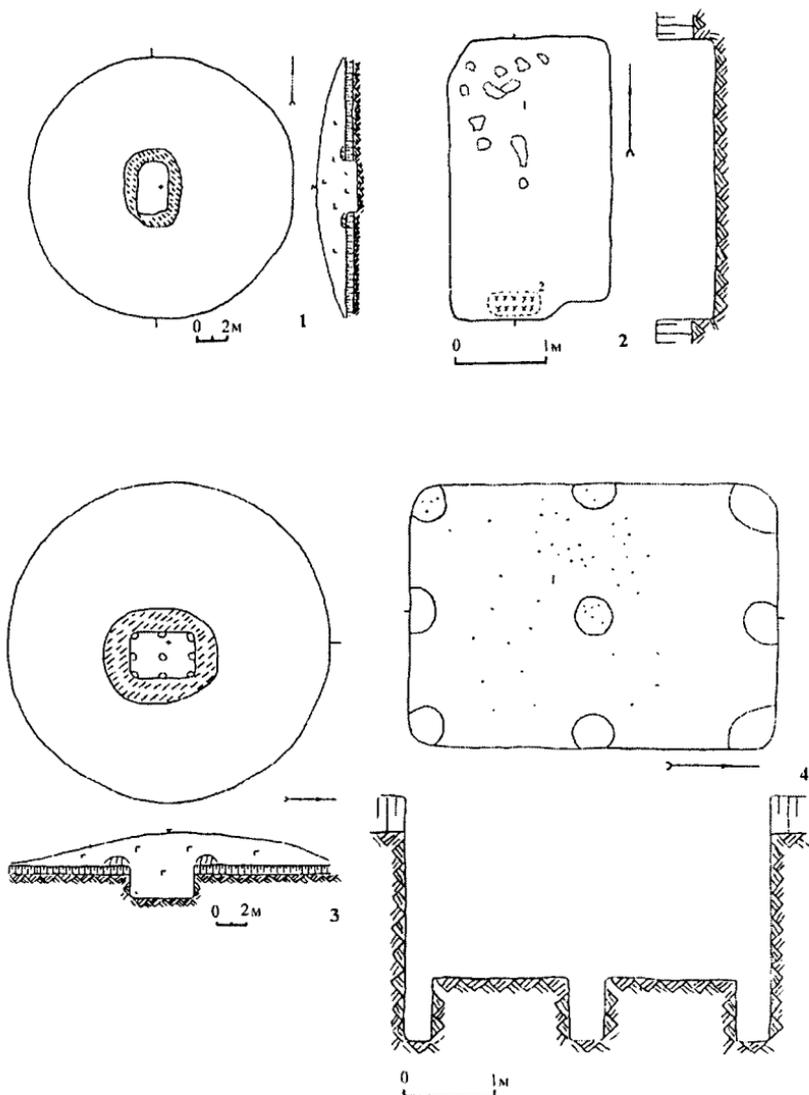

Рис. 3. Курганы № № 1 и 2. 1, 2 — курган № 1: 1 — план и разрез кургана; 2 — план и разрез погребения: 1 — фрагменты амфоры; 2 — зольное пятно. 3, 4 — курган № 2: 3 — план и разрез кургана; 4 — план и разрез погребения: 1 — золотые украшения.

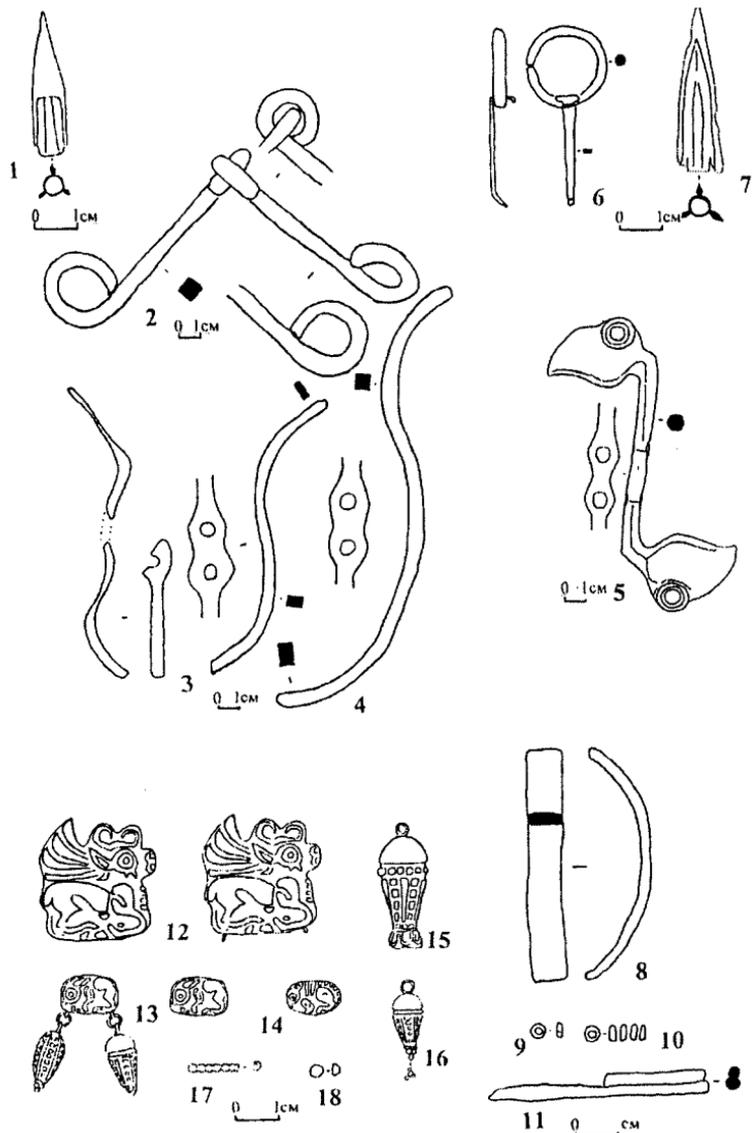

Рис. 4. Инвентарь курганов № № 1 и 2: 1 — курган № 1; 2-18 — курган № 2. Материал: 1, 5-7, 9 — бронза; 2-4, 8, 11 — железо; 10 — стекло; 12-18 — золото.

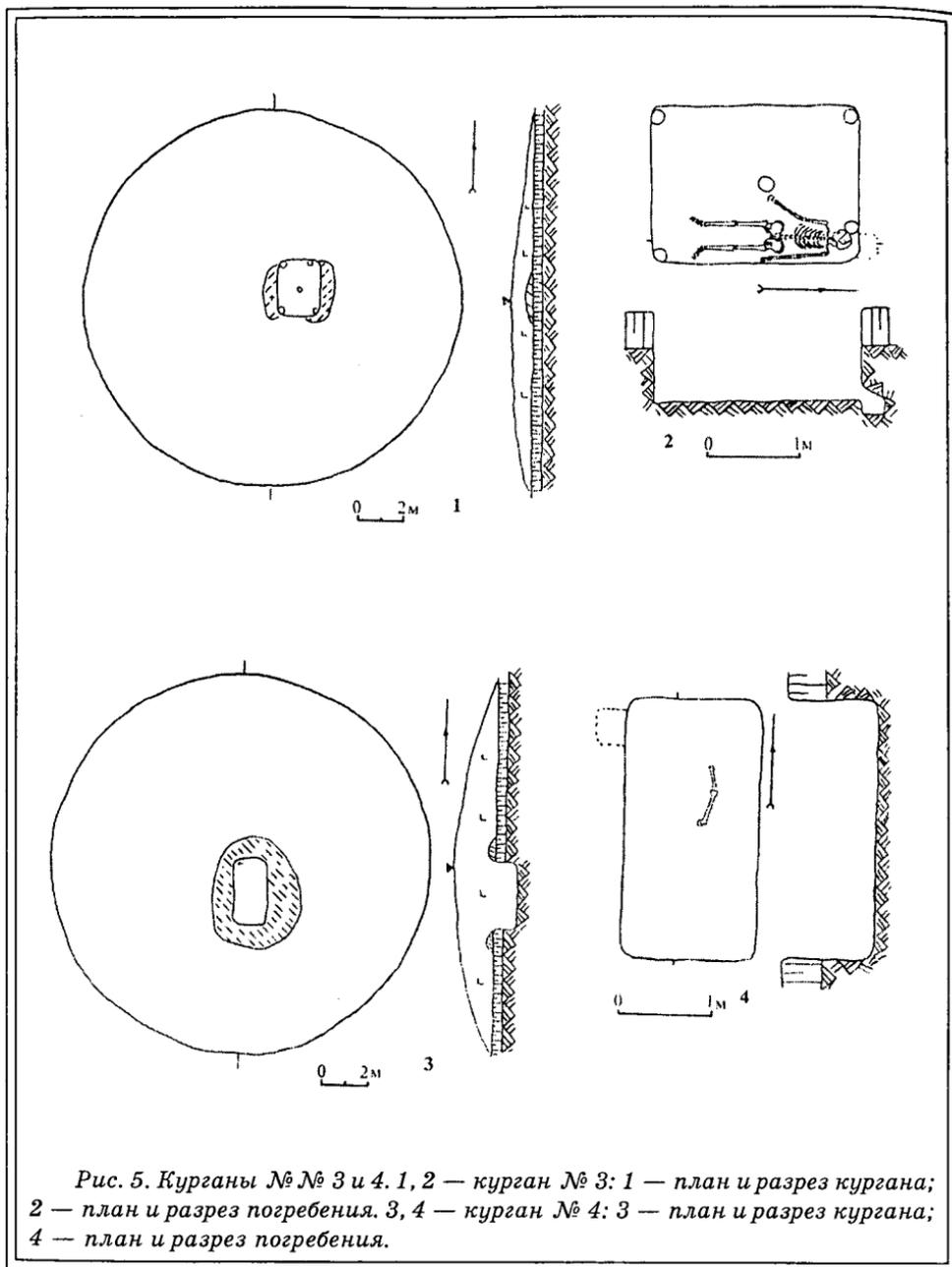
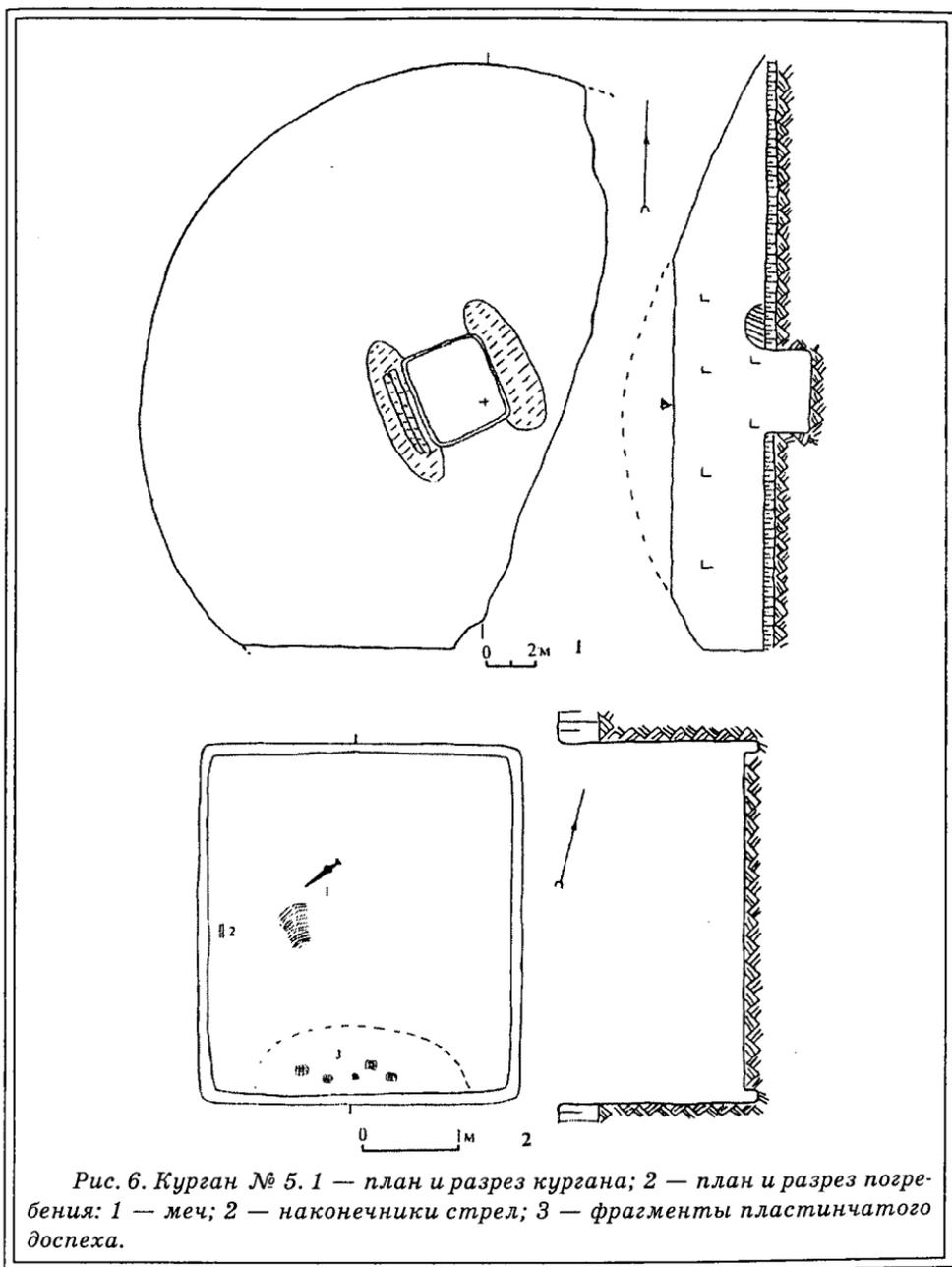

Рис. 5. Курганы № № 3 и 4. 1, 2 — курган № 3: 1 — план и разрез кургана; 2 — план и разрез погребения. 3, 4 — курган № 4: 3 — план и разрез кургана; 4 — план и разрез погребения.

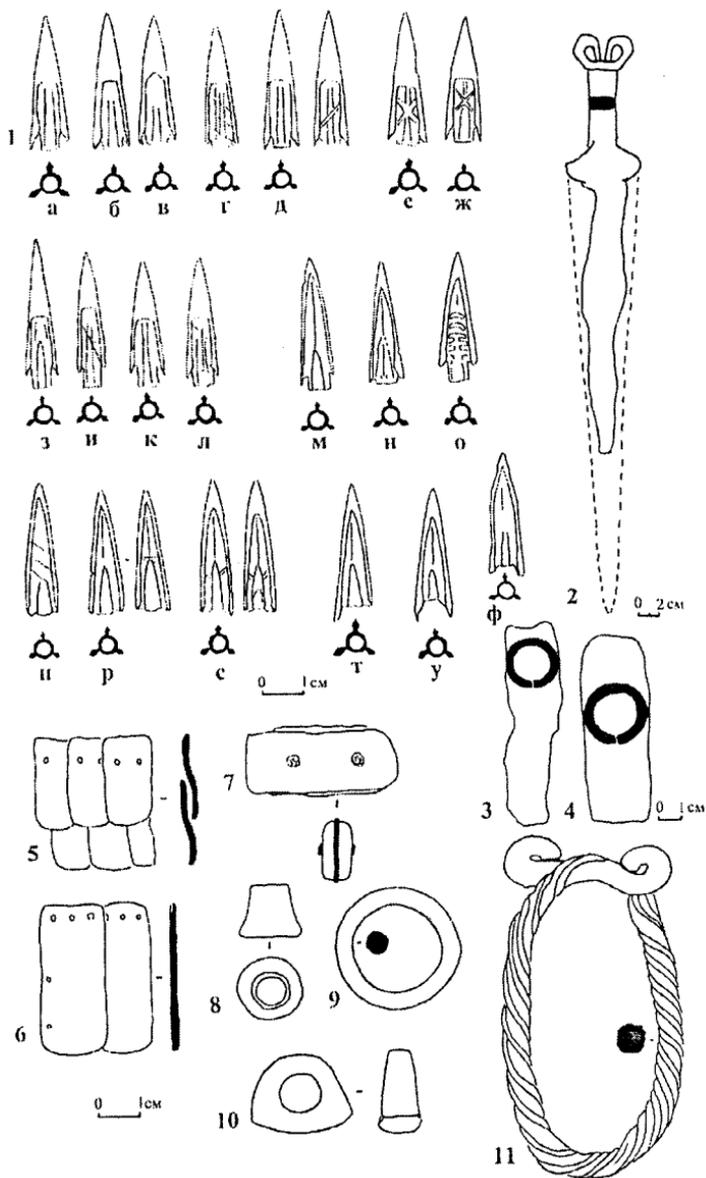

Рис. 7. Инвентарь кургана № 5. Материал: 1а-ф, 8-10 — бронза; 2-6, 11 — железо; 7 — железо, кость.

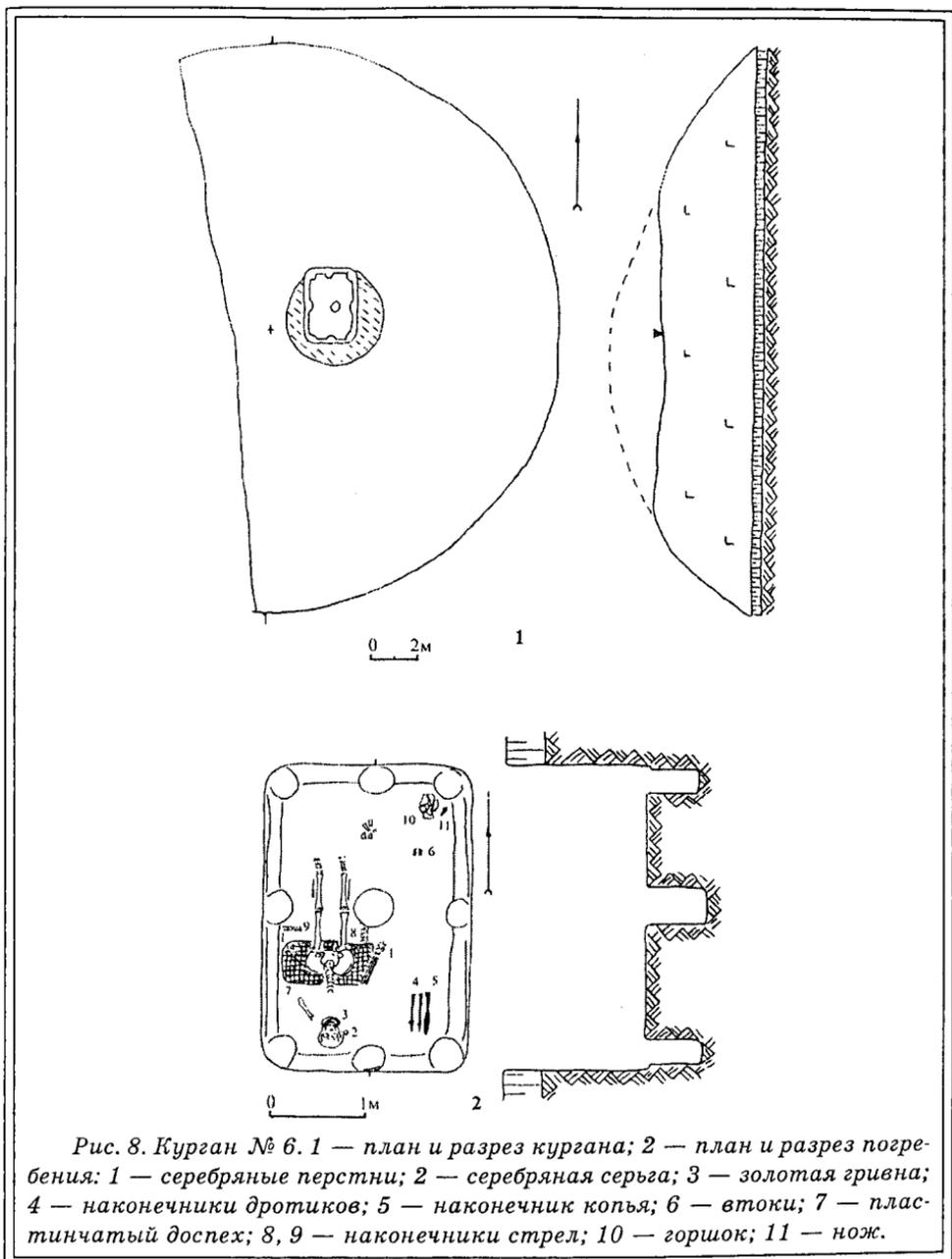

Рис. 8. Курган № 6. 1 — план и разрез кургана; 2 — план и разрез погребения; 1 — серебряные перстни; 2 — серебряная серьга; 3 — золотая гривна; 4 — наконечники дротиков; 5 — наконечник копья; 6 — втоки; 7 — пластинчатый доспех; 8, 9 — наконечники стрел; 10 — горшок; 11 — нож.

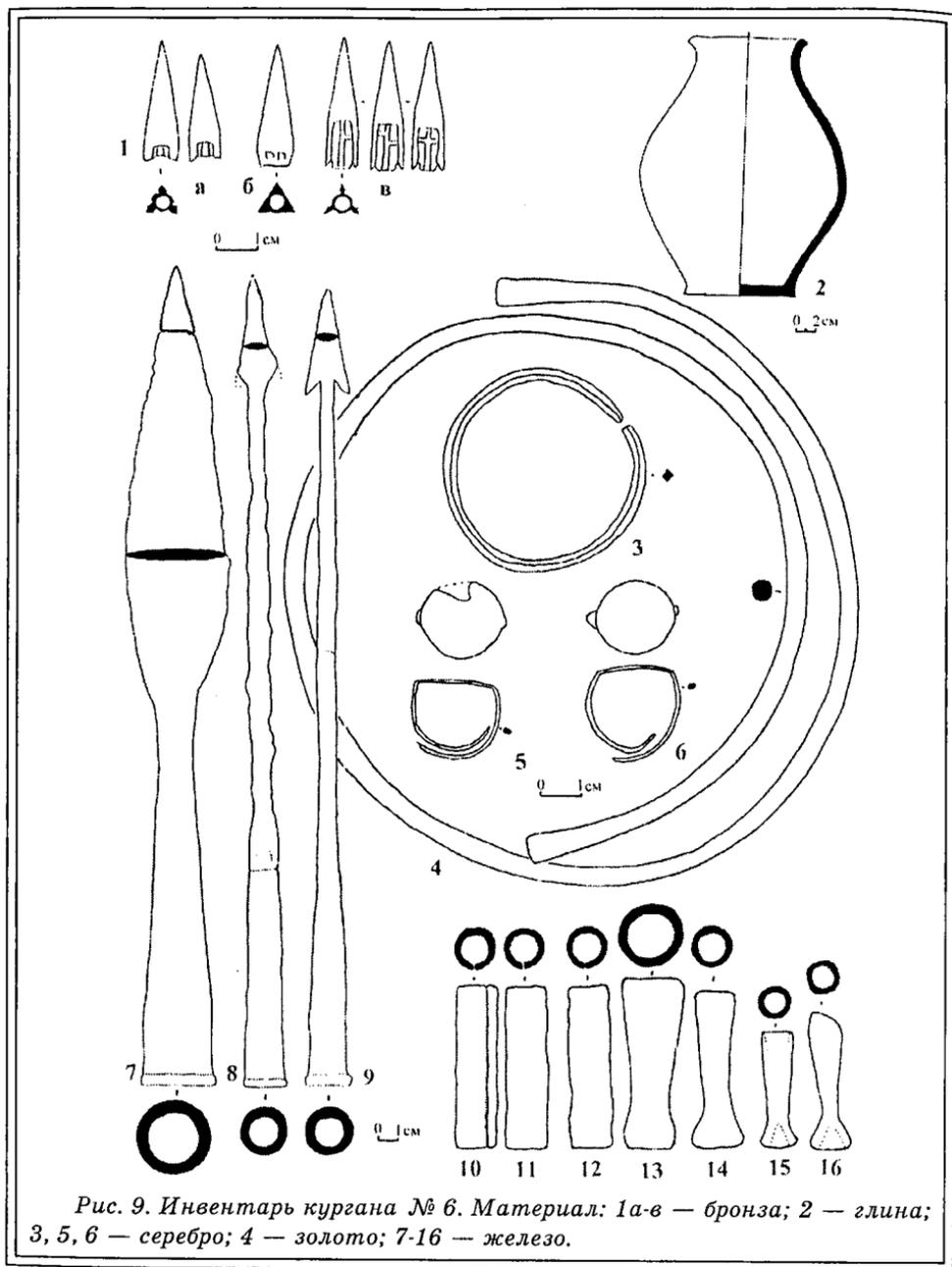
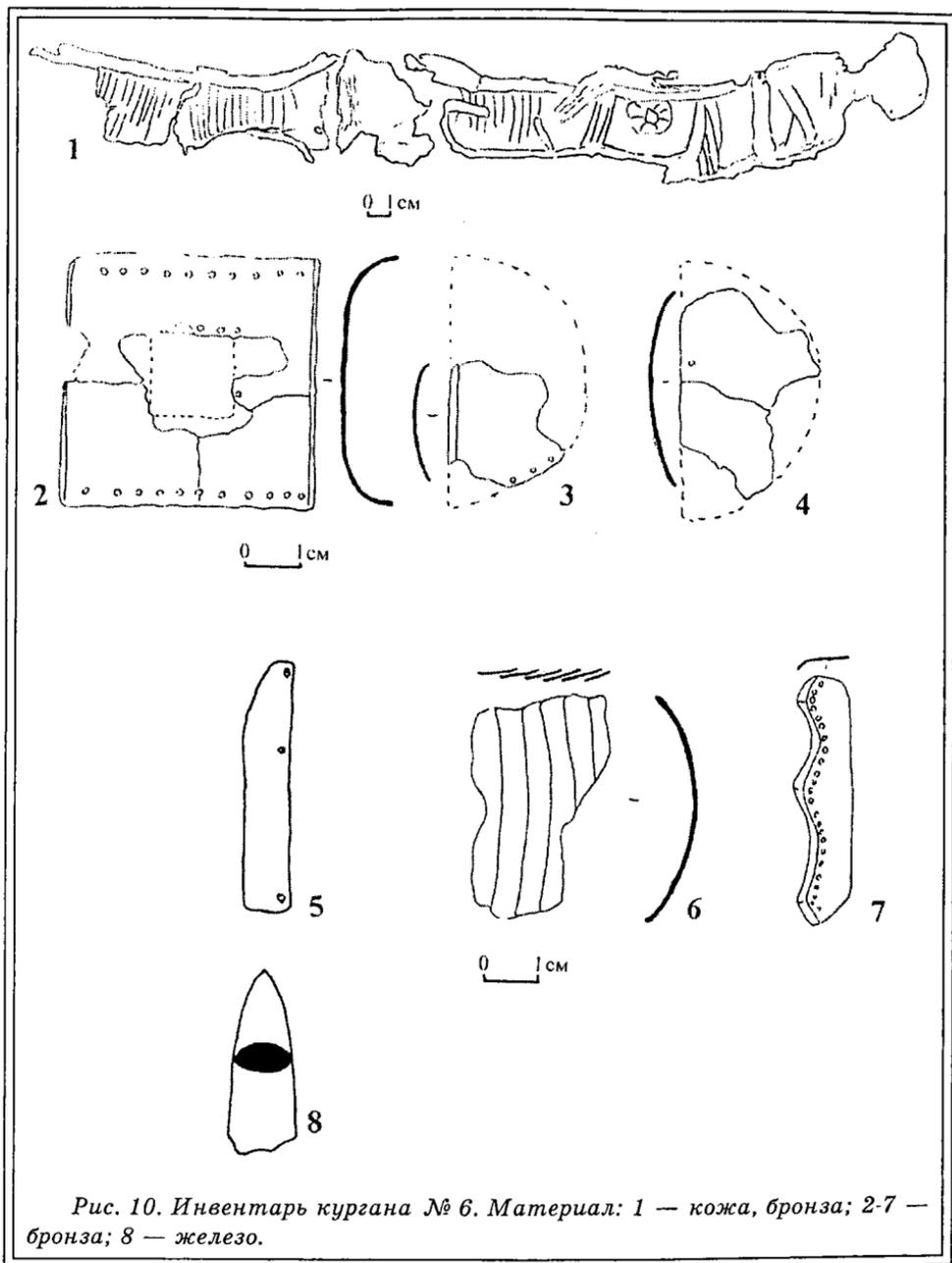

Рис. 9. Инвентарь кургана № 6. Материал: 1а-в — бронза; 2 — глина; 3, 5, 6 — серебро; 4 — золото; 7-16 — железо.

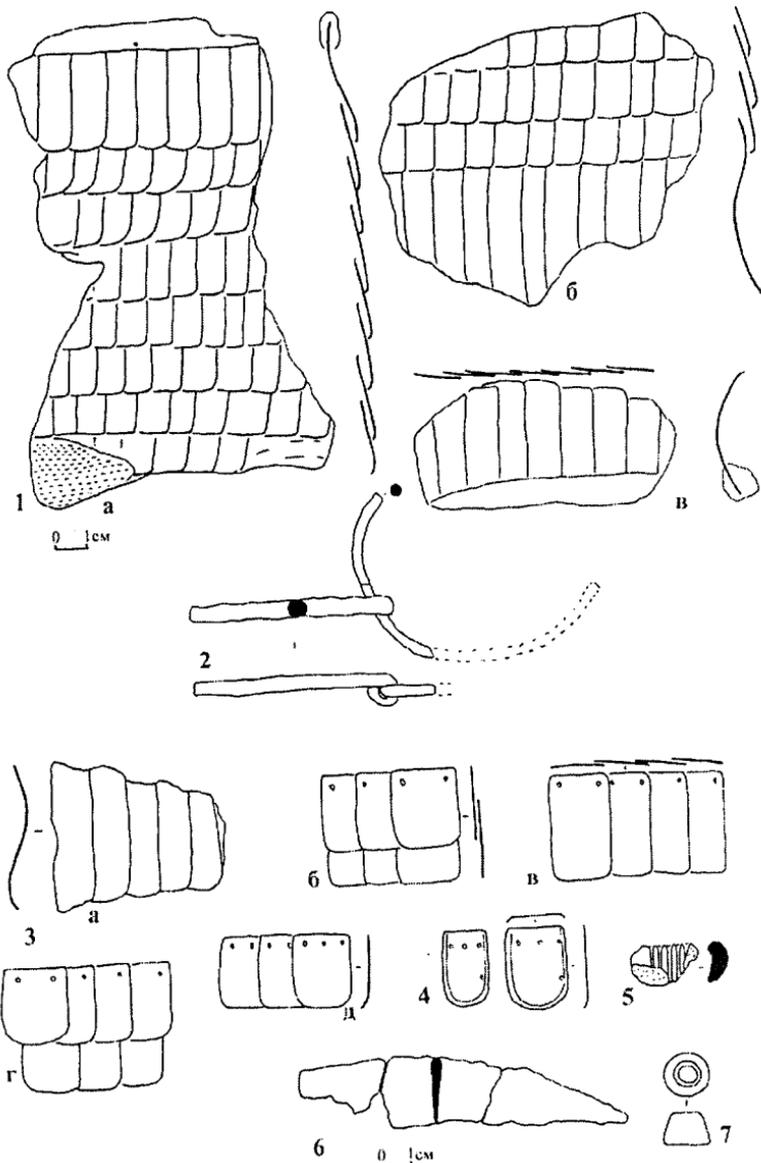

Рис. 11. Инвентарь курганов № № 6 и 9: 1, 2 — курган № 6; 3-7 — курган № 9. Материал: 1-4, 6, 7 — железо; 4 — бронза; 5 — кость.

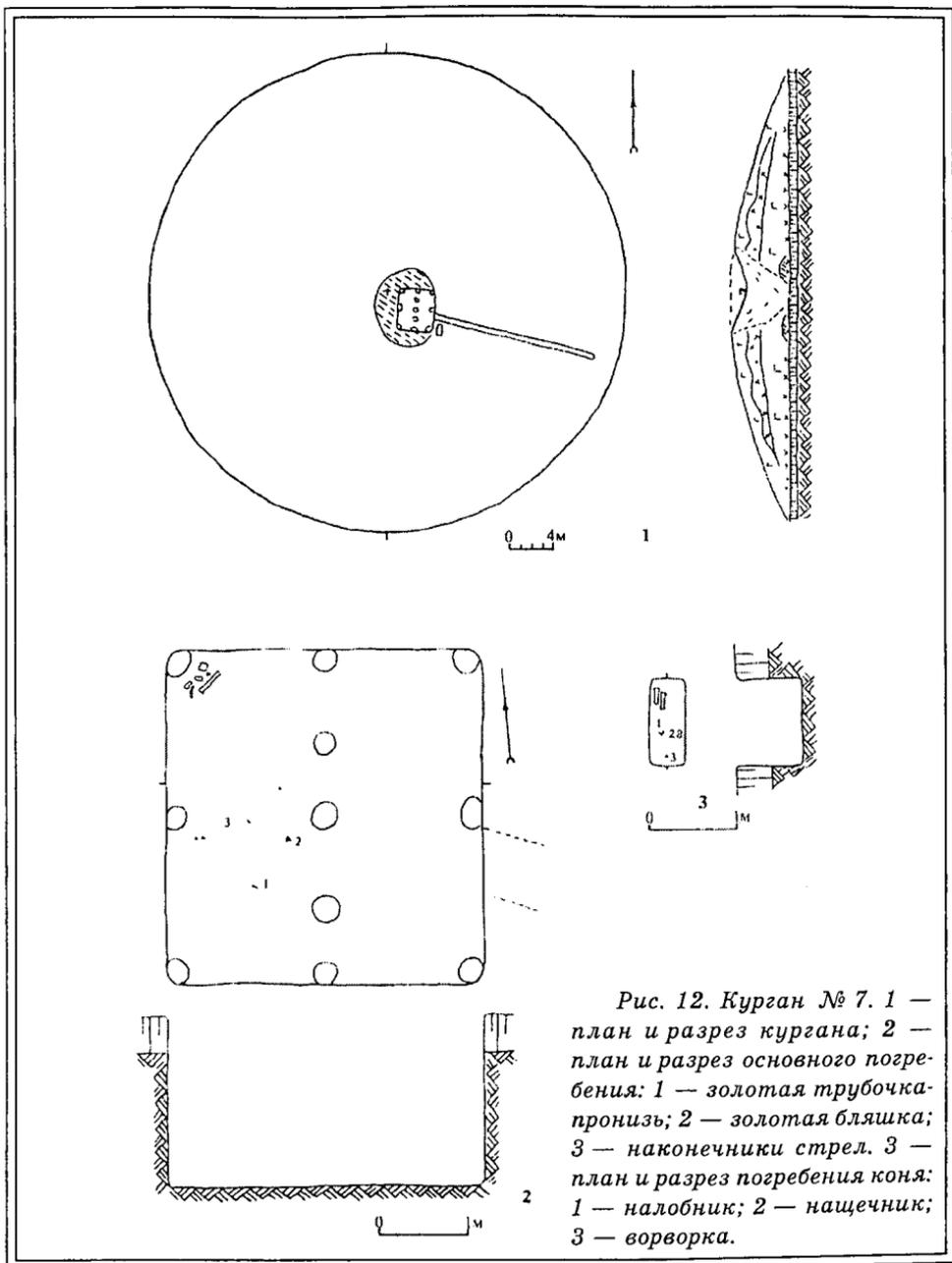

Рис. 12. Курган № 7. 1 — план и разрез кургана; 2 — план и разрез основного погребения: 1 — золотая трубочка-пронизь; 2 — золотая бляшка; 3 — наконечники стрел. 3 — план и разрез погребения коня: 1 — налобник; 2 — нащечник; 3 — ворворка.

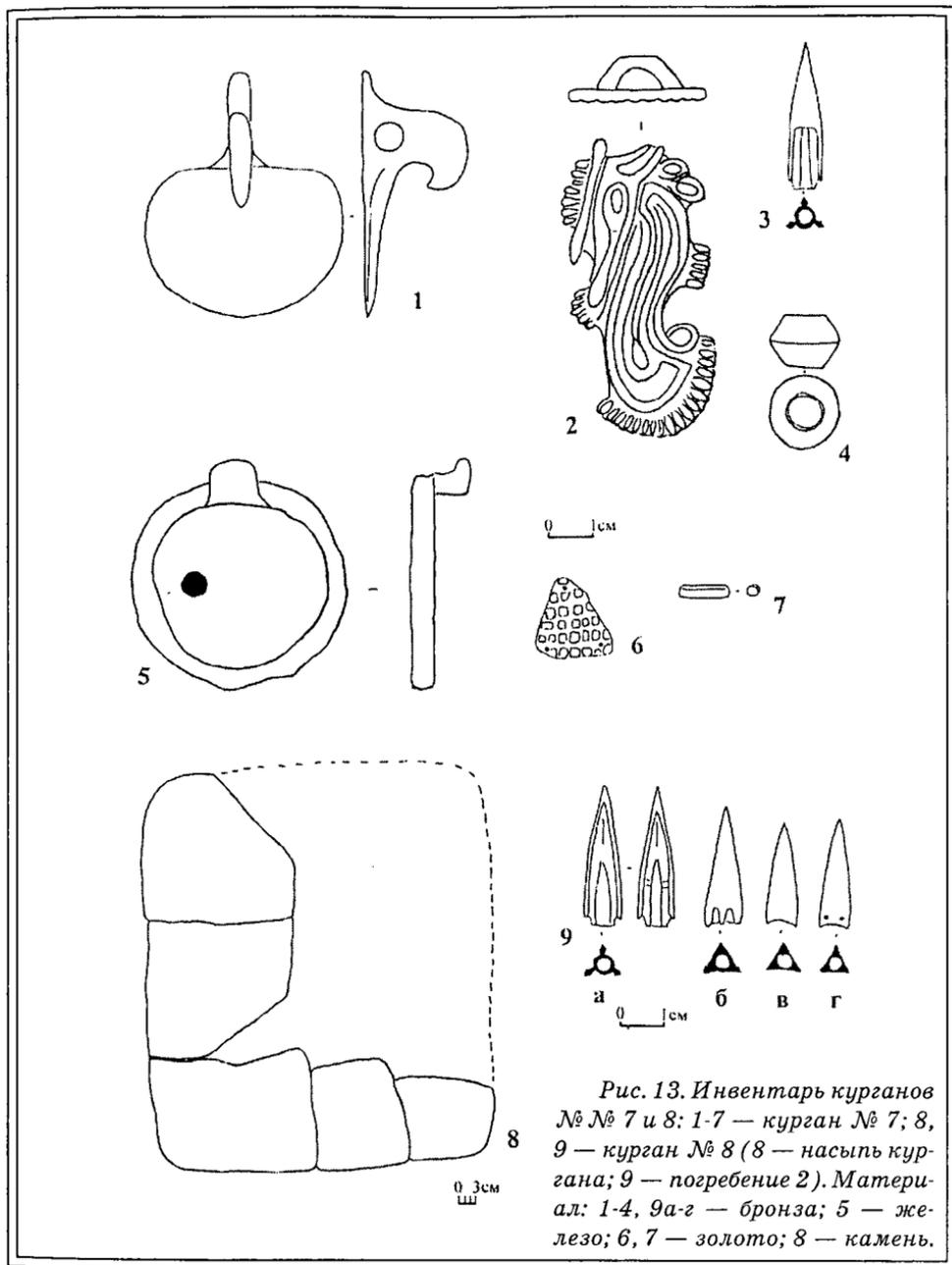

Рис. 13. Инвентарь курганов № № 7 и 8: 1-7 — курган № 7; 8, 9 — курган № 8 (8 — насыпь кургана; 9 — погребение 2). Материал: 1-4, 9а-г — бронза; 5 — железо; 6, 7 — золото; 8 — камень.

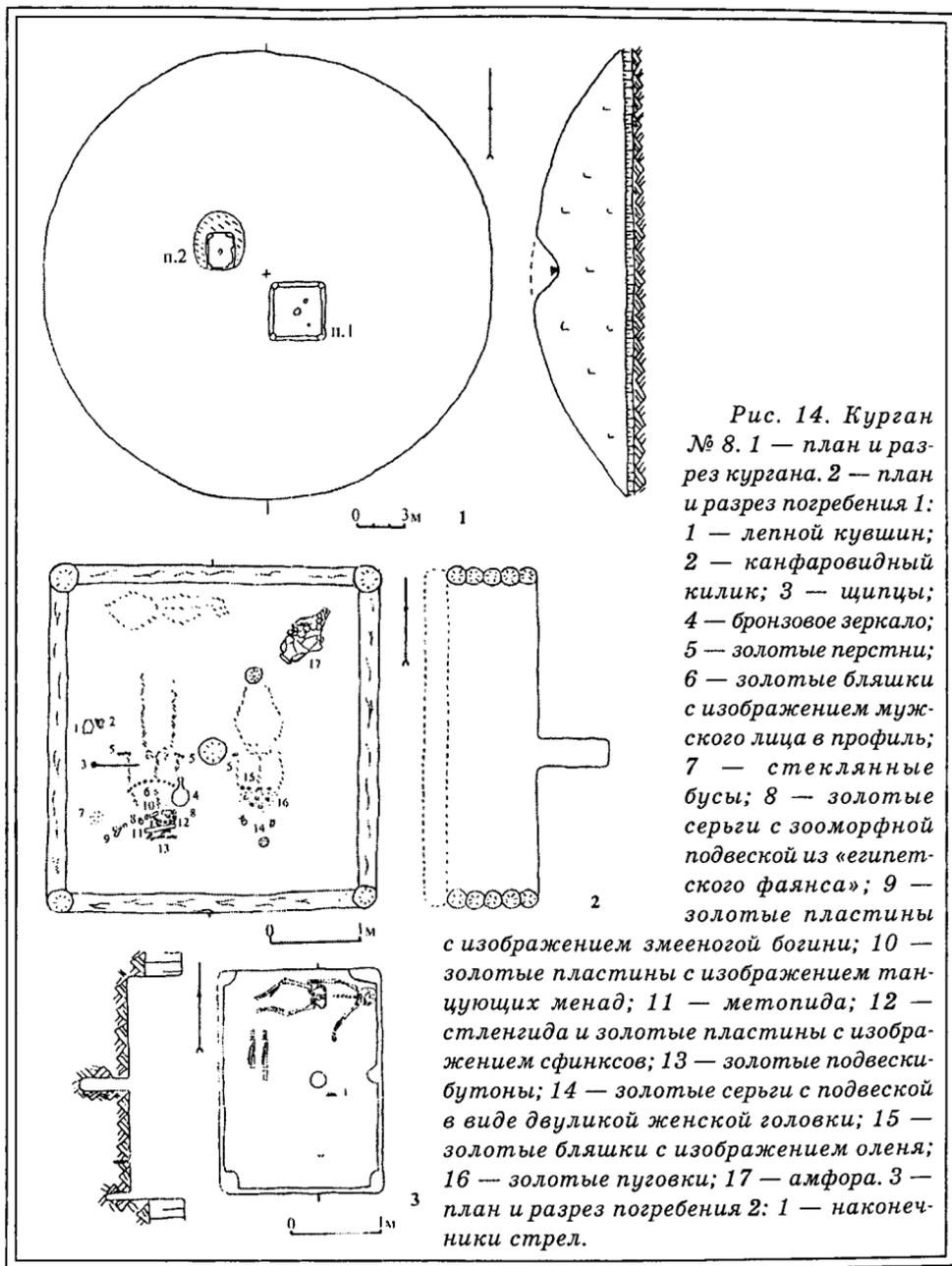
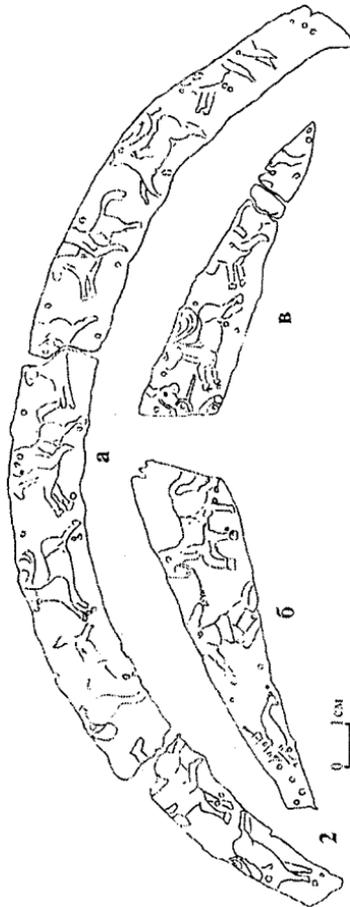

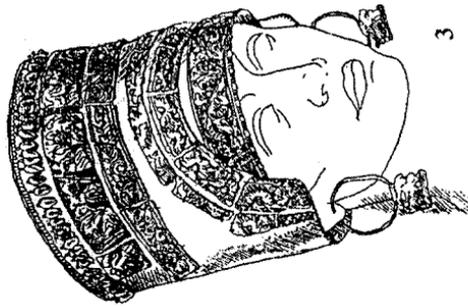
Рис. 14. Курган № 8. 1 — план и разрез кургана. 2 — план и разрез погребения 1: 1 — лепной кувшин; 2 — канфаровидный килик; 3 — щипцы; 4 — бронзовое зеркало; 5 — золотые перстни; 6 — золотые бляшки с изображением мужского лица в профиль; 7 — стеклянные бусы; 8 — золотые серьги с зооморфной подвеской из «египетского фаянса»; 9 — золотые пластины с изображением змееной богини; 10 — золотые пластины с изображением танцующих менад; 11 — метопида; 12 — стленгида и золотые пластины с изображением сфинксов; 13 — золотые подвески-бутоны; 14 — золотые серьги с подвеской в виде двуликой женской головки; 15 — золотые бляшки с изображением оленя; 16 — золотые пуговики; 17 — амфора. 3 — план и разрез погребения 2: 1 — наконечники стрел.

1 0 1 cm

2 0 1 cm

3

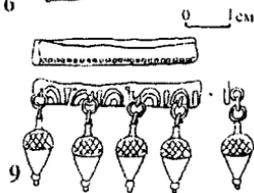
Рис. 15 Инвентарь кургана № 8, погребение 1. Материал: 1, 2а-в — золото. 3 — реконструкция внешнего вида головного убора.

1

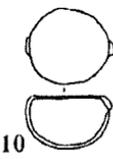
2

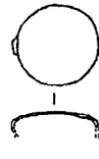
9

0

1cm

10

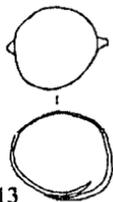
11

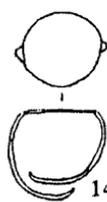
12

0

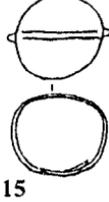
1cm

13

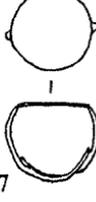
14

15

16

17

Рис. 16. Инвентарь кургана № 8, погребение 1. Материал: 1-17 — золото.

1

2

3

4

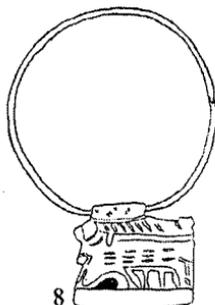

5

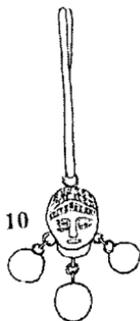

6

0 см

8

10

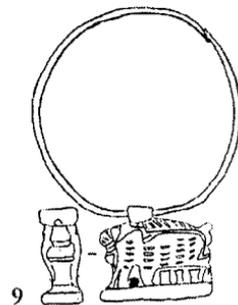

11

12

13

9

Рис. 17. Инвентарь кургана № 8, погребение 1. Материал: 1-7, 10, 11 — золото; 8, 9 — золото, стекло; 12 — стекло; 13 — меловая порода.

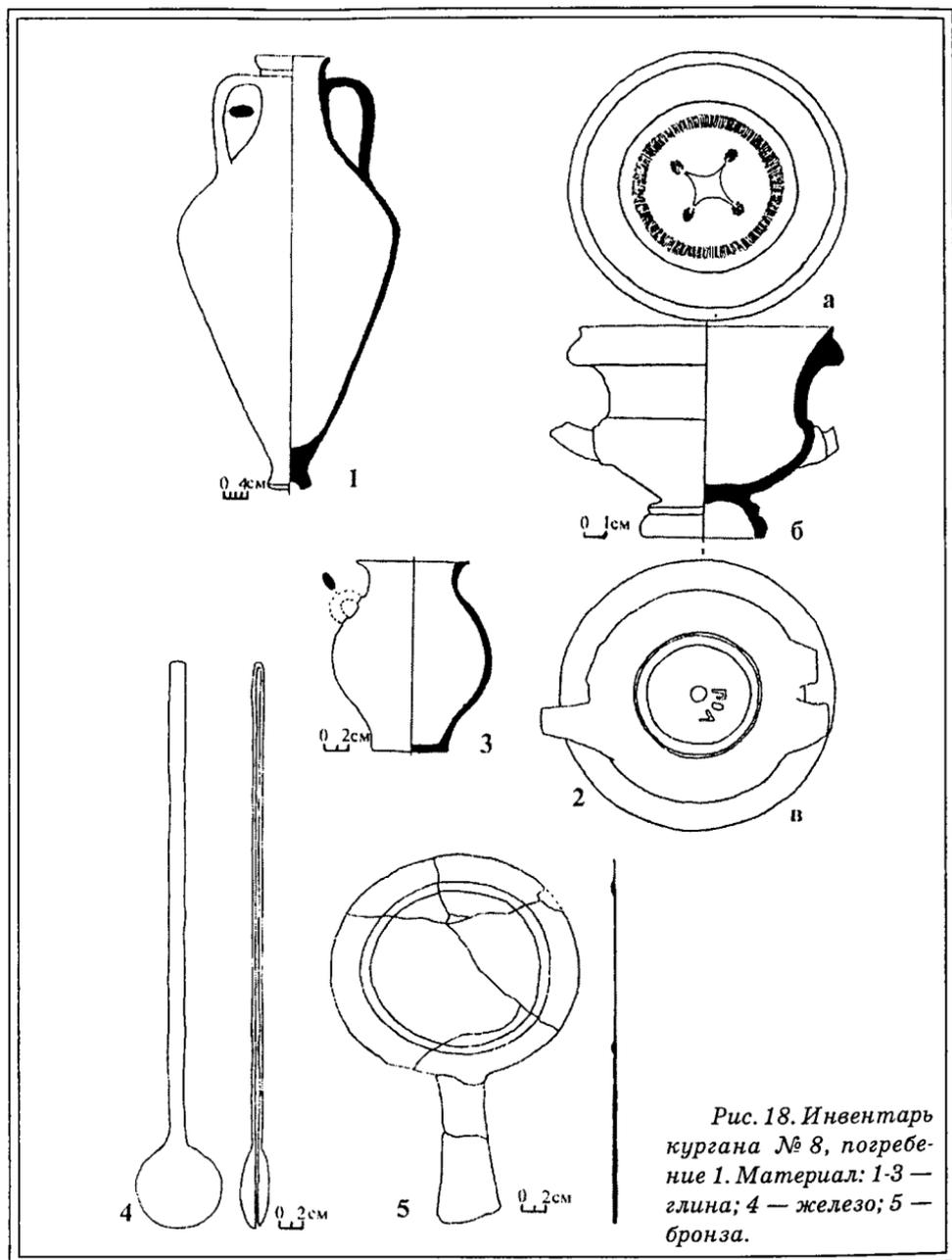

Рис. 18. Инвентарь кургана № 8, погребение 1. Материал: 1-3 — глина; 4 — железо; 5 — бронза.

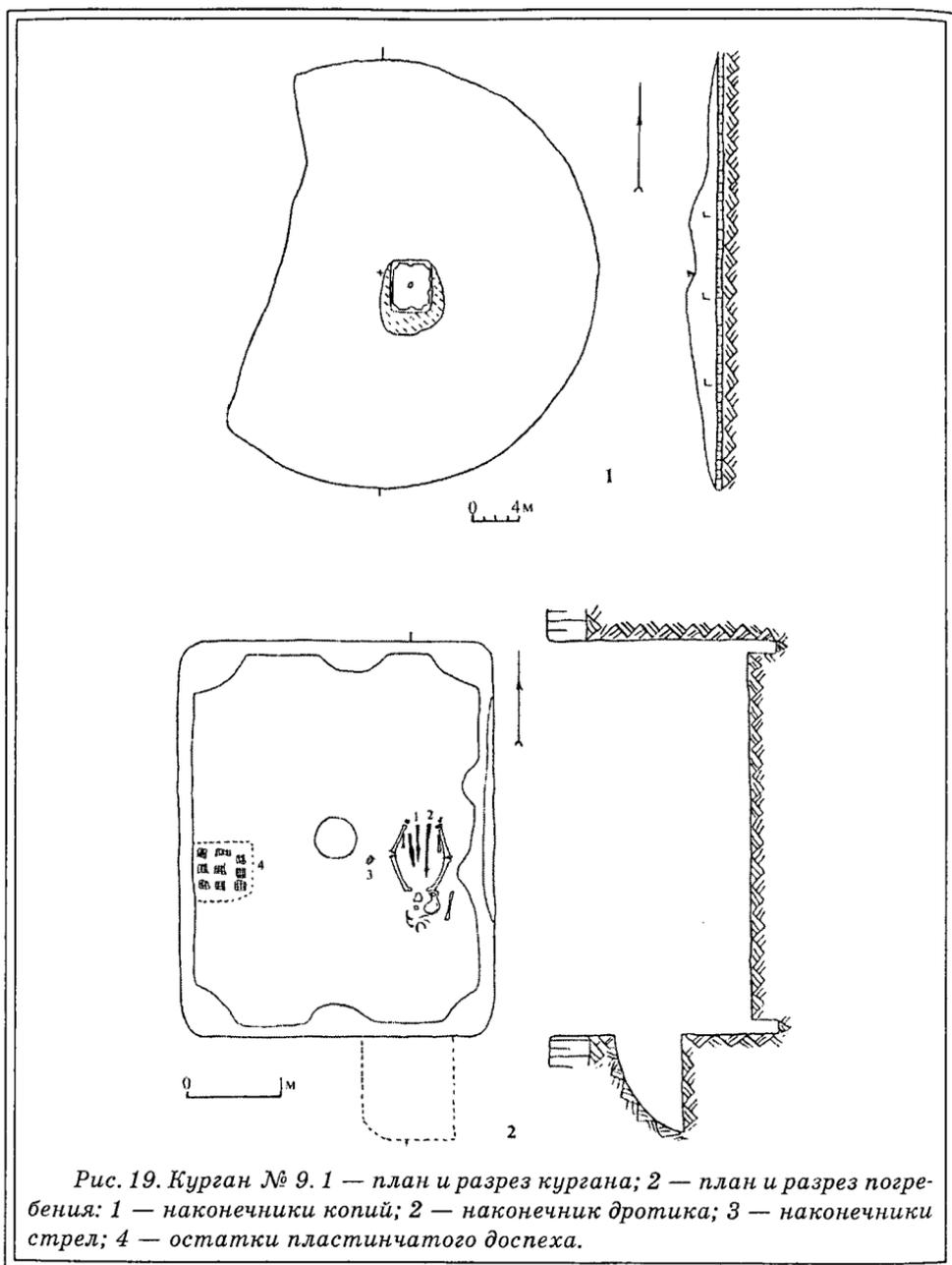

Рис. 19. Курган № 9. 1 — план и разрез кургана; 2 — план и разрез погребения: 1 — наконечники копий; 2 — наконечник дротика; 3 — наконечники стрел; 4 — остатки пластинчатого доспеха.

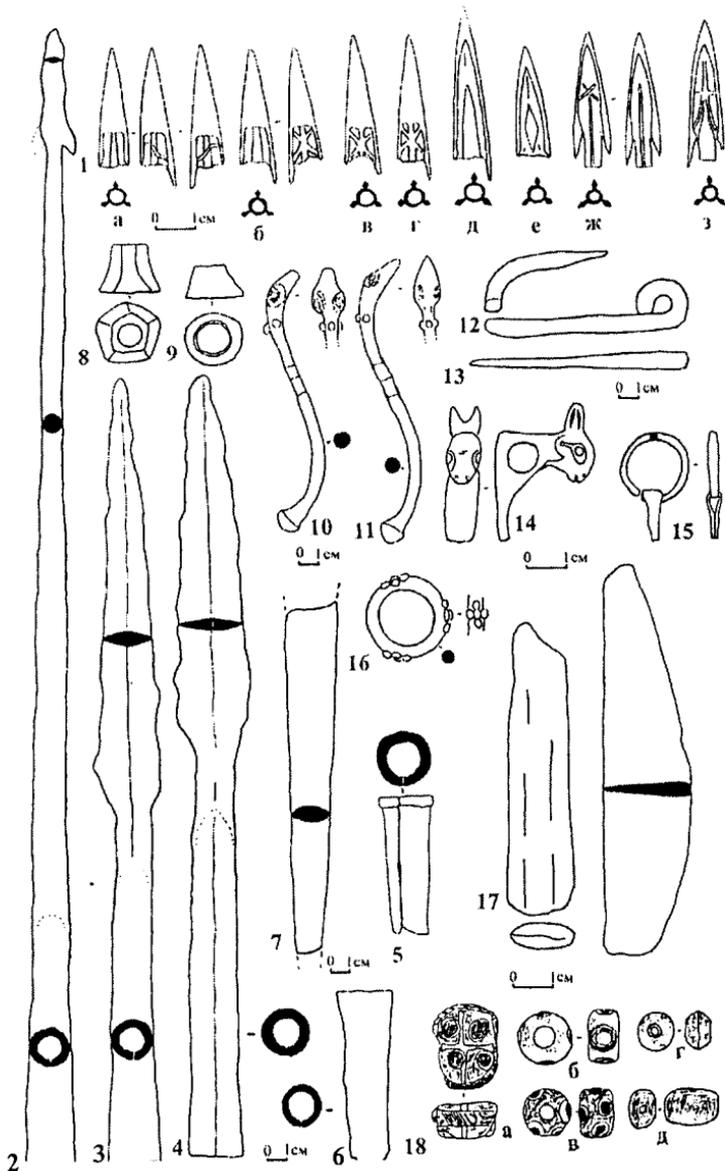

Рис. 20. Инвентарь кургана № 9. Материал: 1а-з, 8-11, 14-16 — бронза; 2-7, 12 — железо; 13 — кость; 17 — железо, кость; 18а-д — стекло.

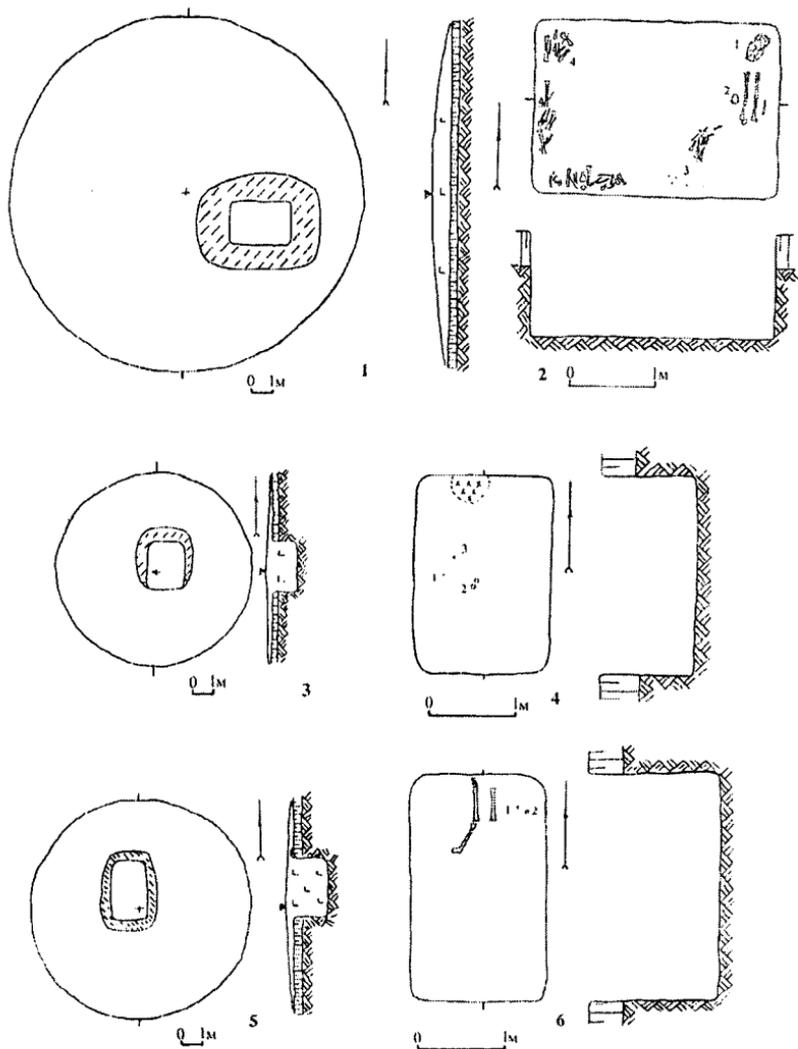

Рис. 21. Курганы № № 10-12. 1, 2 — курган № 10: 1 — план и разрез кургана; 2 — план и разрез погребения: 1 — двуручный кувшин; 2 — кувшинчик; 3 — золотые бусины; 4 — нож. 3, 4 — курган № 11: 3 — план и разрез кургана; 4 — план и разрез погребения: 1 — наконечник стрелы; 2 — бусина; 3 — фрагменты ножа. 5, 6 — курган № 12: 5 — план и разрез кургана; 6 — план и разрез погребения: 1 — наконечник стрелы; 2 — ворворка.

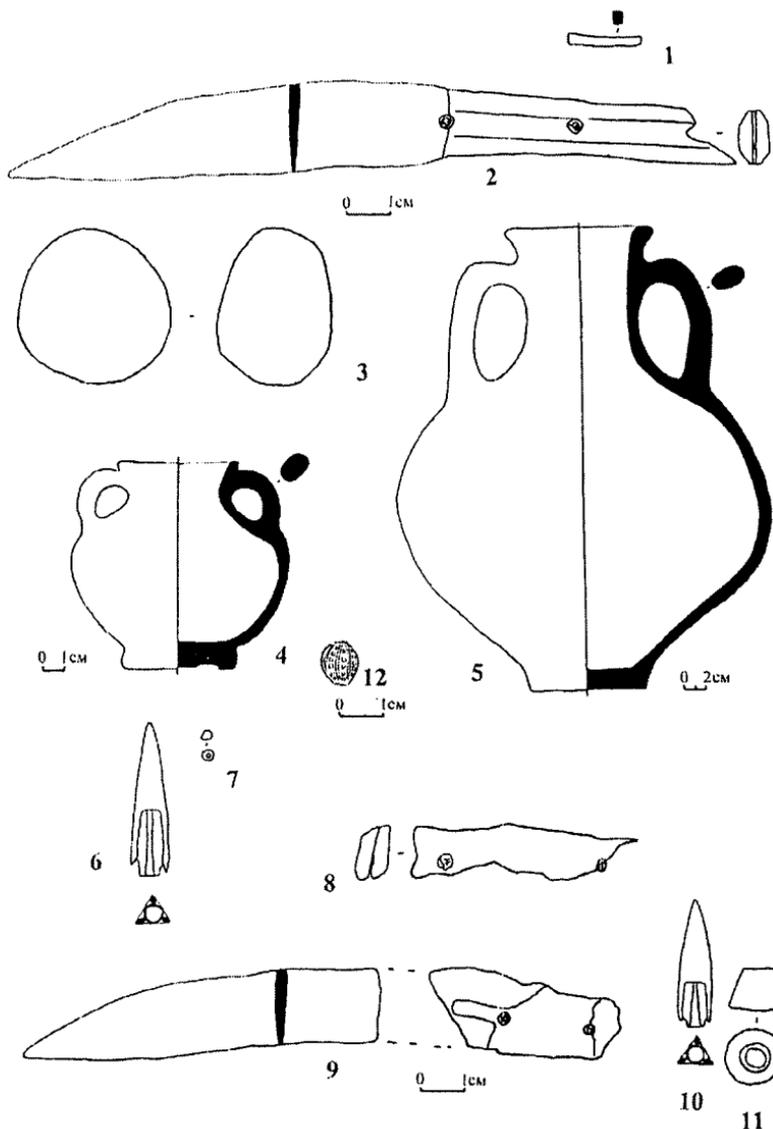

Рис. 22. Инвентарь курганов № № 10-12: 1-5, 12 — курган № 10; 6-8 — курган № 11; 9-11 — курган № 12. Материал: 1, 11 — железо; 2, 8, 9 — железо, кость; 3 — камень; 4, 5 — глина; 6, 10 — бронза; 7 — стекло; 12 — золото.

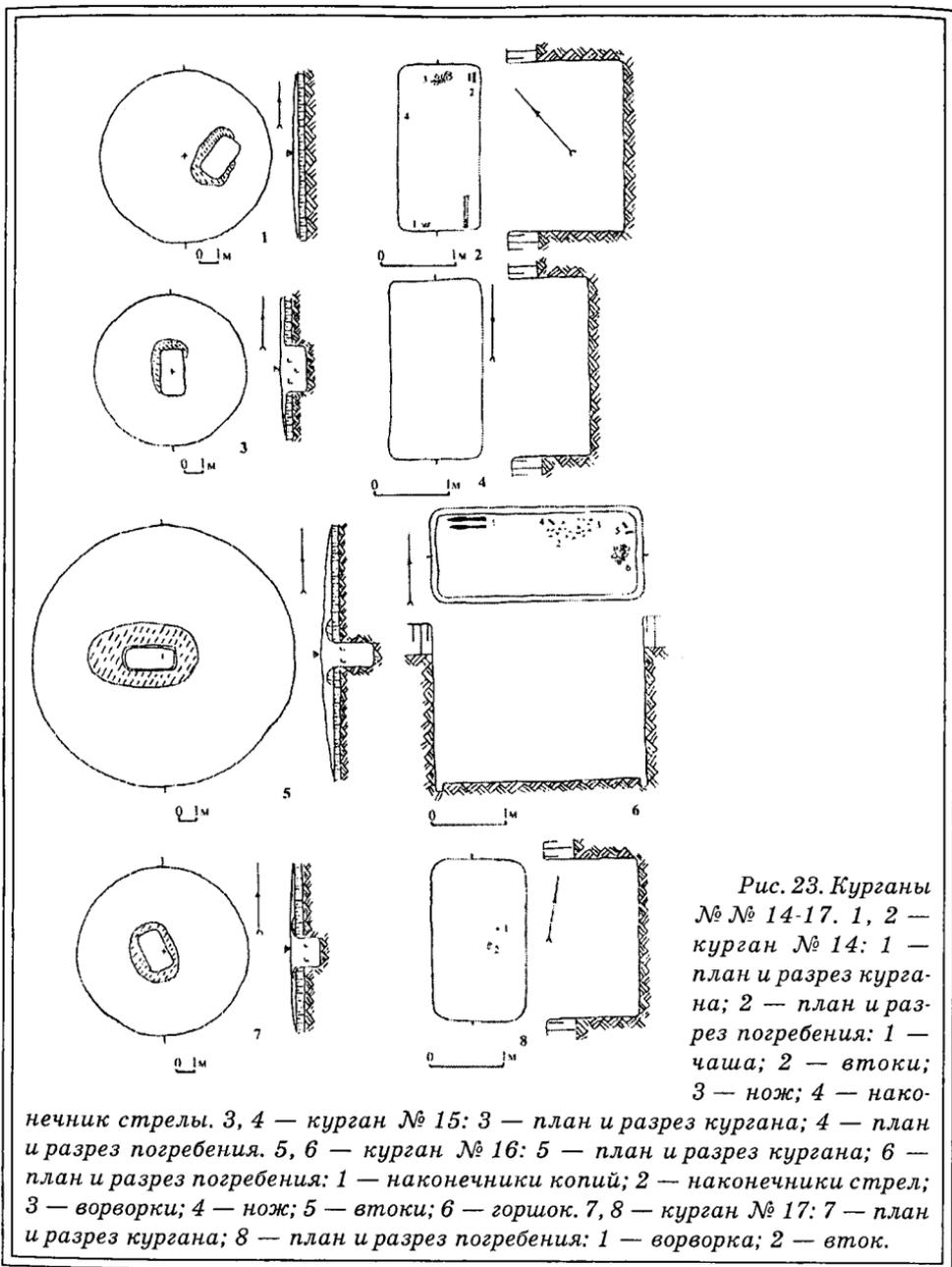

Рис. 23. Курганы № № 14-17. 1, 2 — курган № 14: 1 — план и разрез кургана; 2 — план и разрез погребения: 1 — чаша; 2 — втоки; 3 — нож; 4 — наконечник стрелы. 3, 4 — курган № 15: 3 — план и разрез кургана; 4 — план и разрез погребения. 5, 6 — курган № 16: 5 — план и разрез кургана; 6 — план и разрез погребения: 1 — наконечники копий; 2 — наконечники стрел; 3 — ворворки; 4 — нож; 5 — втоки; 6 — горшок. 7, 8 — курган № 17: 7 — план и разрез кургана; 8 — план и разрез погребения: 1 — ворворка; 2 — вток.

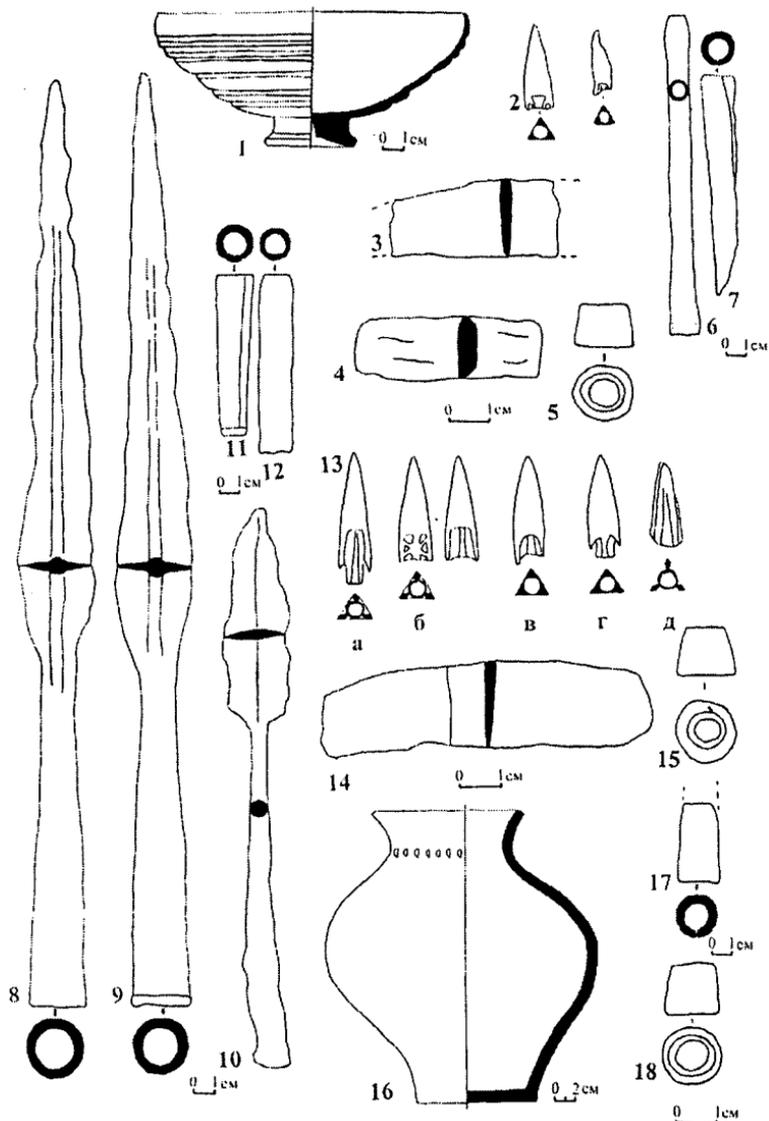

Рис. 24. Инвентарь курганов №№ 14, 16, 17: 1-7 — курган № 14; 8-16 — курган № 16; 17, 18 — курган № 17. Материал: 1, 16 — глина; 2, 13а-д — бронза; 3, 5-12, 14, 15, 17, 18 — железо; 4 — кость.

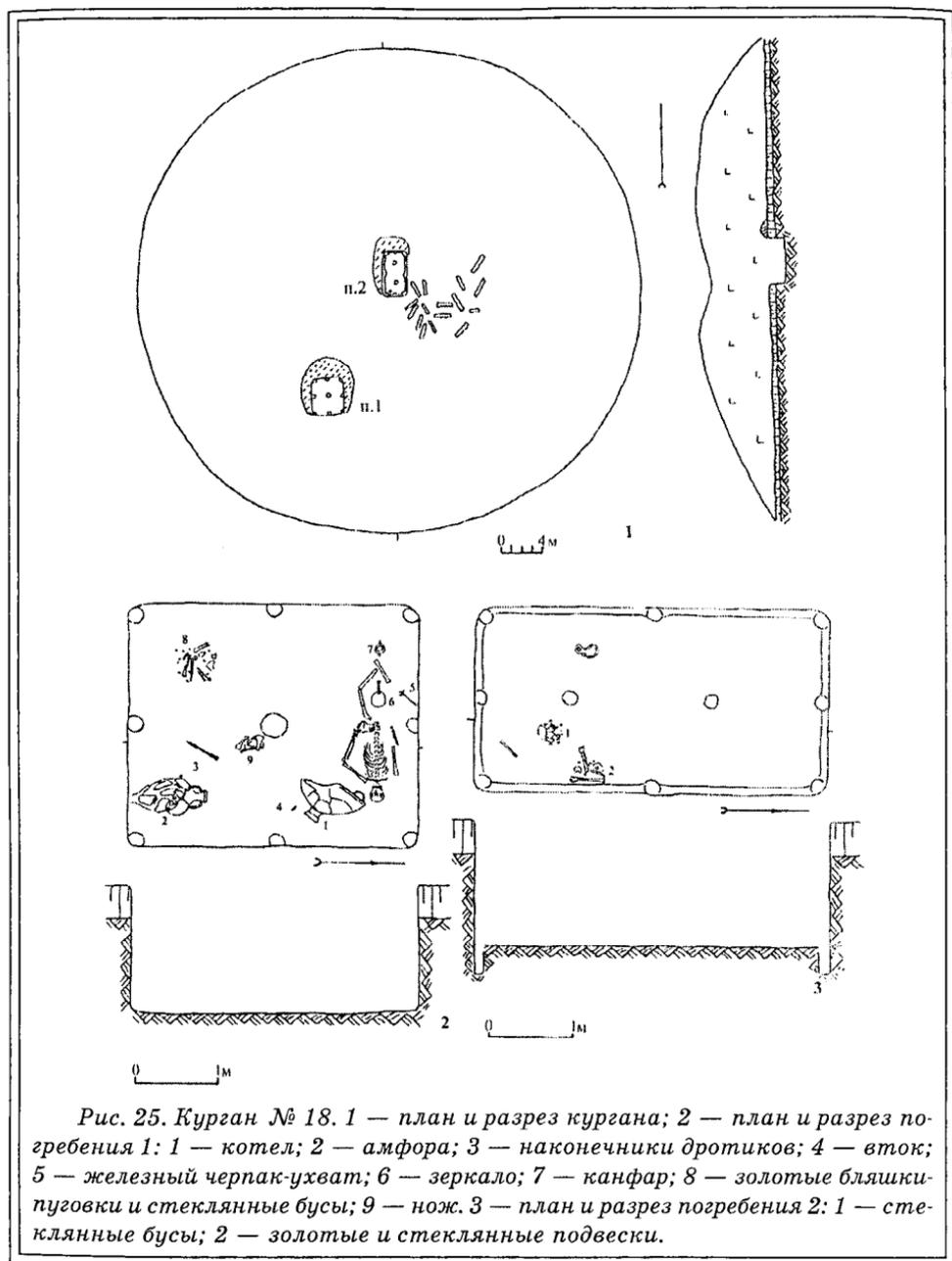

Рис. 25. Курган № 18. 1 — план и разрез кургана; 2 — план и разрез погребения 1: 1 — котел; 2 — амфора; 3 — наконечники дротиков; 4 — вток; 5 — железный черпак-ухват; 6 — зеркало; 7 — канфар; 8 — золотые бляшки-пуговицы и стеклянные бусы; 9 — нож. 3 — план и разрез погребения 2: 1 — стеклянные бусы; 2 — золотые и стеклянные подвески.

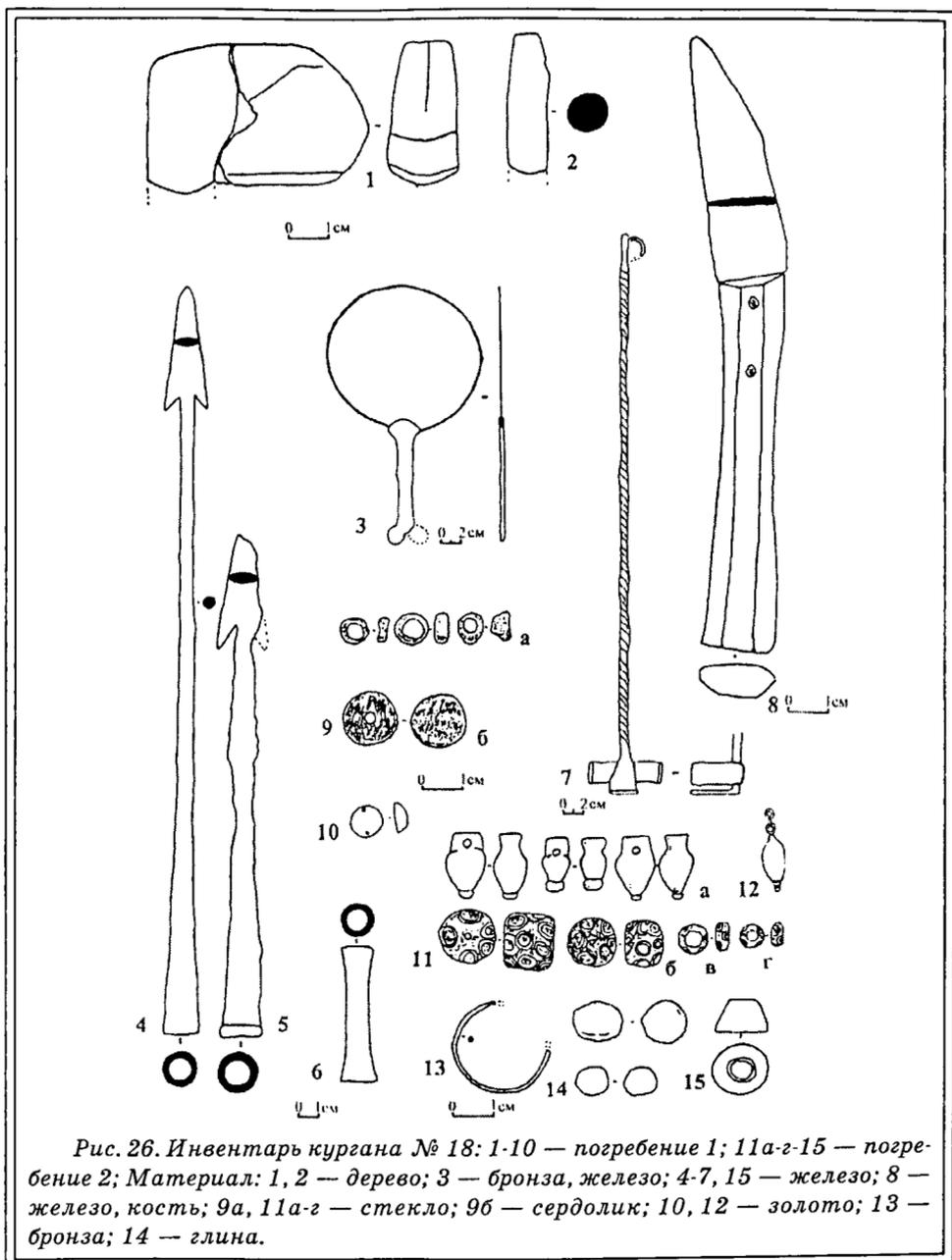

Рис. 26. Инвентарь кургана № 18: 1-10 — погребение 1; 11а-г-15 — погребение 2; Материал: 1, 2 — дерево; 3 — бронза, железо; 4-7, 15 — железо; 8 — железо, кость; 9а, 11а-г — стекло; 9б — сердолик; 10, 12 — золото; 13 — бронза; 14 — глина.

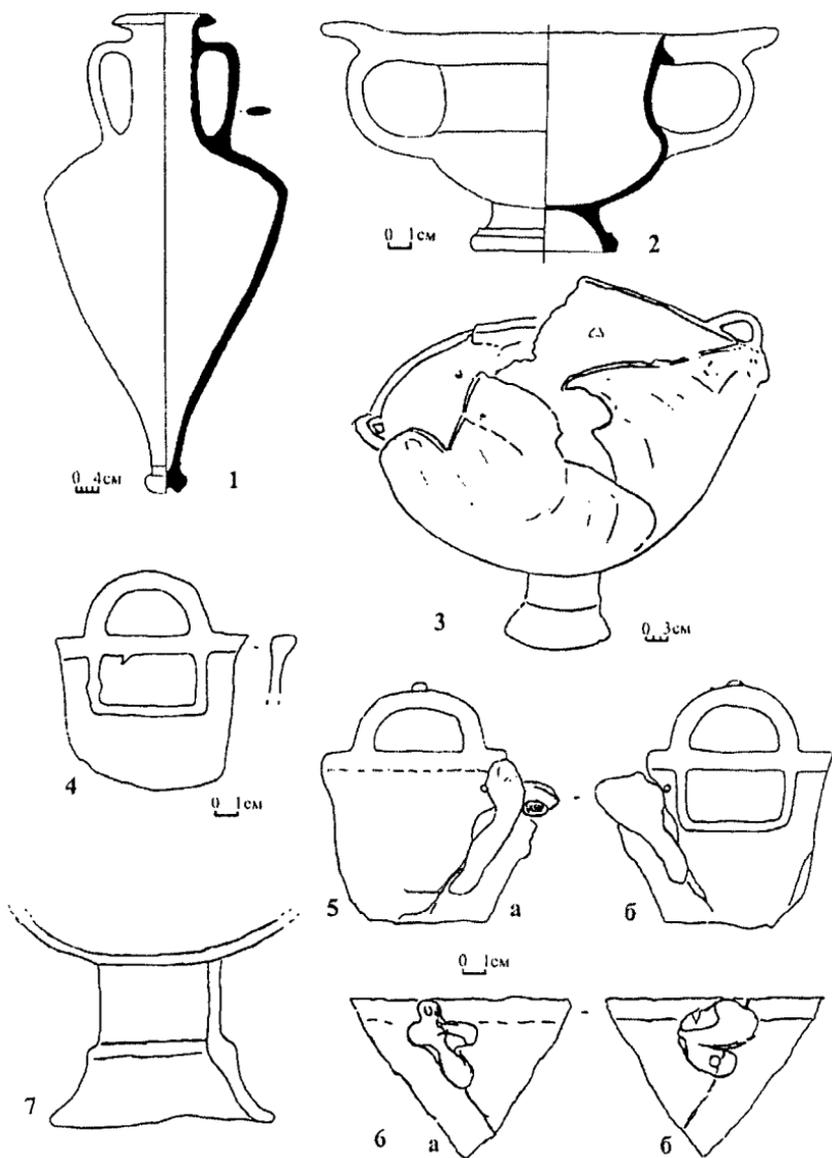

Рис. 27. Инвентарь кургана № 18, погребение 1. Материал: 1, 2 — глина; 3-7 — бронза.

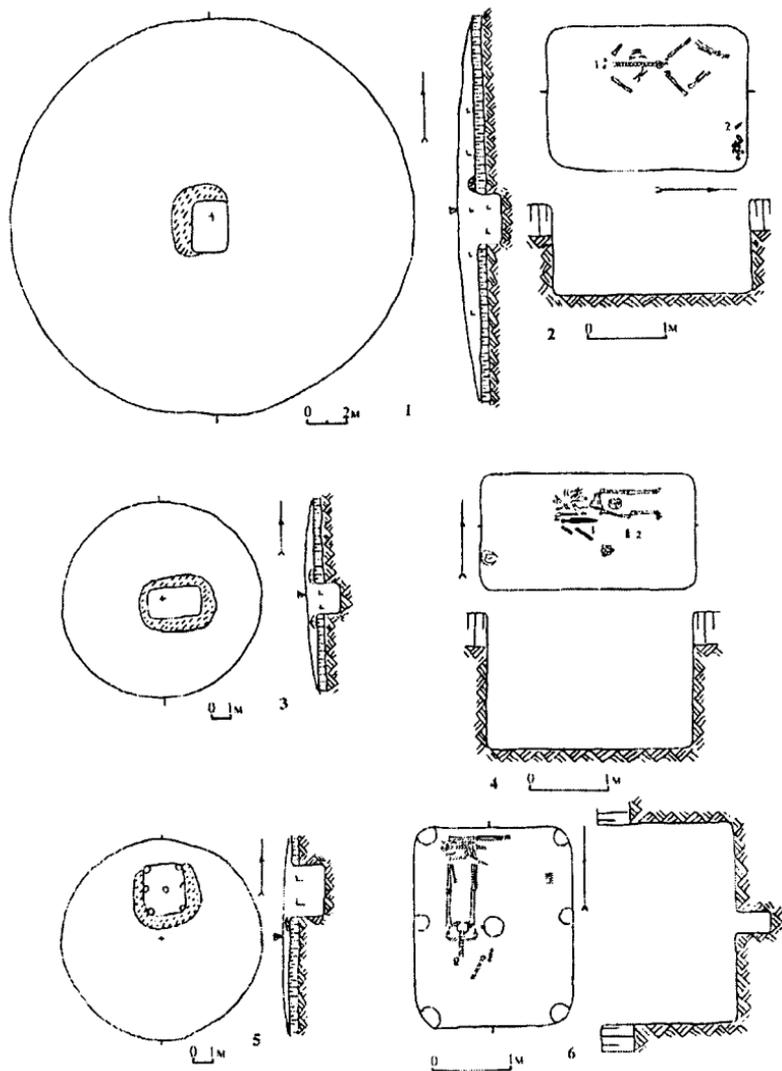

Рис. 28. Курганы № № 19-21. 1, 2 — курган № 19: 1 — план и разрез кургана; 2 — план и разрез погребения: 1 — золотые пластинки; 2 — нож. 3, 4 — курган № 20: 3 — план и разрез кургана; 4 — план и разрез погребения: 1 — меч; 2 — наконечники стрел. 5, 6 — курган № 21: 5 — план и разрез кургана; 6 — план и разрез погребения.

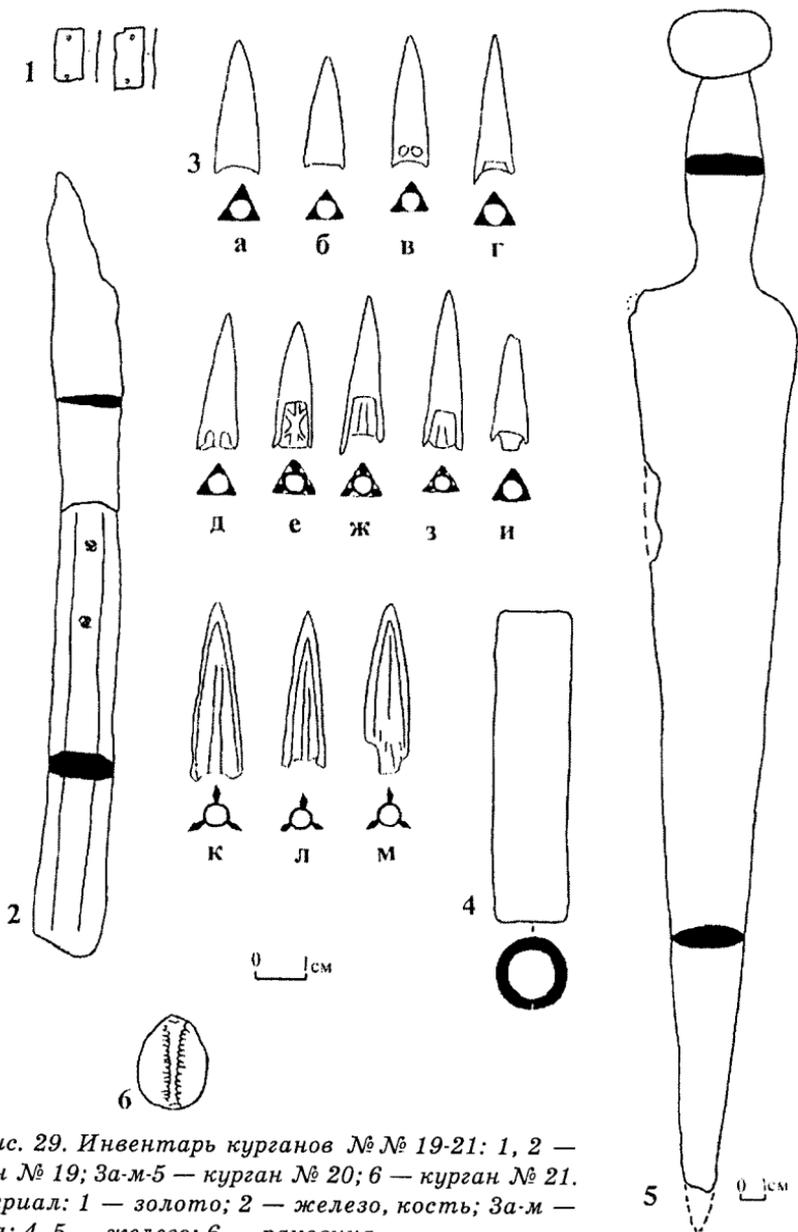

Рис. 29. Инвентарь курганов № № 19-21: 1, 2 — курган № 19; За-м-5 — курган № 20; 6 — курган № 21. Материал: 1 — золото; 2 — железо, кость; За-м — бронза; 4, 5 — железо; 6 — раковина.

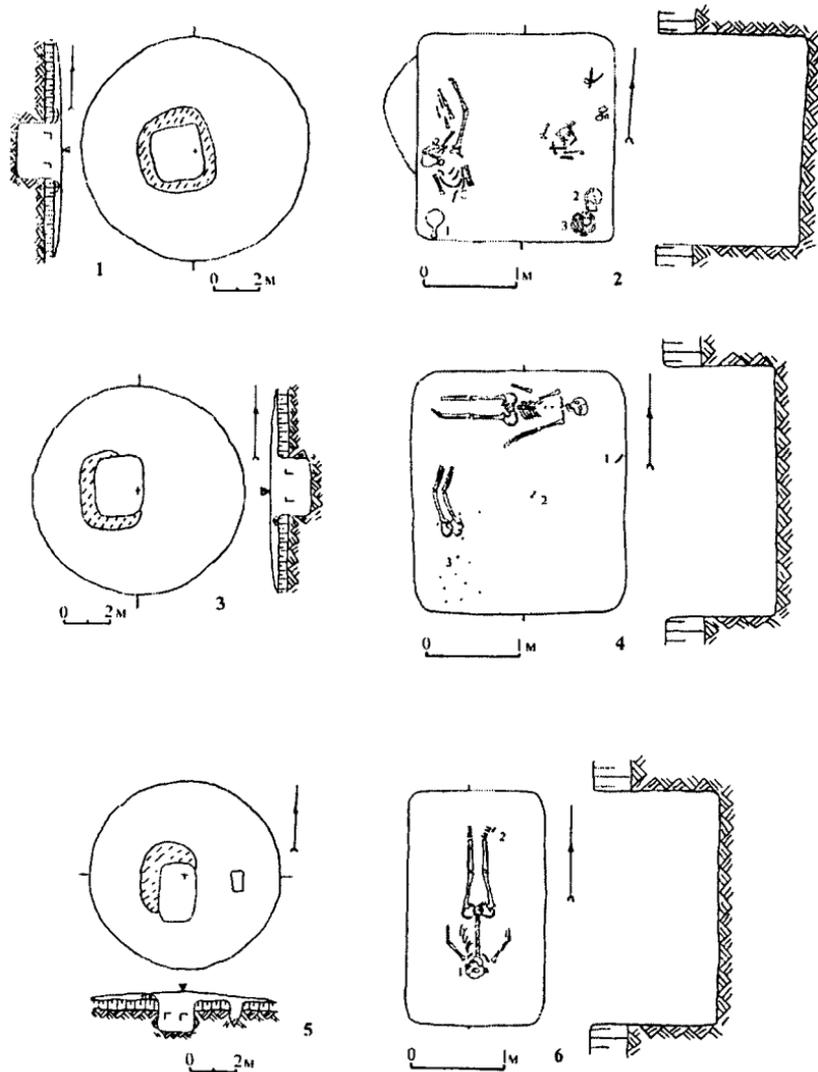

Рис. 30. Курганы № 22-24. 1, 2 — курган № 22: 1 — план и разрез кургана; 2 — план и разрез погребения: 1 — зеркало; 2 — лепной кувшин; 3 — гончарный кувшин. 3, 4 — курган № 23: 3 — план и разрез кургана; 4 — план и разрез погребения: 1 — нож; 2 — шило; 3 — стеклянные бусы. 5, 6 — курган № 24: 5 — план и разрез кургана; 6 — план и разрез погребения: 1 — серьги; 2 — нож.

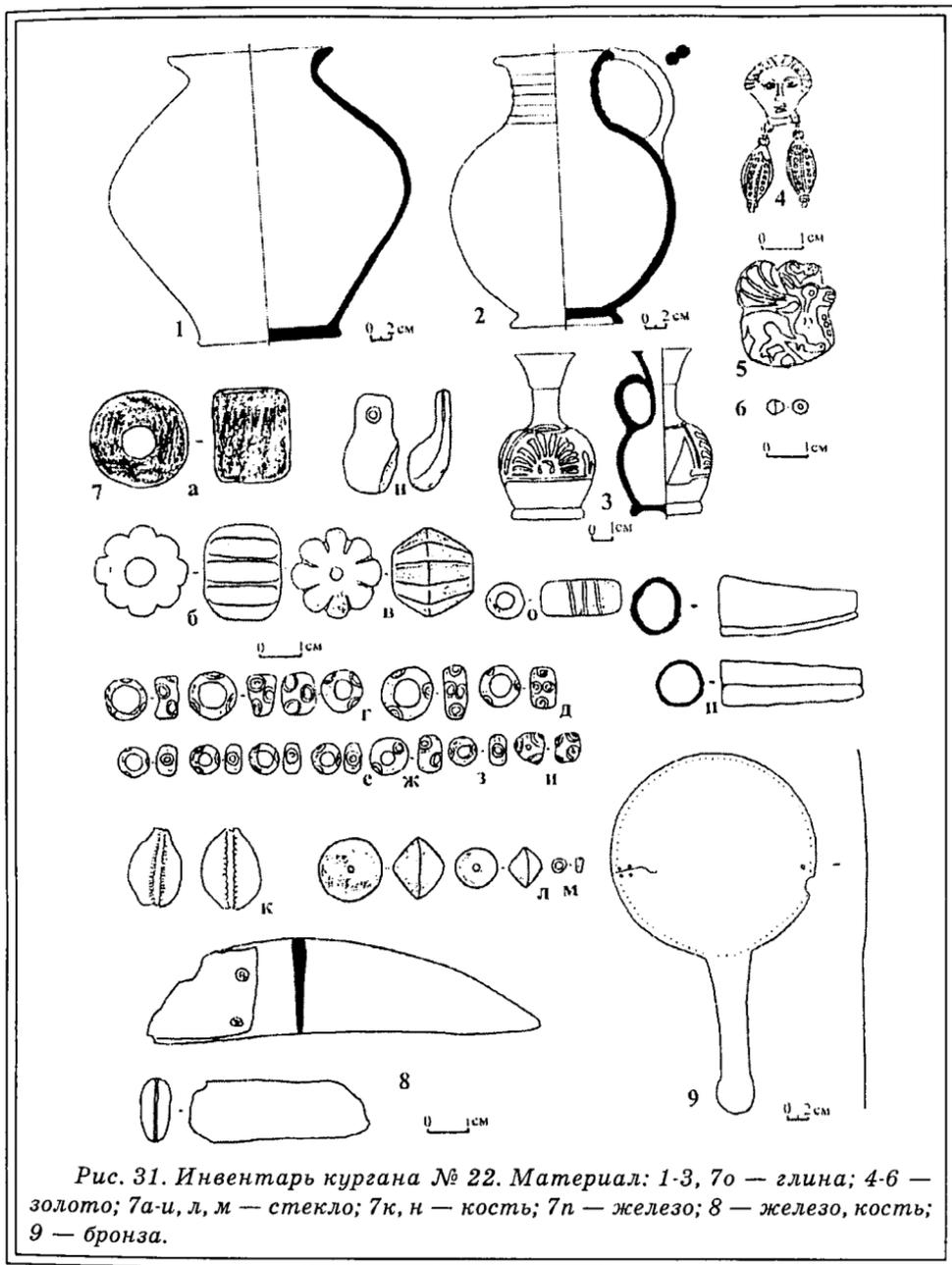

Рис. 31. Инвентарь кургана № 22. Материал: 1-3, 7о — глина; 4-6 — золото; 7а-и, л, м — стекло; 7к, н — кость; 7п — железо; 8 — железо, кость; 9 — бронза.

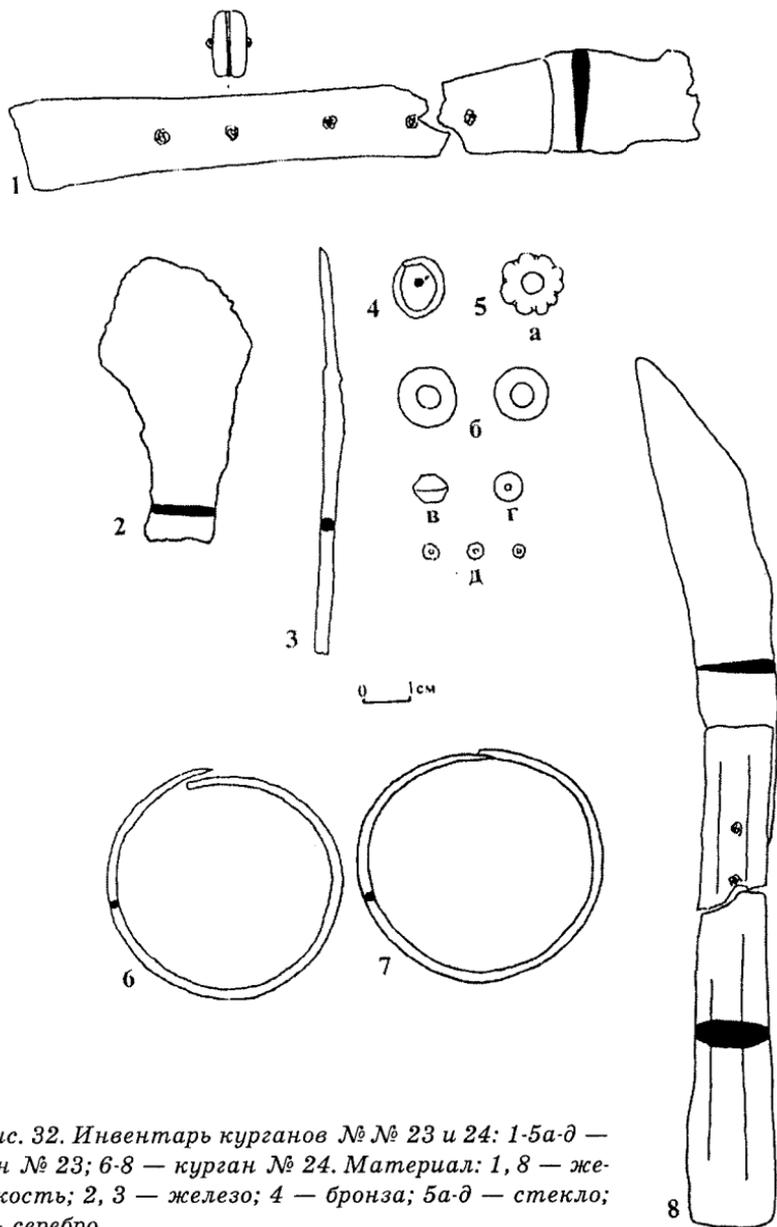

Рис. 32. Инвентарь курганов № № 23 и 24: 1-5а-д — курган № 23; 6-8 — курган № 24. Материал: 1, 8 — железо, кость; 2, 3 — железо; 4 — бронза; 5а-д — стекло; 6, 7 — серебро.

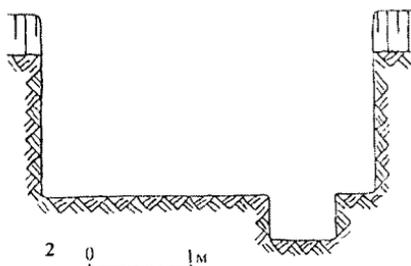
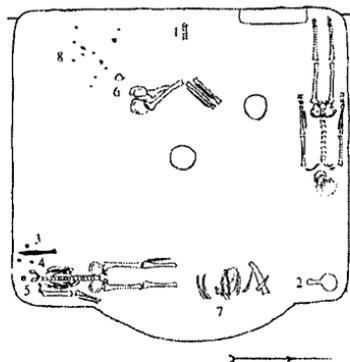
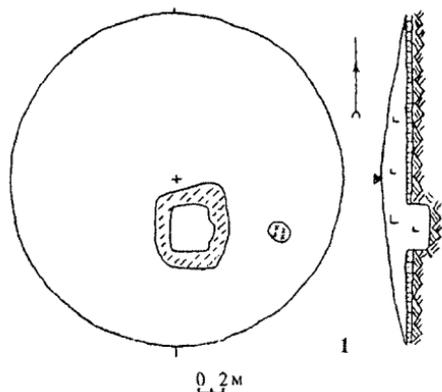
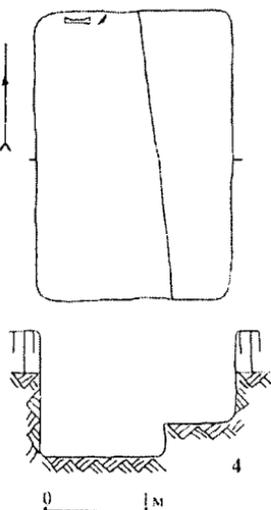
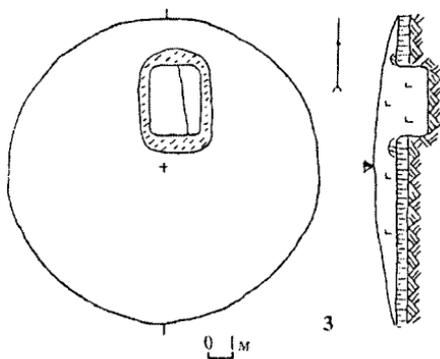

Рис. 33. Курганы № № 25, 26. 1, 2 — курган № 25: 1 — план и разрез кургана; 2 — план и разрез погребения: 1 — накопечники стрел; 2 — зеркало; 3 — накопечники копий; 4 — золотые бляшки; 5 — сфероид; 6 — браслет; 7 — нож; 8 — золотые бляшки и стеклянные бусы. 3, 4 — курган № 26: 3 — план и разрез кургана; 4 — план и разрез погребения.

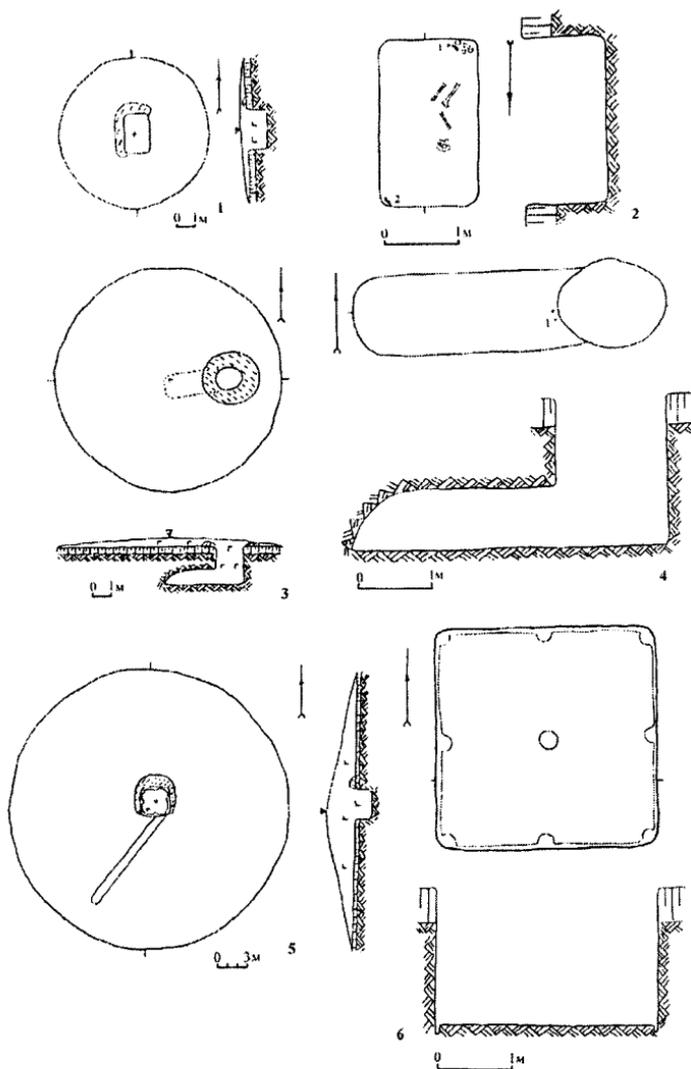

Рис. 35. Курганы №№ 27-29: 1, 2 — курган № 27: 1 — план и разрез кургана; 2 — план и разрез погребения: 1 — лепной кувшин; 2 — нож. 3, 4 — курган № 28: 3 — план и разрез кургана; 4 — план и разрез погребения: 1 — наконечники стрел. 5, 6 — курган № 29: 5 — план и разрез кургана; 6 — план и разрез погребения.

Рис. 36. Курганы № № 30-32: 1 — план и разрез кургана № 30; 2, 3 — курган № 31: 2 — план и разрез кургана; 3 — план и разрез погребения: 1 — бусы; 2 — шилья. 4, 5 — курган № 32: 4 — план и разрез кургана; 5 — план и разрез погребения: 1 — золотые бляшки с изображением грифона; 2 — золотая бляшка с изображением оленя; 3 — золотая восьмерковидная бляшка; 4 — золотые трубочки-пронизи; 5 — наконечники стрел; 6 — бисер.

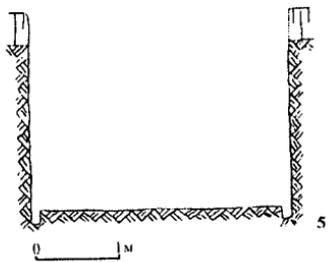
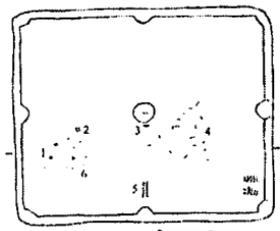
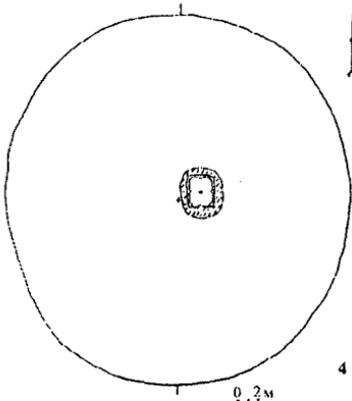
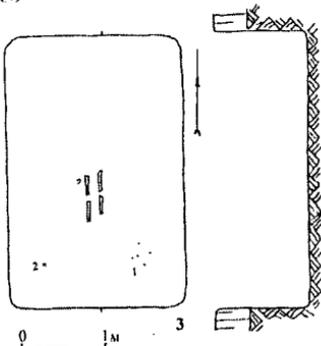
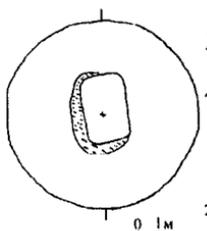
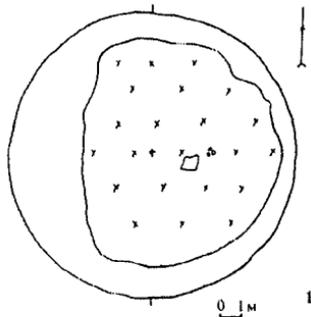
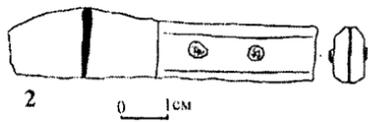
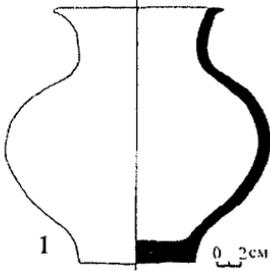

Рис. 37. Инвентарь курганов № № 27-29, 31: 1, 2 — курган № 27; 3 — курган № 28; 4-9 — курган № 29; 10а-г-13 — курган № 31.

4

5

6

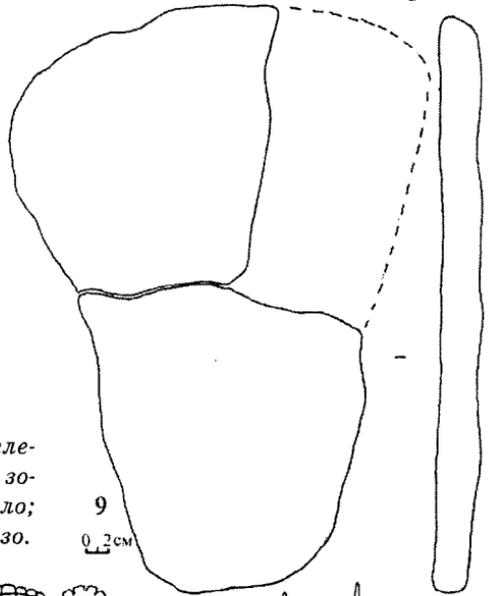

7

8

0.1 cm

0.2 cm

Материал: 1 — глина; 2 — железо, кость; 3, 12 — бронза; 4-8, 11 — золото; 9 — камень; 10а, в-д — стекло; 10б — меловая порода; 13 — железо.

10

а

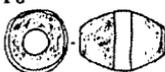
б

в

г

г

д

д

г

д

11

0.1 cm

12

13

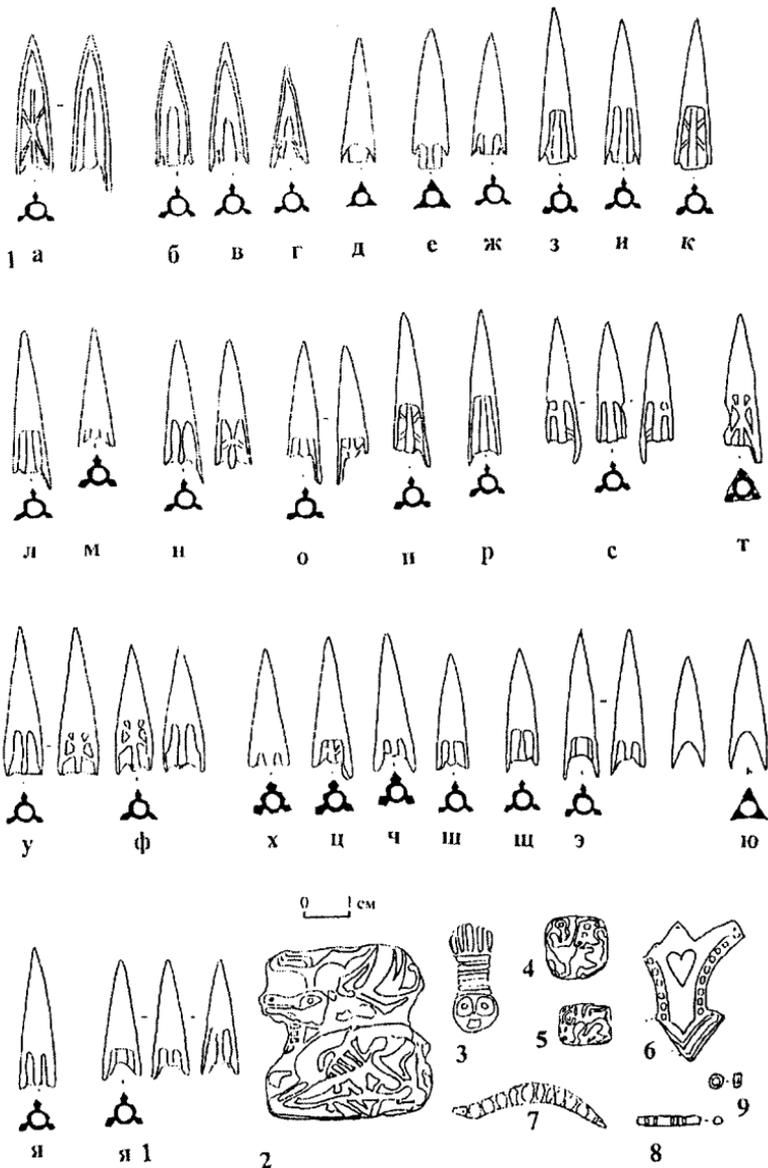

Рис. 38. Инвентарь кургана № 32. Материал: 1а-1я1 — бронза; 2-8 — золото; 9 — стекло.

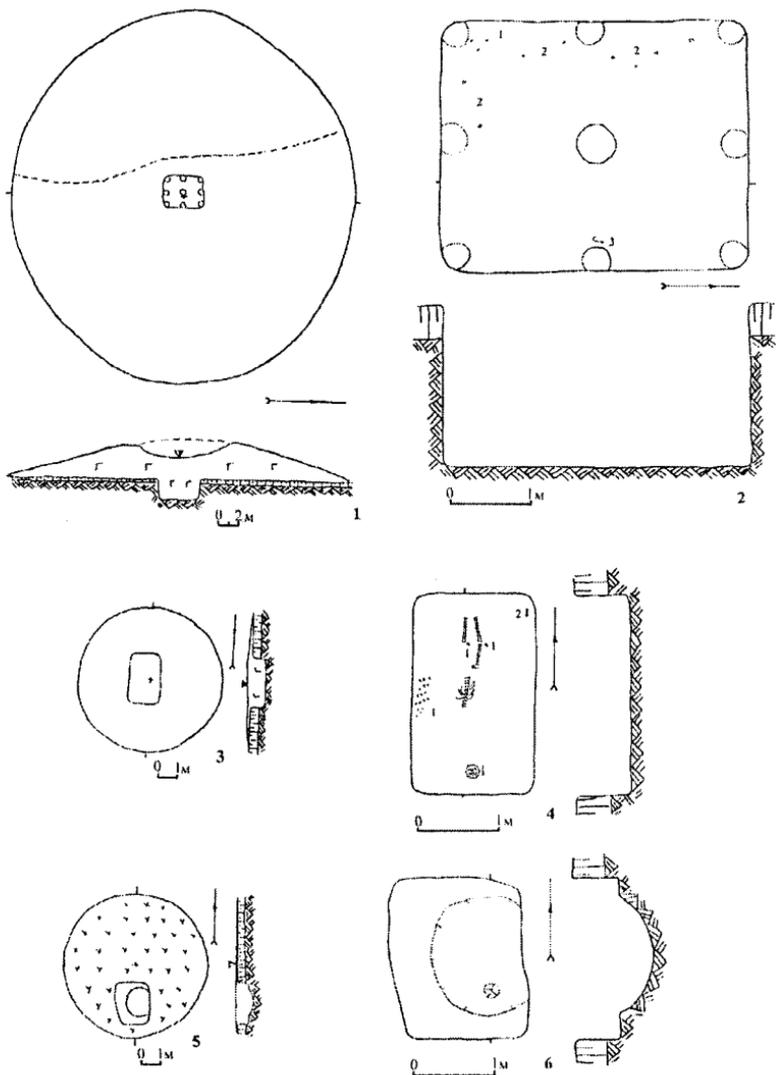
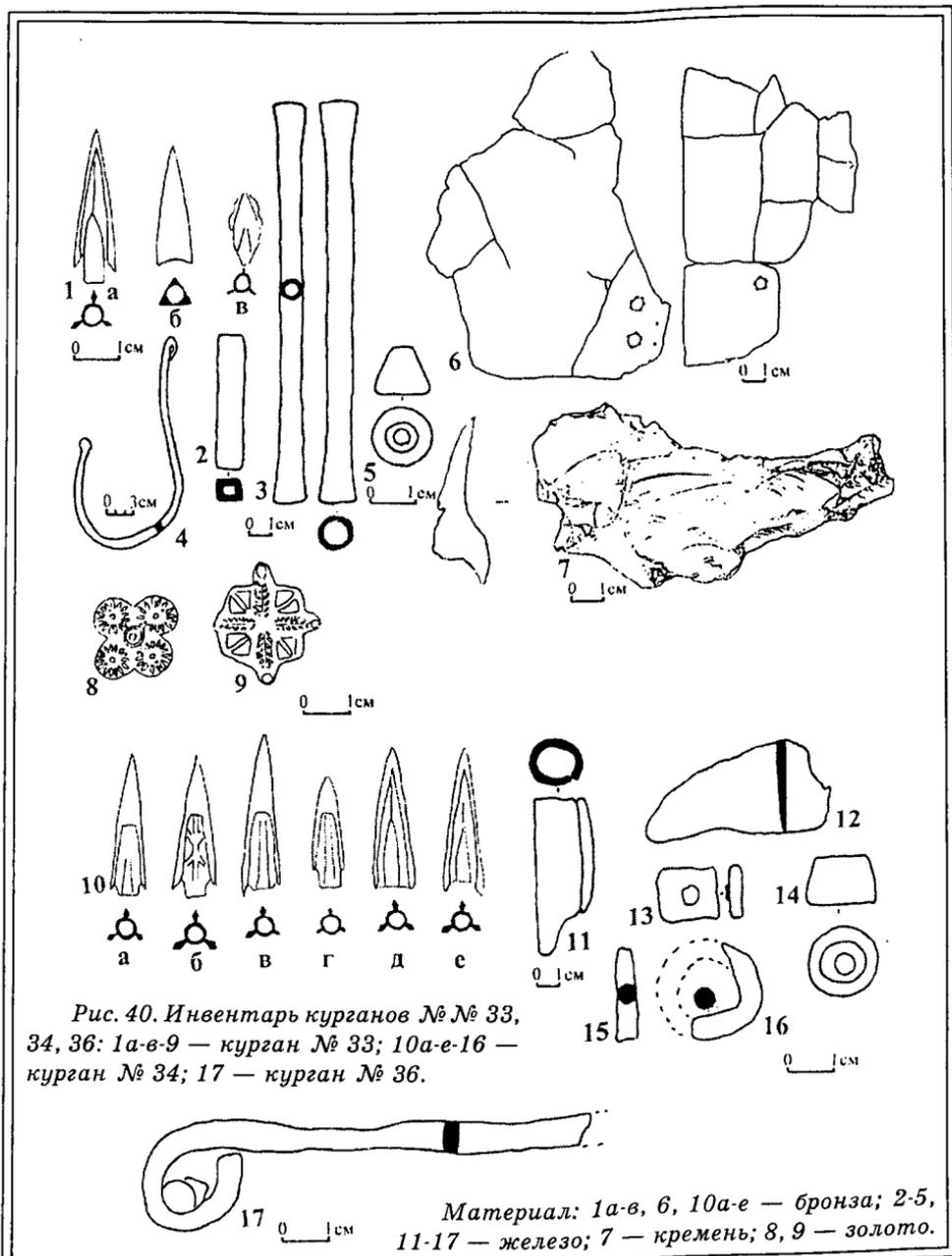

Рис. 39. Курганы № № 33-35: 1, 2 — курган № 33: 1 — план и разрез кургана; 2 — план и разрез погребения: 1 — наконечники стрел; 2 — золотые бляшки; 3 — железный крюк. 3, 4 — курган № 34: 3 — план и разрез кургана; 4 — план и разрез погребения: 1 — наконечники стрел; 2 — вток. 5, 6 — курган № 35: 5 — план и разрез кургана; 5 — план и разрез погребения.

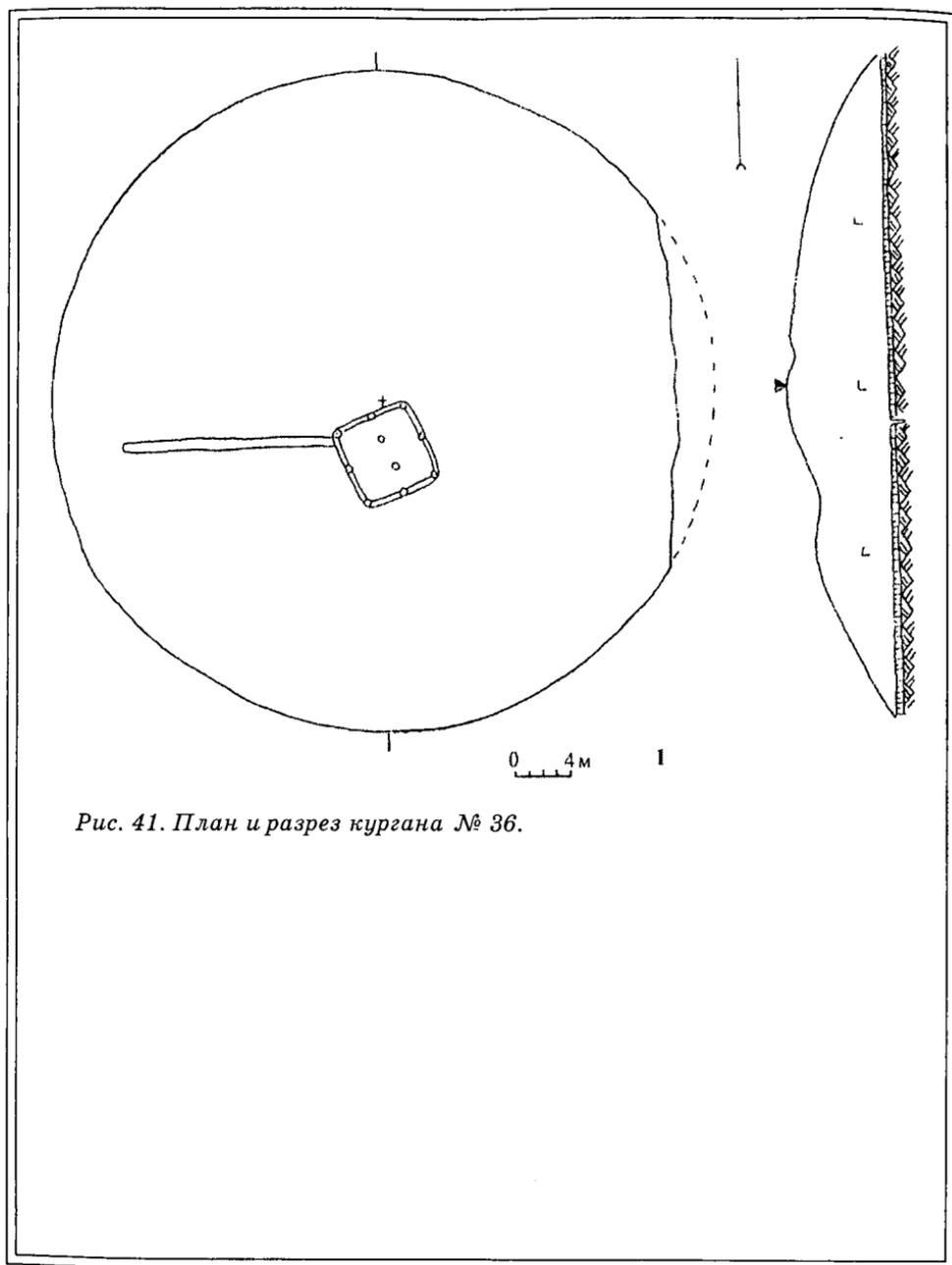

Рис. 41. План и разрез кургана № 36.

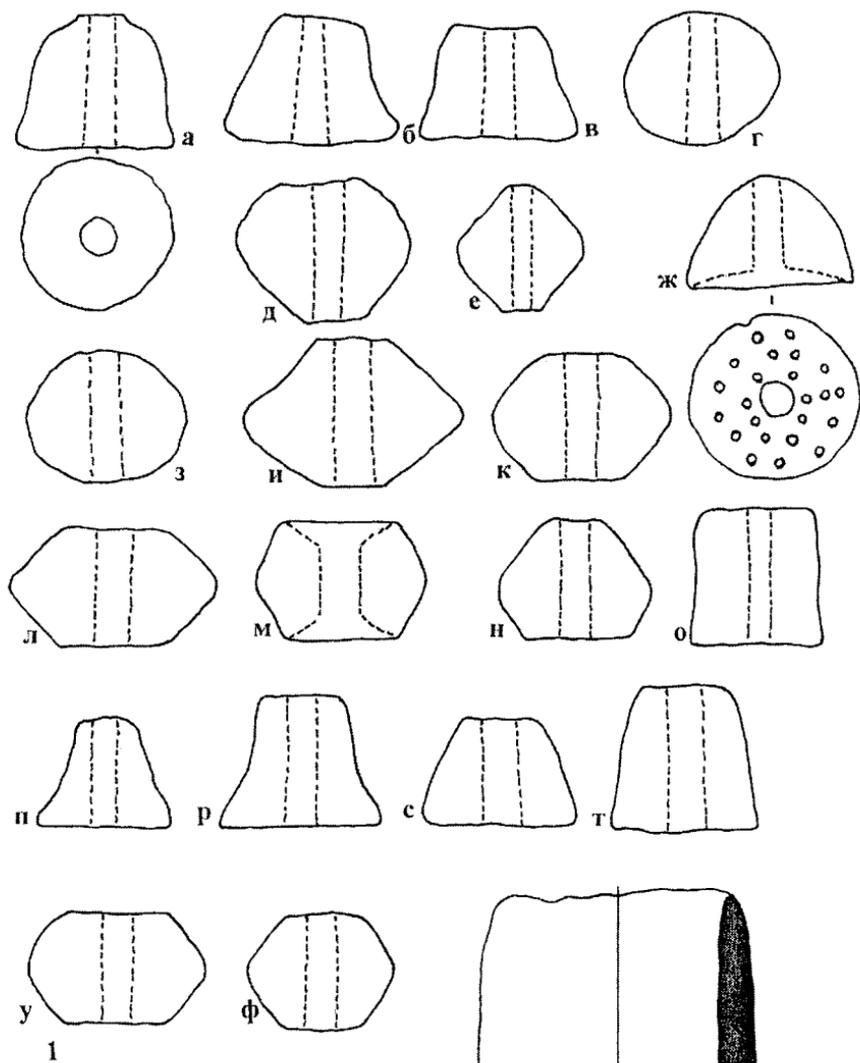
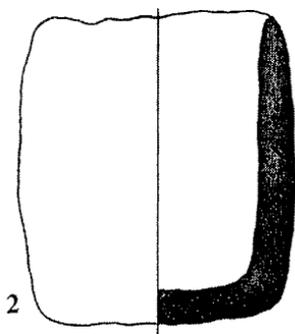

Рис. 42. Подъемный материал, собранный на селище I. Материал: 1, 2 — глина.

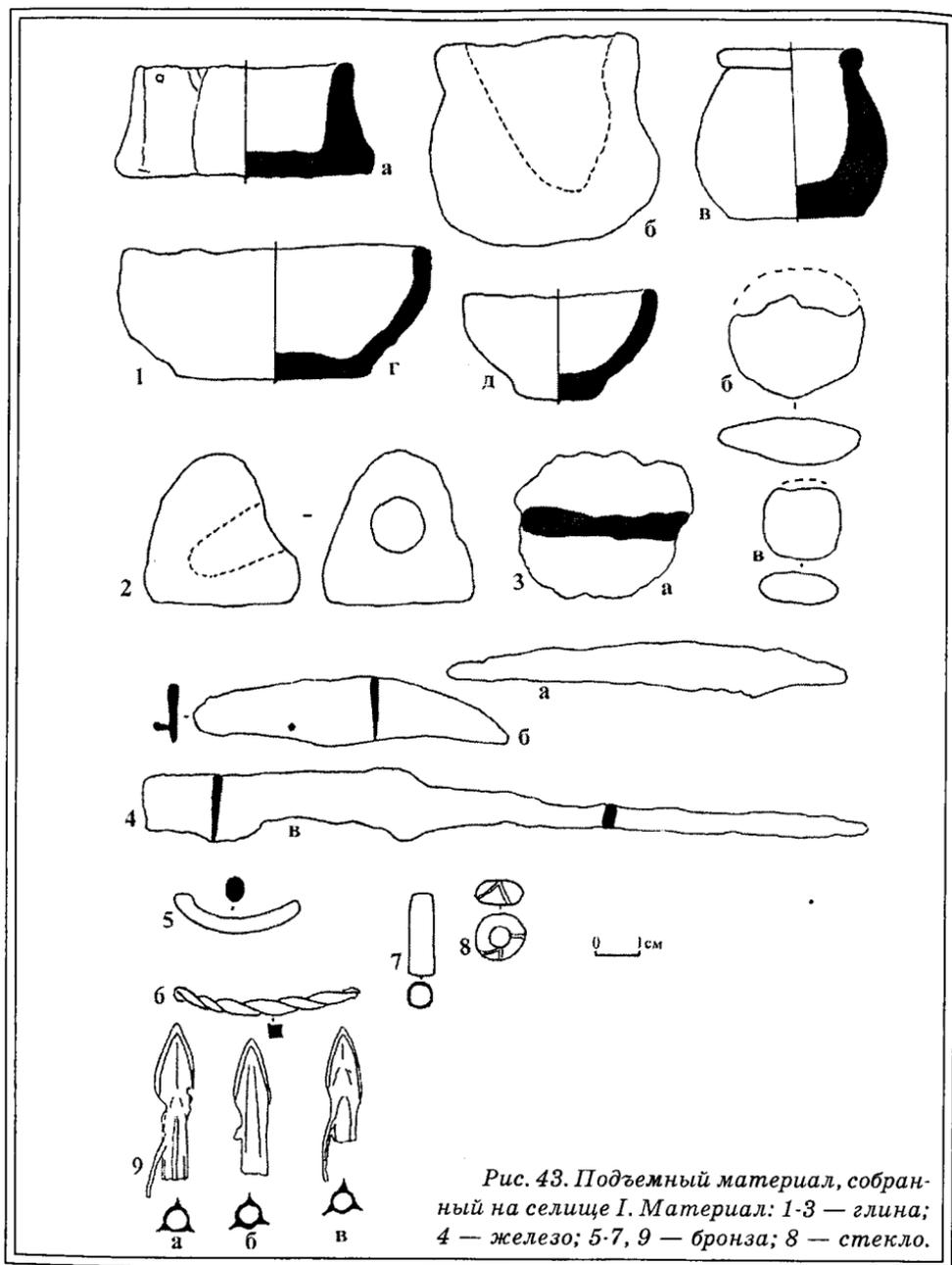

Рис. 43. Подъемный материал, собранный на селище I. Материал: 1-3 — глина; 4 — железо; 5-7, 9 — бронза; 8 — стекло.

Социальная дифференциация погребенных в Песочинском могильнике

№ п/п кургана	Высота и диаметр насыпи (м)	Погр. сооруж.		Сопутст. погребения		Погребальный инвентарь				Ограблено (о), неогр. (н)
		Тип: яма (я), склеп (с), катакомба (к)	Площадь (м ²)	человеческие	конские: кс-конь со снаряж.; к-конь без снаряж.; сн-снаряж без коня	Вооружение: наконечники стрел (с), копье (к), дротик (д), меч (м) вток (в), пластин. доспех (пд), пояс (пс), поножи (пж)	Украшения: золотые (з), серебряные (с)	Импортная посуда: амфора, включая тризны (а, а/тр), канфар, клипик (к), лекиф (л), кувшин (кв), чаша (ч)	Котел (к)	
5	3,8 (5,5) / 24	с	12,2	?	сн	172с, 2в, 1м, пд	—	—	—	о
6	4 / 25	с	7.2	—	—	38с+75 (94)с, 1к, 2д, 4 (7)в, пд, пс	з, с	—	—	н
7	5,5 / 42	с	13,3	?	кс	4с	з	а/тр	—	о
8/1	6,2 / 30	с	10,6 (14,4)	1	к. (в на- сыпе)	—	з	а,а/тр,к	—	н
8/2		с	4,5	1		24с	—	—	—	о
13	12/60	?	?	?	?	?	?	?	?	?
18/1	6,7 /	с	9,9	1	—	2д, 1в	з	а,к	к	о
18/2	46-48	с	9,2	?	—	—	з	—	—	о
33	3,9 / 34-37	с	11,8	?	—	4с, 1д?, 2в, пж	з	—	—	о
36	7 / 46- 48	с	35	?	сн?	—	—	—	—	о
2	2 / 21- 22	с	11,6	2- 3?	сн	1с	з	—	—	о
9	2,7 / 35	с	13,9	?	кс	123с+136с, 2к, 1д, 2в, 1м, пд	—	а	—	о
25	2 / 26	с	9,6	1	—	144с, 2к	з	—	—	о
29	3 / 30	с	8,7	?	—	—	з	а	—	о
32	0,8 (2) / 32-35	с	7,9	?	—	211с	з	—	—	о
11	0,3 / 9	я	3,6	—	—	1с	—	—	—	о
12	0,3 / 10	я	4	?	—	1с	—	—	—	о
14	0,25 / 9	я	2,4	—	—	2с, 2в	—	ч	—	о
16	0,6 / 14	с	3,6	—	—	40 (50)с, 2к, 2в	—	—	—	о
17	0,2 / 9	я	2,7	—	—	1к (д), 1в	—	—	—	о

№ п/п кургана	Высота и диаметр насыпи (м)	Погр. сооруж.		Сопутст. погребения			Погребальный инвентарь				Ограблено (о), неогр. (н)
		Тип: яма (я), склеп (с), катакомба (к)	Площадь (м²)	человеческие	конские: кс-конь со снаряж.; к-конь без снаряж.; сн-снаряж без коня	Вооружение: наконечники стрел (с), копье (к), дротик (д), меч (м) вток (в), пластин. доспех (пд), пояс (пс), поножи (по)	Украшения: золотые (з), серебряные (с)	Импортная посуда: амфора, включая тризны (а, а/тр), канфар, килик (к), лекиф (л), кувшин (кв), чаша (ч)	Котел (к)		
20	0,5 / 10	я	4,1	—	—	38с, 1в, 1м	—	—	—	—	о
28	0,5 / 12	к	2,7	—	—	2с	—	—	—	—	о
34	0,15 / 7	я	3,8	—	—	23с, 1в	—	—	—	—	о
10	0,8 / 16	я	5,6	—	—	—	з	—	—	—	о
19	1 (2,5) / 20	я	4,1	?	—	—	з	—	—	—	о
21	0,4 / 10	с	5	1	—	—	—	—	—	—	о
22	0,3 / 9,5	я	4,7	?	3к	—	з	л, кв	—	—	о
23	0,4 / 9	я	6,7	1	—	—	—	—	—	—	о
24	0,35 / 8	я	3,6	—	—	—	с	—	—	—	н
1	1,8 / 15-16	я	5,4	—	—	1с	—	а	—	—	о
31	0,25 / 9	я	6,9	—	—	1с	з	а/тр	—	—	о
3	1 / 16	с	3,7	—	—	—	—	—	—	—	н
4	1,7 / 16	я	3,9	—	—	—	—	—	—	—	о
15	0,2 / 8	я	3	—	—	—	—	—	—	—	о
26	0,9 / 12	я	5,3	—	—	—	—	—	—	—	о
27	0,3 / 8	я	2,9	—	—	—	—	—	—	—	о
30	0,5 / 13,5	?	—	—	—	—	—	—	—	—	о
35	0,1 / 7	я	2,5	—	—	—	—	—	—	—	о

Результаты пробирного анализа предметов из драгоценных металлов

№ п/п	№ кур гана	Наименование	Количество	Материал	Проба	Вес (гр.)	Примечание
1	2	Бляшки с изображением оленя	14	Au	450-500 - 8 шт. 600-650° - 6 шт.	19,0	
2	2	-//-	6	Au	450-500° - 5 шт. 600-650° - 1 шт.	6,75	Бляшки деформированы, с утраченными частями
3	2	-//-	6	Au	450-500° - 5 шт. 600-650° - 1 шт.	3,8	Фрагменты бляшек
4	2	-//-	1	Au	500-520°	1,0	
5	2	-//-	1	Au	-//-	0,5	Половина бляшки
6	2	Бляшки с изображением зайчика с подвесками-бутонами	3	Au	600-650°	4,7	
7	2	Бляшки с изображением зайчика или хищника (льва или грифона)	25	Au	-//-	5,85	9 бляшек-зайцев и 16 бляшек-львов
8	2	-//-	6	Au	-//-	0,7	2 бляшки-льва и мелкие фрагменты
9	2	-//-	3	Au	650° - 2 шт. 800-820° - 1 шт.	0,7	2 бляшки-зайца и 1 бляшка-лев
10	2	Подвеска-бутон маленькая	1	Au	600-650°	0,6	От бляшки-зайчика
11	2	Подвески-бутоны большие с розеткой	6	Au	-//-	11,25	
12	2	-//-	3	Au	-//-	4,0	С утраченной розеткой
13	2	-//-	4	Au	-//-	6,5	С утраченными частями
14	2	-//-	4	Au	-//-	2,4	2 розетки и подвеска из 2-х половинок
15	2	Трубочки-пронизки	60	Au	-//-	7,1	
16	2	-//-	8	Au	-//-	0,5	Фрагменты

№ п/п	№ кургана	Наименование	Количество	Материал	Проба	Вес (гр.)	Примечание
17	2	-//-	9	Au	650°	0,95	
18	2	Бляшка-пуговка	43	Au	600-650°	1,8	
19	2	-//-	1	Au	650°	0,13	
20	6	Гривна	1	Au	420-430°	118,7	
21	6	Серьга	1	Ag	900-950°	3,7	
22	6	Перстни	2	Ag	-//-	3,9	
23	7	Бляшка треугольная	1	Au	400°	0,35	
24	7	Трубочко-пронизка	1	Au	500-520°	0,15	
25	8/1	Перстни	5	Au	420-430° - 2 шт. 500-520° - 2 шт. 850-870° - 1 шт.	15,8	
26	8/1	-//-	3	Au	420-430°	7,3	
27	8/1	Бляшки с изображением мужского лица	15	Au	400°	5,4	
28	8/1	Бляшки с изображением оленя	3	Au	-//-	2,8	
29	8/1	-//-	6	Au	-//-	6,4	Отломаны уголки
30	8/1	Бляшки-пугови	12	Au	420° - 4 шт. 520° - 8 шт.	2,2	
31	8/1	-//-	4	Au	500°	0,7	
32	8/1	Серезки с подвеской в виде женской головки	2	Au	500-520°	9,5	
33	8/1	Серезки со стеклянной зооморфной подвеской	2	Au	-//-	9,35	
34	8/1	Металида	1	Au	420-430°	29,55	
35	8/1	Стленгида	1	Au	-//-	7,7	
35	8/1	Пластины со сфинксами	6	Au	-//-	13,6	
37	8/1	Пластины с менадами	1	Au	-//-	12,0	
38	8/1	-//-	1	Au	-//-	10,65	
39	8/1	-//-	1	Au	-//-	2,25	
40	8/1	-//-	1	Au	-//-	2,1	
41	8/1	Пластины со змееной богиней	2	Au	420°	11,2+ 9,7	
42	8/1	Полоски с подвесками	1	Au	400-430°	38,1	10 фрагментов в с 39 подвескам и + 11 отдельных подвесок
43	10	Бусы рубчатые	6	Au	400-450°	2,3	
44	18/1	Бляшки-пугови	10	Au	550°	1,5	
45	18/1	-//-	3	Au+бронза	?	0,2	Металл (бронза) с золотым покрытием
46	18/2	Подвески-бутоны	2	Au	550°	0,5	

№ п/п	№ кургана	Наименование	Количество	Материал	Проба	Вес (гр.)	Примечание
47	19	Пластинки прямоугольные	2	Au	530°	0,1	
48	22	Бляшки с изображением оленя	6	Au	400-430°	2,5 - 2 шт.; 1,1; 1,1; 1,2; 0,7	
49	22	Бляшка-маска с подвесками	1	Au	500-550°	2,0	
50	22	Бусины биконические	2	Au	600°	0,2	
51	22	Пластины - окантовка стеклянной бусины	1	Au	400°	1,6	
52	24	Серьги	2	Ag	960°	11,0	
53	25	Бляшки с изображением грифона	5	Au	500-550°	1,0	
54	25	-/-	3	Au	530-550° - 2 шт. 600-650° - 1 шт.	0,5	
55	25	Бляшки-пуговики	6	Au	600-650°	0,2	
56	25	Браслет	1	Au+ Fe	500-550°	16,4	Общий вес браслета
57	29	Медальон с изображением грифона	1	Au	380-400° 500-550°	0,7	
58	29	Бляшка с изображением грифона	1	Au	550°	0,2	
59	29	Бляшка-пальметка	1	Au	-/-	0,5	
60	29	Бляшки треугольные	3	Au	500°	0,4	
61	29	Трубочки-пронизки	8	Au	400° 500° 580°	0,8	
62	31	Бляшка	1	Au	550°	0,1	
63	32	Бляшка с изображением оленя	1	Au	600-650°	1,65	
64	32	Бляшки с изображением грифонов	3	Au	-/-	0,55	
65	32	Бляшка-лотос	1	Au	-/-	0,4	
66	32	Бляшки-растительные побеги	2	Au	-/-	0,35	
67	32	Бляшка восьмерковидная с изображением личины и лапы	1	Au	-/-	0,25	
68	32	Трубочки-пронизки	49	Au	500-530°	3,7	
69	33	Бляшки крестовидные из 4 розеток	6	Au	470-500° 550-570°	1,8	
70	33	Бляшки крестовидные, остролистые	2	Au	550-570°	1,0	

Результаты спектрального анализа бронзовых изделий

№ п/п	№ кургана	Предмет	№ анализа	Химические элементы															
				Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au				
1	2	псалый	1517	9,39	0,3	0,01	0,007	0,004	0,011	0,15	0,028	0,007	0,006	—	—	0,0001			
2	5	нак.стрелы	1547	0,004	0,154	0,01	0,025	0,009	0,025	0,023	0,05	0,015	—	—	—	—			
3	5	нак.стрелы	1548	1,84	>30	—	0,017	0,007	0,014	0,21	0,066	0,01	—	—	—	—			
4	5	нак.стрелы	1549	1,8	>30	—	0,01	0,003	0,011	0,25	0,026	0,012	0,01	—	—	—			
5	5	нак.стрелы	1550	4,38	0,83	—	0,007	0,002	0,01	0,088	0,026	0,005	—	—	—	—			
6	5	нак.стрелы	1551	6,38	0,588	—	0,007	0,002	0,012	0,17	0,042	0,007	0,028	—	—	—			
7	5	пронязь-замочек	1584	4,96	2,46	—	0,007	0,003	0,01	0,42	0,05	0,009	—	—	—	—			
8	5	кольцо	1592	24,62	0,94	0,01	0,007	0,001	0,021	0,553	0,089	0,008	—	0,008	—	—			
9	5	ворворка	1586	6,62	0,52	0,01	0,007	0,001	0,136	0,09	0,08	0,004	—	0,007	—	—			
10	5	ворворка	1590	9,64	0,77	—	0,008	0,001	0,026	0,12	0,23	0,009	0,066	0,007	—	—			
11	6	нак.стрелы	1557	4,04	11,32	0,01	0,011	0,002	0,014	0,083	0,10	0,005	0,044	—	—	—			
12	6	нак.стрелы	1558	5,08	4,04	—	0,007	0,003	0,012	0,023	0,075	0,007	—	—	—	—			
13	6	нак.стрелы	1559	7,65	0,67	—	0,006	0,03	0,022	0,197	0,075	0,009	0,013	—	—	—			
14	6	нак.стрелы	1582	7,31	16,04	—	0,007	0,002	0,014	0,023	0,028	0,009	0,006	—	—	—			
15	6	нак.стрелы	1583	2,6	7,54	—	0,008	0,003	0,01	0,023	0,003	0,007	—	—	—	—			
16	7	Наносник	1522	8,57	26,04	0,01	0,01	0,0007	0,009	0,10	0,04	0,013	—	0,007	—	—			
17	7	Нащеник (корпус)	1523	5,65	—	0,008	0,0002	0,018	0,117	0,026	0,017	0,006	—	0,007	0,0001	—			
18	7	Нащеник (петля)	1524	8,23	27,69	—	0,015	0,002	0,011	0,074	0,04	0,011	0,006	0,007	—	—			
19	7	Ворворка	1591	19,61	0,6	—	0,007	0,001	0,066	0,19	0,04	0,013	0,009	0,007	0,0001	—			
20	8	Зеркало	1581	20,99	0,021	—	0,008	0,0004	—	0,023	0,312	0,015	—	0,02	—	—			
21	9	нак.стрелы	1552	4,72	12,31	0,01	0,012	0,002	0,018	0,13	0,184	0,008	—	0,007	0,0001	—			
22	9	нак.стрелы	1553	3,69	11,32	—	0,008	0,002	0,009	0,077	0,026	0,007	0,042	—	—	—			
23	9	нак.стрелы	1554	0,21	3,76	0,01	0,008	0,002	—	—	0,028	0,003	0,006	—	—	—			
24	9	нак.стрелы	1555	3,23	9,64	—	0,008	0,002	0,009	0,06	0,028	0,006	0,043	—	—	—			
25	9	Наносник	1519	9,77	3,11	0,01	0,007	0,004	0,014	0,197	0,024	0,01	—	—	—	—			
26	9	Псалый	1520	5,88	0,75	—	0,008	0,001	0,011	0,11	0,025	0,013	—	0,007	0,0001	—			

Все анализы выполнены Л. П. Грубник-Буйновой в лаборатории спектрального анализа ХНУ им. В. Н. Каразина. Часть анализов была опубликована в приложении № 2 монографии А. В. Бандуровского и Ю. В. Буйнова [Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 236]. Настоящая таблица дополнена не вошедшими в эту монографию данными о анализах, информация о которых была любезно предоставлена Л. П. Грубник-Буйновой.

Харьковский частный музей городской усадьбы
Издательский Дом «Райдер»

Бабенко Л. И.

ПЕСОЧИНСКИЙ КУРГАННЫЙ
МОГИЛЬНИК СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

монография

ISBN 966-8246-21-7

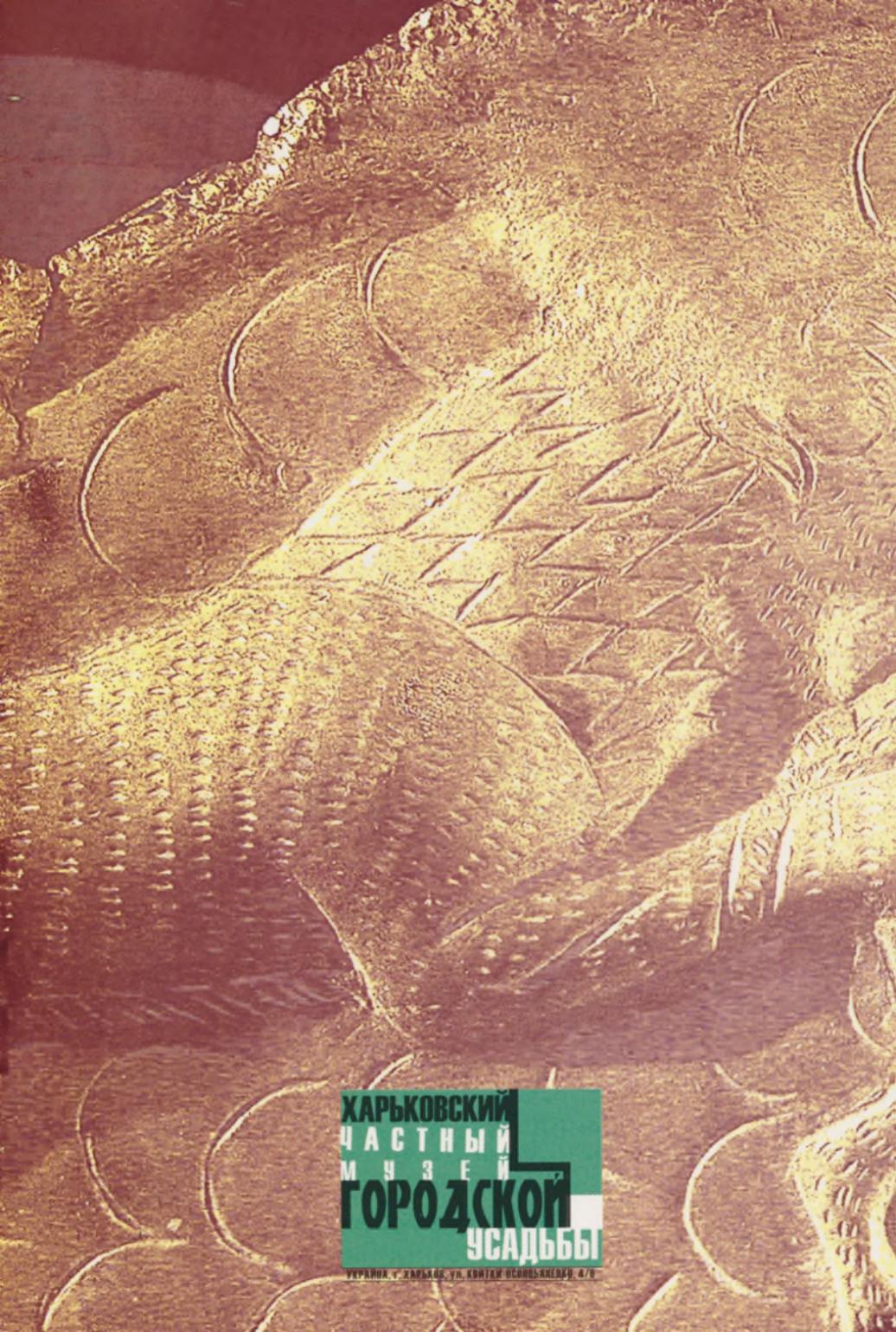
Подписано в печать 03.10.2005 г. Формат 70х90 $\frac{1}{16}$. Бумага офсет.
Гарнитура SchoolBookC. Отпечатано на ризографе. Тираж 500 экз.

ИД «Райдер», 61002, Украина, г. Харьков, ул. Артема, 4.

Тел./факс: (057) 706-39-21, 706-39-25, 706-39-62.

E-mail: info@rider.com.ua

HomePage: <http://rider.com.ua>

ХАРЬКОВСКИЙ
Ч А С Т Н Ы Й
М У З Е Й
Г О Р О Д С К О Й
У С А Д Ь Б Ы

УКРАИНА, г. ХАРЬКОВ, УЛ. КОТЛЯК ОСИПОВ-КЛЕВЦА 4/9

БАБЕНКО Л. И.

ПЕСОЧИНСКИЙ
КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК
СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

Харьковский частный музей городской усадьбы

БАБЕНКО Л. И.

**ПЕСОЧИНСКИЙ
КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК
СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ**

Издательский Дом «Райдер»

Харьков — 2005